

Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1933 гг.)

Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1933 гг.)
РАН. Ин-т рос. истории, Университет г. Торонто (Канада). - М., 2000. - 350 с. - Библиогр. в примеч. Указ.
имен: с. 345-349

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

ОТ АВТОРА

Глава первая. КУРС НА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ. НАСТУПЛЕНИЕ НА КРЕСТЬЯНСТВО

1. Мероприятия Коммунистической партии и Советского государства по усилению экономического нажима на крестьянство.
2. Хлебозаготовки 1928-1929 гг. и чрезвычайные меры.
3. Итоги наступления на зажиточную часть деревни (1927-1929 гг.).

Глава вторая. МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ В ХОДЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

1. Партия вырабатывает новую репрессивную политику в деревне (декабрь 1929 - февраль 1930 гг.).
2. Массовые репрессии в деревне в связи с коллективизацией (1930-1931 гг.).

Глава третья. СОПРОТИВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА НАСИЛИЮ И БЕЗЗАКОНИЮ В ДЕРЕВНЕ

1. Пассивные формы сопротивления.
2. Массовые крестьянские выступления.
3. Диверсионно-террористические акты в деревне против колхозов и сельских активистов (1928-1931 гг.).

Глава четвертая. "НАСТУПЛЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА" В ДЕРЕВНЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. РЕПРЕССИИ УСИЛИВАЮТСЯ (1932-1933)

1. Антикрестьянская налоговая и заготовительная политика.
2. Голод 1932-1933 гг. Новая волна репрессий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА*

Коллективизация советского сельского хозяйства была одной из величайших трагедий XX в. Результатом коллективизации, определенной и деформированной сталинизмом, стали невыразимые страдания и репрессии. Коллективизация и «ликвидация кулачества как класса» (раскулачивание) означали экспроприацию более одного миллиона крестьянских семей (5-6 млн. чел.), насильственную депортацию в отдаленные северные и малонаселенные регионы страны почти двух миллионов крестьян, гибель сотен тысяч людей и в конечном счете разрушение сельского хозяйства. В 1932 и 1933 гг. опустошающий голод последовал в результате коллективизации, потребовав миллионы крестьянских жизней и приведя к новой волне репрессий в деревне. Наследием коллективизации для национальной экономики явилось хронически ослабленное сельское хозяйство. Наследием коллективизации для большинства крестьянства стала память о мрачном периоде террора и репрессий.

Н.А.Ивницкий (1922 года рождения) является ведущим мировым авторитетом в изучении истории репрессий в советской деревне в период коллективизации, автором более 200 научных работ. Книга «Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.)» создавалась в течении длительного времени и имеет собственную историю. Н.А.Ивницкий начал свою деятельность как профессиональный историк в 1950-х годах. Еще в молодости, во время волнующей хрущевской «оттепели», когда советская история впервые была подвергнута критическому анализу и пересмотру, он был в авангарде исторической науки. В 1953 г. он защитил кандидатскую диссертацию по истории Колхозцентра СССР и РСФСР. Впоследствии он опубликовал ряд плодотворных научных работ об организационных и политических предпосылках и истории коллективизации и раскулачивания и серьезных критических обзоров источников по истории коллективизации¹. С 1954 по 1960 г., Николай Алексеевич был заместителем главного редактора исключительно важного журнала «Исторический архив», который публиковал наиболее объективные и научно значимые исторические исследования того времени. В 1971 г. он защитил докторскую диссертацию и в следующем году опубликовал новаторскую монографию по раскулачиванию². Это исследование обеспечило мировую репутацию Николая Алексеевича как ведущего специалиста в российской истории XX столетия и уважаемого историка-новатора.

В то время, как его работа получала признание и одобрение в западных научных кругах, профессиональная жизнь Н.А.Ивницкого в СССР не всегда была легкой. Его стремление к интеллектуальной целостности и исторической объективности встречало сопротивление консерваторов и сталинских традиционалистов в среде профессиональных историков уже с 1957 г.³ В годы правления Л.И.Брежнева Николай Алексеевич продолжал сталкиваться с препятствиями в своей работе. В 1971 г. он был уволен из Историко-архивного института, где преподавал по совместительству, в 1975 г. его монография стала мишенью для уничтожающей критики в журнале «Вопросы истории КПСС», следствием чего стали постоянные ядовитые нападки на него в течение следующего десятилетия. Несмотря на профессиональные трудности, Николай Алексеевич упорно продолжал свою научную работу совместно с группой смелых и талантливых коллег в Институте истории⁴. Одновременно он преподавал в Финансовом институте с 1976 до 1990 г., руководил подготовкой многочисленных кандидатских и докторских диссертаций и опубликовал ряд чрезвычайно важных исторических исследований⁵.

Новый этап в работе Н.А.Ивницкого начался в конце 1980-х годов и продолжается до сих пор. Как в 1950-е и в начале 1960-х годов, Николай Алексеевич, будучи редактором или составителем некоторых наиболее значимых сборников документов десятилетия⁶, сыграл важную роль в публикации ранее секретных документов по коллективизации и

---

* Перевод с английского М.Кудюкиной.

раскулачиванию. Он опубликовал две монографии по истории коллективизации, в том числе выдающееся исследование «Коллективизация и раскулачивание», которое стало первой научной работой по раскулачиванию, обобщившей архивные документы из фондов Политбюро и ОГПУ и раскрывшей огромную роль карательных органов в осуществлении репрессий в деревне в конце 1920-х – начале 1930-х годов⁷.

Данная работа Николая Алексеевича «Репрессивная политика Советской власти в деревне», сводящая воедино сорокалетние архивные изыскания, несомненно является образцом изучения данной проблемы. В этой книге Николай Алексеевич характеризует и анализирует политику коммунистической партии по отношению деревни, оценивает «чрезвычайные меры» в ходе хлебозаготовок в конце 20-х годов, коллективизации и раскулачивания, включая, что очень важно, голод и репрессии, сопровождавшие их. Основываясь на тщательном исследовании материалов наиболее секретных архивов бывшего Советского Союза (архив Политбюро – ныне Президентский архив, архив ФСБ), Ивницкий впервые создал всеобъемлющую историю репрессий в советской деревне в конце 20-х – начале 30-х годов.

Эта книга должна быть прочитана не только профессиональными историками, но и всеми, кто интересуется прошлым своей страны. Она рассказывает о судьбе крестьянства, находившегося под властью коммунистов, общей судьбе народов Советского Союза, учитывая их наследие, связанное с крестьянскими истоками. Для каждого, кто хочет понять историческую основу современного экономического кризиса, необходимо разобраться также и с происхождением сталинской сельскохозяйственной системы, возникшей в ходе коллективизации. Для каждого, кто стремится понять своих дедушку и бабушку, которые пережили коллективизацию, я рекомендую внимательно прочитать «Репрессивную политику Советской власти в деревне» как введение в то суровое и яростное время.

*Профессор Линн Виола
Университет г. Торонто (Канада)*

*Светлой памяти моих
родителей посвящаю*

ОТ АВТОРА

Летом 1930 г. во время исправления так называемых перегибов в коллективизации органами ОГПУ был арестован мой отец, Ивницкий Алексей Степанович, крестьянин-бедняк, одним из первых записавшийся в колхоз и обобществивший свой надел земли (другого имущества – ни лошади, ни коровы – не было). Тройка ОГПУ приговорила его к трем годам лишения свободы «за задержку звонкой монеты». Во время повальных обысков в городе и деревне у него были обнаружены 50 руб. (полтинники), накануне полученные за работу в артели инвалидов сл. Вейделевки того же района Острогожского округа (ЦЧО). Несмотря на представленные справки о полученных деньгах в «звонкой монете», отец был осужден по ст. 58 и отправлен на строительство Беломорско-Балтийского канала ОГПУ.

Мать моя, Ивницкая Екатерина Павловна, осталась с двумя малолетними детьми – мне шел восьмой год, брату было шесть лет. Без средств существования она вынуждена была через некоторое время вернуться с детьми в родные края, где родилась и где жили ее сестры (х. Гнилуша Буденновского района Острогожского округа). Это тяжелое время в моей детской памяти отчетливо запечатлелось: и коллективизация, и раскулачивание, и особенно голод 1932/33 г. Но если при раскулачивании я видел слёзы и горе соседей-крестьян, которых вместе с детьми высылали на Соловки (в Северный край), а нашей семьи это непосредственно не коснулось, то голодных и умирающих людей (в том числе бежавших из Украины) я не только видел, но и сам испытал это горе полной мерой. Весной 1933 г. вся наша семья опухла от голода, есть было нечего, не осталось еды и у родственников, которые первоначально нам помогали. Мать положили в больницу (ст. Бирюч), а нас с братом взяли сестры матери.

И неизвестно (скорее – известно!) чем бы это кончилось, если бы в июне 1933 г. не вернулся из заключения наш отец и, устроившись пекарем в совхозе «Викторополь» Вейделевского района, не забрал нас.

Может быть, это отступление объяснит, почему мои научные интересы связаны с историей крестьянства 20-х и 30-х годов, которой я занимаюсь уже в течение полувека.

Но не только личные воспоминания о пережитом тяжелом времени явились причиной написания работы о репрессивной политике Советской власти в деревне в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Изучение материалов секретного кремлевского Архива Политбюро ЦК КПСС в начале 60-х годов и документов ОГПУ, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и в Центральном архиве ФСБ в 90-х годах, где мне пришлось работать в связи с участием в международном научном проекте: «Трагедия советской деревни», утвердили меня в мысли о необходимости написать работу обобщающего характера о репрессиях в деревне в годы «великого перелома».

Необходимо это сделать как во имя восстановления исторической правды об антикрестьянской политике сталинского партийно-государственного руководства, так и во имя памяти тех, кто безвинно погиб в эти страшные годы.

Конечно, в последнее время уже немало сделано для правдивого освещения этого периода, в том числе и репрессий 30-х годов. Опубликован ряд статей, целиком или частично посвященных репрессиям в 30-х годах, в том числе и деревне (М.А.Вылцана, В.П.Данилова, И.Е.Зеленина, В.Н.Земскова, Н.А.Ивницкого, В.В.Кондрашина, С.В.Кульчицкого, Е.И.Осколкова, В.Осипова и Тулепбаева, В.П.Попова, О.В.Хлевнюка и др.). Изданы монографии, касающиеся в той или иной степени репрессий в деревне. Так, в 1991 г. были опубликованы книги С.В.Кульчицкого «Цена “великого перелома”» и Е.Н.Осколкова «Голод 1932/1933», в 1993 г. – В.Я.Шашкова «Спецпереселенцы на Мурмане», в 1994 и в 1996 гг. – Н.А.Ивницкого «Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)», в 1996 г. –

О.В.Хлевнюка «Политбюро. Механизмы политической власти», в том же году опубликован коллективный труд «Судьбы российского крестьянства».

Можно по-разному оценивать значение этих работ, но несомненно одно: все они написаны с новых позиций, в них привлечены новые источники, в том числе и ранее недоступные, сделаны новые выводы.

Произошли некоторые изменения в освещении проблем истории советской деревни в 30-е годы и в зарубежной историографии. Исследования зарубежных ученых всё больше стали опираться не только на печатные источники, но и на неопубликованные, хранящиеся в архивах России, Украины и других бывших советских республик. Хотелось бы в этой связи отметить работы Л.Виолы, Р.Джонсона, Дж.Харриса П.Соломона (Канада), Ш.Фицпатрик, Р.Маннинг, М.Таугера, Д.Пеннер, С.Максудова, Г.Алексополос, Т.Мартина (США), Ш.Мерля (ФРГ), А.Грациози (Италия), С.Уиткрофта (Австралия), Ю.Таниучи (Япония), Р.Дэвиса (Англия) и других ученых, в которых используется конкретно-исторический материал о коллективизации, раскулачивании, спецпереселенцах, «лишенцах» не только архивов Москвы, но и Украины, Северного Кавказа, Урала, Сибири и других регионов.

Одним из достижений исторической науки 90-х годов является публикация источников из ранее недоступных для исследователей архивных фондов и архивов. Наибольший интерес для нас представляют публикации по истории советского крестьянства и в особенности за вторую половину 20-х – первую половину 30-х годов.

Начало новому этапу в издании источников положил изданный в 1989 г. сборник «Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг.», в котором составители попытались отойти от старых стереотипов и по-новому оценить события того времени.

Благодаря рассекречиванию некоторых фондов государственных, ведомственных и бывших партийных архивов стала возможной публикация материалов о репрессиях в 30-х годах как в периодической печати, так и в тематических сборниках документов.

В числе их следует назвать «Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 г.» (1991 г.) и «ГУЛАГ в Карелии. 1930–1941 гг.» (1992 г.), «Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г.» (1992 г.), «Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г.» (1993 г.), а также два других выпуска документов с таким же названием за 1933–1938 гг. (1994 г.) и 1939–1945 гг. (1996 г.). В 1997 г. в Сыктывкаре вышел сборник материалов сплошного обследования «Спецпоселки в Коми области». На Украине в эти годы изданы сборники документов и материалов «Голод 1932–1933 годов на Украине: глазами историков, языком документов» (1990 г.) и «Коллективизация и голод на Украине. 1929–1933 гг.» (1992 г.), а также «Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине» (1997 г.). В Екатеринбурге в 1993 г. был издан сборник документов «Раскулаченные – спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.)». В 1998 г. началось издание многотомной документальной серии «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД (1918–1939)» тогда же был опубликован в Твери сборник документов «От ЧК до ФСБ (1918–1998)». И, конечно, крупным явлением в изучении истории советской деревни 20-х – 30-х годов XX века, наряду с вышеупомянутой серией документов ВЧК-ОГПУ-НКВД, явилось издание 5-томной серии документов и материалов «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939», первый том которого (1927–1929 гг.) вышел в свет в 1999 г. В этой связи наряду с названными выше многотомными сериями укажем на вышедший в 1996 г. в Италии на русском и итальянском языках сборник документов «Красная Армия и коллективизация деревни (1928–1933 гг.)». Таким образом, в последние годы все большее распространение получают международные научные проекты по изданию архивных материалов с участием научных и учебных учреждений США, Канады, Франции, Австралии, Англии, Италии и других стран.

Как видим, создается необходимая научно-историческая и источник-археографическая база для написания обобщающего труда о репрессивной политике Советского государства на рубеже 20-х и 30-х годов. Опираясь на исследования других ученых и свои собственные, на опубликованные и, главным образом, на впервые вводимые в научный оборот архивные

источники, автор попытался исследовать в комплексе репрессивную политику Советской власти в переломный период истории деревни.

Не ставя перед собой задачу дать подробную характеристику архивных материалов, использованных при написании монографии, поскольку анализ их в определенной мере содержится в тексте, остановимся кратко только на некоторых вопросах.

Во-первых, в общедоступных архивах (Российском государственном архиве социально-политической истории – РГАСПИ, Российском государственном архиве экономики – РГАЭ и Государственном архиве Российской Федерации – ГАРФ) обращалось внимание прежде всего на секретные материалы или материалы ограниченного пользования, которые раньше не выдавались исследователям или выдавались с большими ограничениями. Это – фонды ОГПУ, НКВД, секретные части фондов ЦИК и СНК СССР, Наркомюста, Прокуратуры – в ГАРФе; Наркомзема, Наркомфина и ЦСУ – в РГАЭ; материалы пленумов и Политбюро ЦК ВКП(б), фонды И.В.Сталина, Г.К.Орджоникидзе, М.И.Калинина и др. – в РГАСПИ.

И, конечно, широко использовались материалы бывшего кремлевского Архива Политбюро ЦК КПСС за 1927–1934 гг. (ныне Президентский архив), а также документы ЦА ФСБ, выявленные, как уже отмечалось, в связи с подготовкой первых двух томов (1928–1930 гг.) документальной серии «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание (1927–1939 гг.)» и в связи с написанием данной монографии (материалы за 1931–1933 гг.).

Во-вторых, при анализе источников особое внимание обращалось на подготовительные материалы к заседаниям пленумов и Политбюро ЦК (предложения специальных комиссий и подкомиссий при подготовке проектов постановлений, записки и поправки членов ЦК и Политбюро, резолюции и т.п.). Это же относится и к материалам СНК СССР, ОГПУ и других партийных и советских органов. Анализ подготовительных материалов позволял выяснить не только механизм выработки тех или иных мероприятий, но и роль отдельных членов партийно-государственного руководства в подготовке партийных и государственных документов.

В-третьих, поскольку некоторые документы содержали различные, а иногда и противоречивые сведения, приходилось сопоставлять их, выяснять происхождение, источники и принципы их составления и только после этого принимать содержащиеся в документах данные. В этой связи большое внимание обращалось на авторство документа, его стиль и содержание. Благодаря чему было установлено авторство Сталина директив ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 22 января 1933 г. о борьбе с бегством крестьян из голодающих Украины и Северного Кавказа, инструкции ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г. о репрессиях в деревне и разгрузке тюрем и др. (бывш. Архив Политбюро ЦК КПСС).

В-четвертых, в фондах Сталина, Калинина, Орджоникидзе, а также в материалах ОГПУ в ГАРФе и ЦА ФСБ обращалось внимание на документы, исходившие от самих крестьян (письма, жалобы, телеграммы, высказывания), в которых они выражали свое отношение к политике Советской власти и ее представителей на местах, к насилию и репрессиям в деревне.

Всё это, как нам представляется, позволило дать приближенно объективную картину того, что происходило в деревне в конце 20-х – начале 30-х годов.

* * *

Автор выражает свою признательность бывшему заместителю заведующего кремлевского Архива Политбюро ЦК КПСС Н.Незлобину, сотрудникам Федеральной службы безопасности Российской Федерации Н.Воякиной, Т.Гольшкиной, А.Николаеву и С.Трепыхалиной за помощь в выявлении архивных источников для написания монографии.

Глава первая

КУРС НА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ. НАСТУПЛЕНИЕ НА КРЕСТЬЯНСТВО

§ 1. Мероприятия Коммунистической партии и Советского государства по усилению экономического нажима на крестьянство

Состоявшийся в декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) большое внимание уделил вопросам развития сельского хозяйства. Отметив низкий уровень его развития, съезд в резолюциях и по отчету Центрального Комитета, с которым выступил И.В.Сталин, и по докладу В.М.Молотова «О работе в деревне», поставил в качестве первоочередной задачи обеспечить «на основе дальнейшего кооперирования крестьянства постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства (коллективная обработка земли на основе интенсификации и механизации земледелия), всемерно поддерживая и поощряя ростки обобщественного сельскохозяйственного труда»¹. Подчеркивалось также, что кооперирование крестьянских хозяйств будет осуществляться «как через процесс обращения, так и всё больше и через реорганизацию и объединение самого производства – в крупное общественное хозяйство на основе новой техники (электрификация и т.д.)». При этом подчеркивалось, что переход к крупному коллективному хозяйству «может происходить только при согласии на это со стороны трудящихся крестьян»². Темпы коллективизации, а тем более сроки ее окончания в постановлениях съезда не устанавливались.

В целях содействия колхозному строительству и подъему сельского хозяйства вообще съезд партии предусматривал ряд мероприятий, в том числе государственно-планового регулирования развития сельского хозяйства через посредство контрактации, сельхозкредита, машиностроения. Большое значение придавалось развитию и укреплению кооперации как потребительской и кустарно-промысловой, так и в особенности сельскохозяйственной, имея в виду вовлечение в нее всей бедноты и большинства середняков. Этим же задачам были подчинены и другие мероприятия: налоговая политика, землепользование и землеустройство, культурно-просветительная работа, укрепление обществ крестьянской взаимопомощи, соблюдение законодательства о наемном труде в сельском хозяйстве и другие. «Вся *политика* пролетарского государства, – говорилось в резолюции XV съезда ВКП(б) «О работе в деревне», – финансовая, налоговая, кредитная, экономическая политика вообще направлена к тому, чтобы поддерживать всеми доступными мерами бедняцкие и середняцкие слои деревни и – в зависимости от условий – по-разному ограничивать эксплуататорские стремления сельскохозяйственной буржуазии»³.

Политика ограничения и вытеснения кулачества, а также зажиточной части крестьянства, начала проводиться еще со времени VIII съезда партии (1919 г.). В Программе РКП(б), принятой съездом, указывалось, что политика партии по отношению к кулакам заключается «в решительной борьбе против их эксплуататорских поползновений, в подавлении их сопротивления советской политике»⁴.

После окончания гражданской войны в связи с провозглашением новой экономической политики Советская власть считала возможным допустить свободу предпринимательства и торговли, использование хозяйственного опыта кулачества и зажиточной части крестьянства для восстановления и развития сельского хозяйства. Однако и в то время лозунг ограничения кулачества не снимался. В.И.Ленин в письме в Политбюро ЦК РКП(б) о тезисах Е.А.Преображенского «Основные принципы политики РКП в современной деревне» 16 марта 1922 г. писал: «...ввиду преобладающей важности подъема сельского хозяйства и увеличения его продуктов, в данный момент политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена главным образом на *ограничение* его эксплуататорских стремлений и т.д.»⁵.

Особенно ужесточилась эта политика после XV съезда партии, который, поставив в числе одной из задач решительное наступление на кулачество, считал необходимым «принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму»⁶.

Мероприятия советского партийно-государственного руководства в 1927–1929 гг. были направлены на переход в ближайшем будущем к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества. Весной 1928 г. Наркомзем и Колхозцентр РСФСР составили проект пятилетнего плана по коллективизации крестьянских хозяйств, согласно которому к концу пятилетки, т.е. к 1933 г. предполагалось объединить в колхозах 1,1 млн. хозяйств (около 4%). Проект пятилетнего плана, разработанный Союзом союзов сельскохозяйственной кооперации летом 1928 г., предусматривал коллективизацию уже 3 млн. хозяйств (12%). А в утвержденном весной 1929 г. пятилетнем плане предусматривалась коллективизация 4-4,5 млн. крестьянских хозяйств (16-18%).

Развертывание коллективизации означало, помимо всего прочего, дальнейшее наступление на кулачество и зажиточную часть крестьянства. Наступление шло по всем линиям. В области землепользования и землеустройства XV съезд ВКП(б) предлагал проводить такую политику, которая вела бы к постепенному сокращению площади земли, сдаваемой в аренду «в тех районах, где аренда земли ведет к росту кулацких элементов»⁷. Срок аренды ограничивался сроком одного севооборота, но не более 6 лет. Категорически запрещалось нарушать закон о сдаче земли крестьян в аренду. Государственные фондовые земли разрешалось сдавать в аренду, главным образом, бедняцко-середняцким хозяйствам. Одновременно с этим XV съезд предлагал всемерно содействовать развитию таких форм землепользования, которые способствовали бы кооперированию сельского хозяйства (поселки, выселки и т.п.), «ограничив практику выделения на отруба и особенно хутора и совершенно прекратив их в тех случаях, где они ведут к росту кулацких элементов»⁸.

Во исполнение этих указаний был принят ряд законодательных и других документов, ограничивающих кулацкое землепользование. Так, вскоре после съезда, 24 марта 1928 г. Коллегия высшего контроля по земельным спорам при ВЦИК приняла постановление «О землепользовании лиц, существующих на нетрудовые заработки», установив, что землепользователи, для которых доход от нетрудовых занятий является основным и вполне достаточным источником существования, не принадлежат больше к составу трудового земледельческого населения, поэтому не имеют права пользоваться землей. Излишки земель изымались у кулаков и передавались беднякам.

15 декабря 1928 г. 4-я сессия IV созыва ЦИК СССР приняла общесоюзный закон о земле «Общие начала землепользования и землеустройства»⁹. Основным содержанием закона являлось содействие коллективным, общественным формам хозяйства, защита интересов бедняцко-середняцких хозяйств в земельных отношениях и ограничение землепользования кулацких хозяйств. Закон предоставлял преимущественное право на получение земли сельскохозяйственным коллективам, а также бедняцким и маломощным середняцким хозяйствам. Такие же права получали они в отношении лучших и более удобно расположенных земель (п. 8). Что касается лиц, лишенных избирательных прав, то им земля выделялась в последнюю очередь.

В законе подчеркивалось, что перераспределение земли между землепользователями допускается: а) в обществах с общим порядком землепользования только в сроки, установленные специальным законодательством;

б) в отношении хозяйств с иным порядком землепользования и в отношении хозяйств, не входящих в земельные общества, – а также досрочные пределы земли в обществах с общим порядком землепользования допускались лишь в случаях: землеустройства, перехода к улучшенным формам хозяйства, необходимостью борьбы с кулачеством^{*}, изъятия земли для государственных и общественных потребностей (п. 14).

---

* Подчеркнуто мною. – Авт.

Следовательно, порядок землепользования носил ярко выраженный антикулацкий характер, он был направлен на ограничение и вытеснение кулацких хозяйств.

Этой же идеей были проникнуты и другие разделы закона о земле. Определяя назначение землеустройства, закон подчеркивал, что оно «должно способствовать общему подъему сельского хозяйства, кооперированию и коллективизации его» (п. 15). Проводится оно по решению как самих землеустроителей, так и органов власти; причем обязательное землеустройство допускается в порядке, определяемом законодательством союзных республик, «для ограничений захватнических стремлений кулаков»^{*}, упорядочения запутанных земельно-хозяйственных отношений, выделения переселенческого фонда (п. 16).

Специальные разделы (V и VI) определяли меры поощрения коллективных и других общественных форм землепользования, а также совхозов. Для них предоставлялся ряд льгот в кредитовании, снабжении сельскохозяйственными машинами и орудиями, при наделении земель и проведении землеустройства и т.п.

«Общие начала землепользования и землеустройства» устанавливали строгий порядок аренды земли, при котором не допускалась сдача земли в аренду кулацким хозяйствам. В случае, если такая сделка будет заключена, то сельсоветы должны отказывать в регистрации договора, а земля постановлением земельно-судебных органов должна изыматься.

Использование наемного труда ограничивалось специальным законодательством. Как известно, XV съезд ВКП(б) дал установку следить за тем, «чтобы неуклонно проводился в жизнь кодекс труда в отношении сельскохозяйственных рабочих и работниц в хозяйствах кулацкого типа»¹⁰, привлекая нарушителей кодекса к строжайшей ответственности. В законе «Общие начала землепользования...» указывалось, что наемный труд в крестьянских хозяйствах допускается при условии, что трудоспособные члены хозяйства принимают участие в работе, а наемный труд имеет лишь подсобное значение. Этот указание имело своей целью сузить масштабы применения наемного труда прежде всего зажиточными хозяйствами. Не случайно закон предусматривал строгий контроль за этим как со стороны Инспекции труда, так и сельских Советов.

Закон регламентировал взаимоотношение земельных обществ и сельских Советов. Он, в частности, предоставлял право сельсоветам приостанавливать или отменять те решения общих собраний (сходов) земельных обществ, которые противоречили законам и распоряжениям высших органов или нарушают интересы бедноты. Хотя членами земельных обществ могут быть все члены крестьянских хозяйств, в том числе и кулацких, а также лица, не входящие в состав дворов, образующих общества, но участвующие своим трудом в сельском хозяйстве данного общества (батраки, пастухи, кузнецы и др.), однако кулаки и лица, лишенные избирательных прав в Советы, не имели права решающего голоса и не могли быть избраны в выборные органы земельного общества. Специальным примечанием оговаривалось, что члены земельного общества, не достигшие совершеннолетия, но являющиеся самостоятельными домохозяевами, «признаются полноправными членами общества, если их хозяйства не являются кулацкими» (п. 49).

В дальнейшем, по мере усиления наступления на кулачество, и принимая во внимание лишение кулачества права голоса в земельных обществах, ЦК ВКП(б) постановлением от 27 июня 1929 г. «Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации» лишил права голоса во всех видах кооперации кулаков и нетрудовых элементов, лишенных избирательных прав при выборах в Советы¹¹.

Таким образом, для наиболее дееспособной и опытной части деревни была закрыта дорога не только в Советы, но и в органы управления колхозно-кооперативной системы. Больше того, кулачество юридически лишалось возможности активно участвовать в деятельности земельных обществ, кооперации и других общественных организаций в деревне.

Задаче ограничения и вытеснения зажиточных слоев крестьянства была подчинена и налоговая политика. Еще в 1923 г. XII съезд партии указывал: «Наше законодательство (в первую очередь налоговое) должно учитывать классовые деления в деревне, соответственно

возлагая экономические тяготы на наиболее зажиточные хозяйства»¹². XV съезд партии поручил ЦК ВКП(б) разработать мероприятия по наиболее полному прогрессивно-подходящему обложению. Единый сельхозналог на 1927/28 г. был построен таким образом, чтобы было достигнуто дальнейшее увеличение количества освобожденных от налога бедняцких хозяйств, усиление льгот колхозам и увеличение обложения зажиточных хозяйств. Об усилении обложения крепких середняцких и зажиточных слоев деревни в 1927/28 году свидетельствуют следующие данные: (табл. 1).

Как видим, наиболее зажиточная часть крестьянства, составлявшая 5,96% общего числа всех хозяйств, уплачивала 32,69% всей суммы сельхозналога, крепкие середняки (19,45%) – 33,55%, а бедняцкие и маломощные середняцкие хозяйства, составлявшие почти три четверти всех крестьянских хозяйств должны были уплачивать треть общей суммы налога. Это значит, что на наиболее состоятельную часть крестьянства, составлявшую 25% хозяйств, приходилось более 66% сельхозналога.

В то же время резко увеличились льготы колхозам с целью привлечения туда единоличников. Только за счет снижения размеров обложения колхозов (по доходу не выше среднего дохода на едока по единоличным крестьянским хозяйствам) им фактически предоставлялась дополнительная скидка в 20-25%. А поскольку в колхозах в 1927/28 г. приходилось посева больше на едока чем в единоличном хозяйстве (1 десятин против 0,7 дес.) потому и средний доход на едока был выше чем у единоличников (57,5 руб. против 47 руб., т.е. на 23%). А так как налог с колхозов исчислялся из среднего дохода на едока по всем крестьянским хозяйствам, то общий размер скидок с колхозов составлял 48-50%¹³.

Таблица 1

Группы по размерам дохода на хозяйство	В % к итогу		
	Число хозяйств	Облагаемый доход	Исчисленная сумма сельхозналога
До 150 руб.	33,16	12,78	5,85
от 150 до 300 руб.	41,43	38,55	27,19
" 300 " 500 "	19,45	31,05	33,55
" 500 " 700 "	4,1	10,06	15,71
Свыше 700 "	1,86	7,56	16,98
	100	100	100

Источник: Залесский М.Я. Налоговая политика Советского государства в деревне. М., 1940. С. 74.

В связи с кризисом хлебазаготовок (специально об этом дальше) апрельский (1928 г.) пленум ЦК ВКП(б) поставил задачу извлечения «части деревенских накоплений в денежной форме, под углом зрения обложения верхних слоев деревни – с одной стороны, и производительного применения значительной части извлеченных средств в самой деревне – с другой (заём укрепления крестьянского хозяйства; закон о самообложении; жесткая дисциплина в сроках взыскания платежей и т.д.)»¹⁴.

Исходя из этих указаний, на местах стали широко применяться методы администрирования, насилия и репрессий. Массовый характер получили описи имущества крестьян – недоимщиков, привлечение к индивидуальному обложению середняцких и даже бедняцких хозяйств. В обзоре ОГПУ о политическом состоянии СССР (1928 г.) говорится, что во многих районах Северного Кавказа, Сибири, Центральной России «зарегистрировано значительное число случаев, когда при описи имущества неплательщиков (сельхозналога. – Авт.) не соблюден классовый принцип». Так, по Усть-Лабинскому району (Северный Кавказ) «из описанных хозяйств большинство оказалось середняцких, маломощных и бедняцких»¹⁵. В станице Ладожской, например, за два дня было описано 212 хозяйств недоимщиков первого срока, в том числе: 100 середняцких, 27 маломощных и 70 бедняцких хозяйств (из них 59 безлошадных). В число таких хозяйств попало хозяйство бедняка – красного партизана, имевшего недоимки 14 руб. 80 коп. В виду отсутствия в хозяйстве инвентаря была описана

* Подчеркнуто мною. – Авт.

изба. Примерно такое же положение было в станицах Восточной и Ново-Лабинской в названном выше районе Северо-Кавказского края.

В Рыбинской волости Ярославской губернии из 312 хозяйств, индивидуально обложенных, 259 оказались беднячко-середнячками. В Балахнинском районе Красноярского округа (Сибирь) из 480 индивидуально обложенных хозяйств бедняцких и середняцких оказалось 340; в Сургатском районе Омского округа из 640 хозяйств, привлеченных к индивидуальному обложению, 412 было неправильно обложено. В целом же по Сибири в числе индивидуально обложенных налогом 64% хозяйств оказались беднячко-середнячками.

На Украине отмечались многочисленные случаи применения угроз, насилия и репрессий по отношению к крестьянам в связи с взысканием налоговых платежей. В Херсонском округе Березниговатский райисполком в феврале 1928 г. дал директиву председателям сельсоветов: «Произвести повальную опись имущества неплательщиков налога, не исключая и бедноты».

В Зиновьевском округе выехавшие для проведения показательного суда над неплательщиками налога с. Никольское нарсудья и председатель райкома партии, пьяные, арестовали 23 крестьянина, в том числе 21 бедняка и заявили крестьянам: «Будем пить вашу кровь и на автомобилях кататься».

В Волынском округе широко практиковались аресты выступавших против самообложения, которое в размере 35% сельхозналога взыскивалось с крестьян.

В Мелитопольском округе в ряде сёл избивались крестьяне, отказавшиеся от подписки на заем¹⁶.

В ряде волостей Татарики при сборе единого сельхозналога составлялись описи имущества, а также применялись методы запугивания арестом неплательщиков из бедняков и маломощных середняков. В Чистопольском кантоне (с. Сарсасак) членом волисполкома за неуплату сельхозналога было описано 5 пуд. хлеба у вдовы-беднячки, муж которой был расстрелян белогвардейцами.

В Пензенской губернии, в с. Пензятке Саранского уезда уполномоченный уездного исполкома у беднячки описал всё имущество вплоть до подушек, применяя при этом оружие¹⁷.

В Сибири «за укрытие объектов обложения» было оштрафовано 24964 хозяйства, значительная часть которых являлась середняками и бедняками. Крестьяне вынуждены были скрывать часть посевов и скота, чтобы не попасть под индивидуальное обложение.

Согласно «Положению о едином сельскохозяйственном налоге» (ст. 28) индивидуальному обложению подлежали те единоличные хозяйства, которые выделяются из общей крестьянской массы «своей доходностью и притом нетрудовым характером своих доходов». В этом случае они облагались «не по нормам, а на основании общих сведений», имеющихся у местных налоговых органов.

Основания, по которым крестьянские хозяйства должны были облагаться в индивидуальном порядке, сводились к следующему:

а) если члены двора занимаются скупкой с целью перепродажи, торговлей или ростовщичеством;

б) если в хозяйстве или в промысле систематически применяется наемный труд;

в) если в хозяйстве имеется: мельница, маслобойка, просорушка, волночесалка, шерстобитка, терочное заведение, картофельная, плодовая или овощная сушилка или другое промышленное предприятие – при условии применения в перечисленных предприятиях механических двигателей или наемного труда, а также если в хозяйстве имеется ветряная или водяная мельница с двумя и более поставами;

г) если хозяйство сдает внаем постоянно или на сезон отдельные оборудованные помещения под жильё или под торговое либо промышленное предприятие¹⁸.

Правда, краевым и губернским исполнительным комитетам, а на Украине, в Белоруссии, Туркмении и Узбекистане – окружным исполнительным комитетам предоставлялось право вносить необходимые изменения в перечень признаков для обложения в индивидуальном порядке, оформленные соответствующим постановлением. Эта оговорка давала право местным органам власти расширять или изменять признаки кулацких хозяйств, подлежавших индивидуальному обложению, а поскольку центр требовал более полного выявления таких

хозяйств, то индивидуально облагались не только все кулацкие хозяйства, но и часть середняцких и даже бедняцких.

Особенно наглядно это проявилось в 1928/29 г. Максимальная ставка обложения для хозяйств, отнесенных к кулацким, была повышена с 25 до 30%, для зажиточной части крестьянства вводилась надбавка к налогу в 5-25%. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 21 апреля 1928 г. «О едином сельскохозяйственном налоге» наиболее богатая часть деревни подлежала обложению не по нормам, а в индивидуальном порядке. Всего было обложено 890 тыс. хозяйств. Система индивидуального обложения не только сдерживала рост накоплений, но в ряде случаев вела к экспроприации зажиточных хозяйств. Обращает на себя внимание тот факт, что даже по официальным данным, максимальная численность кулацких хозяйств в 1927 г. достигала 896 тыс., т.е. 3,9% общего числа крестьянских хозяйств, а в 1929 г. она сократилась до 2,3% или примерно до 600 тыс. Это значит, что облагались в индивидуальном порядке не только «наиболее богатые кулаки», но и зажиточная часть крестьянства и даже середняки.

В 1928/29 г. было достигнуто дальнейшее усиление экономического нажима на зажиточную часть деревни. Так, по данным исчисления налога по РСФСР, крестьянские хозяйства с доходом более 400 руб., составлявшие 15,88%, уплачивали 60,03% общей суммы налога против 46,21% в 1927/28 г.¹⁹ Произошло это, помимо всего прочего, также за счет «более полного учета доходов от второстепенных источников и неземледельческих заработков». Облагаемый доход (по СССР) по всем видам источников в 1928/29 г. по сравнению с 1927/28 г. вырос на 13,7%, а по второстепенным и неземледельческим источникам на 82,7%.

О резком росте налогового обложения в деревне в 1929/29 г. свидетельствуют следующие данные: если в 1926/27 г. одно кулацкое хозяйство уплачивало в среднем 100 руб. 77 коп. сельхозналога, то в 1928/29 г. – 267 руб. 45 коп., т.е. в 2,7 раза больше. За это же время средний размер налога на одно середняцкое хозяйство вырос в 1,6 раза – с 17 руб. 77 коп. до 23 руб. 60 коп.²⁰

В.Г.Яковенко (председатель земельной и избирательной комиссии приемной М.И.Калинина), бывший нарком земледелия РСФСР (1922–1923 гг.) после поездки в июне – августе 1928 г. в деревни Тасеевского и Рождественского районов Канского округа (Сибирь) писал в Политбюро ЦК ВКП(б) Сталину: «У мужиков преобладает мнение, что Советская власть не хочет, чтобы мужик сносно жил. Мужики рассматривают пункт «а» ст 27 как некоторый окрик: «Не лезь вперед», ибо, начиная с доходности в 400 рублей в год на двор, налоговые комиссии могут от 5 до 25% прибавить к доходу крестьянина и соответственно увеличить налог, а 28 статью уже рассматривают, как прямое наказание для ушедшего вперед»²¹.

Далее В.Г.Яковенко приводит конкретные примеры того, как крестьяне разорялись налогами по ст 28: «Юдин занимался культурой – получал премии на выставках подряд три года, а теперь остался в чужом доме и без коня». (Юдины – это крестьянская семья около 20-ти душ, которая перестраивала своё хозяйство по последнему слову науки. В 1925–1926 г. он освобождался от сельхозналога, получал на с.х. выставках премии за хороший скот и за полевые культуры)²².

Под индивидуальное обложение попали и другие крестьяне: красные партизаны Л.Бурмакин (дер. Колон), Д.Тараканов (с. Тасеево) и др., хозяйства которых были разорены белыми во время гражданской войны. Восстановив его, они вновь были разорены Советской властью. На вопрос В.Г.Яковенко почему эти и другие крестьяне, ничем не отличавшиеся от своих односельчан, попали в число кулаков, председатель комитета крестьянской взаимопомощи бывший партизан Н.Малышев ответил: «Так что же мы будем делать, когда у нас лучших нет, а нам приказано свыше, что в Тасеево должно быть обязательно 10 кулаков». В дер. Колоне к кулакам было отнесено 10-12% хозяйств и т.д.²³.

М.И.Калинин, характеризуя классовый принцип сельскохозяйственного налога на 1928/29 г., говорил, что «сельскохозяйственный налог является в наших руках одним из важнейших инструментов для изменения социально-экономической структуры крестьянства:

мы облагаем верхушку по принципу подоходной прогрессии, не давая возрастать... Ослабляя верхушечную часть деревни, мы поддерживаем и поднимаем крестьянские низы»²⁴.

Сельхозналог являлся не только средством создания государственных накоплений (в 1928/29 г. общая сумма сельхозналога составила 425 млн. руб.), но и орудием ограничения и разорения зажиточной части деревни²⁵.

Кроме сельскохозяйственного налога крестьяне уплачивали самообложение и другие платежи. Хотя самообложение должно было идти на местные нужды (благоустройство сел, дорожное строительство, школы и т.п.), фактически по решению вышестоящих органов этот принцип нарушался. Заместитель наркома рабоче-крестьянской инспекции Д.З.Лебедь и заместитель наркома финансов СССР М.И.Фрумкин 18 августа 1928 г. писали в Политбюро ЦК ВКП(б): «На проведении самообложения крестьянства в 1927–1928 году отразились особые условия хлебозаготовительной кампании, придавшие этому мероприятию чрезвычайный характер со всеми недочетами, сопровождавшими хлебозаготовительную работу, почему во многих местах среди крестьянства создалось мнение о том, что самообложение является добавочным налогом».

Основные недочеты: спешность проведения закона союзными республиками; местами искажение классовой линии, переобложение середнячества и недообложение зажиточных; случаи раскулачивания путем нарушения закона о самообложении.

Отсутствие отчетности об использовании средств, слабое использование средств на строительство, чрезвычайный централизм в руководстве плановых органов вопросами сельского строительства, в результате чего нередки случаи, когда решение схода о постройке школ, дорог и т.п. изменялись вышестоящими органами²⁶.

При проведении налоговых кампаний 1928–1929 гг. в число хозяйств, подлежащих повышенному обложению, всё больше стало попадать середняцких хозяйств. Об этом, например, свидетельствует письмо кооперативного работника Смоленской губернии Н.М.Маркова председателю ВСНХ С.С.Лобову (1 сентября 1928 г.). «Работая всё время в кооперации и непосредственно сталкиваясь с крестьянином, – писал Н.М.Марков – я пришел к выводу, что у нас на этом фронте неблагополучно; после XV съезда поход на кулака задел основательно и не только задел, но изменил наш курс на советского середняка в деревне. Нет сомнения, что основная наша задача – коллективизация деревни, но мы еще не можем отбросить главного товаропроизводителя, а это наблюдается и в широких размерах, особенно в Смоленской губернии, как до «нарыва», так и после.

Классовая политика, проводимая без тактического подхода к середняцкой массе – не мудрая политика, приводит к реакции как политически, так и экономически. Ты скажешь, что это замечено и есть соответствующие решения, исправляющие перегибы весеннего курса. На деле происходит примерно вот что: в вопросе поднятия товарности сельского хозяйства, по-моему, получается (шаг вперед, два назад) не систематизированные отношения с середняком – дергают его и не дают спокойно и уверенно развивать хозяйство: самообложение, проводившееся методами продразверстки, дает тот же результат – переход на потребрьельсы, а скачки сельхозналога приведут к тому же результату. Пишу это из практических наблюдений по Сычевскому уезду – массовый отказ от земель, даже надельных, сокращение продуктивного скота в угрожающих размерах, а с будущей весны неизбежное сокращение посевных площадей... Скачки сельхозналога примерно таковы: прошлый год на хозяйство падало 38-40 руб., ныне 160-180...

Недовольство принимает скверные формы – есть случаи, когда заслуженные красноармейцы из крестьян срывают с себя ордена Красного Знамени. Об этом следует подумать».

Н.А.Марков предлагает устанавливать размер самообложения не произвольно, а в зависимости от других платежей и прежде всего сельхозналога. Метод разверстки, пишет автор, – принимает дрянь – дело» и советует: «Надо исправить: и не одними статьями в газетах, а реальными мероприятиями, а какими – об этом вам следует позаботиться».

Письмо было передано В.М.Молотову, который в то время был секретарем ЦК ВКП(б) по работе в деревне; он переслал его Л.М.Кагановичу с припиской: «т. Каганович! Хотя и есть

однбокости и даже ошибки (насчет самообложения, например) – но письмо заслуживает внимания. В.Молотов»²⁷. Однако в практике проведения самообложения (как и других платежей) ничего не изменилось, беспредел в деревне продолжался. Даже органы ОГПУ вынуждены были признать, что «в отдельных (?) случаях работники ВИКов и волкомов ВКП ставили вопрос о самообложении, сопровождая его угрозами ареста не желающих подчиниться» и приводились многочисленные примеры этого. Так, уполномоченный по Тарабердинскому сельсовету (Башкирия), поставив вопрос о самообложении, сказал: «Кто против постановления Соввласти о самообложении, тот пусть поднимет руку». Около 40 человек голосовало против, тем не менее уполномоченный заявил: «Собрание считать закрытым и самообложение принятым».

Другой уполномоченный ВИКа на заседании сельсовета (станция Кладбинская Кокчетавского уезда, Казахстан) пригрозил: «Если не пройдет самообложение в размере 35% (от суммы сельхозналога. – *Авт.*) на общем собрании, то я вас всех посажу в ГПУ»²⁸.

Усиление налогового обложения крестьянства (а не только его зажиточной части) не могло не вызвать сопротивления последнего, выразившегося как в пассивных формах (скрытие посевных площадей, скота и т.п.), так и активных (массовые выступления, террористические акты и проч.). Так, только в Дальне-Восточном крае в 1928 г. было зарегистрировано 7162 случая открытого недовольства крестьян политикой Советской власти в деревне, больше половины которых (60,5%) произошли на почве налоговых кампаний. Во Владивостокском округе в индивидуальном порядке было обложено 1231 хозяйство, из которых 656 оказались середнячко-беднячками. О реакции крестьян на налоговую политику в деревне свидетельствуют многочисленные документы. Вот некоторые из них: «Разве сейчас можно расширять хозяйство? Да никак нельзя. Я в прошлом году платил 17 руб., а в этом – 70 руб. Нет, нужно всё продать и сделаться пролетарием». (Суйфунский район)²⁹. «Сталин думает, что крестьяне увеличат посев ярового, он в этом ошибается, так как Советская власть занимается обирательством крестьян и не дает возможности развивать сельское хозяйство» (Хабаровский округ)³⁰.

В докладной записке полномочного представителя ОГПУ по Уральской области сообщалось, что в связи с проведением налоговой кампании, в том числе индивидуального обложения, со стороны значительной части зажиточного крестьянства «проявилась тенденция к свертыванию с/х производства:» «Совсем задушили налогами, сеять много нельзя. Надо посевную площадь сократить и сделаться бедняками». Или: «Если так правительство поведет дело, то все богатые бросят хозяйство, нет выгоды его вести, задушили налогом» (Златоустовский окр.). Недовольны были и середняки: «Последний год живем середняками, сейчас нужно уничтожить хозяйство и заделаться бедняками» (Ишимский окр.)³¹.

Многие крестьянские хозяйства не в состоянии были уплатить в срок налоги и оказывались либо неплательщиками, либо скрывали часть посевов и скота, чтобы избежать непомерного обложения. Органами власти к таким крестьянам применялись меры административно-репрессивного характера. В Сибири, например, за укрытие объектов обложения было оштрафовано 24964 хозяйства на сумму 1141951 руб.³² В Средне-Волжской области только за первую половину 1929 г., за неуплату сельхозналога было описано 6080 хозяйств, 3582 из которых продано³³. Об этом же сообщалось и из Дальне-Восточного края. За месяц (16 января – 15 февраля 1929 г.) только по одному Александровскому району Амурского округа было описано имущество у 923 неплательщиков налога. Это, по мнению ПП ОГПУ по Дальнему Востоку, «должно сыграть в максимальном сборе сельскохозяйственного налога немаловажную, а порой и решающую роль, так как за последнее время в связи с этим поступление налога заметно повысилось»³⁴.

Вопросы налоговых кампаний находились в центре внимания Политбюро ЦК ВКП(б), решения которого были обязательны для всех органов власти и управления. Политбюро утверждало проекты законов о сельхозналоге, самообложении и других платежах, планы хлебозаготовок, распределение кредитов и т.п. Фактически это был высший орган власти и управления и вместе с тем ни за что не отвечавший. Он устанавливал, в частности, размеры

налогов и заготовок, определял тяжесть налогового бремени для различных слоев деревни и их удельный вес, признаки кулацких хозяйств и т.п. Правда, всё это оформлялось от имени высших советско-государственных органов (ЦИК и СНК СССР или ведомств). Так, 17 января 1929 г. была создана комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по подготовке проекта нового закона по сельхозналогу, который 31 января был в основном утвержден Политбюро³⁵. Специальными пунктами постановления определялись размер сельхозналога, льготы по налогу и принцип их установления, указывались категории крестьянских хозяйств, подлежащих индивидуальному обложению, их признаки и удельный вес к общему числу хозяйств. Один из пунктов постановления Политбюро гласил, например: «Поручить СНК и НКФ провести такой порядок привлечения к индивидуальному обложению и перечисления признаков, чтобы под него подошло реально от 2 до 3%» (крестьянских хозяйств. – *Авт.*). Или: «Сохранить ст. 27 закона (об индивидуальном обложении. – *Авт.*), распространив ее на хозяйства с доходом, начиная с 500 руб. и выше»...

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 7 марта 1929 г. предоставляло право совнаркомам союзных республик на основе единых средних норм повышать или понижать ставки обложения сельскохозяйственным налогом для отдельных округов и губерний, что, конечно, на практике вело к усилению налогового бремени на крестьянские хозяйства³⁶.

9 сентября 1929 г. председатель СНК РСФСР С.И.Сырцов сообщал в Политбюро В.М.Молотову, что проект сельхозналога на 1929/30 г. страдает существенными недостатками, которые сводятся прежде всего к недоучету объектов обложения, уменьшению количества индивидуально облагаемых хозяйств и проч. В результате этого уменьшилась сумма сельхозналога по ряду районов РСФСР. Так, по Северному Кавказу, по данным Наркомфина РСФСР, сельхозналог определяется в 28-29 млн. руб. вместо 38 млн. по плану; на Урале соответственно: 14,5 млн. и 18,5 млн. руб.; на Средней Волге только по Самарскому округу выявлено скрытых 9066 десятин посева, 2528 десятин сенокоса, по Бузулукскому округу – 5342 десятины посева и много скота и т.д.

Уменьшилось (по плану) по сравнению с 1928/29 г. и количество индивидуально облагаемых хозяйств, о чём свидетельствуют следующие данные (табл. 2).

Таблица 2

Районы	1928/1929 г. (в %)	1929/1930 г. (план)
Северный Кавказ	3,0	2,6
Крым	3,6	2,0
Казахстан	1,7	1,4
Сибирь	1,3	1,2
Урал	1,6	0,88
Автономная Республика		
Немцев Поволжья	2,3	1,4
Рязанская губерния	1,7	1,2
Вологодская губерния	1,5	0,71

Источник: Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.

Политбюро ЦК ВКП(б), заслушав 12 сентября 1929 г. сообщение С.И.Сырцова и Н.П.Брюханова «О ходе работ по сельхозналогу», констатировало «совершенно неудовлетворительные результаты учетной кампании по сельхозналогу, выразившиеся:

- 1) в значительном недоучете объектов обложения,
- 2) в недообложении в ряде районов кулацких хозяйств в индивидуальном порядке,
- 3) в привлечении к индивидуальному обложению сельскохозяйственным налогом отдельных середняцких хозяйств». Всё это классифицировалось как показатель «одного из характерных проявлений правого уклона на практике».

Политбюро ЦК ВКП(б) в связи с этим обязывало партийные органы «немедленно принять самые решительные меры к исправлению создавшегося положения». Для чего «срочно проверив результаты учетной кампании по сельскохозяйственному налогу, сконцентрировав

внимание партийной и советской общественности на борьбе со злостными укрывателями объектов обложения», «полностью применять по отношению к злостным укрывателям штрафную политику»³⁷.

Постановление было немедленно передано на места по телеграфу. На практике уже к 15 декабря 1929 г. индивидуально обложенных хозяйств оказалось значительно больше, чем предусматривалось плановыми наметками. Например, в Сибири 3,13% (а не 1,2% как и планировалось), Казахстане – 2,9% (против 1,4%), Крыму – 2,8% (против 2,0%). В целом по РСФСР к середине декабря было индивидуально обложено 2,24% крестьянских хозяйств, т.е. даже больше, чем имелось, по официальным данным, кулацких хозяйств³⁸. Между тем согласно закону о сельхозналоге обложению в индивидуальном порядке должны были подвергаться «наиболее богатые кулаки».

Секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А.Андреев 9 марта 1929 г. сообщал И.В.Сталину: «Зверски ждем на различные платежи, судим, снимаем тех, кто недостаточно выполняет директивы». Энергично проводился сбор самообложения – из 9 млн. руб. получено 6 млн., потребительская кооперация в деревне собрала 2,1 млн. руб. дифференцированного пая, заканчивается взыскание сельхозналога, страховых платежей, сельскохозяйственных ссуд и т.п. Всего за два месяца (январь – февраль) было собрано 14 млн. руб.³⁹.

Общая сумма сельскохозяйственного налога в 1928/29 г. в СССР составила 425 млн. руб. не считая самообложения и других платежей. В 1929/30 г. общая сумма налога была понижена до 375 млн. руб. на основе особого постановления ЦИК и СНК СССР от 8 февраля 1929 г. «О едином сельхозналоге и облегчении обложения середняцкого хозяйства»⁴⁰. Однако обложение же зажиточных хозяйств было резко усилено, в особенности обложение неземледельческих доходов. Все неземледельческие заработки кулацких хозяйств, привлекавшихся к индивидуальному обложению, подлежали включению в облагаемый налог полностью. В этих же хозяйствах должны были привлекаться к обложению сельхозналогом и доходы от промыслов и предприятий, облагавшихся, кроме того, и промысловым налогом в тех случаях, когда доходы от этих предприятий и промыслов не были обложены подоходным налогом. Устанавливались и признаки, при которых могло быть применено индивидуальное обложение. Заметим, что на практике перечень признаков, по которым хозяйства облагались в индивидуальном порядке, значительно расширился или вовсе не принимался во внимание. К кулацким хозяйствам нередко относились середняцкие хозяйства, не выполнившие государственных повинностей (налоги, заготовки и т.п.). Всё взрослое население индивидуально обложенных хозяйств лишалось избирательных прав. Но не только они, но и сколько-нибудь зажиточное или просто середняцкое население деревни нередко было лишено избирательных прав. Достаточно сказать, что в 1929 г. во ВЦИКе было рассмотрено 35,5 тыс. заявлений о неправильном лишении избирательных прав. Это неудивительно, так как еще в январе 1927 г. В.М.Молотов возмущался тем, что «при наличии... 3-4 процентов кулачества, у нас лишенными избирательных прав на круг оказалось только один процент» в то время, как он считал, что «в отдельных, особенно кулацких округах, этот процент устраненных от выборов может и должен* быть поднят до 6-7%»⁴¹. Не случайно, поэтому, что уже в 1927 г. избирательных прав было лишено 3,6% общего числа избирателей, а в 1929 г. – 3,9%. Если учесть, что, по данным статистики, в 1929 г. было 2,2% кулацких хозяйств и примерно такой же удельный вес взрослого населения, то станет ясным, что в число лишенных избирательных прав попали не только кулаки.

Таким образом, накануне сплошной коллективизации экономические меры воздействия на крестьянство и прежде всего на его зажиточную часть стали дополняться политическими, а затем и административно-репрессивными, что особенно проявилось во время хлебозаготовок.

---

* Подчеркнуто мною. – Авт.

§ 2. Хлебозаготовки 1928–1929 гг. и чрезвычайные меры

Хлебозаготовки в 1928–1929 гг. проходили с большим напряжением. Потребность в хлебе росла в связи с ростом численности населения городов и промышленных центров, развитием промышленности. Для удовлетворения этих нужд в то время необходимо было иметь 500 млн. пудов хлеба ежегодно. Между тем к январю 1928 г. было заготовлено лишь 300 млн. пудов. Если к январю 1927 г. было заготовлено 428 млн. пудов зерна, то к январю 1928 г. на 128 млн. пудов меньше⁴². Основную причину кризиса хлебозаготовок И.В.Сталин видел в том, что «зажиточные слои деревни получили в этом году возможность оборачиваться на сырьевых культурах, мясопродуктах и т.д., удержав у себя хлебные продукты для того, чтобы взвинтить на них цены»⁴³. А поскольку кулак являлся хозяйственным авторитетом в деревне, то он повел за собой и середняка. Партийные организации, по мнению Сталина, допустили ряд ошибок и недочетов в своей работе и понадеялись на самотек.

В целях скорейшего и безусловного выполнения плана хлебозаготовок 1928 года ЦК ВКП(б) принял ряд жестких директив местным партийным организациям. В частности, еще в 1927 г. в связи с резким сокращением хлебных заготовок в октябре – ноябре ЦК направил партийным организациям директивы от 14 и 24 декабря об усилении хлебозаготовок. 6 января 1928 г. в директиве ВКП(б), подписанной Сталиным, содержалось категорическое требование решительного перелома в хлебозаготовках в недельный срок. Предлагалось принять решительные меры по изъятию «денежных накоплений из деревни; установить максимально ускоренные сроки всех платежей крестьянства казне по налогам, страхованию, ссудам; не допускать отсрочек по ссудным обязательствам кредитной системе», добиваться досрочных взносов всех платежей и «срочно установить дополнительные местные сборы» и т.д. При взыскании недоимок по всем платежам рекомендовалось «применять немедленно жесткие кары, в первую очередь в отношении кулачества, особые репрессивные меры необходимы в отношении кулаков и спекулянтов, срывающих сельскохозяйственные цены»⁴⁴.

Эти меры должны были заставить крестьян продавать государству хлеб, не ожидая роста цены на зерно.

9 января Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение направить в зерновые районы секретарей и членов ЦК для проведения хлебозаготовок: В.М.Молотова – на Урал, А.И.Микояна – на Северный Кавказ, Г.К.Орджоникидзе – в Сибирь, Н.А.Кубяка – в Казахстан. В связи с болезнью Орджоникидзе его командировка в Сибирь была отменена и 15 января туда выехал И.В.Сталин. За время «секретной» командировки, о которой не сообщалось в печати, Сталин посетил Новосибирск, Барнаул, Рубцовск, Омск, Красноярск⁴⁵.

18 января 1928 г. в Новосибирске состоялось заседание бюро Сибкрайкома ВКП(б) с представителями заготовительных и других организаций, на котором выступил Сталин. В принятом по его предложению постановлении предлагалось окружным и районным комитетам партии «обеспечить энергичное взыскание недоимок по сельхозналогу с тем, что бы ряд кулаков был обязательно подвергнут репрессивным мерам взыскания за несвоевременную сдачу сельхозналога (арест, судебные процессы и прочее)». Предлагалось также в каждом из основных хлебозаготовительных районов Сибири кулаков, располагающих большими запасами хлеба, «использующих хлебные затруднения для спекуляции, взвинчивания цен, задержки и невыпуска хлеба», привлекать к судебной ответственности по ст. 107 Уголовного кодекса РСФСР (лишение свободы до 3-х лет с конфискацией всего или части имущества или без таковой). Суды должны были проводить такие дела «в особо срочном и не связанном с формальностями, порядке»⁴⁶.

Для форсирования хлебозаготовок еще раньше, 10 января 1928 г., при Сибирском крайкоме партии была создана чрезвычайная хлебная тройка (С.И.Сырцов – секретарь крайкома партии, Р.И.Эйхе – председатель крайисполкома и А.Н.Злобин – зав. торговделом крайисполкома).

Меры, как видим, принимались крутые. Правда, не все соглашались с предложением Сталина предавать суду кулаков за «невыпуск хлеба на рынок». Так, председатель правления

Сибкрайсельхозбанка С.И.Загуменный на заседании бюро крайкома партии 18 января и на следующий день в письме И.В.Сталину и С.И.Сырцову возражал против применения 107 ст. УК к кулакам «в полном ее объеме». «Основной смысл предложений товарища Сталина, выдвинувшего необходимость воспользоваться этой статьей, – писал С.И.Загуменный, – сводится к тому, чтобы ударить по кулаку, ударить сильно, но ударить в то же время так, чтобы основной массе крестьянства была ясна законная причина ареста, конфискации имущества и прочих мер, кои мы к кулаку применим. Развивая эту мысль дальше, т. Сталин рекомендовал сосредоточить внимание на той именно части 107 ст., которая трактует о наказании именно за «невывпуск таковых (товаров. – С.З.) на рынок»...

По соображениям, высказывавшимся вчера на заседании, такой нажим на кулака заставит середняка повезти хлеб на рынок...

Я считаю этот расчёт ошибочным. Я глубочайше убеждён, что эффект от таких мероприятий мы получим совершенно противоположный тому, который ожидаем. И вот почему.

Как я и говорил уже вчера на заседании, мы еще ни разу за всё время НЭПа, – насколько я могу судить об этом – не применяли по отношению к деревенскому кулаку таких мер, чтобы судить его только за невывпуск хлеба на рынок. Если мы и ссылали кого-то в Нарым, так, видимо, только городских хлебных спекулянтов, за которыми непосредственно не стоит многомиллионная масса крестьянина-середняка. К кулакам, эксплуататорская сущность которых состоит не в торговле, а в производстве продуктов сельского хозяйства, мы не только не принимали таких мер, какие намечены сейчас, а пропагандировали, преимущественно, необходимость экономического воздействия с целью ограничения их роста. Поэтому, хоть закон у нас и есть, все же он будет непонятен основной массе крестьянства, как закон, не соответствующий духу новой экономической политики. Может быть, я ошибаюсь, но я твердо убежден в том, что основная масса середняка и бедноты расценит привлечение кулака к суду только за непродажу хлеба не иначе, как возврат, в той или иной форме, к временам военного коммунизма, периоду продразверстки... Осуждение кулака только за «невывпуск» хлеба приведет середняка к убеждению, что рано или поздно очередь дойдет и до него, как держателя известной части хлебных излишков...

Мне кажется, что мы слишком круто поворачиваем»⁴⁷.

И.В.Сталин, прочитав это письмо, сделал на нем пометки: «Мы админ. мер не исключали», «ха-ха». А на закрытом заседании бюро крайкома ВКП(б) 20 января 1928 г. он специально остановился на письме С.И.Загуменного. «Он написал это письмо, – говорил Сталин, – в связи с теми решениями, которые мы приняли относительно применения 107 статьи. Он считает наше решение насчет применения 107 ст. к кулаку не как к скупщику хлеба, а как к обладателю большой массы хлебного товара, который кулак не выпускает на рынок, – тов. Загуменный считает это решение неправильным... Те предполагаемые меры, о которых я говорил позавчера, ударят по кулаку, скупщику, чтобы не было взвинчивания цен. И тогда крестьянин поймет, что, значит, цены повышаться не будут, значит, нужно вывозить хлеб, а то еще попадешь в тюрьму. Мы из этого исходим. Тов. Загуменный говорит, что это поведет к сокращению хлебозаготовок. Откуда это ясно?»⁴⁸. И далее Сталин привел данные о том, что на Украине и Северном Кавказе в результате применения чрезвычайных мер заготовки возросли в последнюю пятидневку в два раза, в центральных губерниях – в 2,5 раза.

В другом выступлении, и тоже в Сибири, Сталин вновь возвращается к позиции Загуменного о чрезвычайных мерах: «Вы говорите, что применение к кулакам 107 статьи есть чрезвычайная мера, что оно не даст хороших результатов, что оно ухудшит положение в деревне. Особенно настаивает на этом т. Загуменный. Допустим, что это будет чрезвычайная мера. Что же из этого следует?»⁴⁹.

Сталин потребовал тех представителей «прокурорской и судебной власти», которые не применяют к кулакам 107 ст. УК РСФСР «вычищать» и «заменять» другими, честными работниками»⁵⁰. Он предложил далее, чтобы местные власти потребовали от кулаков немедленной сдачи всех излишков хлеба по государственным ценам, а в случае отказа

привлекать их к судебной ответственности по статье 107 Уголовного кодекса и конфисковать у кулаков хлебные излишки в пользу государства, распределив 25% конфискованного хлеба среди бедняков и маломощных середняков по низким государственным ценам или в порядке долгосрочного кредита⁵¹. Этим Сталин пытался материально заинтересовать бедняков, чтобы привлечь их на свою сторону в борьбе с кулаками. Тем самым искусственно обострялась внутрикрестьянская борьба в деревне.

В целях усиления хлебозаготовок была запрещена на рынках частная торговля зерном и мукой, широко применялась 107 ст. УК РСФСР. В результате применения чрезвычайных мер, как сообщал Сталин 27 января 1928 г. в шифротелеграмме в ЦК ВКП(б) С.В.Косиору и И.В.Вейцеру (начальнику хлебофуражного управления Наркомата внутренней и внешней торговли СССР), заготовки «стали немного оживляться. Серьезный перелом должен начаться в конце января или начале февраля»⁵². А через два дня он сообщал С.В.Косиору и А.И.Микояну в Москву, что в результате применения репрессивных мер за три дня (26-28 января) отгружено 1223 вагона зерна и просил февральский план хлебозаготовок в Сибири увеличить. В заключении шифротелеграммы Сталин информировал, что он был в Барнауле, Рубцовске, Омске, «имел переписку с каменскими товарищами, накрутил всех как следует. Дела здесь должны пойти»⁵³.

План хлебозаготовок в Сибири на февраль был увеличен с 18 млн. пудов до 22 млн. А всего в Сибири было заготовлено 77,1 млн. пудов хлеба.

Достигнуто это было за счет усиления репрессий по отношению к крестьянству. Так, только за два месяца 1928 г. (январь – февраль) в Сибири органами ОГПУ было арестовано 1704 человека⁵⁴. Как отмечалось в обзоре ОГПУ о политическом состоянии СССР, «успешный ход хлебозаготовок в Сибири... обусловлен, главным образом, применением 107 статьи к держателям излишков». «Массовые обыски, подворные обходы и другие методы административного нажима (вызовы, угрозы арестом, лишение земельных наделов, отбор хлеба у крестьян, привозивших на базар и т.п.)... нашли широкое применение», – говорилось в обзоре ОГПУ⁵⁵.

Аналогичные административно-репрессивные меры в ходе хлебозаготовок, как и при проведении других налоговых кампаний, широко практиковались повсеместно (Украина, Северный Кавказ, Казахстан, Поволжье, Урал, ЦЧО и др.).

При этом активное участие в этом принимали органы ОГПУ. В одной из директив полномочного представительства ОГПУ на Северном Кавказе (от 3 января 1928 г.) окружным и областным отделам ОГПУ подчеркивалось: «Вопросы хлебозаготовок должны стоять в центре внимания органов ОГПУ на Северном Кавказе. Отступления от директив не должно иметь места. Виновных в несоблюдении привлекать к ответственности».

В виду исключительной важности хлебозаготовительной кампании предлагалось регулярно раз в 10 дней информировать ПП ОГПУ «о ходе хлебозаготовок и мерах, предпринятых к усилению таковых. В сводке указать, какие агентурные и следственные мероприятия приняты»⁵⁶.

Меры принимались суровые. За три месяца (январь – март) 1928 г. на Северном Кавказе было осуждено 3424 человека, в том числе более двух тысяч середняков и бедняков⁵⁷.

Просьбы руководителей отдельных хлебопроизводящих регионов, если не снизить план хлебозаготовок, то хотя бы перераспределить объем заготовок по срокам, встретили резкий отказ со стороны Политбюро ЦК ВКП(б). 1 марта 1928 г. при обсуждении сообщения А.И.Микояна (Наркомторг) о мартовском плане хлебозаготовок было решено послать ЦК КП(б) Украины, Северо-Кавказскому крайкому и Башкирскому обкому партии следующую телеграмму: «ЦК отклоняет вашу просьбу о снижении мартовского плана хлебозаготовок и предлагает принять к исполнению мартовский план Наркомторга»⁵⁸.

В результате применения административно-репрессивных мер усилилось поступление финансовых платежей и хлебозаготовок. Уже в марте 1928 г. на Северном Кавказе было собрано 11,4 млн. руб. самообложения (94% годового плана), 13,9 млн. руб. крестьянского займа (71%), полностью взысканы сельхозналог и платежи по государственному страхованию.

Такой массивный нажим на деревню не мог не сказаться и на хлебозаготовках. В марте квартальный план был выполнен на 102% (35,5 млн. пудов), а к лету 1928 г. край сдал 103,6 млн. пудов хлеба, т.е. 94% годового плана⁵⁹.

Применение чрезвычайных мер позволило Советскому государству изъять из деревни в феврале 80 млн. пудов, а за три месяца 1928 г. (январь – март) – 270 млн. пудов зерна. Всего же в 1927/28 г. заготовлено более 660 млн. пудов хлеба. Это было несколько меньше чем в 1926/27 г. (на 5,3%), поэтому пришлось сократить экспорт зерна и уменьшить переходящие запасы государства⁶⁰. Было введено нормированное снабжение городского населения.

Антикрестьянская политика советского партийно-государственного руководства привела к резкому осложнению политического положения не только в деревне, но и в стране вообще. В информационной сводке полномочного представительства ОГПУ по Сибирскому краю от 10 февраля 1928 г. сообщалось об отношении коммунистов и комсомольцев деревни к проводимым мероприятиям по хлебозаготовкам: «Со стороны рядовых партийцев наблюдается растерянность, а иногда отрицательное отношение к власти за жесткие меры по выкачке хлеба: «Хлеб весь отправлять нельзя, так как мы можем очутиться в плохом положении, когда весной хлеба не будет, или будет слишком дорог. Нам надо часть хлеба задержать и составить известный фонд запаса»⁶¹.

Члены партии деревенских ячеек, говорилось далее в сводке, вместе с крестьянством занимаются нытьем: «Налог нынче не по силам», «своим нажимом власть задушит крестьянство», «почему это государство не считается с положением крестьянства» и т.д. Один из сельских активистов (Новосибирский округ), получив директиву о хлебозаготовках, заявил: «Это головотяпство, разве можно все это провести в жизнь? Зачем так здорово нажимают на всех и на все сразу? Наверное, что-то есть, партия от нас скрывает. Оппозиция была права, ибо такая политика ЦК привела к кризису»⁶².

Член Шипуновского райисполкома (Рубцовский округ) коммунист Голованов 12 января 1928 г. на закрытом районном партсобрании говорил: «Сейчас партия слишком круто ставит вопрос в области хлебозаготовок, и это может привести к плохим последствиям, так как крестьянство возмущается нажимом. Если мы сейчас разъедемся по селам и начнем жать на крестьянина в отношении всяких платежей, как сельхозналог, страховки, ссуды, паевые и т.д., чем изменим изданные ранее законы и постановления. По-моему, это похоже на военный коммунизм и даже хуже, так как крестьянство не поддается такому крутому повороту, находясь в мирных условиях. Сейчас не 20-й год, поэтому партия и Соввласть подорвет свой авторитет перед населением и дело может дойти до открытого возмущения»⁶³.

Если так были настроены многие сельские активисты-коммунисты, то нечего и говорить о крестьянах. В Бийском округе крестьяне-бедняки с. Учпристани Хазов, Пинегин и другие заявляли: «Крестьянам, видимо, придется ковать пики, как в 1919–20 гг., и стоять за себя. Полная обираловка...»⁶⁴. Управляющий Сибирской конторой Госбанка СССР А.М.Певзнер, побывавший в деревнях ряда районов Каменского округа, в письме Р.И.Эйхе (20 марта 1928 г.) сообщал: «Середняк, наиболее неустойчивая (хотя и центральная) фигура ворчит довольно сильно и в наиболее мощной своей части разделяет настроение кулачества... Мне кажется, что нам нужно не формально, а по существу повернуть партийную организацию к середняку». И в заключение сделал приписку: «Усиленный нажим на районы вызывает у меня опасения, как бы не слишком перегнули»⁶⁵.

О настроении деревни свидетельствует и доклад секретаря ВЦИК А.С.Киселева на заседании фракции ВКП(б) Президиума ВЦИК 26 марта 1928 г. Вот некоторые из его высказываний: «...применялись такие меры принуждения и административного нажима, что они нам совершенно испортили настроение крестьянства...», «антисоветские настроения в деревнях за последнее время усилились в связи с тем, что забирали у крестьянства хлеб. Причем если бы забирали только у кулаков, то это было бы еще ничего, но хлеб забирали и у середняков, и у бедняков...» Далее А.С.Киселев привел ряд фактов о конфискации посевного и продовольственного зерна на Северном Кавказе, в Воронежской губернии и других районах. В связи с этим «настроение... скверное», «в деревне появилось стремление к сокращению посевов

(“сей для себя”)). «Крестьяне говорят, неужели мы пришли к военному коммунизму... нет уверенности, что у тебя будет прочная база для того, чтобы в дальнейшем развивать свое хозяйство... Мы считаем, что имеются перегибы, при которых вести крестьянское хозяйство невозможно»⁶⁶.

Уже упоминавшийся В.Г.Яковенко, побывавший летом 1928 г. в деревнях Канского округа Сибирского края, писал И.В.Сталину, что в результате применения чрезвычайных мер «крестьяне в тех местах, где я побывал, ходят точно с перебитой спиной...».

Жесткий нажим на деревню во время проведения налоговых и хлебозаготовительных кампаний, применение чрезвычайных мер не только к кулакам и зажиточным, но и к середнякам вызвали недовольство широких слоев крестьянства. Во время хлебозаготовок в Сибири в 1928 г. был зарегистрирован 331 случай террористических актов, в том числе 20 убийств, 65 ранений и избиений активистов хлебозаготовок. В апреле – июне произошло 12 массовых выступлений крестьян⁶⁷.

На Северном Кавказе до конца марта 1928 г. за сопротивление хлебозаготовкам органами ОГПУ было арестовано 2430 человек, менее половины которых можно было отнести к кулакам⁶⁸. На Средней Волге в феврале – июне 1928 г. было зарегистрировано свыше 20 массовых крестьянских выступлений. Всего в 1928 г. зарегистрировано около 1400 террористических актов против сельских активистов⁶⁹. В официальных документах партийных и карательных органов террористические акты и волнения крестьян трактовались как кулацкие или организованные ими выступления. На самом деле это было проявление недовольства крестьян политикой Советской власти в деревне. Чрезвычайные меры переполнили чашу терпения крестьян и они решились на крайние меры.

Оправдывая применение чрезвычайных мер (ст. 107 УК РСФСР), Сталин на апрельском (1928 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) говорил, статью 107 УК РСФСР пришлось применить якобы потому, что в 1928 г. сложились чрезвычайные обстоятельства, созданные «спекулянтскими махинациями кулачества и угрозавших голодом». В будущем году, продолжал он, если «не будет чрезвычайных обстоятельств и заготовки пойдут нормально, 107 статья не будет иметь применения». Если же «капиталистические элементы начнут опять «финтить», 107 статья снова появится на сцене»⁷⁰.

Противников применения чрезвычайных мер Сталин решительно осудил: «Было бы глупо говорить на этом основании об «отмене» нэпа, о «возврате» к продразверстке и т.п. ...Нечего и говорить, что такие люди не имеют ничего общего с ленинизмом, ибо таким людям нет места и не может быть места в нашей партии»⁷¹.

Но не только на местах ряд партийных советских и кооперативных работников возражал против чрезвычайных мер, но и в центре, в том числе и в Центральном Комитете партии. Так, член Политбюро ЦК ВКП(б) Н.И.Бухарин считал, что наступление на кулака должно ограничиться экономическими мерами, а не административно-политическими. Темпы индустриализации и коллективизации должны определяться объективными предпосылками, а не волюнтаристскими амбициями руководящих деятелей. В мае и июне 1928 г. Бухарин направил в ЦК две записки, в которых выразил несогласие с курсом на ускоренную индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства. Тогда же заместитель наркома финансов СССР М.И.Фрумкин в письме в Политбюро поставил под сомнение политику партии на ускоренную реконструкцию народного хозяйства и наступление на кулака. Он считал, в частности, что «ухудшение нашего экономического положения заострилось благодаря новой после XV съезда политической установке по отношению к деревне», в результате чего вся деревня, за исключением небольшой части бедноты, настроена против Советской власти; «эти настроения начинают уже переливаться в рабочие и городские центры»⁷².

И.В.Сталин 20 июня 1928 г. в записке «Членам Политбюро. Ответ Фрумкину (по поводу письма Фрумкина от 15 июня 1928 г.)» обрушился на автора письма, обвинив его в ревизии решений XV съезда партии и апрельского (1928 г.) пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Правда, Сталин признал, что мероприятия партии в хлебозаготовках 1928 г. носили «чрезвычайный характер»,

но зато «обеспечили крупнейшие успехи в деле усиления хлебозаготовок»⁷³. Не отрицал он также и тот факт, что «удары, предназначенные для кулака, падают иногда на головы середняков и даже бедняков», но виновата в этом, по словам Сталина, известная часть местных работников, а не партийно-государственное руководство в центре. Признал он также, что боролись с кулаком путем раскулачивания, но виноваты в этом, дескать, «некоторые наши работники на местах»⁷⁴.

И в заключительной части своей записки Сталин писал: «При первом взгляде может показаться, что письмо Фрумкина составлено под флагом защиты дела союза с середняком. Но это только видимость. На самом деле письмо Фрумкина является ходатайством за *облегчение* кулака, ходатайством за *отмену ограничений* в отношении кулака. Кто хочет укрепить дело союза с середняком, тот не может требовать ослабления борьбы с кулачеством»⁷⁵. Фактически письмо М.И.Фрумкина квалифицировалось И.В.Сталиным как платформа правого уклона.

Хотя в тот момент имена Н.И.Бухарина, А.И.Рыкова, М.П.Томского, а также Н.А.Угланова (кандидат в члены Политбюро и член Оргбюро ЦК партии) как выразителей правого уклона не назывались, но уже подразумевались. Это чувствовалось по выступлению Сталина на июльском (1928 г.) пленуме ЦК, не говоря уже о последующих. Оправдывая чрезвычайные меры 1928 г., Сталин не исключал применение их и в будущем. При этом он ссылаясь на В.И.Ленина, который в 1922 г. в замечаниях на тезисы Е.А.Преображенского о работе в деревне писал, что и в условиях НЭПа возможны комбедовские методы борьбы с кулачеством и зажиточным крестьянством, например в случае войны⁷⁶. Но ведь в 1928 г. войны не было! Не считать же войной с крестьянством хлебозаготовки, хотя и с применением обысков, конфискации без суда зерна, установлением заградительных отрядов, принудительным размещением займа и т.п.?

Даже органы ОГПУ в обзоре политического состояния СССР за апрель 1928 г. вынуждены были признать, что «в ряде районов, особенно на Украине и Северном Кавказе, а потом и Сибири и на Урале обозначился серьезный продовольственный кризис в деревне». Основными причинами его были:

- а) значительная гибель озимых посевов,
- б) недород 1927 года,
- в) отсутствие хлеба у бедноты,
- г) задержка хлеба середняками в целях страховки на случай недорода,
- д) выкачка товарного хлеба в первый период хлебозаготовок,
- е) усиление спроса на хлеб в связи со слухами о войне и предстоящем голоде.

Все эти причины, говорилось в обзоре, привели к обострению недовольства в деревне в ряде районов СССР, в частности, среди бедняцких и маломощных слоев, вынужденных голодать (случаи употребления в пищу падали, отдельные случаи голодной смерти, опухания и массовое употребление суррогатов – Урал, Сибирь, Украина). В результате этого с 15 апреля по 1 мая 1928 г., на Украине, Северном Кавказе, в Сибири, на Урале, в Поволжье и Центре зарегистрировано 140 массовых крестьянских выступлений, в которых приняло участие 32,5 тыс. человек (беднота и маломощные середняки)⁷⁷.

Ввиду обострения политического положения в деревне и выполнения плана хлебозаготовок 1927/28 г. были несколько смягчены административно-репрессивные меры воздействия на крестьянство. Об этом свидетельствует, в частности, циркуляр Наркомюста РСФСР от 7 августа 1928 г. об освобождении из-под стражи осужденных за неспасение хлебных излишков по ст. 107 Уголовного кодекса крестьян – середняков и бедняков, а также и прекращении всех незаконченных дел по ст. 107 в отношении их⁷⁸.

Наркомат юстиции РСФСР предлагал в связи с хлебозаготовительной кампанией 1928/29 г. повести решительную борьбу со всеми случаями ликвидации базаров и внутридеревенского оборота, выставления заградительных отрядов, принуждения крестьян, привозящих на рынок хлеб, к продаже его государственным и кооперативным организациям и т.п.

Запрещалось применять принудительные способы изъятия хлеба у крестьян путем: обхода дворов, обысков, разверстки излишков; незаконных и вынужденных арестов; привлечения

крестьян к уголовной ответственности в судебном или внесудебном порядке за неспасу или невыпуск на рынок хлебных излишков⁷⁹.

Однако практического значения этот циркуляр не имел, так как в связи с новыми затруднениями в хлебозаготовках (в июле-декабре 1928 г. было заготовлено менее половины установленного плана) нажим из центра усилился, чрезвычайные меры стали вновь широко применяться, репрессии ужесточились.

7 января 1929 г. полномочное представительство ОГПУ по Уралу сообщало, что в ходе хлебозаготовок в Верхне – Уральском районе Троицкого округа по распоряжению председателя райисполкома Тарасенко «введены заградительные отряды и приступлено к отбиранию хлеба от крестьян и приезжих рабочих». Хлеб отбирался у хлеборобов Урлядинского, Карагайского и Ново – Замотихинского поселков, привезших хлеб для размолла на мельницы⁸⁰.

В Нижне – Волжском крае уполномоченный Хвалынского райисполкома по хлебозаготовкам угрожал крестьянам с. Лебежайка: «Кишки выпущу, шкуру сдеру, а хлеб возьму». Вызывал крестьян в сельсовет и требовал подписки о вывозе хлеба, держа все время на столе револьвер. Аналогичное положение было в с. Благодарном – уполномоченный запугивал крестьян арестом и отправкой в ГПУ.

В Самарском округе (Средняя Волга) в с. Новый Буян заведующий школой составил список крестьянских детей, родители которых не выполнили задания по хлебозаготовкам, для исключения их из школы. В с. Каралык уполномоченный по хлебозаготовкам вызывал к себе крестьян и заявлял: «Если ты не вывезешь хлеб, то будешь считаться врагом Соввласти и мы тебя занесем на черную доску». Занесенные на черную доску подвергались бойкоту.

Повсеместно создавались комиссии содействия хлебозаготовкам, которые производили обыски у крестьян. Так, в с. Озерье комиссия произвела 20 обысков крестьянских хозяйств; в с. Урусовке – в 25 хозяйствах и т.д.⁸¹

Занесение крестьянских хозяйств на черную доску и объявление бойкота получили большое распространение. В Ингарском районе Мордовского округа в четырех селах (Адашево, Б.-Полянке, Пнево, Ялицино) занесены были на черную доску и подвергнуты бойкоту 151 середняцкое хозяйство; в с. Ардыгейском (Ульяновский округ) – 50 хозяйств, большинство которых являлись середняцкими.

Репрессивные меры при проведении хлебозаготовок широко применялись в Сибири, на Северном Кавказе и во всех хлебопроизводящих районах. В конце февраля 1929 г. из Новосибирска телеграфировали в ЦК ВКП(б) С.И.Сырцов, Р.И.Эйхе и другие руководители, предлагая следующие меры для усиления хлебозаготовок (к 25 февраля было заготовлено 86 млн. пудов из 118 млн. пудов по плану): принудительно отчуждать в «порядке займа хлебных излишков крупных товаропроизводителей, саботирующих хлебозаготовки». Размеры «займа» устанавливались в 15-18 млн. пудов. В случае – отказа налагать денежный штраф в размере 5-кратной стоимости несданного хлеба; в отдельных случаях – конфискация всего имущества с высылкой на три года. «Контингент хозяйств, подпадающих под эту категорию», устанавливался в 6-8%⁸³, т.е. больше чем имелось в Сибири кулацких хозяйств даже по официальным данным.

4 марта Политбюро ЦК ВКП(б) отклонило это предложение Сибкрайкома партии, но прошла всего неделя и 11 марта 1929 г. Сталин в письме Сырцову и Эйхе писал: «из материалов по хлебозаготовкам за последнюю пятидневку февраля и первую (а также вторую) пятидневку марта видно, что темп заготовок, поднявшийся у вас одно время, начинает опять падать. Я знаю, что у вас предпринимаются меры для поднятия заготовок... У меня нет потому основания упрекать вас. Тем не менее должен сказать, что если вы не сделаете всего того, что только можно предпринять в данный момент для усиления темпа заготовок, – мы наверняка сядем.

Мы не можем ввозить хлеб, ибо валюты мало. Мы все равно не ввезли бы хлеба, если бы даже была валюта, так как ввоз хлеба подрывает наш кредит за границей и усугубляет трудности нашего международного положения. Поэтому надо обойтись без ввоза хлеба во что бы то ни стало. А сделать этого невозможно без усиления заготовок»⁸⁴.

И далее, как и прежде, Сталин утверждал, что хлеб в стране есть, «нужно только суметь его взять». Что касается просьбы сибиряков разрешить им заготовить до конца года (заготовительного) 100 млн. пудов, а не 118 млн., как предусматривалось планом, то Сталин признал, что эта цифра «явным образом недостаточна» и считал, что «надо вести курс по крайней мере до 110 млн. пудов», т.е. заготовить еще 25 млн. пудов. Для этого, советовал он, нужно принять все меры «обуздания спекулянтских и кулацких элементов для того, чтобы выполнить это задание».

Письмо заканчивалось указанием: «Нужно всем вам разъехаться на места, мобилизовать все основные силы для усиления хлебозаготовок и остаться на местах до создания нового перелома в заготовках»⁸⁵.

6 марта 1929 г. Сталин разослал грозные телеграммы на Урал (И.Д.Кабакову, М.К.Ошвинцеву), в ЦЧО (И.М.Варейкису, Ф.П.Грядинскому) на Северный Кавказ (А.А.Андрееву, В.И.Иванову) с требованием усилить хлебозаготовки. Приведем одну из них: «Заготовительная работа на Северном Кавказе становится совершенно неудовлетворительной. Все области стараются напрячь силы и выполнить план заготовок, а Северный Кавказ убийственно отстает от других областей. Вам осталось еще 24 млн.; осталось вам сроку – 3 1/2 (месяца. – *Авт.*), а за февраль заготовлено вами лишь 2 млн. с лишним. Куда же это годится, дорогие товарищи?

Намерены ли вы принять серьезнейшие меры к выполнению плана?

Сталин»⁸⁶.

Получив телеграмму Сталина от 6 марта 1929 г. Андреев 9 марта отвечал: «Телеграмму Вашу о хлебозаготовках получили. Крепко нажмем на это дело, но нас удивляет, почему у Вас могло сложиться впечатление будто мы ничего не делаем по хлебу. Видимо, т. Микоян не смог всего рассказать о наших мерах; хотелось бы привести для характеристики лишь несколько примеров». И далее Андреев писал: «С декабря (1928 г. – *Авт.*) проводим исключение держателей хлеба (кулаков) из кооперации и бойкот их в товарном снабжении... Сокращаем или лишаем товароснабжения районы и станицы, не справляющиеся с товарозаготовками. ...Жмем на борьбу со спекуляцией, только за последние два месяца с 1 января, по неполным данным, привлечено к ответственности 1047 человек». В крае было закрыто 213 крестьянских мельниц, не считая ветряков. При крайкоме и во всех округах были созданы тройки по хлебозаготовкам. Из партии только по 8 округам исключен 41 человек, вынесены выговора 120 коммунистам, привлечено к судебной ответственности 67 человек и т.д.⁸⁷

Как видим, репрессивные меры на Северном Кавказе применялись с большим размахом. Сталин остался доволен принятыми мерами и 11 марта писал Андрееву: «Ответ получил. Я не думал и не хочу думать, что «вы ничего не делаете» по части хлебозаготовок. Я хотел только сказать, что нынешний темп заготовок на Северном Кавказе режет нас без ножа и нужно принять меры к усилению хлебозаготовок. Коль скоро вы вновь взяли за усиление заготовок, можно надеяться, что дело сдвинется с места. Имейте в виду, что для нас дорог теперь каждый новый миллион пудов хлеба. Имейте также ввиду, что времени осталось у вас слишком мало.

Итак, за дело!

С ком. приветом. Сталин»⁸⁸.

Мы так подробно остановились на переписке Сталина с одним из его соратников, чтобы показать, что нажим из центра вынуждал местные органы прибегать к репрессиям в массовом масштабе, хотя, конечно, и местные руководители старались изо всех сил выполнять директивы центра.

В первой половине марта И.В.Сталин послал на Урал, в Сибирь и Казахстан на усиление хлебозаготовок Л.М.Кагановича – одного из ближайших своих сподвижников, отличавшегося крутым характером. Не случайно Сталин в телеграмме бюро Башкирского обкома ВКП(б) от 9 марта, требуя усилить хлебозаготовки в республике, пригрозил: «На днях заедет к вам Каганович для проверки исполнения».

14 марта Каганович телеграфировал из Челябинска Сталину и Микояну о мерах, принятых по его предложению Уральским обкомом ВКП(б).

Сталин, согласившись с предложениями Кагановича, разослал их членам Политбюро для голосования опросом. Однако Председатель Совнаркома СССР член Политбюро ЦК А.И.Рыков не согласился с таким порядком принятия важных решений и написал по этому поводу записку в Политбюро: «Мне позвонили из Секретариата ЦК с просьбой проголосовать предложение т. Кагановича относительно принятых на Урале методов хлебозаготовок. Ознакомившись с телеграммой Кагановича, я думаю, что в ней затронуты настолько существенные вопросы, которые нельзя решать простым голосованием по телефону, а предлагаю обсудить их на ближайшем заседании ПБ»⁸⁹.

Каганович, кроме Урала, побывал также в Казахстане (в Семипалатинском, Кустанайском и Петропавловском округах) и в Сибири. Представленные им предложения о мерах по усилению хлебозаготовок в Казахстане, Сибири и на Урале 21 марта 1929 г. были приняты Политбюро, которые сводились к следующему:

а) Открытая инициатива проведения твердого планового задания по хлебозаготовкам по селам или деревням должна принадлежать не непосредственно хлебозаготовителям, а общественным организациям (группам бедноты, активу) и проводиться через общие собрания граждан;

б) Необходимо выделить кулацкую верхушку села от всей остальной массы крестьянства, чтобы возложить на нее определенные обязательства к сдаче хлеба государству из имеющихся хлебных излишков либо через общие собрания граждан, либо по поручению последнего через особую комиссию;

в) Оставшееся сверх обязательств возложенное на кулака количество хлеба, принятого по плану на данное селение, распределяется общим собранием между остальной массой крестьянства, в порядке самообязательства⁹⁰.

Это значит, что в отличие от 1927/28 заготовительного года, когда главными методами проведения хлебозаготовок были репрессивные меры воздействия на деревню, теперь сталинское партийно-государственное руководство решило привлечь беднейшую часть крестьянства в борьбе против хлебодержателей. Конечно, это обостряло противоречия внутри деревни, натравливало одну часть крестьянства на другую и в итоге – искусственно обостряло классовую борьбу. И хотя Сталин на апрельском (1928 г.) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) и заявлял, что «нашу политику никак нельзя считать политикой разжигания классовой борьбы»⁹¹, на деле она была таковой.

Использование общественных мер воздействия вовсе не означало отказа от применения чрезвычайных мер в 1929 г. Напротив, они стали еще более широко применяться.

Тот же Каганович в телеграмме Сталину, Молотову и Микояну 26 марта 1929 г. сообщал, что в Петропавловском округе Казахстана «уже начались судебные процессы кулаков, которых привлекают по 61 ст. за невыполнение общественных обязательств». Просил дать указание наркому юстиции РСФСР Н.М.Янсону «об ускорении процессуальных процедур»⁹². В справке о применяемых на местах методах хлебозаготовок, хранящейся в архиве Политбюро, называются такие, как применение статей 107 и 58 Уголовного кодекса РСФСР, обход дворов и обыски, лишение земельных наделов и избирательных прав, аресты и выселения, избияния крестьян, 2-5-кратное обложение недатчиков хлеба и т.п.

31 мая 1929 г. А.А.Андреев телеграфировал И.В.Сталину: «Ход хлебозаготовительной работы в крае развернулся довольно широко. Все мобилизовано для исполнения плана, но уже первая стадия кампании показала огромные трудности, организованное сопротивление кулака, чрезмерные увлечения административными мерами вместо общественности. Уже имеются массовые случаи извращения и перегибов. Теперь после некоторой перестройки думаем дело пойдет лучше и успешнее. Несколько осложняет дело продолжающийся уже 6 дней сухой. В большинстве округов прекрасные всходы хлебов уже в некоторых районах попорчены. Продолжение его еще несколько дней может изменить картину края. Все силы сейчас из городов брошены в станицы»⁹³.

Тем не менее Андреев в другой телеграмме Сталину (29 мая 1929 г.) жаловался, что Генеральный прокурор РСФСР Н.В.Крыленко дал указание краевому прокурору привлекать к ответственности несдатчиков хлеба по ст. 61-й УК РСФСР – штрафовать в двойном размере стоимости причитающегося к сдаче хлеба. Крайком просил отменить директиву Крыленко, установив 5-кратный размер штрафа⁹⁴. Политбюро ЦК ВКП(б) 13 июня предложило Крыленко отменить свою директиву.

А еще через несколько дней после этого Северо-Кавказский ВКП(б) разослал на места директиву за подписью Андреева «О мерах по ликвидации кулацкого саботажа хлебозаготовок» (19 июня), в которой рекомендовал: провести через собрания бедноты и сходы «постановления о выселении из станиц и лишение земельного надела тех кулаков, кои не выполнили раскладки и у коих будут найдены излишки, спрятанные в ямах и других местах или розданные для хранения в другие хозяйства». Выселение проводить, применяя ст. 107 УК РСФСР через народные суды, а лишение земельного надела – через земельные общества и комиссии, «увязывая эту меру с неправильной обработкой земли, невыполнением агроминимума»⁹⁵. Хотя известно, что именно в кулацких и зажиточных хозяйствах земля обрабатывалась лучше, а агроминимум соблюдался полнее, чем в бедняцко-середняцких хозяйствах. Значит, нужно было найти повод, чтобы оправдать незаконные акции.

Со второй половины 1929 г. чрезвычайные меры уже без всякой маскировки узаконивались как постоянные при проведении хлебозаготовок. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 июня 1929 г. «О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов» разрешало сельским Советам налагать на хозяев, не выполняющих задания по хлебозаготовкам, «штрафы в административном порядке, в пределах до пятикратного размера стоимости подлежащего сдаче хлеба, с применением в случае необходимости продажи с торгов имущества соответствующих лиц». Аналогичное постановление было принято и на Украине (от 3 июля 1929 г.)⁹⁶.

В этой связи следует согласиться с Ю.А.Мошковым, который считает, что применение этих документов на практике означало не только изъятие хлеба у крестьян, но и начало частичного раскулачивания зажиточного крестьянства. «Хотя эти меры, – пишет автор, – касались лишь заготовок, они на практике послужили той юридической основой, которая позволила уже со второй половины 1929 г. начать частичную экспроприацию кулачества»⁹⁷.

29 июня 1929 г. ЦК ВКП(б) принимает специальное постановление о работе партийных организаций в связи с хлебозаготовками⁹⁸. В нем отмечалось, что «несмотря на благоприятные условия для новой хлебной кампании, завершение заготовок потребует не меньшего напряжения сил партии, чем предыдущая кампания». ЦК ВКП(б) рекомендовал создавать при сельских Советах комиссии содействия хлебозаготовкам. Комиссии должны организовать нажим и воздействие сельской общественности на кулаков, возлагая индивидуальные задания на тех кулаков, «которые будут отказываться от продажи своего хлеба государству, а к тем, которые будут уклоняться от выполнения данных заданий, комиссии должны применять через сельсоветы соответствующие меры воздействия на основе революционных законов, в частности декрета ВЦИК от 28 июня 1929 г.». Рекомендовалось также для нажима на «спекулянтов и кулаков» использовать закон о самообложении и об индивидуальном обложении по сельхозналогу⁹⁹.

Постановление было опубликовано, однако ни пункта о задачах комиссий содействия хлебозаготовкам, ни числа командированных на 3-4 месяца на хлебозаготовки (2500) руководящих работников крупных округов в опубликованном тексте не было.

Вообще ЦК ВКП(б) очень редко и неохотно публиковал материалы о репрессиях, особенно в отношении крестьянства (хлебозаготовки, налоговые платежи и пр.), хотя о них в постановлениях и директивах говорилось довольно часто.

Интересна в этой связи история с принятием постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках. Сталин, ознакомившись с проектом постановления, 10 августа писал из Нальчика Молотову:

«Читал постановление ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках. При всех его достоинствах оно, по моему, совершенно недостаточно. Сейчас главное зло в деле хлебозаготовок: 1) наличие большого количества городских спекулянтов на хлебном рынке или около хлебного рынка, отбивающих у государства крестьянский хлеб и – главное – создающее атмосферу сдержанности среди держателей хлеба; 2) конкуренция между заготовительными организациями, дающая возможность держателям хлеба ломаться, не сдавать хлеба (ждать высоких цен), прятать хлеб, не торопиться со сдачей хлеба; 3) желание целого ряда колхозов спрятать хлебные излишки, продавать хлеб на сторону. Наличие этих факторов, – которые будут усиливаться, если не примем теперь же срочных мер – не даст нашим заготовкам (и не дадут) подняться в гору...

Мой совет:

1) дать немедля директиву органам ГПУ открыть немедля репрессии в отношении городских (связанных с городом) спекулянтов хлебных продуктов (т.е. арестовывать и высылать их из хлебных районов), чтобы держатели хлеба почувствовали теперь же (в начале хлебозаготовительной кампании), что надежда на спекулянтов плоха, что хлеб можно сдавать без скандала (и без ущерба) лишь государственным и кооперативным организациям;

2) дать немедля директиву руководящим верхушкам кооперации, Союзхлеба, ОГПУ и судебных органов выявлять и немедля предавать суду (с немедленным отрешением от должности) всех уличенных в конкуренции хлебозаготовителей, как безусловно чуждых и нэпманских элементов (я не исключаю и «коммунистов»), воровским образом пробравшихся в наши организации и злостно вредящих делу рабочего государства;

3) установить наблюдение за колхозами (через КХЦ, парторганизации, ОГПУ) с тем, чтобы уличенных в задержке хлебных излишков или продаже их на сторону руководителей колхозов немедля отрешить от должности и предавать суду за обман государства и вредительство.

Я думаю, что без этих и подобных им мер дело у нас не выйдет.

В противном случае у нас получится одна лишь агитация и никаких конкретных мер по хлебозаготовкам.

Просьба показать письмо Микояну...

Пока все. Жму руку. И.Сталин».

«Целиком присоединяюсь. Ворошилов»¹⁰⁰.

Постановление ЦК о хлебозаготовках было принято 15 августа с учетом замечаний Сталина. В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) дало директиву ОГПУ «О проведении решительных мер репрессий в отношении спекулянтов хлебными продуктами»⁸⁶.

Не прошло и недели после принятия этого постановления, как Сталин пишет Молотову (21 августа): «Предложения о хлебозаготовках приняты Политбюро. Это хорошо. Но этого, по моему, недостаточно. Дело теперь в исполнении решения Политбюро. Нет нужды доказывать, что все заготовительные организации (особенно на Украине) будут обходить это решение. Боюсь даже, что ПП ОГПУ не узнают ничего о решении Политбюро и оно (решение) застрянет в «недрах» ОГПУ. Нужно поэтому потребовать от заготовительных организаций, ОГПУ, КХЦ и т.д.:

а) копии своих распоряжений подчиненным органам во исполнение решения ПБ;

б) регулярного отчета через каждые две недели (а еще лучше в неделю раз) о результатах исполнения решения. Нужно вовлечь в это дело РКИ – ЦКК. Не знаю, как ты смотришь на дело и перспективу хлебозаготовок (Микоян, возможно, воображает, что, ежели решения приняты, так у него уже лежат в элеваторах 130 млн. пудов неприкосновенного запаса). Я же думаю, что с хлебозаготовками у нас покачто неблагополучно. Суди сам: за первую десятидневку августа мы имеем всего лишь 15% выполнения плана. Допустим, что за остальные две десятидневки будем иметь не по 15%, а по 20%, – это все-таки не то, что нам нужно теперь. Боюсь, что этот неблагоприятный темп ляжет в основу дальнейших заготовок. А хлебозаготовки в нынешнем году – основное в нашей практике, – если на этом сорвемся, все будет смято. А опасность взрыва будет расти, если вы не будете налегать на исполнение решений ЦК со всей жестокостью и неумолимостью»¹⁰¹.

Примерно тогда же (24 августа) Сталин из Нальчика телеграфирует Микояну: «Заготовки растут, но все же не следует успокаиваться и почить на лаврах. Нужно усиленно нажать на все районы, прежде всего на Северный Кавказ и ЦЧО»¹⁰².

Во исполнение требований Сталина Политбюро 29 августа 1929 г. принимает специальное постановление «О ходе хлебозаготовок и проведении директив Политбюро», в котором отмечается «медленность выполнения, и в некоторых случаях и не проведение на деле директив ЦК по развертыванию хлебозаготовок», отмечается «слабый ход заготовок по Средней и Нижней Волге, по Северному Кавказу, а также по Сибири и Казахстану». Политбюро поручило Молотову и Микояну подготовить проект директивы ЦК о систематической проверке решений ЦК. Предлагалось на каждом заседании Политбюро заслушивать информацию Наркомторга о ходе хлебозаготовок и исполнении директив ЦК с вызовом руководителей заготовительных органов и ОГПУ. Для проверки выполнения директив ЦК и усиления хлебозаготовок А.И.Микоян был командирован в Поволжье и на Северный Кавказ на две недели, а Н.Б.Эйсмонт – в Казахстан. Кроме того, на хлебозаготовки были мобилизованы А.Е.Бадаев, А.С.Киселев, Н.М.Анцелович и Ф.Г.Леонов.

Политбюро предлагало ОГПУ «обеспечение на деле... проведение решительных мер репрессий в отношении... спекулянтов хлебопродуктами и доложить о принятых мерах через неделю в ПБ»¹⁰³.

20 сентября 1929 г., Политбюро ЦК вновь напоминает партийным комитетам, что они должны обеспечить проведение твердых заданий по продаже хлеба, применяя «установленные репрессивные меры (пятикратный штраф, 61 ст. по РСФСР и соответствующие статьи закона по республикам)». ОГПУ поручалось, «не ослабляя развития намеченных мероприятий по Украине и Северному Кавказу, усилить проведение репрессий по всем остальным хлебозаготовительным областям. Усилить применение высылки, как средство борьбы со злостными спекулянтскими элементами». Наркоматам юстиции РСФСР и УССР предлагалось дать директиву на места «о проведении в срочном порядке исполнение показательных процессов со строгим наказанием особо злостных кулаков и спекулянтов»¹⁰⁴.

После принятия этих постановлений репрессии усилились. 9 сентября 1929 г. ОГПУ сообщало в Политбюро, что к 7 сентября его органами арестовано в связи с хлебозаготовками 1187 человек, в том числе на Украине – 472, Северном Кавказе – 317, ЦЧО – 293 человека и т.д. К 18 сентября число арестованных и привлеченных к судебной ответственности достигало уже 2465 человек¹⁰⁵. Но эти данные были не полными, так как касались арестов только органами ОГПУ и только на части территории СССР. О неполноте приведенных выше данных свидетельствует, в частности, разговор А.А.Андреева с В.М.Молотовым по прямому проводу 18 сентября 1929 г. «Ход хлебозаготовок в крае все еще внушает серьезные опасения за исполнение плана – сообщал Андреев. – Не говоря уже о бешеном сопротивлении кулака, одной из причин медлительности является то, что середняк, не чувствуя прямого обязательства, придерживает хлеб и не торопится продавать нам. ...Продавцом – спекулянтом является не только кулак. Но очень часто середняк и бедняк, а нередко втягиваются и колхозы. В связи с этим мы решили крепко ударить по всем видам подпольного рынка, не щадя ни середняка, ни бедняка и особенно спекулянтские колхозы»¹⁰⁶. На Северном Кавказе, по данным секретарей крайкома Андреева и Иванова, к середине сентября органами ОГПУ было арестовано 1176 человек, по линии прокуратуры возбуждены дела против 1569 человек (данные Иванова – 2192 человек), в том числе против руководителей колхозов и хлебозаготовителей – 236 дел. Количество проданных кулацких хозяйств, телеграфировал Иванов Молотову 14 сентября, «трудно сейчас учесть, но в данное время редко встретишь сельсовет, где бы кулака не продали за несдачу им товарных излишков»¹⁰⁷.

В письме Сталину от 22 декабря 1929 г. Андреев сообщал, что в крае все силы брошены на завершение хлебозаготовок: послано в станицы более 5 тыс. работников краевого и окружного масштаба; общее количество оштрафованных и в значительной степени проданных хозяйств составляет 30-35 тысяч; отдано под суд около 20 тыс. человек, расстреляно около 600 человек. «Несмотря на это, – писал Андреев, – мы должны сказать, что выполнить план, очевидно не

удастся. Планом нас переобложили». Поэтому просил он план хлебозаготовок сократить на 20% или разрешить «довыполнить план после весенней кампании»¹⁰⁸.

В сводке ОГПУ от 17 сентября 1929 г. о хлебозаготовках на Украине сообщалось, что на 10 сентября заготовлено 1389812 тонн зерна, т.е. 35,2% годового плана. При этом в июле, когда только началась уборка урожая, было заготовлено немногим более половины месячного плана, а уже в следующем месяце в связи с развертыванием уборки и массовым применением чрезвычайных мер поступления хлеба составили 177% августовского плана, а за 10 дней сентября – примерно половина месячного плана.

Органами ОГПУ за два с лишним месяца хлебозаготовок на Украине было арестовано 1082 человека. В это же время (11 сентября 1929 г.) А.И.Микоян писал В.М.Молотову из Николаева (Украина): «Наши опасения о самоуспокоенности украинцев, к сожалению, целиком оправдались. Правда, Политбюро ЦК КП(б) Украины, в частности, Постышев быстро поняли в чем дело, мобилизовали 14 членов ЦК и ЦКК, дали твердые задания, когда я был еще в Харькове»¹⁰⁹. Однако далее он выражал недовольство тем, что «мобилизация работников на хлебозаготовки недостаточна»; мобилизованные, особенно ответственные работники «гастролируют больше, чем на деле двигают заготовки»¹¹⁰. Между тем, писал Микоян, кулаки и середняки хлеб без борьбы не сдадут, поэтому необходимо шире практиковать индивидуальные задания.

Секретарь Средне-Волжского крайкома ВКП(б) М.М.Хатаевич 3 октября 1929 г. разослал окружкомам и райкомам партии письмо, в котором говорилось, что «за последние месяцы особенно заметно проявляется огромное преобладание администрирования над методами массовой политической работы»; репрессии по ст. 61 УК РСФСР носят массовый характер – в крае эта статья была применена к почти 15 тыс. хозяйств»¹¹¹. Политическое положение в связи с этим было напряженным, «настроение основной массы крестьянства ухудшилось, а в некоторых селениях приблизилось к состоянию производственного упадничества и ослабления стимулов к подъему своего хозяйства и расширению посевов», – писал Хатаевич.

В Хоперском округе Нижне-Волжского края репрессии, связанные с хлебозаготовками (100 случаев применения 61 ст. УК РСФСР, до 500 случаев кратного обложения и арест свыше 500 человек), сказались не только на выполнении плана, но и на ускорении коллективизации. Крестьяне вынуждены были идти в колхоз, чтобы «укрыться от хлебозаготовок, от налога и общего нажима на кулака» (письмо Б.П.Шеболдаева В.М.Молотову – октябрь 1929 г.).

На Средней Волге было такое же тяжелое положение с хлебозаготовками как и в других районах. Давление сверху нарастало, а хлеба у крестьян не было не только лишнего (товарного), но и необходимого. Это понимали и некоторые представители местной власти, отказывавшиеся от заготовок зерна. В одной из спецсводок ОГПУ о хлебозаготовках в Средне-Волжской области (октябрь 1929 г.) утверждалось, что трудность хлебозаготовок осложняется тем, что «отдельные представители местной власти, будучи поражены крестьянским настроением, продолжают выступать против приема контрольных цифр, хлебозаготовок вообще». В качестве примера приводятся высказывания некоторых коммунистов – уполномоченных по хлебозаготовкам:

«Хлеба у крестьян нет и подобную контрольную цифру, данную по каждому селу, могут давать только бюрократы» (Самарский округ).

«Я категорически отказываюсь от заготовки хлеба, так как у крестьян излишков хлеба нет, контрольную цифру выполнить не сможем – это головотяпство со стороны тех, кто давал такие цифры» (там же).

«Хлеба нет, в эту хлебозаготовку опять придется задеть бедняка, потому что иначе мы не выполним план... Нами недовольно все население деревни» (Ульяновский округ)¹¹².

Об отношении крестьян нечего и говорить – они, не исключая и бедняков, были резко настроены против непосильных хлебозаготовок: «На кой черт нам эти заготовки, ведь это дневной грабеж... Это не власть народная, власть кучки людей – грабителей» (Ульяновский округ).

«Проводимыми хлебозаготовками Соввласть оставит вовсе без хлеба» (Пензенский округ)¹¹³.

Неудивительно, поэтому, что на ОГПУ и другие карательные органы партийно-государственным руководством была возложена ответственность за выполнение хлебозаготовок.

Уполномоченный ОГПУ по хлебозаготовкам по Чапаевскому району Самарского округа в сводке за 5-7 октября 1929 г. сообщал, что в селе Арсентьевка из 87 хозяйств к числу кулацко-закиточных было отнесено 17 хозяйств (20%) на их долю приходилось половина объема хлебозаготовок; в с. Криволучье–Ивановке соответственно: 600 и 175 хозяйств (29,2%) и две трети плана хлебосдачи; в с. Александровке из 210 дворов 81 был отнесен к кулацко-закиточным (38,6%) и должны были почти полностью (более 95%) выполнить план хлебозаготовок¹¹⁴.

На практике хлебозаготовками облагались и бедняки: в с. Арсентьевке – 25 хозяйств (28,7%), с. Криволучье–Ивановке – 125 (20,9%), с. Томылове – 98 (41,2%), с. Колыбеловке – 47 хозяйств (29,4%)¹¹⁵. Все это не могло не вызвать резкого недовольства всего крестьянства.

В сообщении секретаря Терского окружкома ВКП(б) (Северный Кавказ) говорилось, что в связи с хлебозаготовками усилились отрицательные настроения середняков и бедняцко-середняцкой части крестьянства: «...Середняк, занимавший до сих пор выжидательную позицию, начинает открыто выступать против проводимых мероприятий»¹¹⁶.

По данным ОГПУ, за семь месяцев 1929 г. (январь – июль) произошло 565 массовых крестьянских выступлений, почти 60% которых приходилось на долю хлебозаготовок. Наибольшее число массовых выступлений было в Сибири (149), на Средней Волге (91), Украине (78), в ЦЧО (49), на Северном Кавказе (42), Нижней Волге (40).

Террористических актов за это же время зарегистрировано 1679, в том числе: в ЦЧО – 399, Сибири – 367, на Украине – 284, Урале – 184 и т.д. Из общего числа террористических актов – 463 приходилось на убийство или покушение на убийство, 106 – ранения, 584 – избиения и т.п.¹¹⁷

Репрессивная политика в деревне еще более ужесточилась, а налоговый пресс усилился. В одной только Средне-Волжской области в результате майско-июньской операции ОГПУ было арестовано 1879 человек, меньше половины которых составляют кулаки (37,3%); 623 арестованных являлись середняками и бедняками, 154 – представители духовенства¹¹⁸.

В Сибири за несдачу хлеба было привлечено к ответственности правления 66 колхозов; 5-кратное обложение применено к почти 13 тыс. хозяйств, около 6 тыс. человек было осуждено, из них 2 тыс. выселено за пределы прежнего местожительства. Всего же в Сибири твердые задания по хлебозаготовкам получили 108 тыс. хозяйств (7,2% крестьянских хозяйств), которые должны были сдать 246 тыс. тонн зерна или около четверти хлебозаготовок¹¹⁹.

В одном из документов, присланном летом 1929 г. из Сибири (Красноярский округ) и переданном Сталину, говорилось: «Вот уже несколько лет, как наша страна наглухо прикрыта чугунным колпаком диктатуры, под которым задыхается все живое. При жизни Ленина было время, когда края этого колпака были несколько приподняты и к нам находили доступ освежающие струи воздуха и лучи света. Правда, и тогда жизнь крестьянина была не сладка, но все же теплилась надежда на лучшее будущее, ибо Ленин разбросал окрик партийным органам: «Не смей командовать!» Теперь мужиком командуют все, кому не лень, начиная от наркома и кончая последним комсомольцем. Ни в одной стране положение крестьянина не является столь безобразным, как в СССР». Мало-мальски мощные хозяйства объявляются кулацкими, их облагают непомерными налогами, а хозяев лишают избирательных прав.

Заканчивается этот документ словами: «Сталинского социализма, наша страна больше не хочет, как не захотела его Европа»¹²⁰.

В закрытом письме секретаря Амурского окружкома ВКП(б) Е.Накорякова секретарю Дальне-Восточного крайкома партии И.Н.Перепечко (4 августа 1929 г.) сообщалось, что только в четырех районах округа ст. 61 УК РСФСР была применена к 461 хозяйству. Намечалось еще привлечь не менее 300 кулацких и закиточных хозяйств. «Вместе с тем нужно иметь в виду,

что из всех приведенных уже 400 привлечений... лишь в единичных случаях мужики вывозили хлеб добровольно, или же при описи их имущества в амбарах оказывался хлеб более или менее в значительных количествах. Обычно же хлеб в амбаре находят 20-30 пудов», – писал он и спрашивал, как быть с середняком, который хлеб не везет, применять ли к нему 61 ст. УК РСФСР?

Интересна и та часть письма, в которой объяснялись причины трудностей хлебозаготовок: «Считаю необходимым, тов. Перепечко, быть с тобой откровенным до конца и сказать, что, по всем данным, хлебные запасы деревни очень незначительны, что бедняцко-маломощная часть села уже с зимы не имеет хлеба, а до 70 сел голодают, не ошибаясь можно сказать, что у 50% примерно хозяйств запасов хлеба совсем нет. Факт, когда из 400-500 описанных кулацких хозяйств избыток хлеба обнаружен лишь у 15-20 хозяйств, – также показателен»¹²¹.

Репрессии 1929 г. захватили и республики Средней Азии: в Узбекистане было арестовано в связи с хлебозаготовками 190 человек, а всего подверглись аресту 1745 человек, более половины которых составляли бедняки и середняки; в Туркмении соответственно – 78 и 1211 человек (большая часть середняки и бедняки); в Таджикистане – 61 и 248; в Киргизии – 99 и 365 человек.

Индивидуально обложенных в республиках Средней Азии в 1929 г. было 28667 хозяйств, затронутых по земельно-водной реформе – 37470 хозяйств, а лишено избирательных прав было 219117 человек¹²².

В Казахстане осуждено свыше 34 тыс. «баев и кулаков», у которых изъяли 631 тыс. пудов зерна, т.е. примерно по три центнера на одно хозяйство. Конфискованный хлеб составил менее одного процента плана хлебозаготовок. Следовательно, основная тяжесть заготовок легла на середняков и бедняков. Обязательным планом хлебозаготовок облагались и казахские кочевые хозяйства, вообще не имевшие посевов¹²³. Они вынуждены были продавать скот и покупать зерно или откочевывать за границу.

В результате повсеместного применения репрессивных мер Советскому государству удалось в 1929 г. заготовить 943,8 млн. пудов хлеба, в том числе на Украине – 303,9 млн., Северном Кавказе – 103,3 млн., ЦЧО – 106,0 млн. Словом, только эти три зерновых района дали более половины всего заготовленного хлеба¹²⁴.

Административно-репрессивные методы проведения хлебозаготовок и налоговых кампаний не могли не вызвать ответной реакции со стороны крестьянства. В 1929 г. и особенно со второй половины года заметно возросло число террористических и диверсионных актов против партийных, комсомольских, советских, колхозно-кооперативных работников и сельского актива вообще. В 1929 г. только в Средне-Волжском крае было зарегистрировано более 400 террористических актов, т.е. в два с лишним раза больше чем в 1928 г.; на Украине число террористических актов в 1929 г. возросло по сравнению с 1927 г. в 4 раза. В Средней Азии в 1929 г. было зарегистрировано 620 террористических актов, в том числе около 300 убийств; на Северном Кавказе – 335; на Урале – 662, в Иваново – Вознесенской области – 100; в Сибири за три месяца (октябрь-декабрь) учтен 371 террористический акт. В одном только Острогжском округе в 1928–1929 гг. зарегистрировано 226 убийств, 234 избиений и 762 поджога. Динамика террористических актов в деревне с 1926 по 1929 гг. представляется в следующем виде: в 1926 г. совершено 711 террористических актов, в 1927 г. – 901, в 1928 г. – 1153, в 1929 г. – 9137. Как видим, резкий рост террора произошел в 1929 г. главным образом на почве хлебозаготовок и наступления на зажиточные слои деревни – 7035 терактов или 77% их общего числа¹²⁵. По отдельным районам СССР террористические акты распределяются так:

а) производящие районы

Украина – 1458	Средняя Волга – 473
ЦЧО – 1135	Северный Кавказ
Сибирь – 989	(с нац. районами) – 401
Урал – 662	Нижняя Волга – 195

б) потребляющие районы

Ленинградская обл. – 662	Нижегородский край – 227
Белоруссия – 344	Северный край – 178
Западная обл. – 316	Дальне-Восточный край 177
Московская обл. – 272	Ивановская промышленная обл. – 164

в) национальные районы

Узбекистан – 354	Башкирия – 127
Туркмения – 94	Крым – 30
Киргизия – 86	Азербайджан – 165
Таджикистан – 28	Грузия – 48
Татария – 224	Армения – 40

Приведенные данные говорят о том, что наибольший удельный вес террористических актов (56,8%) приходится на производящие, т.е. зерновые районы, где решалась судьба хлебозаготовок и где сильнее всего применялись репрессивные меры. На долю потребляющих районов приходилось 25,6% террористических актов, связанных главным образом с продовольственными затруднениями и взысканием налоговых платежей. В национальных районах террористические акты в основном явились реакцией на репрессивную политику Советской власти по отношению к бывшим участникам басмаческого движения, индивидуально обложенным и т.д.

В связи с резким ростом террористических актов осенью 1929 г. ЦК ВКП(б) 3 октября принял директиву органам ОГПУ и Наркомюста РСФСР и УССР, в которой предлагал: «Принять решительные и быстрые меры репрессий, вплоть до расстрелов, против кулаков, организующих террористические нападения на совпартработников и другие контрреволюционные выступления... Проводя соответствующие меры, как правило, через судебные органы, в отдельных случаях, когда требуется особая быстрота, карать через ГПУ. Соответствующие меры ОГПУ принимают по согласованию с областными ВКП(б), а в более важных случаях по согласованию с ЦК ВКП(б)»¹²⁶.

В тот же день эта директива была разослана от имени ОГПУ и Наркомюста. 9 октября 1929 г. заместитель председателя ОГПУ М.А.Трилиссер докладывал в Политбюро ЦК ВКП(б) Молотову, что, по данным с мест (далеко не полным), на 4 октября подвергнуто репрессиям 7817 человек. «Чтобы обеспечить быстроту проведения мер репрессий... ОГПУ считает необходимым ввести в действие организацию Троек при ПП ОГПУ в главных хлебозаготовительных областях. Поэтому ОГПУ просит разрешить организацию Троек в ПП ОГПУ – Сибкрая, СКК, Украины, НВК, СВО, Казахстана и Средней Азии.

Для обеспечения контроля над вынесением приговоров Тройками, последние согласуют таковые с областными ВКП(б) и приводятся в исполнение после телеграфных сношений с ОГПУ. Срок действия указанных Троек ОГПУ просит определить в 3 месяца»¹²⁷.

Санкция ЦК ВКП(б) последовала незамедлительно и уже к 19 октября, т.е. уже через неделю, число арестованных достигло 14980 человек. Органами ОГПУ было арестовано 10667 человек или 71,2% общего числа арестованных; предано рассмотрению особого совещания 3497 человек, привлечено к судебной ответственности по ст. 107 Уголовного кодекса РСФСР 6211 человек и т.д.¹²⁸

Через месяц после принятия директив ЦК ВКП(б), ОГПУ и Наркомюста РСФСР (4 ноября 1929 г.) общее количество арестованных по хлебозаготовкам составило 28344, в том числе за «экономические преступления» 15536 человек и за «контрреволюционные преступления» – 12808 человек¹²⁹. Из общего числа арестованных приходилось на долю:

Северного Кавказа – 4702
Украины – 4393
Сибири – 3872
Урала – 2881
Нижней Волги – 2136

Средней Волги – 1991
Центрально-Черноземной обл. – 1512
Казахстана – 1208
Нижегородского края – 1375
Московской обл. – 1129

О роли органов ОГПУ в проведении «хозяйственно-политических кампаний» и в особенности хлебозаготовок можно судить, в частности, по письму полномочного представителя ОГПУ по Средне-Волжскому краю Бака председателю ОГПУ Менжинскому (6 октября 1929 г.): «Со стороны местных организаций, – писал он, – все еще нет необходимой настойчивости и решительности в деле применения штрафов и 61 ст. по отношению к кулакам, злостным несдатчикам хлеба. Эти мероприятия начинают разворачиваться только сейчас. Обком дана жесткая директива о том, чтобы в боевом порядке под непосредственным руководством окружкомов, по отношению к 3-4 процентам всей массы крестьянских хозяйств, была бы немедленно применена 61 ст.»^{*130}.

И далее продолжал Бак: «По линии ОГПУ нами проводятся по области аресты кулаков, злостных несдатчиков хлеба, что дает примерно 400-500 человек...

Мобилизовали всех работников и сейчас проводим вторичную массовую операцию по изъятию контрреволюционных элементов. Предполагаем, что цифра, подлежащих аресту превысит намеченную ранее в 1200 чел. и далеко перешагнет за 1500»¹³¹.

Однако Бак выражает недовольство тем обстоятельством, что дела на арестованных «маринуются в судебных органах» и не могут быть рассмотрены лишь потому, что находятся на рассмотрении политкомиссии ЦК. «Это вызывает задержку минимум на два месяца в то время, как надо действовать немедленно, проводя быстрее и в большем порядке судебные процессы с вынесением судебных приговоров вплоть до расстрела. Обком постановил обязать судебные органы немедленно приступить к постановке указанных процессов, о чем довел до сведения ЦК».

В заключение Бак просил содействия Менжинского «в быстрейшем разрешении этого вопроса, ибо от него в значительной мере зависит успех хлебозаготовок»¹³².

В ноябре 1929 г. секретарь крайкома партии М.М.Хатаевич на пленуме ЦК ВКП(б) вынужден был признать: «Мы в деревне в связи с хлебозаготовками нажали очень сильно. План хлебозаготовок нам дали весьма напряженный, а мы сейчас уже подходим к 100% выполнения этого плана. Это выполнение достигнуто за счет сильнеешего напряжения всех сил парторганизации и очень крепкого и жесткого нажима и не только на верхушку деревни... Необходимо все же сказать, что в ряде районов мы в смысле применения мер чисто механического, административного нажима к более широкому кругу хозяйств, чем к зажиточно-кулацкой верхушке, безусловно переборщили...»¹³³.

В результате широкого применения репрессивных мер 68 округов СССР к 25 октября 1929 г. выполнили годовой план хлебозаготовок, в том числе 4 округа Средней Волги (Оренбургский, Кузнецкий, Ульяновский, Мордовия), 4 округа Нижней Волги (Хоперский, Балашовский, Аткарский, Калмыкия), 28 округов Украины, 7 округов Западной области, 2 округа Урала и т.д.

Уполномоченный ЦК ВКП(б) по хлебозаготовкам в Западной области М.Ф.Владимирский 18 октября 1929 г. писал И.В.Сталину, что в успехе хлебозаготовок «сыграло большую роль удачное сочетание работы уполномоченных с мероприятиями ОГПУ»^{*134}.

Массированный нажим на деревню, повсеместное применение чрезвычайных мер, репрессии не только к кулацко-зажиточной части крестьянства, но и к середнякам и даже к беднякам вызвали ответную реакцию, выразившуюся как в росте индивидуального террора и диверсий, так и в массовых крестьянских выступлениях, перераставших иногда в восстания. Об этом красноречиво свидетельствуют такие данные. Если в 1927 г. было зарегистрировано 32 массовых крестьянских выступления, то в 1928 г. – 709, в том числе 539, связанных с

* Здесь и далее подчеркнуто мною – Авт.

* Подчеркнуто мною – Авт.

хлебозаготовками, а в 1929 г. – 1307 (606 в связи с хлебозаготовками и продовольственными затруднениями, 395 – на религиозной почве, 157 – в связи с коллективизацией и т.п.), в которых принимало участие 300 тыс. человек. Наибольшее число массовых выступлений было в Средне-Волжском крае – 202, Сибири – 176, Северо-Кавказском крае – 128, ЦЧО – 119, Нижне-Волжском крае – 103, на Украине – 100, в Татарии – 66. Следовательно, на долю этих районов приходилось 68,4% общего числа массовых крестьянских выступлений¹³⁵.

Конечно, такие выступления, как и проявления других форм недовольства крестьянства политикой Советской власти, жестоко пресекались вплоть до подавления их силой оружия и массовыми арестами. По данным ОГПУ, в 1929 г. в деревне было арестовано 95208 человек¹³⁶.

Обстановку в деревне того времени ярко показал в одном из писем М.А.Шолохов. «Я втянут в водоворот хлебозаготовок (литературу по боку!), – писал он 18 июня 1929 г. – и вот верчусь, помогаю тем, кого несправедливо обижают, езжу по районам и округам, наблюдаю и шибко «скорблю душой».

Когда читаешь в газетах короткие и розовые сообщения о том, что беднота и середнячество нажимают на кулака и тот хлеб везет – невольно приходит на ум не очень лестное сопоставление! Некогда, в годы гражданской войны, белые газеты столь же радостно вещали о «победах» на всех фронтах, о тесном союзе с «освобожденным казачеством»...

А вы бы поглядели, что творится у нас (на Северном Кавказе. – *Авт.*) и в соседнем Нижне-Волжском крае. Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает, имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хоперском округе у самого истого середняка, зачастую даже маломощного. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится. И как следствие умело проведенного нажима на кулака является факт (чудовищный факт!) появления на территории соседнего округа оформившихся политических банд... Что же такое, братцы? Дожили до ручки! В 29-м году – и банда...

Мне не хочется приводить примеров. Как проводили хлебозаготовки в Хоперском округе, как хозяйничали там районные власти. Важно то, что им (незаконно обложенным) не давали документов на выезд в край или Москву, запретили почте принимать телеграммы во ВЦИК... Один парень – казак хутора Скуляндного, ушедший в 1919 году добровольцем в Красную Армию, прослуживший в ней 6 лет, красный командир – два года до 1927 года работал председателем сельсовета... У него продали все вплоть до семенного хлеба и курей. Забрали тягло, одежду, самовар, оставили только стены дома. ...После этого и давайте говорить о союзе с середняком. Ведь все это проделывалось в отношении середняка.

Я работал в жесткие годы, 1921–1922 годах на подразверстке. Я вел крутую линию, да и время было крутое; шибко я комиссарил, был судим ревтрибуналом за превышение власти, а вот этаких «делов» даже тогда не слышал, чтобы делали.

Верно говорит Артем (писатель Артем Веселый. – *Авт.*): «взять бы их на густые решета...» Я тоже подписываюсь: надо на густые решета взять всех, вплоть до Калинина; кто лицемерно, по-фарисейски вопит о союзе с середняком и одновременно душит середняка¹³⁷.

Письмо это, адресованное Е.Г.Левицкой, члену партии с 1903 г., было передано в то время Сталину, но и после этого в практике хлебозаготовок ничего не изменилось: насилие продолжалось, репрессии усиливались.

Большой интерес в этом отношении представляет хранящаяся в бывшем Архиве Политбюро ЦК КПСС справка о применяемых на местах в 1929 г. методах хлебозаготовок. В перечне этих методов как малоэффективных признавались проведение общих собраний, организация «красных обозов», бойкот, применяемый к большому числу хозяйств. Положительные результаты, по мнению составителей справки, давали такие методы хлебозаготовок как лишение промтоваров несдатчиков хлеба, усиление сбора платежей, закрытие мельниц, исключение из партии коммунистов, не сдающих хлеб, административные меры, применение репрессий (ст. 107 и 58 Уголовного кодекса РСФСР), обход дворов. Эти методы, судя по справке, одобрялись.

Осуждались, хотя и мало что делалось для их пресечения, такие меры, как: лишение земельных наделов и избирательных прав, установление разверстки, выселение, вызовы неплательщиков зерна в милицию, угрозы закрыть церковь.

Против такой пагубной в отношении крестьянства политики сталинского большинства в ЦК ВКП(б) выступили члены Политбюро Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, М.П.Томский. Они не признавали сталинский тезис о неизбежности обострения классовой борьбы в условиях строительства социализма, выступали против свертывания НЭПа и замены экономических методов социалистических преобразований административно-командными, включавшими применения насилия по отношению к крестьянству. И, конечно, они решительно выступали против возведения чрезвычайных мер в постоянную политику, в длительный курс по отношению к деревне.

Состоявшийся в апреле 1929 г. пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в резолюции «По внутрипартийным делам» признал взгляды Бухарина и его сторонников как «несовместимые с генеральной линией партии и совпадающие в основном с позицией правого уклона» и применил к ним организационные меры воздействия: Бухарина и Томского освободил от занимаемых ими постов в газете «Правда» и Коминтерне (Бухарина) и ВЦСПС (Томского). Небезинтересно в этой связи привести два не публиковавшиеся до 1989 г. документа – письмо члена ЦКК ВКП(б) М.И.Ульяновой в адрес пленума и ответ Я.Э.Рудзутака, председательствовавшего на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). 22 апреля 1929 г. Ульянова писала, что, не имея возможности из-за болезни присутствовать на пленуме она просит огласить ее письмо: «Вывод из Политбюро трех крупнейших работников партии – Рыкова, Бухарина, Томского или дальнейшая «проработка» и дискредитация их, которая приведет к тому же несколько раньше или позднее, является угрозой этому коллективному руководству. В момент, когда перед партией стоят крупнейшие задачи, разрешение которых сопряжено с большими трудностями, вывод этих товарищей из Политбюро, «проработка» их, которая не дает им возможности работать и ведется вместе с тем при отсутствии принципиальных ошибок и антипартийной работы с их стороны, противоречат тому, что завещал нам Ленин, будет во вред пролетарской революции. С подобным отсечением или дискредитацией троих членов ПБ в партии неизбежно сократятся возможности для проявления критической мысли: слишком легко всякая самокритика и критика партийных органов и должностных лиц превращается в «уклоны».

...За последнее время получают все более тревожные письма, свидетельствующие о больших колебаниях в деревне (в связи с чрезвычайными мерами, голодом в потребляющих губерниях, нарушением революционной законности) и известных колебаниях в городе (в связи с обостряющимся продовольственным положением). Я считаю заслугой гг. Рыкова, Томского и Бухарина, что они ставят перед партией эти большие вопросы, а не замалчивают их. Я считаю, что иная точка зрения, точка зрения замалчивающая или затушевывающая трудности и опасности, а также чрезмерные восторги перед достижениями будут проявлением ограниченного самодовольства и комчванства. Поэтому, протестуя против самой постановки вопроса о выводе троих товарищей из Политбюро и против недопустимой и вредной для партии дискредитации их, я прошу довести до сведения пленума, что я голосую против вывода этих троих товарищей или кого-либо из них порознь из Политбюро, против их осуждения и дискредитации.

С ком. приветом М.Ульянова. 22.IV.29 г.»¹³⁸.

Письмо М.И.Ульяновой не было оглашено на заседании Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) и возвращено ей Я.Э.Рудзутаком под предлогом того, что в проекте резолюции не содержится предложений о выводе из состава Политбюро указанных товарищей. Возвращая письмо, Рудзук писал в сопроводительной записке:

«Уважаемая тов. Мария Ильинична!

Мне, как председательствующему на сегодняшнем заседании Объединенного пленума ЦК и ЦКК передали для оглашения Ваш протест против вывода из Политбюро ЦК тов. Рыкова, Бухарина и Томского. Так как ни от кого не поступило предложений об исключении этих

товарищей из Политбюро, как можете убедиться из приложенного проекта резолюции, я не считаю возможным огласить Ваше заявление.

Если в Вашем заявлении будут внесены соответствующие фактические поправки, я немедленно оглашу его на пленуме.

С тов. приветом Я.Рудзутак»¹³⁹.

Перевес политических сил был на стороне Сталина, и апрельский (1929 г.) Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) констатировал, что «группа Бухарина за последнее время от колебаний между линией партии и линией правого уклона в основных вопросах нашей политики фактически перешла к защите позиций правого уклона»¹⁴⁰. Оставшись в меньшинстве, Н.И.Бухарин и его сторонники вынуждены были принять и выполнять решения пленума. В ноябре 1929 г. на пленуме ЦК ВКП(б) они заявили о снятии своих разногласий с большинством в ЦК и Политбюро, хотя и не признали ошибочности своих взглядов. Речь шла о другом – о том, чтобы добиваться решения стоявших перед страной задач другими методами: «Опасаясь того, что применение чрезвычайных мер, как длительной системы, неизбежно затрагивает и значительные слои середнячества, мы на прошлом (апрель 1929 г.) пленуме ЦК были против их применения. Именно в этом заключалось наше разногласие с большинством ЦК и ПБ. Мы опирались при этом не только на предшествовавший опыт применения чрезвычайных мер, но и на те выводы из этого опыта, который делал сам Центральный Комитет»¹⁴¹. И далее они заявляли, что при намечавшихся ими на апрельском пленуме методах проведения линии партии были бы достигнуты желательные результаты «менее болезненным путем». Они полагали, что вопрос о необходимости подъема индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств не снимается развитием колхозного строительства. Что касается ввоза хлеба, то группа Бухарина предлагала его как «узко временную меру в наиболее тяжкие, с точки зрения продовольственного кризиса, месяцы во избежание чрезвычайных мер».

Заявление заканчивалось словами: «...Мы считаем своим долгом, несмотря на недостойные выпады против нас, воздержаться от каких бы то ни было полемических возражений и вновь заявить о своей готовности со всей энергией бороться за разрешение труднейших задач, стоящих перед нашей партией, на основе всех ее решений»¹⁴².

Таким образом, в заявлении Бухарина, Томского и Рыкова, на котором хотя и лежит печать политического поражения, решительно отвергаются обвинения в правом оппортунизме.

Позиция группы Бухарина вызвала гнев Сталина и его сторонников. С критикой этих взглядов на пленуме ЦК выступили А.С.Бубнов, И.М.Варейкис, М.Ф.Владимирский, Я.Б.Гамарник, М.И.Калинин, С.М.Киров, С.В.Косиор, А.И.Микоян, В.М.Молотов, П.П.Постышев, Б.П.Шеболдаев, Р.И.Эйхе, Я.А.Яковлев, Е.М.Ярославский и другие. Все они в один голос осуждали «Заявление трех».

Так, выступивший сразу после оглашения «Заявления» А.И.Рыковым Г.К.Орджоникидзе назвал этот документ «жульническим и недостойным члена ЦК». Он считал, что разногласия между большинством ЦК и группой Бухарина не сводились только к чрезвычайным мерам, а касались темпов развития промышленности и переустройства сельского хозяйства. Поэтому, говорил Орджоникидзе, они должны признать свои ошибки и заявить пленуму ЦК: «Мы вынуждены, к счастью для партии и для страны, заявить, что вся система нашего мировоззрения, все те предложения, которые вносили, как выход из того положения, в котором мы были полтора года тому назад, оказались ошибочными, партия оказалась права, мы разоружаемся и говорим: больше этого не будет»¹⁴³.

Как видим, сам тон выступления Орджоникидзе не допускал никаких возражений и в ультимативной форме предлагал трем членам Политбюро безоговорочно капитулировать.

Не отличались терпимостью и выступления других участников пленума ЦК. П.П.Постышев, например, упрекал А.И.Рыкова что он на апрельском пленуме «расписывал ужасы хлебозаготовок», «рассказывал, как якобы водили с досками на шеях мужиков», «перечислял... целый ряд извращений директив ЦК и т.д. и т.п.», но ничего не сказал о кулацком терроре, представляя сопротивление кулачества как «бунт всех крестьян, как недовольство всех крестьян Советской властью и той политикой партии, которую она проводит по отношению к

деревне»¹⁴⁴. Обвинял Постышев Н.И. Бухарина и за то, что тот считал, что кулак постепенно исчезнет, т.е. «врастет в социализм», поэтому нечего его бояться. «Не случайно, – продолжал Постышев, – произведение тов. Бухарина, которое называл он «Завещанием Ленина», в котором о классовой борьбе ничего не сказано, о кулаке ничего не сказано, как будто он не существует, а из Ленина тов. Бухарин изобразил какого-то апостола гражданского мира»¹⁴⁵.

Р.И. Эйхе от имени пленума Сибирского крайкома партии предложил вывести Бухарина из состава Политбюро. Его поддержал начальник Политического управления Красной Армии Я.Б. Гамарник: «...Мы не можем терпеть, чтобы в рядах нашего Политбюро находились люди, которые мешают нашей борьбе, которые путаются между ног, которые объективно защищают классового врага»¹⁴⁶.

Следовательно, организационные выводы, о которых предупреждала в апреле 1929 г. М.И. Ульянова, теперь пришли к своему финалу.

Утром 13 ноября 1929 г. выступил Сталин. Его речь как бы подводила итог обсуждения на пленуме ЦК «Заявления трех». Он охарактеризовал этот документ как платформу правых «для нового наступления на ЦК», хотя на словах они отступили от тех позиций, на которых стояли на апрельском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Коснувшись некоторых прежних положений Бухарина и его сторонников о вращении кулака в социализм, о военно-феодальной эксплуатации крестьянства, о переживаемых трудностях, Сталин основное внимание сосредоточил на вопросе о чрезвычайных мерах. Он считал, что «правоуклонисты» не понимают «всей теперешней обстановки», и политики наступления на кулака, потому что «они отошли от позиций марксизма в вопросе о классах» и классовой борьбе. Поэтому, считал Сталин, они «изображают чрезвычайные меры, как политику, направленную против всего крестьянства». В связи с этим «правоуклонисты» выступают «принципиально против допустимости чрезвычайных мер в отношении кулака», полагая, что можно обойтись мерами экономического порядка. Выступая против чрезвычайных мер 1929 г., они отождествляли их с чрезвычайными мерами 1928 г. В этом видел Сталин непонимание новой обстановки. «Разве трудно понять, – говорил он, – что чрезвычайные меры прошлого года имели по преимуществу административный характер (это было прощупывание кулака), тогда как чрезвычайные меры этого года являются мерами, применяемыми миллионными массами бедняцко-средняцкого крестьянства (массовое наступление бедняков и середняков против кулачества)?...

Что представляют собою чрезвычайные меры в нынешних условиях нашего наступления и развернутого колхозного движения? Они представляют десятую, может быть двадцатую часть, составную часть этого наступления и этого движения. Не ясно ли, что выпячивать теперь вопрос о чрезвычайных мерах вне связи с наступлением на кулачество и ростом колхозного движения, значит занять лицемерную, фальшивую, насквозь трусливую позицию? Не ясно ли, что также фальшивы и лицемерны ссылки правых уклонистов на решение пленума ЦК в прошлом году насчет нежелательности превращения чрезвычайных мер в меры постоянного порядка, ибо постановление ЦК в прошлом году касается чрезвычайных мер старого порядка (по преимуществу административных мер), тогда как мы имеем теперь дело с чрезвычайными мерами нового порядка, подкрепляемыми миллионными массами бедняков и середняков и представляющими составную часть дела наступления на кулачество, дела развития колхозного движения»¹⁴⁷.

Не вдаваясь в подробное рассмотрение всей речи Сталина, остановимся на содержании приведенной выше цитаты. Лицемерную, насквозь фальшивую позицию занимали не Бухарин и его сторонники, а Сталин и его окружение. Как можно было говорить о принципиальной разнице между чрезвычайными мерами 1928 г. и 1929 г., если в обоих случаях административно-репрессивные меры преобладали? Более того, в 1929 г. масштабы их применения, как показано выше, были несравненно большими, чем в 1928 г. Об этом не мог не знать Сталин, регулярно получавший оперативные сводки органов ОГПУ, юстиции и прокуратуры, партийных и советских органов. В 1929 г. было оштрафовано, осуждено и раскулачено (распродано или конфисковано имущество) несравненно больше крестьян, чем в 1928 г. Даже во время работы ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) Сталин получил сводку № 37

(записки, телеграммы парткомов о ходе хлебозаготовок на Средней Волге, Северном Кавказе, в Сибири, Казахстане), в которой сообщалось о многочисленных случаях репрессий против середняков и бедняков. Репрессии и администрирование в деревне осуществлялось не самими крестьянами, а органами ОГПУ и государственной власти.

Выступление Сталина на пленуме ЦК было лживым, фарисейским и лицемерным. Пользуясь безоговорочной поддержкой подавляющего большинства ЦК, а также тем, что Бухарин, Рыков, Томский под давлением этого большинства вынуждены были прекратить полемику в интересах единства партии, Сталин решил добить их политически и разгромить организационно. В написанной им резолюции пленума ЦК ВКП(б) «О группе т. Бухарина» «Заявление трех» квалифицировалось как «фракционный маневр» для подготовки «новых атак на партию». Исходя из этого, пленум решил: «т. Бухарина, как застрельщика и руководителя правых уклонистов, вывести из состава Политбюро», а Рыкова и Томского, а также Угарова, «не отмежевавшегося от правых уклонистов и примиренчества с ними», предупредить, что в случае малейшей попытки с их стороны продолжить борьбу против линии и решений ИККИ и ЦК ВКП(б) партия не замедлит применить к ним соответствующие организационные меры»¹⁴⁸.

Развязанная травля Бухарина, Рыкова, Томского продолжалась и после пленума ЦК. За этой травлей чувствовалась направляющая рука Сталина. Это отлично понимали Бухарин и его сторонники. В одном из писем 1930 г. Бухарин писал Сталину: «Коба. Я после разговора по телефону ушел тотчас же со службы в состоянии отчаяния. Не потому, что ты меня «напугал» – ты меня не напугаешь и не запугаешь. А потому, что те чудовищные обвинения, которые ты мне бросил, ясно указывают на существование какой-то дьявольской, гнусной и низкой провокации, которой ты веришь, на которой строишь свою политику и которая до добра не доведет, хотя бы ты и уничтожил меня физически так же успешно, как ты уничтожаешь меня политически...

Я считаю твои обвинения чудовищной, безумной клеветой и в конечном счете, неумной... Правда, то, что я не отвечаю и креплюсь, когда клеветают на меня... Или то, что я не лижу тебе зада и не пишу статей а la Пятаков – или это делает меня «проповедником террора»? Тогда так и говорите!»¹⁴⁹.

Сталинская точка зрения на развитие сельского хозяйства и методы его преобразования победила, «бухаринская альтернатива» была признана антипартийной, осуждена и отброшена, хотя по своему содержанию и направлению она больше исходила из интересов крестьянства в отличие от сталинской, по существу антикрестьянской политики.

§ 3. Итоги наступления на зажиточную часть деревни. (1927–1929 гг.)

Направление социально-экономического развития советской деревни, сдвиги в социальной структуре крестьянства определялись политикой Советского государства. Курс XV съезда ВКП(б) на развитие кооперативного движения и коллективизации крестьянских хозяйств, подкрепленный политическими и экономическими мероприятиями Советской власти в 1928–1929 гг., привел к новому соотношению классовых сил, к существенным изменениям в социально-экономическом развитии деревни.

В результате наступления на наиболее состоятельную часть крестьянства экономические и политические позиции ее были ослаблены. В то же время позиции социалистического сектора (совхозы и колхозы) несколько усилились, хотя по-прежнему были слабы. Произошло некоторое улучшение положения бедняцко-батрацких масс деревни и почти не изменилось экономическое положение середняков.

Рассмотрим прежде всего динамику зернового хозяйства в совхозах, колхозах и крестьянских хозяйствах производящих районов (Украина, Северный Кавказ, Нижне-Волжский и Средне-Волжский края, Центральная-Черноземная область, Урал, Сибирь и Башкирия), которые производили около 70% валовой продукции зерновых.

Данные таблицы 3 говорят о том, что за период 1927–1929 гг. посевная площадь в названных выше районах выросла на 3,9% в основном за счет колхозов и совхозов, поскольку посевы крестьянских хозяйств остались прежние. Правда, внутри крестьянских хозяйств произошло некоторое перераспределение посевных площадей: на 42,4% сократились посевы у наиболее зажиточной части деревни (кулаки) и на 8,4% выросли посевные площади у остальной части крестьян, главным образом, бедняцкой. Посевы середняков остались прежними, может быть, даже незначительно сократились.

Таблица 3

Посевные площади зерновых в 1927–1929 гг.

Категории хозяйств	Посевные площади, тыс. га			Удельный вес посевных площадей, %		
	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Совхозы	654	700,9	970,1	1,0	1,1	1,5
Колхозы	534,7	841,1	2729,1	0,9	1,3	4,1
Крестьянские хозяйства	62266,1	61590,5	62261,3	98,1	97,6	94,4
В том числе с посевом более 17,6 га	8167,9	6346,4	4704,8	12,9	10,1	7,1
Итого	63454,8	61132,5	65960,5	100	100	100

Источник: Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. М.-Л., 1931. С. 13.

В докладной записке ПП ОГПУ по Уральской области от 31 января 1929 г. сообщалось, что в связи с применением чрезвычайных мер, индивидуальным обложением, со стороны «значительной части кулацких и зажиточных хозяйств почти по всем округам Урала в ряде населенных пунктов проявилась тенденция к свертыванию сельхозпроизводства». В Курганском округе, например, по 10 сельсоветам Макушинского района 120 хозяйств сократили посевную площадь в 1928 г. по сравнению 1927 г. с 1624,8 дес. до 1037 (на 38,6%), рабочий скот с 380 до 265 голов (на 30,3%), крупный рогатый с 473 до 385 голов¹⁵⁰. Аналогичное положение наблюдалось в Челябинском округе (Еткульском и Миасском районах) и других местах.

Эта же тенденция прослеживается и при сопоставлении размеров валовой продукции зерновых различных категорий хозяйств (см. таблицу 4).

Таблица 4

Валовая продукция зерновых в 1927–1929 гг.

Категории хозяйств	Валовые сборы, тыс. ц.			Удельный вес, %		
	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Совхозы	7831	8386	9555	1,6	1,8	1,9
Колхозы	4703	7173	21359	1	1,5	4,3
Крестьянские хозяйства	480668	458850	463740	97,4	96,7	93,8
В том числе с посевом более 17,6 га	50256	39907	28840	10,2	8,4	5,8
Итого	493202	474139	494654	100	100	100

Источник: Сдвиги в сельском хозяйстве... С. 13.

Как видим, удельный вес валовой продукции совхозов и колхозов возрос с 2,6% в 1927 г. до 6,2% в 1929 г., т.е. почти в 2,5 раза; удельный вес валовой продукции наиболее богатых хозяйств за это же время сократился с 10,2 до 5,8% или в 1,8 раза. Размер валовой продукции единоличных крестьянских хозяйств (без кулаков) остался почти на прежнем уровне – прирост составил менее одного процента, а ее удельный вес вырос всего на 0,8%.

Если сравнить размеры сокращения посевных площадей кулацких хозяйств и числа последних, то нетрудно заметить, что процесс сокращения посевных площадей шел быстрее процесса сокращения кулацких хозяйств. В самом деле, посевные площади кулацких хозяйств в 1929 г. по сравнению с 1927 г. сократились в 1,75 раза, а число кулацких хозяйств только в 1,5 раза.

Следовательно, к осени 1929 г. средний размер посевов зерновых на одно хозяйство уменьшился. В сокращении размеров кулацких посевов в 1927–1929 гг. решающую роль сыграла политика наступления на кулачество. Это касалось не только зерновых районов, но и в целом СССР. Вот как выглядит изменение площади всех посевов по основным социальным группам крестьянства за 1927–1929 гг. по материалам выборочной сельскохозяйственной гнездовой переписи (см. таблицу 5):

Таблица 5

Изменение посевных площадей по основным группам крестьянства (1927–1929 гг.)

Социальные группы	Число хозяйств, вошедших в разработку	%	Размер посева на одно хозяйство	
			1927 г.	1929 г.
Батраки	48515	9,0	1,4	1,9
Бедняки	122545	22,7	2,4	2,8
Середняки	349510	64,6	4,8	4,8
Кулаки	20297	3,7	7,9	6,8
Итого	540867	100	—	—

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 73. Д. 113. Л. 6-8.

Таблица 5 показывает, что наибольший прирост посевных площадей приходился на одно хозяйство батраков (на 35,7%) за ними идут бедняцкие хозяйства (на 16,7%); у середняцких хозяйств изменений в размерах посевных площадей не произошло, а у кулаков средний размер посева на одно хозяйство уменьшился на 14%.

Показатели по отдельным районам СССР еще больше подчеркивают тенденцию вытеснения кулацко-зажиточных слоев в сельскохозяйственном производстве зерновых

районов. Например, для Украины сокращение площадей кулацких посевов на одно хозяйство составляло 16%, Сибири – 15,5%, Северного Кавказа – 25,7%.

Секретарь Средне-Волжского крайкома партии М.М.Хатаевич, выступая на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б), говорил, что в 1929 г. посевные площади крестьян края сократились на 12-15%: «Это значит, что, помимо кулаков, на путь свертывания своего хозяйства становится и некоторая часть крепких середняков... Крестьянские хозяйства в массе не увеличили посевов...»¹⁵¹. Такое положение было характерно для всех зерновых районов страны.

Несколько по-иному обстояло дело в потребляющих и национальных районах страны. Здесь темпы вытеснения кулацко-зажиточных элементов были более замедленными. В Белоруссии уменьшение посевных площадей на одно кулацкое хозяйство составляло менее 5%, в Закавказье – 6%, Узбекистане – 9%, в Киргизии – 9,5%, Туркмении – 13,8%.

Изменение размеров посевных площадей и различных категорий хозяйств, конечно, является важным показателем социальной дифференциации крестьянства, но не может быть единственным и тем более решающим критерием. Для этого следует учитывать совокупность всех других факторов, характеризующих положение той или иной группы хозяйств (обеспеченность рабочим и продуктивным скотом, средствами производства, наем рабочей силы, арендные отношения и т.п.).

В 1927–1929 гг. произошли некоторые изменения в обеспеченности скотом различных категорий хозяйств. Наблюдается та же тенденция, что и по посевным площадям: зажиточные и частично середняцкие слои деревни экономически ослабевают, а маломощная часть укрепляется. Некоторое представление об этом дает таблица 6.

Таблица 6

Изменение обеспеченности скотом на одно хозяйство (1927–1929 гг.)

<i>Категории хозяйств</i>	<i>Рабочий скот, голов</i>		<i>Коровы, голов</i>	
	<i>1927 г.</i>	<i>1929 г.</i>	<i>1927 г.</i>	<i>1929 г.</i>
Батраки	0,2	0,3	0,45	0,5
Бедняки	0,4	0,6	0,7	0,7
Середняки	1,2	1,2	1,3	1,2
Кулаки	1,9	1,6	2,0	1,7

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 73. Д. 113. Л. 9-12.

Следовательно, при почти одинаковой обеспеченности рабочим скотом и коровами в среднем на одно хозяйство в 1927 и 1929 гг. обеспеченность маломощных крестьянских хозяйств рабочим скотом за это время возросла, середняцких осталась на прежнем уровне или даже незначительно снизилась, а зажиточных слоев деревни сократилась на 16%. Обеспеченность хозяйств коровами в целом снизилась на 5%, середняцких – на 7-8%, а кулацких – на 15%. Это объясняется как усилением налогового бремени на крестьянство, так и началом проведения коллективизации: середняки и зажиточная часть деревни стали забивать или распродавать скот.

М.И.Хатаевич в ноябре 1929 г. говорил: «У нас создается такое положение, что мы к весне будущего года будем иметь, если не будут приняты серьезные меры, поголовье скота на 20-25% меньше, чем мы имели к весне этого года... Кулак «самораскулачивается». Конечно, 61 ст. (Уголовного кодекса РСФСР. – Авт.) во многих случаях топорно и не вполне правильно применяется, внизу на деле зачастую сводится к массовому насильственному раскулачиванию, но и сам кулак усиленно и быстро приспосабливается к новой обстановке, перестраивает свое хозяйство, подравнивается, ликвидирует часть своего скота. И не только кулак это делает, но и крепкий середняк»¹⁵².

С весны до осени 1929 г. в Средне-Волжском крае поголовье скота уменьшилось почти на 820 тыс. голов. В Нижне-Волжском крае за это же время количество скота сократилось на 3100 тыс. голов¹⁵³. В докладной записке секретарей Средне-Волжского и Нижне-Волжского

крайкомов ВКП(б) М.М.Хатаевича и Б.П.Шеболдаева в ЦК ВКП(б) говорилось: «Считаем, что положение на юго-востоке Союза (Средняя Волга, Нижняя Волга, Северный Кавказ и др.) с продажей и истреблением скота приняло угрожающие размеры»¹⁵⁴.

Такая же картина наблюдалась на Украине, в ЦЧО, Сибири, Казахстане и других районах. На Украине в 1929 году по сравнению с 1928 г. поголовье скота уменьшилось почти на пять миллионов голов.

В Казахстане, только по одному Петропавловскому округу за 9 месяцев 1929 г. количество скота сократилось почти наполовину¹⁵⁵. Значительно сократилось осенью 1929 г. поголовье скота в ЦЧО, на Северном Кавказе и т.д.¹⁵⁶

По данным Н.Я.Гушина, в Сибири с весны 1928 г. до осени 1929 г. поголовье скота сократилось: крупного рогатого скота на 28,2%, овец – на 39,2%, свиней – на 24,9%¹⁵⁷. Еще более интенсивно сокращалось поголовье скота осенью 1929 г.

Колхозцентр принял специальное постановление, запрещавшее принимать в колхозы крестьян, которые перед вступлением в колхоз продают или убивают свой скот. А в начале 1930 г. (16 января) ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О мерах борьбы с хищническим убоем скота»¹⁵⁸, согласно которому районные исполкомы Советов должны были лишать права пользования землей, а также конфисковывать скот и сельхозинвентарь тех крестьян, которые истребляют свой скот или подстрекают других. Они должны были привлекаться к уголовной ответственности, применяя к ним лишение свободы на срок до двух лет с высыланием.

Процесс экономического вытеснения зажиточной части деревни хорошо прослеживается по динамике обеспеченности основными средствами производства от 1927 к 1929 г., показанной в таблице 7.

Таблица 7

Обеспеченность различных категорий хозяйств основными средствами производства

Категории хозяйств	Стоимость средств производства в среднем на одно хозяйство, руб.		В 1929 г. в % к 1927 г.
	1927 г.	1929 г.	
Батраки	91,5	159,7	+74,5
Бедняки	169,5	261,6	+54,3
Середняки	624,5	626,0	+0,2
Кулаки	1602,2	1259,9	-21,4

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 73. Д. 113. Л. 13.

Снижение обеспеченности основными средствами производства зажиточных хозяйств от 1927 г. к 1929 г. еще в большей степени прослеживается по зерновым районам страны. На Украине, например, стоимость средств производства в среднем на одно кулацкое хозяйство снизилась с 1541,3 руб. до 990,4 руб., т.е. на 35,7%, на Северном Кавказе – с 2013,0 до 1400,4 руб. (на 34,3%), в Сибири – с 1292,5 до 868,1 руб. (на 32,9%), на Нижней Волге – с 1922,1 до 1426,2 руб. (на 25,7%), на Средней Волге – с 1432,8 до 957,7 руб. (на 33,2%), в ЦЧО – с 1538,2 до 1037,6 руб. (на 32,5%). Это значит, что за два года политики вытеснения обеспеченность кулацких хозяйств основными средствами производства в зерновых районах сократилась примерно на треть (кроме Нижней Волги – здесь на четверть).

Что касается середняцких хозяйств, то в целом по СССР средняя обеспеченность их средствами производства не изменилась. В то же время в зерновых районах обеспеченность середняцких хозяйств средствами производства снизилась: на Украине – на 16%, на Северном Кавказе – примерно на 6%, в Нижне-Волжском крае – на 7%, Средне-Волжском крае – на 8%, в ЦЧО – на 6%¹⁵⁹. Снижение уровня обеспеченности основными средствами производства середняцких хозяйств в 1929 г. объясняется тем, что в зерновых районах наступление на экономические позиции зажиточных хозяйств коснулось и середняцких хозяйств, особенно во время хлебозаготовок.

Вытеснялось кулачество и из сферы арендных отношений. Уменьшился удельный вес кулацких хозяйств как в числе арендовавших, так и в числе сдававших землю в аренду. По данным 13 районов, которые приводятся в статистическом сборнике «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами», только в двух районах (Московской и Западной областях) удельный вес кулацких хозяйств, арендовавших землю, с 1927 по 1929 г. незначительно вырос: в Московской области с 27,5 до 29,2%, а в Западной и того меньше – с 22,7 до 23%. В остальных районах, особенно зерновых, произошло сокращение: на Украине – с 43,2 до 25,7%, в ЦЧО – с 48,5 до 32,8%, Средне-Волжском крае – с 63,1 до 51,4%, в Сибири – с 55,2 до 45,1%, на Северном Кавказе – с 66,4 до 59,2%¹⁶⁰.

В отношении сдачи земли в аренду кулацким хозяйствам не произошло сколько-нибудь существенных изменений, так как удельный вес этих хозяйств был очень невелик – он колебался по районам от 1,3 до 13,2% для 1927 г. и от 2,2 до 16,4% для 1929 г. Зажиточные крестьяне свои земли, как правило, в аренду не сдавали, а обрабатывали сами и частично привлекали наемную силу.

Рассмотрим процесс сокращения найма рабочей силы в 1927–1929 гг. Как свидетельствуют материалы гнездовых сельскохозяйственных переписей 1927 и 1929 гг., к началу проведения сплошной коллективизации заметно сократилось число кулацких хозяйств, нанимавших рабочую силу (см. таблицу 8).

Таблица 8

Наем рабочей силы кулацкими хозяйствами

Районы	% кулацких хозяйств, нанимающих рабочих				Среднее число дней найма на одно нанимающее хозяйство	
	Всего		На срок свыше 50 дней			
	1927 г.	1929 г.	1927 г.	1929 г.	1927 г.	1929 г.
СССР	73,1	49,6	59,2	19,6	168,2	74,8
РСФСР	69,6	46,6	57,4	16,7	159,1	65,1
Средне-Волжский край	67,6	34,2	56,2	11,7	172,7	59,2
Нижне-Волжский край	65,3	37,6	57,9	24,5	172,8	143,8
Северо-Кавказский край	74,6	39,3	60,5	10,5	165,3	52,1
Центрально-Чер- ноземная обл.	49,3	24,6	31,1	4,7	114,7	37,4
Сибирский край	92,1	65,7	81,3	20,7	168,5	54,1
Ленинградская обл.	61,5	44,1	51,1	21,7	163,8	86,3
Западная область	63,6	50,6	53,9	29,6	150,9	101,2
Московская область	62,6	50,2	56,5	29,3	164,0	93,0
Ивановская про- мышленная обл.	49,5	32,5	37,0	10,2	127,3	53,4
Татарская АССР	34,6	33,9	9,5	1,7	70,0	24,8
Киргизская АССР	54,4	57,9	36,8	22,8	143,8	111,7
Украинская ССР	75,3	46,8	58,9	15,0	157,3	53,0
Белорусская ССР	92,7	59,4	87,8	35	210,9	108,9
ЗСФСР	89,7	84,3	78,0	46,6	284,6	110,8
Узбекская ССР	68,9	80,0	64,9	59,2	213,2	169,2
Туркменская ССР	83,1	86,0	75,7	62,5	275,0	202,7

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 73. Д. 113. Л. 12-21, 54-56.

Из таблицы 8 видно, что в целом по стране за время с 1927 по 1929 г. число кулацких хозяйств, нанимающих рабочую силу, сократилось на одну треть, в том числе нанимающих на срок более 50 дней уменьшилось втрое. Изменилась и продолжительность найма рабочей силы – к 1929 г. она сократилась более чем в два раза (со 168,2 до 74,8 дня на одно нанимающее хозяйство). При анализе данных таблицы обращает на себя внимание резкое сокращение в зерновых районах числа кулацких хозяйств, нанимающих рабочую силу, – примерно в два раза.

Еще больше сокращается группа кулацких хозяйств, нанимающих рабочих на срок свыше 50 дней: в Средне-Волжском крае – в 5 раз, на Северном Кавказе – в 6, в ЦЧО – в 7, в Сибири – в 4 раза и только в Нижне-Волжском крае – примерно в 2,5 раза.

Та же тенденция обнаруживается и при анализе показателей о среднем числе дней найма на одно нанимающее кулацкое хозяйство в зерновых районах. В Средне-Волжском, Северо-Кавказском, Сибирском краях и Центрально-Черноземной области среднее число дней найма на одно нанимающее хозяйство за период с 1927 по 1929 гг. снизилось втрое. Исключением является Нижне-Волжский край, где, согласно материалам переписи, сокращение составило лишь 20%. Однако эти данные вызывают сомнения. В самом деле, если число кулацких хозяйств, нанимающих рабочую силу, сократилось в 1,75 раза, в том числе с наймом свыше 50 дней – в 1,4 раза, то среднегодовое число дней найма на одно хозяйство должно было сократиться не в 1,2 раза, а значительно больше, ибо в зависимости от сокращения числа кулацких хозяйств, нанимающих рабочую силу на срок более 50 дней, сокращается и среднегодовое число дней найма на одно нанимающее хозяйство. Это подтверждается показателями по всем районам страны, не исключая потребляющих и национальных. Особенно наглядна видна неточность приведенной в таблице цифры, если сравнить показатели Нижне-Волжского края с показателями соседнего Средне-Волжского края. Здесь и там удельный вес числа кулацких хозяйств, нанимающих рабочую силу в 1927 и 1929 гг., примерно одинаков, одинаково и среднее число дней найма на одно хозяйство и удельный вес хозяйств с наймом свыше 50 дней для 1927 г., но к 1929 г. число этих хозяйств в Средне-Волжском крае сократилось в 5 раз, а в Нижне-Волжском – в 2,5 раза, т.е. вдвое меньше, чем в Средне-Волжском крае, следовательно, и среднее число дней найма, приходившееся на одно хозяйство в Нижне-Волжском крае, должно быть примерно вдвое меньше, чем в Средне-Волжском крае. На основе всех этих данных можно предположить, что общая продолжительность найма кулацкими хозяйствами рабочих в Нижне-Волжском крае должна была сократиться со 172,8 дня примерно до 115-120 дней на одно хозяйство.

В национальных и потребляющих районах процесс вытеснения зажиточного крестьянства проходил более медленно – в Белоруссии, Ленинградской, Московской, Западной, Ивановской промышленной областях, число кулацких хозяйств, прибегающих к найму рабочей силы, сократилось на 15-35%, в том числе нанимающих на срок свыше 50 дней – в 2-3 раза, а среднее число дней найма на одно нанимающее хозяйство также уменьшилось в 1,5-2,5 раза. В республиках Закавказья и Средней Азии при общем стабильном числе нанимавших рабочую силу кулацких хозяйств высшая группа их (с наймом на срок более 50 дней) заметно сократилась – в Закавказье на 40, в Киргизии на 35, в Туркмении почти на 20%. Продолжительность найма на одно хозяйство в республиках Закавказья снизилась более чем в 2,5 раза, в Узбекистане – на 26%, в Туркмении – на 36% и т.д.

Таким образом, процесс ограничения и вытеснения зажиточной части деревни в зерновых районах шел более интенсивно, чем в национальных и потребляющих. Более медленные темпы вытеснения кулацко-байских элементов в национальных районах объяснялись их специфическими особенностями: экономической и культурной отсталостью, сильным влиянием феодально-родовых пережитков, низким удельным весом социалистического сектора в сельском хозяйстве.

Мероприятия Советского государства, направленные на ограничение и вытеснение зажиточного крестьянства, наиболее состоятельных и дееспособных слоев привели к серьезным социально-экономическим изменениям в деревне.

Одним из важных показателей, характеризующих социально-экономические сдвиги в деревне, являются данные о численности и распределении наемных рабочих в сельском хозяйстве. К концу 1929 г. сократилось число батраков. Так, в 1926/27 гг. в индивидуальных крестьянских хозяйствах среднегодовое число работающих по найму составляло 1045,1 тыс. человек. Кроме того, 365,1 тыс. человек было занято в сельских обществах (пастухи и т.п.) и 380,8 тыс. в социалистическом секторе сельского хозяйства (совхозах и пр.). К осени 1929 г. положение существенно изменилось: в индивидуальных крестьянских хозяйствах число работающих по найму сократилось до 420,1 тыс., в сельских обществах – до 307,5 тыс. человек, а в социалистическом секторе увеличилось до 647,7 тыс. человек¹⁶¹.

Сопоставляя эти данные, приходим к выводу, что, во-первых, общее среднегодовое число работающих по найму в сельском хозяйстве сократилось с 1,751 тыс. до 1375,3 тыс., т.е. на 21,5%; во-вторых, в индивидуальных крестьянских хозяйствах число батраков уменьшилось в 2,5 раза; в-третьих, в социалистическом секторе число работающих по найму увеличилось почти вдвое. В то же время число поденных сельхозрабочих даже несколько увеличилось. Это говорило о том, что зажиточные, вынужденные значительно сократить аренду земли, должны были уменьшить наем рабочих, переходя к найму сезонной рабочей силы.

Вывод о том, что уменьшение числа батраков в индивидуальных крестьянских хозяйствах происходило за счет сокращения их числа в кулацких хозяйствах, подтверждается данными об уменьшении среднего числа дней найма на одно нанимающее хозяйство. В 1927 г. на бедняцкое хозяйство приходилось 21,6 дня найма, в 1929 г. – 18,1, на одно середняцкое приходилось соответственно – 27,7 и 25,4 дня, а на кулацкое – 168,2 и 74,8¹⁶².

Процесс вытеснения кулацких элементов их сфер хозяйственной жизни деревни характеризуется таблицей 9.

Таблица 9

**Динамика социального состава деревни
1927 и 1929 гг. (в %)**

<i>Районы</i>	<i>Год</i>	<i>Число хозяйств, вошедших в раз-работку</i>	<i>Батраки</i>	<i>Бедняки</i>	<i>Сред-няки</i>	<i>Кулаки</i>
1	2	3	4	5	6	7
СССР	1927	638127	9,8	22,9	63,4	3,9
	1929	640736	8,9	21,6	67,2	2,3
РСФСР	1927	446726	9,7	22,6	63,8	3,9
	1929	444322	9,0	21,1	67,7	2,2
Ленинградская обл.	1927	21673	8,9	20,4	67,6	3,1
	1929	21191	6,9	14,3	75,1	3,7
Западная обл.	1927	36534	6,4	22,6	68,7	2,3
	1929	36406	5,2	21,4	71,2	2,2
Московская обл.	1927	41268	8,0	18,1	70,0	3,9
	1929	40421	8,9	17,9	70,1	3,1
Ивановская про-мышленная обл.	1927	25627	7,1	16,1	73,6	3,2
	1929	25906	5,4	13,1	78,6	2,9
Средне-Волжский край	1927	29989	9,1	24,2	63,2	3,5*
	1929	29635	7,7	27	64,1	1,2
Нижне-Волжский край	1927	28095	11,7	22,1	61,8	4,4
	1929	29421	12,0	20,3	65,2	2,5
Северо-Кавказский край	1927	34782	14,8	21,0	58,5	5,7
	1929	35041	13,9	21,3	62,4	2,4
1	2	3	4	5	6	7
Сибирский край	1927	38430	9,8	20,3	63,2	6,7
	1929	39691	8,8	20,3	69,1	1,8

* В сборнике «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР...» (с. 67) ошибочно указано 3,9%.

Центрально-Черноземная обл.	1927	58368	8,9	24,7	64,2	2,2
	1929	59515	9,4	24,6	65,3	0,7
Татарская АССР	1927	15364	8,9	33,2	55,5	2,4
	1929	15758	14,1	31,5	52,2	2,2
Уральская обл.	1927	34252	12,9	25,7	57,0	4,4
	1929	30667	10,1	22,5	65,8	1,6
Киргизская АССР	1927	2381	5,1	26,5	65,0	3,4
	1929	2272	4,2	12,5	78,1	5,2
Украинская ССР	1927	130883	9,6	21,1	65,5	3,8
	1929	136128	9,2	21,9	67,5	1,4
Белорусская ССР	1927	23724	6,5	24,7	64,7	4,1
	1929	23379	3,9	19,6	73,9	2,6
ЗСФСР	1927	12011	15,4	24,7	52,2	7,7
	1929	11982	8,8	22,2	62,9	6,1
Узбекская ССР	1927	21040	12,8	34,4	49,4	3,4
	1929	21509	10,5	33,1	51,0	5,4
Туркменская ССР	1927	3743	8,7	33,3	53,2	4,8
	1929	3416	4,4	24,7	63,9	7,0

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 73. Д. 113. Л. 36.

Как отмечается в примечаниях к таблицам о динамике социальных групп в деревне статистического сборника «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР...», материалом для этих таблиц послужили итоги разработки гнездовых сельскохозяйственных переписей 1927 и 1929 гг. За оба года одни и те же гнезда были описаны аналогичным методом.

При оценке данных о социальном составе советской деревни за 1927 и 1929 гг. следует иметь ввиду следующие обстоятельства:

а) хозяйства относились к определенным группам за оба года по одной и той же схеме, но с учетом классовых признаков соответствующего года;

б) отнесение хозяйств к той или иной группе производилось на основании прямых классовых признаков: занятия (рабочий, батрак, служащий и т.п.), найма рабочей силы, сдачи и аренды средств производства с учетом размеров хозяйства (стоимость основных средств производства);

в) в связи с началом коллективизации и наступлением на кулачество данные для 1929 г. отражают лишь тенденцию, а не абсолютно точное положение группы кулацких и отчасти середняцких хозяйств;

г) наступление на кулачество, ограничение и вытеснение его вынуждало последнее приспосабливаться к новым условиям, ввиду этого не всегда удавалось статистически зарегистрировать те или иные признаки кулацких хозяйств, хотя на практике многие хозяйства произвольно относились к кулацким. И тем не менее тенденция падения удельного веса кулацких хозяйств в общем числе крестьянских хозяйств налицо. Об этом свидетельствуют не только данные таблицы 9, но и таблиц 3-8.

Анализ содержания материалов гнездовых обследований 1927 и 1929 гг. позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, в отличие от первого периода НЭПа, когда при падении удельного веса кулацких элементов происходил некоторых абсолютный их рост, теперь, накануне перехода к сплошной коллективизации, численность кулаков сокращалась не только относительно но и абсолютно.

Во-вторых, одновременно, с сокращением числа кулацких хозяйств, происходил процесс сокращения пролетарских элементов деревни (примерно на 20%) и отчасти бедняцких хозяйств (на 6%).

В-третьих, наряду с размытием крайних полюсов происходил небольшой рост удельного веса и абсолютного числа средних слоев деревни (с 63,4% в 1927 г. до 67,2% в 1929 г.).

В-четвертых, процесс дифференциации крестьянства в зерновых районах шел более интенсивно, чем в потребляющих и национальных, причем число и удельный вес кулацких хозяйств уменьшились повсеместно, за исключением республик Средней Азии, где в 1929 г. наблюдается некоторый рост числа байско-манапских хозяйств. Видимо, это объясняется тем, что данные за 1927 г. были преуменьшены, так как в это время полным ходом шла земельно-водная реформа, в процессе проведения которой была ликвидирована часть наиболее крупных байских хозяйств. Кроме того, поскольку процесс их ликвидации еще продолжался, то вполне вероятно, что некоторая часть не ликвидированных, но частично экспроприированных баев могла попасть в разряд середняков. Что касается данных за 1929 г., то, поскольку к тому времени эта часть баев смогла оправиться и занять свое прежнее место в кулацкой группе, показатели могли оказаться выше, чем было в действительности. Нельзя не считаться и с тем, что в 1929 г. в связи с проведением политики наступления на зажиточную часть деревни признаки кулацких хозяйств были расширены по сравнению с 1927 г. Это также сказалось на результатах гнездового обследования. Само собой разумеется, что последнее обстоятельство имело место не только в республиках Средней Азии, но в сочетании с другими факторами результаты его особенно наглядно проявились в Средней Азии.

И хотя статистические материалы гнездовых обследований 1927 и 1929 гг. не дают полного представления о масштабах изменений в социально-экономическом развитии доколхозной деревни, по ним достаточно убедительно прослеживаются тенденции этого развития. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что в период непосредственной подготовки сплошной коллективизации в результате проведения политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов экономическая мощь кулачества была сильно подорвана: часть кулацких хозяйств была ликвидирована (хотя эта ликвидация и не носила массового характера), другая часть – подавляющее большинство – экономически ослаблена. Ослабление экономической мощи кулачества и лишение его избирательных прав привело к ослаблению и его политического влияния в деревне.

Глава вторая

МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ В ХОДЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

§ 1. Партия вырабатывает новую репрессивную политику в деревне (декабрь 1929 – февраль 1930 г.)

С переходом осенью 1929 г. к сплошной коллективизации партийно-государственное руководство страны приступило к выработке новой, более ужесточенной репрессивной политики в деревне. После опубликования статьи И.В.Сталина «Год великого перелома» и принятия постановления ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б) по докладу председателя Колхозцентра Г.Н.Каминского «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства» наступление на крестьянство усиливается.

Для разработки конкретного плана проведения сплошной коллективизации постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) 5 декабря 1929 г. была создана специальная комиссия во главе с Я.А.Яковлевым, вскоре (7 декабря) назначенным наркомом земледелия СССР¹.

В комиссию Политбюро по подготовке проекта постановления ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации вошли секретари крупнейших партийных организаций: А.А.Андреев (Северный Кавказ), К.Я.Бауман (Московская обл.), И.М.Варейкис (Центрально-Черноземная обл.), Ф.И.Голлоцкий (Казахстан), С.В.Косиор (Украина), М.М.Хатаевич (Средняя Волга), Б.П.Шеболдаев (Нижняя Волга). Кроме того, в комиссию вошли представители центральных учреждений и ведомств: С.И.Сырцов и Т.Р.Рыскулов (СНК РСФСР), М.М.Вольф (Госплан СССР), М.Н.Беленький (Хлебоцентр), Г.Н.Каминский (Колхозцентр), И.Е.Клименко (Наркомзем РСФСР), М.Е.Каценельбоген, Н.В.Мальцев (отделы ЦК партии) и другие.

На первом заседании комиссии, 8 декабря, было образовано 8 подкомиссий, наибольший интерес из которых для нас представляют подкомиссии: о темпе коллективизации (председатель Г.Н.Каминский) и о политике по отношению к кулаку (К.Я.Бауман).

Намечаемые высокие темпы коллективизации предполагали ввиду неподготовленности как основных масс крестьянства, так и материально-технической базы сельского хозяйства такие методы и средства воздействия на крестьянство, которые вынуждали бы его вступать в колхозы. Такими средствами являлись: усиление налогового пресса на единоличников, мобилизация пролетарских элементов города и деревни, партийно-комсомольского и советского актива на проведение коллективизации, усиление административно-принудительных и репрессивных методов воздействия на крестьянство и прежде всего на его зажиточную часть.

В предложениях подкомиссии Н.Я.Баумана (подписанных также Г.Н.Каминским, Т.Р.Рыскуловым, М.Н.Беленьким и И.Е.Клименко) подчеркивалось, что успешное развитие коллективизации как и социалистическое строительство в целом невозможно без ликвидации кулачества. «В районах сплошной коллективизации, – говорилось в записке подкомиссии, – мы можем и должны поставить вопрос борьбы с кулачеством по-новому. Опираясь на сплочение бедняцко-середняцких масс, подавляющего большинства крестьянства вокруг колхозного строительства, мы можем поставить вопрос об экспроприации всех средств производства у кулачества, о передаче их в неделимый фонд колхозов, тем самым нанося решительный и сокрушающий удар остаткам капитализма в этих районах. Мы достигаем этим экономического разоружения кулака. Мы как бы взрываем мосты возврата к прошлому – к существующему рядом с колхозом индивидуально-кулацкому сектору, продолжающему через десятки и сотни каналов свое влияние на колхозников, не говоря уже о прямой борьбе»².

В условиях сплошной коллективизации раскулачивание коренным образом отличалось от раскулачивания периода «военного коммунизма», когда конфискованный инвентарь «распылялся по индивидуальным крестьянским дворам и не уничтожалась сама основа роста капиталистических элементов». Передача кулацкого инвентаря в неделимый фонд колхозов, по

мнению подкомиссии, повышает эффективность его использования, а все большее обобществление средства производства крестьянских хозяйств в колхозах исключает возможность «дальнейшего роста капиталистических элементов».

Конечно, считают авторы записки, классовая борьба в районах сплошной коллективизации и при экспроприации кулачества не исчезнет. «Потребуется еще ряд лет для систематической и упорной переделки экономики крестьянских хозяйств, объединенных в колхозы, для превращения самого колхоза в действительно крупное хозяйство на базе современной техники... Потребуется ряд лет для переделки индивидуалистической природы мелкого хозяйства, для его перевоспитания, для искоренения всяких рецидивов к индивидуальному хозяйству и капиталистических извращений в самом колхозном строительстве»³.

В этой связи подкомиссия К.Я.Баумана считала недостаточным «указание на недопущение кулаков в колхоз и его очистку оттуда». «Жизнь ставит перед нами вопрос о ликвидации, уничтожении капиталистических элементов в кратчайший исторический срок. Как новая форма борьбы ставится вопрос о «раскулачивании» в новых условиях. Не размежевание классов, а их уничтожение – такова наша установка. Вместе с тем ставится вопрос о том людском составе, который теперь занят в кулацких хозяйствах. Если взять по всей стране, то этот состав будет исчисляться не менее 5-6 миллионов населения»⁴. При этом нужно исходить из следующих посылок:

- а) из враждебности этого слоя крестьянства социалистическим порядкам,
- б) из возможности заставить часть кулачества силой пролетарской диктатуры подчиниться и лояльно относиться к социалистическому преобразованию деревни.

«Очевидно, безнадежно пытаться разрешить «кулацкую проблему» выселением всей массы кулацкого населения в отдаленные края или тому подобными мероприятиями», поэтому, по мнению подкомиссии, тактика в отношении кулака должна быть дифференцирована. Необходимо, во-первых, арестовать или выселить те кулацкие элементы, которые «оказывают активное сопротивление вновь установленным социалистическим порядкам, которые ведут контрреволюционную, подрывную работу».

Во-вторых, выселить (переселить) тех кулаков, кто хотя и менее активно, но все же оказывает сопротивление, отказывается подчиниться порядкам сплошной коллективизации.

В-третьих, использовать большинство кулацкого населения как рабочую силу в колхозах, не давая, однако, избирательных прав (ни пассивного, ни активного), установив испытательный срок в 3-5 лет. В случае добросовестного отношения к работе бывшие кулаки получают избирательные права и становятся полноправными членами колхоза.

Авторы этих предложений исходили из того, что давление пролетарской диктатуры, бедняцко-середняцкого блока, успехи социалистического строительства покажут бесперспективность развития кулацких хозяйств и экспроприированный кулак вынужден будет подчиниться новым порядкам.

«Без каких бы то ни было иллюзий насчет вставания кулака в социализм, но в полной убежденности, что в порядке классовой борьбы мы в кратчайший срок сокрушим главный оплот враждебных классовых сил – кулачество, уничтожим остатки капитализма в нашей стране, выкорчем корни капитализма, уничтожим классы, – мы должны развертывать могучим темпом колхозное строительство»⁵.

Исходя из вышеизложенных соображений, подкомиссия К.Я.Баумана предлагала:

1. Проводить в районах сплошной коллективизации на основе постановлений сельских сходов и местных съездов Советов экспроприацию всех средств производства кулацких хозяйств и их передачу в неделимый фонд колхозов.

2. Высылать и выселять по постановлению сельских сходов и сельсоветов те кулацкие элементы, которые оказывают активное сопротивление установлению новых порядков ведения сельского хозяйства на социалистических началах.

3. Включать в состав колхозов, как рабочую силу без предоставления в ближайшие годы избирательного права тем членам кулацких семейств, которые согласны подчиниться и добросовестно исполнять все обязанности в колхозе. По истечении определенного срока,

устанавливаемого колхозными объединениями (3-5 лет) возможно включение их в состав полноправных членов колхоза⁶.

Анализ вышеизложенного документа показывает, что предложения подкомиссии К.Я.Баумана преследовали следующие цели.

Ликвидация зажиточных (кулацких) хозяйств деревни должна была способствовать успешному, ускоренному проведению сплошной коллективизации, так как:

Во-первых, устранялись конкурентноспособные с колхозами хозяйства, что расчищало дорогу коллективизации.

Во-вторых, укреплялась материально-техническая база колхозов, поскольку экспроприированные средства производства поступали в неделимые фонды колхозов.

В-третьих, раскулачивая наиболее состоятельные крестьянские хозяйства, Советская власть закрывала дорогу середняцким слоям деревни в зажиточные, а усиливающийся налоговый пресс толкал их в колхозы.

В-четвертых, выселение и репрессии в отношении наиболее консервативной и недоверчивой части крестьянства к социалистическим новшествам должно было, по мнению авторов предложений, сыграть решающую роль в повороте основных масс крестьянства в сторону колхозов.

Как видим, основной упор делался на принудительные, репрессивные методы при проведении сплошной коллективизации.

На основе предложений всех подкомиссий был подготовлен проект постановления ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству и 22 декабря 1929 г. направлен в Политбюро ЦК ВКП(б).

Ознакомившись с проектом И.В.Сталин 29 декабря писал В.М.Молотову: «На днях думаем принять решение о темпе колхозного строительства. Комиссия Яковлева дала проект. Проект, по-моему, неподходящий. Ты его, должно быть, уже имеешь. Сообщи свое мнение»⁷.

1 января 1930 г. Молотов телеграфировал Сталину: «Проект о темпе коллективизации считаю неудачным, местами с фальшивыми нотами, например, пп. 3, 8 и 9.

Не понимаю нужды после пленума (ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 г. — *Авт.*) в новой длинной резолюции, местами явно расплывчатой и отстающей от жизни и решений ЦК, например, п. 5. Обобщения для всего СССР в первом пункте, по-моему, сейчас неуместны, ведут к бюрократическому планированию, особенно неуместному в отношении бурного, широчайшего массового движения. Нам доступнее сейчас ориентировка в отношении лишь ряда районов, имеющих, однако, решающее значение для сельского хозяйства. Лучше глубже проанализировать положение этих районов.

Ряд практических дополнений лучше дать в советском и кооперативно-колхозном порядке. Пункт 8 следует проработать конкретнее»⁸.

Не вдаваясь в рассмотрение всех замечаний Молотова по проекту постановления ЦК, представленного Яковлевым, остановимся на замечании по пункту 8, касающегося политики партии в отношении кулацких хозяйств.

В пункте 8 проекта говорилось: «Опыт развития коллективного движения показал, что только на основе решительной борьбы с кулаком, на основе решительного подавления его сопротивления политике партии и Советской власти, на основе беспощадного отпора его попыткам проникнуть в колхоз и использовать его для своего самосохранения, возможно здоровое развитие коллективного движения. В соответствии с этим, в округах сплошной коллективизации необходимо ни в коем случае не ослаблять борьбы с кулаком, осуществляя наряду с отведением им отдаленных и худших земель по решению сходов и местных съездов Советов, также и прямую конфискацию средств производства кулацкого хозяйства и передачу их полностью в неделимый фонд колхозов.

В отношении кулаков, оказывающих сопротивление установлению нового порядка ведения сельского хозяйства на социалистических началах, необходимо и в дальнейшем принять меры выселения по постановлению сельских сходов и сельских Советов, допуская включение в состав колхозов, как рабочей силы, без предоставления как активного, так и пассивного

избирательного права, только той части семьи кулака, которая на деле покажет готовность подчиниться и добросовестно исполнять все постановления колхоза*, беспощадно изгоняя из колхоза, без всякой компенсации из средств колхоза, классово-чуждые элементы, пытающиеся взорвать колхозное движение изнутри»⁹.

Не понравилось, видимо, Молотову в п. 8 указание на то, что можно принимать в колхозы часть кулаков, готовых «подчиниться и добросовестно исполнять постановления колхоза».

В тот же день, т.е. 1 января 1930 г., Сталин отвечал Молотову: «Телеграмму о резолюции по колхозам получил. Твои замечания целиком совпали с критическими замечаниями наших друзей. Думаем сократить в 4-5 раз, выбросив все уставное из резолюции и оставив только исправленное директивное. Краткая резолюция нужна для того, чтобы зафиксировать новые темпы, установленные в последнее время плановыми и прочими органами, и наметить более короткие сроки коллективизации по основным хлебным районам.

Резолюция пересматривается в указанном духе. Текст резолюции получишь по телеграфу»¹⁰.

Переработанный по указанию Сталина проект постановления ЦК был представлен Яковлевым 3 января в Политбюро. В нем срок коллективизации важнейших зерновых районов (Средняя и Нижняя Волга, Северный Кавказ) был сокращен до 1-2 лет, для остальных зерновых районов был установлен в 2–3 года, а для важнейших районов потребляющей полосы и основных сырьевых районов – в 3–4 года. Исключено было указание на то, что может иметь колхозник в личной собственности, а Наркомзему СССР поручалось выработать примерный устав сельхозартели, «как переходной к коммуне форме колхоза».

Исключено было также и положение о том, что часть кулацких семей можно включать в колхозы как рабочую силу с предоставлением в дальнейшем гражданских прав. Теперь этот пункт проекта гласил: «Кулака в колхозы не пускать, применяя в отношении его в районах сплошной коллективизации, в соответствии с решением объединяющихся в коллективы бедняков и середняков и местных съездов Советов, конфискацию кулацких средств производства с передачей их в неделимые фонды колхозов, отвод кулакам отдаленных и худших земель, выселение из районов злостных кулацких элементов и т.п.»¹¹.

4 января 1930 г. этот проект постановления был отредактирован Сталиным и Яковлевым: сокращены еще больше сроки коллективизации в зерновых районах, опущен текст о кулаке, ограничившись указанием, что партия перешла «в своей практической работе от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса»¹².

5 января 1930 г. переработанный и отредактированный Сталиным вариант проекта постановления ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» был утвержден на заседании Политбюро и 6 января опубликован в «Правде».

И.В.Сталин, выступая на Всесоюзной конференции аграрников – марксистов (27 декабря 1929 г.), еще до окончания работы комиссии Я.А.Яковлева провозгласил лозунг «ликвидации кулачества как класса».

«Теперь мы имеем возможность повести решительное наступление на кулачество, – говорил он, – сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производство производством колхозов и совхозов. Теперь раскулачивание производится самими бедняцко-середняцкими массами, осуществляющими сплошную коллективизацию. Теперь раскулачивание в районах сплошной коллективизации не есть уже простая административная мера. Теперь раскулачивание представляет там составную часть образования и развития колхозов»¹³.

Это положение Сталина было закреплено в постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г.

Провозглашение Сталиным новой политики в отношении кулака развязало руки партийным и советским работникам, привело к невиданному разгулу беззакония и репрессий. Ссылка Сталина на то, что крестьяне сами проводят раскулачивание в ходе коллективизации,

* Здесь и далее подчеркнуто мною. – Авт.

мягко говоря, была вымыслом – раскулачивание, как и применение чрезвычайных мер во время хлебозаготовок, было делом рук административно-репрессивной системы Советского государства.

Теперь, когда была открыто провозглашена политика «ликвидации кулачества как класса», осталось только наметить конкретные формы и методы ее практического осуществления.

15 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) образовало специальную комиссию во главе с секретарем ЦК В.М.Молотовым. В ее состав вошли А.А.Андреев, С.А.Бергавинов (Северный край), И.М.Варейкис, Ф.И.Голощекин, Н.Н.Демченко (Украина), Е.Г.Евдокимов (ОГПУ), И.Д.Кабаков (Урал), С.В.Косиор, Ф.Г.Леонов (Московская обл.), М.М.Хатаевич, Б.П.Шеболдаев, Р.И.Эйхе (Сибирь), М.И.Муралов (Наркомзем РСФСР), С.И.Сырцов, Т.А.Юркин (Колхозцентр), Г.Г.Ягода (ОГПУ), Я.А.Яковлев (Наркомзем РСФСР), Н.М.Янсон (Наркомюст РСФСР) и др. – всего 21 человек. На последующих заседаниях Политбюро, 16, 18, 20 и 23 января 1930 г., дополнительно в комиссию Молотова были включены К.Я.Бауман, Г.Н.Каминский (Отдел агитации и массовых кампаний ЦК), Н.М.Голодед (Белоруссия), Н.М.Анцелович (ЦК профсоюза сельхозрабочих) и С.С.Одинцов (Союз союзов сельхозкооперации).

Таким образом, в комиссии были представлены секретари партийных комитетов как зерновых районов, проводивших сплошную коллективизацию, так и районов, в которые должны были выселяться раскулаченные (Северный край, Сибирь, Урал). Кроме того, в комиссию вошли представители центральных учреждений, в том числе карательных и правоохранительных органов (ОГПУ, Наркомюст).

Для подготовки проекта постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации было образовано две подкомиссии во главе с Я.А.Яковлевым и И.Д.Кабаковым. Наибольший интерес для нас представляет работа подкомиссии И.Д.Кабакова, поскольку она готовила раздел проекта постановления, связанного с репрессиями в районах сплошной коллективизации. В состав подкомиссии, помимо Кабакова, входили представители ОГПУ – Е.Г.Евдокимов и Г.Г.Ягода, Наркомюста и Прокуратуры – Н.В.Крыленко. Используя некоторые материалы предыдущей комиссии Яковлева (подкомиссии Баумана), к 23 января 1930 г. подкомиссия Кабакова подготовила проект постановления ЦК, в котором говорилось: «В целях уничтожения кулачества как класса для обеспечения социалистической реконструкции сельского хозяйства, признать необходимым принять в отношении кулацких и белогвардейских элементов в деревне, особенно в районах сплошной коллективизации и в Западной пограничной полосе, нижеследующие меры:

1. Предложить ОГПУ усилить репрессии во внесудебном порядке в отношении:

- а) участников контрреволюционных организаций и группировок,
- б) вдохновителей и организаторов террористических актов, поджогов и массовых выступлений,
- в) вредителей различного рода, наносящих всевозможный вред имуществу и инвентарю совхозов и колхозов, – применяя к этим элементам заключение в концлагерь, ссылку и высшую меру репрессии»¹⁴.

В связи с этим подкомиссия Кабакова предлагала предоставить ОГПУ право «передоверия» своих полномочий на местах ПП ОГПУ с участием представителей крайкомов (обкомов) ВКП(б) и прокуратуры. При этом подкомиссия, исходила из того, что масштабы репрессий в ходе коллективизации будут велики и потому в централизованном порядке провести их будет нелегко.

В отношении остальных «кулацких элементов в деревне, особенно в районах сплошной коллективизации и Западной пограничной полосе» предлагалось применить:

- а) высылку в Северный край, Сибирь и на Урал с конфискацией имущества и «реквизицией инвентаря свыше трудовой нормы»,
- б) внутреннее переселение в пределах округов и районов в места, где расселяемые будут «наиболее экономически обезврежены с предоставлением им наихудшей земли, с конфискацией их имущества и оставлением им лишь трудовой нормы сельскохозяйственного инвентаря».

Эти мероприятия должны быть проведены в порядке особого закона и закончены не позднее 1 апреля 1930 г., особенно по районам Северного Кавказа, Нижне-Волжского края, Центрально-Черноземной области, Средне-Волжского края и Украины. Одновременно предлагалось пересмотреть действие закона об аренде земли, наемном труде в сельском хозяйстве «в сторону допущения их в ограниченных размерах в колхозах и с полным запрещением и индивидуальных хозяйств»¹⁵.

Высылку кулацких семей намечалось произвести в первую очередь, кроме указанных выше районов, также из Белоруссии и Западной области. Во вторую очередь предлагалось выселить кулацкие семьи из Уральской области, Казахстана, Ленинградского военного округа, Сибири и Дальне-Восточного края. Общее количество выселяемых семей ориентировочно устанавливалось до 100 тысяч, в том числе в округа Северного края – до 60 тыс., Сибири – 30 тыс., Урала – 10 тыс. семей¹⁶.

Списки подлежащих выселению и внутреннему расселению составляются сельскими Советами и утверждаются районными исполкомами; областные (краевые) и окружные исполкомы должны своевременно сообщать места высылки и районы расселения. Наряду с принудительным переселением допускалось и добровольное в отношении тех хозяйств, которые должны переселяться на худшие земли в пределах данного региона.

Краевые и областные парткомы и исполкомы Советов должны наметить пункты местного расселения и добровольного переселения, а также способы и порядок использования расселяемых на хозяйственных работах (лесозаготовки, земляные работы, дорожное строительство, рыбные промыслы и проч.).

Расселяемые на худшие земли кулаки должны дать обязательство о выполнении государственных заданий по расширению посевной площади, контрактации продукции, повышению урожайности и продуктивности скота и т.д., «причем из них (расселяемых) должны быть взяты заложники в обеспечение их лояльного поведения»¹⁷.

Советским и партийным органам предписывалось «добиваться расслоения расселяемых кулацких семей, создавая из лояльных элементов артели и товарищества, используя их для выполнения специальных заданий по строительным, лесоразработочным, сельхозмелиоративным и т.п. работам»¹⁸.

Выселению не подлежали семьи красноармейцев и красных партизан. В отношении семей кулаков, члены которых работают на производстве или были участниками гражданской войны рекомендовалось проявлять «при их выселении особо осторожный подход».

Ряд пунктов проекта постановления ЦК ВКП(б) касался борьбы с «антиколхозным и антисоветским влиянием» в городах, школах и вузах, а также в религиозных объединениях.

В одном из пунктов предлагалось «срочно пересмотреть законодательство об организации религиозных объединений в целях изгнания из них всех лишенцев, нетрудового элемента и проч.».

Наркомтруду и ВЦСПС поручалось разработать мероприятия «по очистке промышленных предприятий от просочившихся кулацких элементов и недопущения новых»¹⁹.

Наркомпросу рекомендовалось также разработать практические меры по проведению в вузах и средних, 2-ой ступени, школах воспитательной работы «под углом зрения обезвреживания влияния антисоветских элементов и детей кулацких элементов и лишенцев, не останавливаясь перед репрессиями в отношении наиболее злостных из них»²⁰.

В заключительной части проекта «в целях успешного проведения мероприятий по выселению кулацких и других контрреволюционных элементов деревни» признавалось необходимым: увеличение штата ОГПУ на 700-800 человек; мобилизация старых чекистов из запаса; отпуск необходимых средств «для проведения операции». Кроме того, предлагалось провести специальную мобилизацию рабочих на фабриках и заводах и ответственных партийных работников в округа и районы сплошной коллективизации.

Все необходимые законодательные изменения должны быть проведены срочно, в 10-дневный срок.

Как видим, в проекте подкомиссии И.Д.Кабакова основной акцент делался на репрессивной стороне.

Предложения подкомиссии Я.А.Яковлева (в составе Анцеловича, Хатаевича, Одинцова, Лисицына и Карлсона), подготовленные одновременно с проектом постановления подкомиссии И.Д.Кабакова, касались в основном порядка экспроприации кулацких хозяйств и роли органов власти на местах в проведении этой акции. В нем, в частности, предлагалось предоставить окружным исполкомам в районах сплошной коллективизации право издания постановлений о запрещении найма рабочей силы и аренды земли кулацкими хозяйствами; разрешить райисполкомам и по их поручению сельсоветам производить конфискацию средств производства, хозяйственных и жилых построек, предприятий по переработке, кормовых и семенных запасов с тем, чтобы «у кулаков были оставлены средства производства в пределах не более минимально необходимого для ведения хозяйства на отводимых им участках». Предлагалось предоставить право райисполкомам и сельсоветам выселения кулаков за пределы колхоза или отвода им отдаленных земель, лежащих вне колхозных полей, а также постановлений, в соответствии с решениями собраний колхозников и бедняцко-батрацких собраний, о выселении «активно сопротивляющихся и вредящих делу колхозного строительства кулаков в отдаленные местности страны»²¹.

Местным органам власти (райисполкомам и сельсоветам) разрешалось конфисковывать частично или полностью вклады и паи кулаков во всех видах кооперации и органов сельхозкредита.

В целях предупреждения «порчи и разбазаривания кулаками своего имущества» сельсоветам и райисполкомам предоставлялось право взятия на учет всего имущества и запрещения кулакам продажи его без разрешения сельсовета.

В предложениях подкомиссии Яковлева устанавливался определенный порядок проведения конфискации и использования конфискованных средств производства и имущества:

а) конфискация производится сельсоветом с обязательным участием представителей колхозов, сельхозрабочников, батрацкого актива и бедняцко-батрацких групп;

б) конфискуемые у кулаков средства производства и имущество передаются сельсоветом или райисполкомом в колхоз в качестве взносов батраков в неделимый фонд колхоза, за исключением той части, которая идет в погашение задолженности кулацкого хозяйства сельхозкредиту или кооперации;

в) конфискуемые у кулаков паи в кооперации, а также вклады в сельхозкредитные товарищества зачисляются в фонд кооперирования и коллективизации батраков и бедняков;

г) колхоз, получающий конфискованные средства производства, предприятия, строения, имущество, семена и землю кулаков, должен не только засеять кулацкую землю, но и увеличить задания по контрактационному договору в полуторном размере перешедшей к колхозу площади земли;

д) конфискуемые жилые постройки должны быть использованы для общественных нужд колхоза или сельсовета или в качестве общежитий батраков, вступающих в колхоз и не имеющих собственного жилья²².

«Все эти мероприятия, – говорилось в заключительной части предложений, – должны быть проведены на основе широчайшего развертывания самостоятельности и активности широких колхозных и батрацко-бедняцких масс. Решениям сельсоветов и РИК'ов о конфискации кулацкого имущества в каждом отдельном случае должны предшествовать постановления общих собраний членов колхоза, собраний батрацко-бедняцких групп, собраний батрачества и бедноты, с тем, чтобы таким образом осуществляемая ликвидация кулачества, как класса, действительно являлась неразрывной составной частью сплошной коллективизации»²³.

23 января 1930 г. эти предложения, как и предложения подкомиссии Кабакова, были направлены в ЦК ВКП(б) Молотову.

25 января оба проекта постановления (И.Д.Кабакова и Я.А.Яковлева) обсуждались на заседании комиссии по выработке мер в отношении кулачества (председатель В.М.Молотов), в результате чего было выработано решение:

«1. Предложить т. Крыленко представить краткий проект декрета о запрещении самовольного переселения кулацких элементов без разрешения соответствующих советских органов.

2. Поручить подкомиссии в составе: Яковлева (председатель), Шеболдаева, Крыленко, Косиора Ст., Ягоды и Бергавинова проработать более подробно вопрос о конкретном определении мест и рода работы для выселяемых кулаков, а также объединить предложения подкомиссий Яковлева и Кабакова в одну общую директиву»²⁴.

26 января 1930 г. в Политбюро был представлен подготовленный на основе предложений подкомиссий проект постановления ЦК ВКП(б) о мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации. В нем говорилось, что в целях «наибольшего обеспечения дальнейшего развертывания социалистического переустройства сельского хозяйства и полного преодоления сопротивления кулацких элементов делу переустройства крестьянского хозяйства на коллективных началах» отменяется действие закона об аренде земли и о наемном труде в сельском хозяйстве вообще (а не только в кулацких хозяйствах, как это первоначально предлагалось подкомиссией Яковлева), конфискуются у кулаков средства производства, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы и т.п.

В связи с этим все кулацкие хозяйства разделялись на три категории:

первая – кулацкий актив, подлежащий заключению в концлагеря;

вторая – кулаки, подлежащие высылке в отдаленные местности Союза ССР или в пределах данного края в отдаленные районы;

третья – остальные кулацкие семьи, остающиеся на месте своего жительства с отводом им земель вне колхозных полей.

Общее число первой категории устанавливалось в 60 тыс. человек, а второй – в 150 тыс. семей²⁵. Всего, таким образом, намечалось выселить 210 тыс. семей (поскольку семьи арестованных также подлежали выселению), т.е. вдвое больше чем намечалось первоначально подкомиссией И.Д.Кабакова, Н.В.Крыленко, Г.Г.Ягоды, Е.Г.Евдокимова. Ориентировочно устанавливалось и количество заключаемых в концлагеря и высылаемых по областям: (табл. 10).

Таблица 10

	Концлагерь	Высылка
Средняя Волга	3-4 тыс.	8-10 тыс.
Северный Кавказ	6-8 тыс.	20 тыс.
Украина	15 тыс.	30-35 тыс.
ЦЧО	3-5 тыс.	10-15 тыс.
Нижняя Волга	4-6 тыс.	10-12 тыс.
Белоруссия	4-5 тыс.	6-7 тыс.
Урал	4-5 тыс.	10-15 тыс.
Сибирь	5-6 тыс.	25 тыс.
Казахстан	5-6 тыс.	10-15 тыс.

Источник: ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 35. Л. 117.

Количество раскулачиваемых хозяйств «по всем основным зерновым районам» должно было составлять в среднем «примерно 3-5% общего числа хозяйств», или вдвое больше чем по официальным данным числилось осенью 1929 г.

Мероприятия по аресту и выселению раскулаченных намечалось провести в течении двух месяцев (февраль-март). Для обеспечения проведения указанных мероприятий признавалась необходимым мобилизация из промышленных областей (Московской, Ленинградской, Иваново-Вознесенской, Нижегородской) 2500 партийных работников не ниже окружного масштаба. Мобилизованные должны были выехать на места не позднее 20 февраля.

Местами высылки раскулаченных намечались Северный край, Сибирь, Урал и Казахстан. Определялось и количество выселяемых семей по районам: Северный край – до 70 тыс., Сибирь – 50 тыс., Урал – 20-25 тыс., Казахстан – 20-25 тыс. семей. Выселяемых предполагалось использовать на сельскохозяйственных работах или промыслах в необжитых и малонаселенных местах. Для этого выселяемым при раскулачивании должны быть оставлены «самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые элементарные средства производства... и необходимый на первое время минимум продовольственных запасов». Кроме того, предусматривалось «перекинуть в эти районы до 20 тыс. конфискованных кулацких лошадей, передав из них 5 тыс. в лагеря ОГПУ»²⁶.

Что касается кулацких хозяйств, отнесенных к третьей категории, составляющие большую часть раскулачиваемых и расселяемых в пределах районов их проживания, то им предполагалось «оставлять средства производства в размерах не более минимально необходимых для ведения хозяйства на вновь отводимых им участках»²⁷. При этом на расселяемых кулаков местными органами должны быть возложены определенные производственные задания и обязательства по сдаче товарной продукции государственным и кооперативным органам.

В разделе «Особые постановления» предусматривались специальные поручения центральным ведомствам и организациям (СНК СССР, ВЦСПС, ОГПУ, Наркомату путей сообщения, Наркомтуду, Наркомпросу и др.), а также Оргбюро ЦК ВКП(б) по проведению мероприятий, вытекающих из постановления Политбюро.

30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) после доработки и внесения поправок и дополнений в проект комиссии Молотова приняло постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» в тот же день оно было передано по телеграфу на места.

Поскольку содержание постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января подробно было изложено в предыдущих наших работах, а в последнее время был опубликован текст постановления, остановимся только на некоторых вопросах, имеющих, однако, принципиальное значение²⁸.

Прежде всего остановимся на количественной стороне. Согласно окончательному (последнему) варианту проекта постановления число репрессируемых кулаков первой и второй категории должно было составить 210 тыс. семей (60 тыс. человек подлежало заключению в концлагерь и 150 тыс. семей выселению в отдаленные районы). По зерновым районам и Белоруссии число заключаемых в концлагерь составляло 49-60 тыс. человек, а выселяемых в отдаленные края – 129-154 тыс. семей. В отношении остальных областей и республик «аналогичную наметку» поручалось произвести ОГПУ по согласованию с соответствующими крайкомами и ЦК ВКП(б)²⁹. Следовательно, мероприятия по ликвидации кулацких хозяйств касались не только зерновых районов, но и потребляющих и национальных. Указание на то, что распределение количества репрессируемых по первой и второй категориям произведено «в соответствии с данными мест» не соответствует действительности – контрольные цифры устанавливались в Москве органами ОГПУ и ЦК ВКП(б).

В отличие от проекта в постановлении ЦК ВКП(б) репрессивные меры в отношении первой и второй категорий намечалось провести в течение четырех месяцев (февраль-май), а не двух (февраль-март), как предполагалось в проекте объединенной подкомиссии Яковлева. Это объясняется неподготовленностью местных организаций к приему раскулаченных, выселяемых в северные отдаленные районы. Правда, арест и заключение в концлагерь проводились немедленно.

Произошли изменения и в определении степени конфискации кулацкого имущества. Так, например, если в проектах конфискация денежных средств в сберкассах не предусматривалась, а на руках разрешалось иметь до 3000 руб. на семью для устройства на новом месте, то теперь согласно постановлению ЦК ВКП(б) денежные средства конфискуются с оставлением некоторой минимальной суммы (до 500 руб.). Заметим, что на экземпляре предложений подкомиссии Яковлева, присланного помощником Молотова Ягоде, пункт VI о том, что «конфискация не

должна распространяться на вклады сберкасс» подчеркнут и сделана следующая рукописная приписка: «Из сберкасс деньги не выдавать. Послать списки в сберкассы»³⁰.

ЦК ВКП(б) предоставил ОГПУ право на время проведения кампании по раскулачиванию передоверять свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел ПП ОГПУ в областях. Рассмотрение дел должно производиться совместно с представителями крайкомов (обкомов) ВКП(б) и прокуратуры.

Важно обратить внимание и еще на одно обстоятельство, имеющее серьезное значение для понимания последующих событий. В разделе «Особые постановления» (п. 8) давалось указание «срочно пересмотреть законодательство о религиозных объединениях»^{*} и поручалось Оргбюро ЦК «дать директиву по вопросу о закрытии церквей, молитвенных домов сектантов и проч. и о борьбе с религиозным и сектантским движением, в целях устранения тормозов в соваппарате, мешающих проведению в жизнь принятых подавляющей массой крестьянства решений о закрытии церквей, молитвенных домов сектантов и т.п.»³¹.

В этом же разделе постановления Политбюро ЦК ВКП(б) предлагалось СНК СССР издать в 5-дневный срок «законодательные изменения... с тем, чтобы они были введены в действие крайисполкомами и правительствами национальных республик в районах сплошной коллективизации немедленно, а в остальных – в зависимости от темпа развития сплошной коллективизации в этих районах»³².

И, наконец, в п. 10 «Особых постановлений» было записано: «Срочно (в 3-дневный срок) издать не подлежащий опубликованию декрет о повсеместном (а не только в районах сплошной коллективизации):

а) запрещении свободного переселения кулаков из мест своего жительства без разрешения райисполкомов под угрозой немедленной конфискации всего имущества;

б) запрещении распродажи кулаками своего имущества и инвентаря под угрозой конфискации и других репрессий»³³.

По указанию Политбюро ЦИК и СНК СССР 1 февраля 1930 г. приняли постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством»³⁴, а 4 февраля совершенно секретную Инструкцию ЦИКа и СНК союзных и автономных республик, краевым и областным исполкомам о мероприятиях по проведению раскулачивания»³⁵.

В развитие постановления ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. Совнарком СССР 3 февраля принял протокольное постановление, которым обязывал СНК РСФСР совместно с ОГПУ в двухдневный срок разработать и представить на утверждение проект постановления о расселении высылаемых в отдаленные районы республики кулаков и об использовании их на работе. Одновременно с этим Совнарком СССР поручал Наркомзему в трехдневный срок дать директиву по колхозной линии в связи с постановлением от 1 февраля и Инструкцией ЦИК и СНК от 4 февраля о порядке проведения мероприятий по ликвидации кулачества как класса.

СНК СССР обязывал Наркомфин СССР дать директиву сберкассам и кредитным учреждениям о немедленном прекращении в районах сплошной коллективизации выдачи ссуд и вкладов кулакам. Наркомат путей сообщения СССР совместно с ОГПУ должны были в 5-дневный срок представить план железнодорожных перевозок выселяемых кулацких семей, Наркомторг – определить порядок снабжения их продовольствием и промтоварами. Предусматривались также ассигнования на расходы, связанные с выселением кулацких семей»³⁶.

Для выработки конкретных мероприятий по борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах, а также в областях незернового типа, имеющие «замедленный темп коллективизации» (Московская, Ленинградская, Иваново-Вознесенская, Западная области, Нижегородский и Дальне-Восточный края) Политбюро 4-5 февраля 1930 г. приняло постановление:

---

^{*} Здесь и далее подчеркнуто мною. – *Авт.*

а) Созвать 11 февраля совещание представителей парторганизаций Азербайджана, Грузии, Армении, Туркмении, Таджикистана, Киргизии, Бурят-Монголии, а также Заккрайкома и Средазбюро ЦК (по одному представителю);

б) Созвать с той же целью на 21 февраля совещание представителей парторганизаций Московской, Ленинградской, Иваново-Вознесенской, Западной областей и Нижегородского и Дальне-Восточного краев³⁷.

11 февраля 1930 г. В.М.Молотов открыл совещание представителей национальных районов. С докладами на совещании выступили заведующий Отделом агитации и массовых кампаний ЦК ВКП(б) Г.Н.Каминский (до января 1930 г. он был председателем правления Колхозцентра) и секретарь Средазбюро ЦК ВКП(б) И.А.Зеленский (к сожалению, доклады и выступления участников совещания не стенографировались).

12 февраля Молотов, подводя итоги работы совещания, предложил создать комиссию по выработке постановления ЦК в составе: Молотова (председатель), Каминского, Гринько, Зеленского, Икрамова, Назаретяна, Муравьева, Рыскулова, Абдурахманова. Для подготовки проекта постановления с учетом обмена мнений была образована подкомиссия: Каминский, Зеленский, Назаретян и Икрамов. Одновременно с этим Молотов дал основные установки по выработке проекта постановления Политбюро ЦК ВКП(б) по национальным районам. Он предложил наметить к раскулачиванию 4,5% хозяйств, т.е. в два раза больше, чем имелось там кулаков по официальным данным. Комиссии предлагалось также «продумать вопросы»: о развитии животноводства в связи с «самораскулачиванием» и бегством кулацких (байских) хозяйств за границу; о садоводстве; кооперации; организации бедноты в национальных районах.

В результате работы подкомиссии Каминского некоторые положения Молотова, в частности, о количестве раскулачиваемых хозяйств, были смягчены и проект постановления ЦК ВКП(б) 19 февраля был разослан членам и кандидатам Политбюро ЦК ВКП(б).

С.И.Сырцов, ознакомившись с проектом постановления ЦК ВКП(б) «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах», писал И.В.Сталину³⁸:

«Тов. Сталин!

По вопросу о резолюции в отношении «коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономических районах» – я голосую за.

Имеются у меня некоторые сомнения – не запоздали ли мы и можно ли повернуть то, что там делается без еще больших накладных расходов?

Сужу, например, по Крыму (резолюция его не имеет в виду, но я думаю, что многое там происходящее характерно и для других районов). В Крыму 95 тыс. хозяйств. Решили они раскулачить и выселить из Крыма 8 тыс. хозяйств. Раскулачивание проведено, по словам председателя СНК Крымской АССР, в отношении 3 тыс. хозяйств. Они требуют немедленно переселить в ближайшие недели 12-15 тыс. человек. Арестованными у них забиты, в том числе курортные места, которые сейчас надо очищать. На указания, что ОГПУ не может заниматься выселением из Крыма, так как имеются районы первой очереди крымчане отвечают: «тогда у нас сорвется достигнутое по коллективизации»*. Между прочим, там наблюдается рост эмиграционных настроений, что, очевидно, характерно для пограничных районов и создается благоприятная почва для кемалистской агентуры.

С.Сырцов.

19. II - 1930 г.»

Высказываясь за утверждение проекта, Сырцов тем не менее считает, что с постановлением по национальным районам ЦК запоздал, так как после принятия постановления Политбюро от 30 января 1930 г. кампания по раскулачиванию получила широкий размах повсюду, в том числе и в национальных районах. В качестве иллюстрации к этому Сырцов приводит данные по Крыму (который, хотя и являлся национальным районом, но не имелся в виду в проекте). Здесь местные власти приняли решение раскулачить и выселить из Крыма 8 тыс. хозяйств, т.е.

---

* Подчеркнуто мною. – Авт.

почти 8,5% общего числа крестьянских хозяйств, а не 2-3% как предлагалось в проекте. Интересно и еще одно замечание Сырцова: успех коллективизации «крымчане» непосредственно связывали с раскулачиванием («тогда у нас сорвется достигнутое по коллективизации»).

20 февраля 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) отредактированный проект с поправками утвердило в качестве постановления ЦК.

Поскольку это постановление до сих пор не опубликовано, а его содержание почти не освещено в историографии, остановимся более подробно на нем.

В постановлении признавалось, что не только в зерновых, но и в других районах, в том числе и в ряде национальных республик, коллективизация развивается, хотя и «относительно замедленными темпами», ввиду «экономической отсталости и социально-политической обстановки». Между тем нередко местные организации, не подготовив необходимых условий, «механически переносят мероприятия по борьбе с кулаками, применяемые в районах сплошной коллективизации», допускают администрирование, что может лишь «затормозить дело массовой коллективизации».

ЦК ВКП(б) предлагал местным парторганизациям сосредоточить внимание на проведении подготовительной работы как в целом по республикам и областям, так и дифференцируя ее внутри регионов. Особое значение придавалось коллективизации наиболее развитых хлопководческих районов и районов спецкультур, где имелись МТС, совхозы, племхозы. Подготовительная работа по коллективизации и ликвидации кулачества должна включать в себя: организацию бедноты и батрачества, развитие сельскохозяйственной кооперации, ограничение кулацко-байских элементов в части предоставления кредитов, налогообложения, земле-и водопользования, землеустройства, аренды и т.п. Рекомендовалось устанавливать задания для кулацко-байских хозяйств по сдаче товарной продукции (особенно технических культур); привлекать в обязательном порядке живой и мертвый инвентарь кулацких хозяйств для обработки полей безинвентарных хозяйств и колхозов; немедленно взыскивать с кулацких хозяйств недоимки; строго применять предусмотренные законодательством меры в случае нарушения кулацкими хозяйствами законов об аренде и субаренде и т.д.

В животноводческих районах национальных республик и областей ЦК ВКП(б) предусматривал следующие меры.

1. В отношении пограничных районов:

Правительства республик Закавказья и Средней Азии, Казахстана и Бурят-Монголии должны были принять решительные меры вплоть (до конфискации) против хозяйств, пытающихся эмигрировать за границу. В связи с этим предлагалось усилить пограничную охрану по пресечению угона скота за границу, укрепив пограничные районы ответственными работниками: Средазбюро ЦК – 100 человек, Заккрайком – 150, крайком Казахстана – 50 человек. Кроме того, провести мобилизацию по линии ЦК 100 работников не ниже окружного масштаба.

2. В районах мериносового овцеводства и мясного животноводства:

Обязать крайком партии Казахстана, Средазбюро ЦК и Дагестанский обком ВКП(б) принять меры борьбы с хищническим уничтожением мериносовых овец в связи с развернувшейся коллективизацией. Наркомзему СССР поручалось создать совхозы, чтобы принять конфискуемых у кулаков овец. Провести меры по выполнению постановления ЦИК и СНК СССР от 16 января 1930 г. «О мерах борьбы с хищническим убоем скота», расширить контрактацию индивидуального скота, развернуть строительство животноводческих совхозов.

Специальный раздел постановления ЦК ВКП(б) от 20 февраля 1930 г. был посвящен районам сплошной коллективизации. Предлагалось пересмотреть постановления местных органов об объявлении районов сплошной коллективизации «с точки зрения их готовности». В дополнение к постановлению ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. запрещалось в районах сплошной коллективизации Средней Азии чайрикерство (издольщина), а в Азербайджане – раджбирство. Рекомендовалось в республиках Средней Азии и Казахстана перейти к

общесоюзным формам работы среди батрачества (батрачко-бедняцкие группы, собрания) и ликвидировать союз Кошчи (союз бедноты).

Большое место в постановлении занимали мероприятия в отношении кулацких (байских) хозяйств в районах сплошной коллективизации национальных районов. Хотя в преамбуле постановления утверждалось, что в национальных районах колхозное движение развивается относительно замедленными темпами и потому механическое перенесение мероприятий по борьбе с кулачеством, применяемых в районах сплошной коллективизации, осуждалось тем не менее все кулацкие хозяйства, как и в зерновых районах, разделялись на три категории. Предлагалось до 15 марта первую категорию арестовать и заключить в концлагерь в количестве 2950 человек, в том числе: в Средней Азии – 1300 человек (Узбекистан – 1000, Туркмения – 200, Таджикистан – 100), Закавказье – 1200 человек (Грузия – 500, Азербайджан – 500, Армения – 200), в Дагестане – 350 человек и Бурят-Монголии – 100 человек.

Кулацкие хозяйства, отнесенные ко второй («контрреволюционный актив») и третьей («остальной явн кулацкий актив») категориям, подлежали расселению за пределами районов сплошной коллективизации на худших землях, но в пределах республики. В виде исключения в отношении Дагестана и некоторых районов Средней Азии допускалось в ограниченных размерах размещение раскулаченных за пределами республики. Что касается кулацких семей некоренных национальностей, то их предлагалось «выселить в обязательном порядке» из пределов республик – в Средней Азии не более 400 и в Закавказье – 300 семей. Количество раскулачиваемых хозяйств трех категорий должно составить не более 2-3% общего числа крестьянских (дехканских) хозяйств.

Постановление ЦК распространялось на Киргизию, Якутию, Дагестан, Казахстан, Бурят-Монголию, республики Средней Азии и Закавказья.

Как видим, репрессивная политика сталинского партийно-государственного руководства в отношении национальных районов мало отличалась от политики в зерновых районах, разве что масштабами.

Не прошло и недели, как 25 февраля 1930 г. Политбюро вновь рассматривало вопрос о коллективизации и раскулачивания в национальных районах Советского Востока – «О Чечне и Узбекистане». В постановлении отмечалось, что в некоторых районах Узбекистана в ходе коллективизации допускается насилие и принуждение – угроза лишения воды и товаров хозяйствам, отказывающимся вступить в колхозы, применяется вооруженная сила и т.п. Ссылаясь на постановление Политбюро от 20 февраля, ЦК считал, что в районах Узбекистана, Чечни, Ингушетии, Дагестана, Киргизии, Туркмении, Кабарды коллективизация и раскулачивание должны проводиться «медленным темпом в меру подготовки бедняцко-середняцких масс к идее коллективизации». Вместе с тем для быстрой ликвидации «бандитизма» (сопротивления крестьян) «разрешить ввести достаточное количество вооруженных сил».

Почти одновременно с совещанием по национальным районам проходило совещание представителей партийных организаций областей и краев потребляющей полосы и комиссии Политбюро во главе с С.И.Сырцовым по подготовке проекта постановления ЦК ВКП(б) «Об организации весеннего сева и дальнейших мероприятиях по коллективизации и ликвидации кулачества». В комиссию Политбюро входили также М.И.Калинин, Л.М.Каганович, Г.К.Орджоникидзе, Я.А.Яковлев, Г.Н.Каминский, Т.А.Юркин, Н.А.Угланов, А.А.Жданов, Г.Ф.Гринько и другие. По предложению В.М.Молотова Политбюро ЦК ВКП(б) 23 февраля признало «целесообразным объединение работы настоящего совещания и комиссии Сырцова с тем, чтобы разработанный подкомиссией (совещания. – *Авт.*) проект предложений был передан на рассмотрение комиссии Сырцова». Дополнительно в комиссию Политбюро включались представители областей, вызванных на совещание, – Ф.Г.Леонов, М.С.Чудов, Н.Н.Колотилов, И.П.Румянцев, Я.В.Полуян, Д.С.Бейк, М.И.Разумов, а также Г.Г.Ягода и Е.Г.Евдокимов (ОГПУ). Кроме того, признавалось необходимым включение в состав комиссии представителей Украины и ЦЧО.

Работу комиссии предлагалось закончить в 3-4 дня.

В проекте, подготовленном комиссией Политбюро, нас интересует раздел, связанный с репрессиями в деревне – «О выселении и расселении кулаков». В нем говорилось, что в ряде мест раскулачивание распространяется на середняцкие хозяйства, применяются методы голого раскулачивания вне связи с коллективизацией, происходит дележка кулацкого имущества и т.п. Имеет место неорганизованное выселение кулаков из мест их постоянного жительства за пределы данного района (края, области) – «в результате чего целые группы кулаков передвигаются по железным дорогам (загружая транспорт, скопясь на узловых железнодорожных пунктах, разнося эпидемии), явочным порядком поселяются в пограничных районах, проникают в города и наиболее злостные категории кулаков уходят в леса и горы, пополняя ряды бандитов»³⁹.

ЦК поручал ОГПУ, партийным и советским органам принять решительные меры против этого явления, а также проникновения «кулацких элементов на фабрики и заводы».

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. ориентировочно устанавливался контингент кулаков, подлежащих аресту и заключению в концлагерь и подлежащих выселению (табл. 11).

Таблица 11

	<i>Концлагерь</i>	<i>Высылка</i>
Ленинградская обл.	3000	3000
Западная обл.	4000	3000
Московская обл.	4000	3000
Ивановская Промышленная обл.	2000	2000
Нижегородский край	2000	2000
Крымская республика	2000	2000
<i>Всего</i>	17000	15000

Источник: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 70. Л. 9.

Выселение кулацких семей в Сибирь должно быть произведено в течение мая – июля, за исключением Крыма, откуда выселение производится в Казахстан в количестве 2000 семей до мая, причислив Крым к районам первой очереди⁴⁰.

Таким образом, в декабре 1929 г. – феврале 1930 г. была выработана не только новая репрессивная политика в деревне, но и разработана целая система мер по срочному проведению сплошной коллективизации и ликвидации в связи с этим кулацких хозяйств сначала в зерновых районах, а затем и повсеместно.

§ 2. Массовые репрессии в деревне в связи с коллективизацией (1930–1931 гг.)

Еще до принятия специальных постановлений о проведении репрессий против зажиточной части деревни, после выступления Сталина на конференции агарников-марксистов органы ОГПУ в первой половине января 1930 г. начали широкомасштабную подготовку к проведению этой операции.

11 января 1930 г. Г.Г.Ягода в записке руководящим работникам ОГПУ С.А.Мессингу, Е.Г.Евдокимову, Г.Е.Прокофьеву, Г.И.Бокию писал, что в связи с обострением классовой борьбы в деревне «необходимо немедленно наметить целый ряд мер в отношении сплошной очистки деревни от кулацкого элемента... Если мы быстрым, решительным ударом, как во время хлебозаготовок не нанесем удара, мы к моменту весенней посевной кампании будем иметь ряд сплошных восстаний и срыв кампании. Нам необходимо до марта-апреля расправиться с кулаком и раз навсегда сломать ему хребет»⁴¹. Помимо экономических мер, которые ОГПУ должно наметить, необходимо в первую очередь разработать «меры репрессивно-административного характера», секретно-оперативное управление (СОУ) должно определить районы, откуда «немедленно надо выселить, арестовать, заключить в лагерь кулачье». Вместе с тем следует наметить количество семей, подлежащих высылке и места ссылки (районы Крайнего Севера, пустынные места Казахстана и др.).

Ягода просил к 14 января дать ему сведения: сколько всего арестовано за 6 месяцев, т.е. с начала хлебозаготовок; определить «наиболее опасные, в смысле активности районы», откуда в первую очередь надо «изымать» кулацкие элементы и высылать их семьи.

Г.И.Бокию давалось персональное задание указать сколько человек можно принять в существующие лагеря, где можно открыть новые (кроме острова Вайгач) лагеря, а также продумать нельзя ли организовать кулацкие поселения, используя труд сосланных не только для разработки природных богатств, но и в сельском хозяйстве.

Г.Г.Ягода просил записку никому не показывать и не передавать, а на второй день, 12 января, собраться у него в кабинете для обсуждения поставленных вопросов.

В тот же день, 11 января, начальник СОУ ОГПУ Е.Г.Евдокимов телеграфировал председателю ГПУ Украины В.А.Балицкому: «Для обеспечения безболезненного проведения мероприятий сплошной коллективизации и весеннего сева южных районах СССР ставится вопрос удара кулаку путем массового выселения кулачества и махровых контрреволюционных элементов вместе с семьями. Выселение – северные районы и другие места. Предполагается создание комиссии, которую включается товарищ Балицкий*. Необходимо не позднее 12 час 14 января подробные соображения по Украине: какое общее количество, каких категорий и из каких районов УССР считаете нужным выслать. Суммарные сведения телеграфьте не позднее указанного срока.

11 января 1930 г. № 768. Евдокимов».

Одновременно с этой телеграммой заместитель председателя ОГПУ С.А.Мессинг и начальник СОУ ОГПУ Е.Г.Евдокимов направили всем полномочным представителям ОГПУ (лично) следующую шифротелеграмму:

«Связи постановкой центре серьезнейшего политического вопроса – удара кулаку, не позднее 12 часов 14 января телеграфом сообщить: первое – сколько имеется агентурных разработок организаций, группировок, кулацко-белогвардейско-бандитского элемента, второе – сколько этим делам проходит участников, сколько дел таких же категорий ведется стадии следствия, третье – сколько по этим следственным делам проходит участников. Количество организаций и группировок должно быть указано отдельно и точно»⁴².

13 января 1930 г. полномочный представитель ОГПУ по Средне-Волжскому краю Бак телеграфировал в Москву, что из края предполагается выселить 6250 кулаков: «При необходимости эта цифра, конечно, может быть увеличена – не знаем какой размах будет взят

---

* В.А. Балицкий в Комиссию Политбюро ЦК не вошел. – *Авт.*

центром». И как бы в подтверждение этого крайком ВКП(б) решил выселить 10000 кулацких семей, о чем Бак сообщал 20 января 1930 г. заместителю председателя ОГПУ Г.Г.Ягоде: «Во исполнение Вашей директивы с согласия крайкома немедленно приступаем к проведению массовой операции по изъятию из деревни контрреволюционного актива кулацко-белогвардейских элементов»⁴³.

18 января Ягода разослал две директивы: одну всем полномочным представителям ОГПУ (№ 775), а вторую ПП ОГПУ Северного Кавказа, ЦЧО, Средней и Нижней Волги, ГПУ Украины и Белоруссии (№ 776). В первой из них предлагалось в связи с предстоящим массовым выселением «кулацко-белогвардейских элементов» привести органы ОГПУ в состояние мобилизационной готовности, особенно в деревне. Всякую попытку организованного сопротивления «решительно пресекать». «Без всякой затяжки ликвидировать все действующие разработки активной контрреволюции. Все возникающие разработки, а также следствия вести ускоренным темпом в целях разгрузки аппарата и мест заключения»⁴⁴. Обращалось особое внимание в целях усиления контроля за повсеместно наблюдающимся уходом кулаков из своих селений и их связям с «белогвардейцами и бандитами». предлагалось «решительно добиться полного уяснения» чекистами «особой важности и ударности задач», возложенных на органы ОГПУ.

Директива № 776 дополняла и развивала основные положения директивы № 775 применительно к зерновым районам и так называемой Западной пограничной полосе (Украины, Белоруссии). В ней, в частности, предлагалось создать при ПП ОГПУ оперативные группы «для объединения всей работы по предстоящей операции». Полномочные представительства указанных выше районов должны были немедленно разработать и представить в ОГПУ «подробный план операций с учетом всех вопросов – оперативных, личного состава, войсковых, технических». В плане следовало точно учесть и сообщить телеграфно из каких районов и какое количество людей намечается выселить. В связи с этим рекомендовалось привлечь работников чекмобзапаса, которые необходимы для проведения операции. Районы, из которых будет производиться выселение, должны быть немедленно укреплены чекистами из аппарата полномочных представителей ОГПУ. Кроме того, предусматривалось привлечение войск ОГПУ и Красной Армии, определив пункты их расположения, чтобы предупредить возможность крестьянских волнений («вспышек»), а в случае возникновения «таковые могли быть пресечены без малейшего промедления». В районе проведения операции необходимо обеспечить «бесперебойную информационно-агентурную работу» и доносить в центр о ходе работы специальными оперативными сводками⁴⁵.

Еще через несколько дней, 23 января, Мессинг и Евдокимов направили новую директиву в развитие шифрограммы № 776, в которой требовали срочно сообщить данные по следующим вопросам:

- 1) в каких районах, сколько и какие категории намечено к выселению и порядок очередности районов,
- 2) в каких пунктах будут концентрироваться выселяемые для отправки по железной дороге и какое количество потребуется транспортных средств (вагонов, эшелонов),
- 3) какое количество оперативного состава нужно для доукомплектования аппарата органов ОГПУ и сколько чекистов запаса будет необходимо на месте,
- 4) в каких районах и какое количество войск ОГПУ и Красной Армии нужно для обеспечения операции,
- 5) указать места концентрации резервов, особенно в районах, наиболее опасных в смысле крестьянских волнений,
- 6) представить предложения по разгрузке мест заключения и смету расходов, «необходимых для операции»⁴⁶.

Как видим, планы проведения массовых репрессий в районах сплошной коллективизации (и не только в этих районах) разрабатывались тщательно и обстоятельно. Окончательные директивы о сроках операции, количестве выселяемых по каждому району предполагалось дать «своевременно, после решения вопроса в соответствующих инстанциях».

Наряду с секретными директивами ОГПУ периодическая печать и прежде всего «Правда» развернула широкую кампанию по ликвидации кулачества, по ужесточению репрессий в деревне. Не случайно полномочный представитель ОГПУ на Урале Матсон сообщал Ягоде: «На основании кампании в «Правде», речи Сталина на местах полустихийно бедняцко-середняцкие собрания выносят решения о выселении кулаков с конфискацией имущества, изъятие живого и мертвого инвентаря уже проводится. Обком ВКП(б) категорически настаивает на немедленном физическом выселении по нашей линии, боясь нашего отставания от активности общественности. Прошу указаний»⁴⁷.

Конечно, ни о какой стихийности в раскулачивании и выселении зажиточно-кулацкой части крестьянства не могло быть и речи. Да это и автор телеграммы признает, говоря о полустихийном характере выносимых на местах решений о том, что обком «настаивает на немедленном физическом выселении» раскулаченных силами органов ОГПУ.

В ответ на этот и другие запросы с мест ОГПУ направило своим органам на Украине, Урале, Северном Кавказе, в ЦЧО, Сибири, Белоруссии, Средне-Волжском и Нижне-Волжском краях меморандум от 25 января 1930 г. № 3310, в котором предлагалось руководствоваться при проведении операции по кулаку директивами № 775 и 776. Из числа кулаков, подлежащих выселению арестовать «антисоветский и контрреволюционный кулацко-белогвардейский элемент», а дела на них рассматривать во внесудебном порядке. При этом рекомендовалось проверить, чтобы в число выселяемых не попали семьи красноармейцев, ибо это могло сказаться на настроениях в Красной Армии и ее боеспособности.

ОГПУ потребовало также ускорить присылку плана выселения со всеми расчетами и картой⁴⁸.

Наряду с этим в Свердловск Мессинг и Евдокимов направили второй меморандум, в котором сообщалось, что выселению с Урала намечено до 5000 семей, а вселению из других районов – 25000. Для укрепления органов ОГПУ Уральской области решено направить 30 чекистов⁴⁹.

Однако обком ВКП(б) считал, что выселение 5000 семей недостаточно и настаивал на 15000, так как «в цифру выселения не включен действующий кулацко-белогвардейский актив, к изъятию коего уже приступлено, ориентировочно – до 5000»⁵⁰.

8 января 1930 г. бюро Северо-Кавказского крайкома партии решило выселить из края 20 тыс. кулацких семей, в том числе 1500-2000 из национальных областей в северные районы СССР. Был разработан подробный план административного выселения следующих категорий⁵¹:

- а) кулаков – активных белогвардейцев в прошлом, казачьих авторитетов, бывших белых офицеров, карателей, репатриантов, «бывших бело-зеленых бандитов»;
- б) кулаков, активно проявивших себя в проведении антисоветской агитации на селе;
- в) кулаков, отбывших наказание по статьям 58, пп. 8, 10 и 107 УК РСФСР;
- г) кулаков – членов церковных советов, сектантских общин и групп;
- д) кулаков, раскулаченных в последние два года, в том числе бывших помещиков и крупных земельных собственников;
- е) кулаков – ростовщиков и «кулаков, разрушающих свое хозяйство».

Выселению подлежали также кулаки, бежавшие из других районов в связи с хлебозаготовками, все лишенные избирательных прав, а также «кулаки, случайно не лишенные избирательных прав».

Намечалось выселить из Кубанского округа 3700 хозяйств, Донского – 2700, Армавирского – 2200, Терского – 2200, Майкопского – 1500, Сальского – 1500, Шахтинско-Донецкого – 1500, Донецкого – 1500, Ставропольского – 1200, Черноморского – 300, Сунженского и Петропавловского – 200, а также из Адыгеи – 200, Черкесии – 50, Карачая – 75, Кабардино-Балкарии – 350, Осетии – 300, Ингушетии – 150 и Чечни – 500 хозяйств⁵². Всего, таким образом, планировалось выселить в первую очередь 20025 семей. Однако уже через несколько дней, 13 января, ПП ОГПУ из Ростова сообщало о том, что «в национальных областях, неблагополучных в политическом отношении намечено к выселению пока только – Адыгее –

200, Сунже – 50 хозяйств». Зато были увеличены контингенты выселяемых по Донскому, Армавирскому и Майкопскому округам⁵³.

Одновременно крайком поручал ПП ОГПУ по Северному Кавказу «проработать вопрос о дополнительном выселении из городов Черноморского округа, как пограничного, социально опасных белогвардейских элементов»⁵⁴.

В кулацких хозяйствах, подлежащих выселению, предлагалось конфисковать, жилые и хозяйственные постройки, сложный сельхозинвентарь, рабочий и продуктивный скот, за исключением одной лошади и одной коровы на хозяйство, посевы, фураж, за исключением нормы на скот, оставляемый в хозяйстве, хлебные запасы, за исключением нормы, разрешенной к вывозу, денежные средства как наличные, так и хранящиеся в сберкассах, превышающие 3000 руб.

Не конфискуются: деньги до 3000 руб. на семью, облигации займов, домашние вещи (мебель, посуда, швейные машинки и проч.), одежда, плотничий инструмент (пилы, топоры и проч.).

Для руководства кампанией по раскулачиванию и выселению создавалась специальная комиссия при крайисполкоме; в округах – тройки в составе председателя исполкома, секретаря окружкома партии, начальника окротдела ОГПУ с участием представителя прокуратуры; в районах – тройки: председатель РИК, секретарь РК и представитель ОГПУ с участием прокурорского надзора.

Непосредственная подготовка и руководство проведением операции возлагались на органы ОГПУ. С этой целью должен быть мобилизован чекистский запас, привлечены «специально выделенные партийно-комсомольскими организациями силы» и административные органы и органы дознания.

Органы ОГПУ до 5 февраля должны были учесть кулацкие хозяйства, подлежащие выселению, и закончить всю подготовительную работу по выселению. «10-го февраля начать операцию одновременно по всему краю, предоставив семье 7 суток на ликвидацию неконфискованного имущества», а 20 февраля начать эвакуацию выселяемых и закончить ее к 1 марта 1930 г. Оформление выселения произвести во внесудебном порядке.

После ареста взрослого мужского населения предлагалось местным партийным организациям «развернуть массовую работу вокруг операции по разъяснению ее задач и закреплению ее результатов на основе поднятия советской активности бедняцко-средняцких масс вокруг вопросов сплошной коллективизации»⁵⁵.

16 января 1930 г. секретарь Северо-Кавказского крайкома партии А.А.Андреев сообщал И.В.Сталину: «Мы приступаем к практическому осуществлению переселения кулаков за пределы края» и просил санкцию ЦК на выселение 20 тысяч семей, в том числе 2 тысяч из национальных районов. Выселение 25% кулаков из края, считал Андреев, лучше всего подействует на оставшихся.

Из Средне-Волжского края 13 января сообщалось в Москву, что предполагается выселить 6200 кулаков: «При необходимости эта цифра, конечно, может быть увеличена, не знаем какой размах будет взят центром»⁵⁶.

Через неделю, 20 января, полномочный представитель ОГПУ по Средне-Волжскому краю Бак доносил Ягоде, что во исполнение директив ОГПУ и с согласия крайкома партии «немедленно приступаем к проведению массовой операции по изъятию из деревни контрреволюционного актива кулацко-белогвардейских элементов»⁵⁷.

Согласно постановления бюро крайкома от 20 января органы ОГПУ должны были к 5 февраля арестовать 3 тыс. человек и одновременно приступить к подготовке проведения массового выселения 10 тыс. кулацких хозяйств (с 5 по 15 февраля)⁵⁸. Был создан «боевой штаб» во главе с М.М.Хатаевичем, куда вошли председатель крайисполкома, крайпрокурор и представитель реввоенсовета Приволжского военного округа. Штабу поручалось в течение суток разработать и дать соответствующие телеграфные указания всем окружкомам партии.

---

* Подчеркнуто мною. – Авт.

Кроме того, крайком просил РВС ПриВО срочно «разработать необходимые меры по военной линии»⁵⁹.

21 января 1930 г. крайком просил ЦК ВКП(б) санкционировать «массовое изъятие активных контрреволюционных элементов в количестве 3000 человек»⁶⁰.

29 января совещание секретарей окружкомов с участием Хатаевича, прибывшего из Москвы, решило довести число арестованных до 5 тыс., а выселенных семей – до 15 тысяч. При этом подчеркивалось, что «работа по изъятию путем ареста кулацких контрреволюционных элементов должны быть развернута во всех районах и округах вне зависимости от темпа коллективизации»⁶¹.

Широким фронтом развернулись аресты и раскулачивание в Нижне-Волжском крае, ЦЧО, Грузии, Московской области и других районах.

24 января 1930 г. Ягода в записке руководящим работникам ОГПУ (Мессингу, Евдокимову, Воронцову и Прокофьеву) писал, что 23 января бюро Московского обкома ВКП(б) приняло постановление «о решительном раскулачивании кулаков в области», в том числе «огородников под Москвой». В Орехово-Зуевском округе, например, было уже раскулачено 520 хозяйств без ведома ОГПУ. «Мы руководим работой ОГПУ всего Союза, – сокрушался Ягода, – а рядом, под носом, не знаем, что делается... Я боюсь, что руководство Московской областью может у нас выпасть и все раскулачивание пойдет, если не мимо нас, то со слабым нашим участием... Вопрос о кулаке стоит, как вы знаете, очень остро. Места забегают вперед. Наш удар по кулаку, который должен быть сокрушительным, может ослабнуть, если мы не заберем руководство местами»⁶².

В связи с этим Ягода предлагал немедленно («сейчас же») дать директиву на места «о жесткой расправе с кулаком – контрреволюционером», разослать часть курсантов Пограншколы, Транспортного отдела ОГПУ в «наиболее опасные места» – Нижнюю и Среднюю Волгу, ЦЧО, Московскую область. Наряду с этим Ягода предлагал начать аресты кулаков в Московской области, «для чего сейчас же разослать курсантов по районам Москвы, хорошо их проинструктировав»; иметь в резерве наготове школы и дивизию ОГПУ на случай осложнений, возможных «вспышек» крестьянских волнений. Для руководства раскулачиванием в Московской области была создана комиссия, в которую вошли К.Я.Бауман, К.В.Уханов, Г.Г.Ягода, Б.З.Шумяцкий и другие.

В заключительной части записки Ягода предлагал дать директиву местам «о мобилизации чекистских рядов, которым еще раз предстоит громадная, трудная работа – где честность работы, дисциплина наша – будут иметь громадное значение. Мы вступаем в новый бой, надо его провести с наименьшими потерями с нашей стороны. Для этого нужен неожиданный сокрушительный удар, сила которого зависит только от нашей подготовки и организованности и дисциплины»⁶³.

31 января 1930 г. Московский обком ВКП(б) принял постановление о мероприятиях по ликвидации кулачества, как класса, согласно которому численность кулацких хозяйств первой категории была установлена в 4-5 тысяч, а второй – в 9-11 тысяч⁶⁴. По округам они распределялись следующим образом (табл. 12).

Таблица 12

	<i>Концлагерь</i>	<i>Выселение</i>
Бежецкий	250	500
Калужский	300	600
Кимрский	250	500
Коломенский	200	400
Московский	1500	3000
Орехово-Зуевский	250-300	до 500
Рязанский	800-900	около 2000

Серпуховский	до 200-300	до 400
Тульский	до 700-800	до 1500-2000
Тверской	до 800	до 1000

Источник: Бывш. Архив Политбюро ЦК КПСС.

Московский обком поручал окружным комитетам партии совместно с окрисполкомами, органами ОГПУ и прокуратурой в 10-дневный срок «определить списки первой категории и принять меры к немедленному изъятию». Одновременно с этим предлагалось начать составление списков кулаков второй категории в районах сплошной коллективизации. В остальных же районах списки хозяйств, подлежащих выселению составляются по мере развития колхозного строительства.

Выселение кулацких семей второй категории должно быть произведено на Север в период с 15 февраля по 15 апреля 1930 г. Кулацкие семьи, отнесенные к третьей категории, вместе с членами семей первой и второй категорий (при условии согласия райисполкомов), подлежат расселению небольшими поселками в 20-40 дворов на территории данного района. Раскулаченным третьей категории рекомендовалось оставлять инвентарь и скот для артельного использования из расчета одна лошадь на 3-5 хозяйств, а земля – по трудовой норме.

Рабочим, имеющим связь с деревней, предлагалось вступить в колхоз, внося свой сельхозинвентарь в качестве первого взноса.

Запрещалось свободное переселение кулаков, продажу ими своего имущества, для чего обязывались местные органы власти взять на учет имущество кулацких хозяйств.

И еще на одно важное обстоятельство следует обратить внимание. Постановление Московского обкома ВКП(б) распространяло мероприятия в отношении кулака на «капиталистические элементы кустарной промышленности» (перекупщики, сдатчики) – они также подлежали раскулачиванию, а конфискованное у них имущество передавалось в фонд кустарной кооперации. Именно поэтому на четыре промышленно развитых округа (из 10) – Московский, Рязанский, Тульский и Тверской – приходилось согласно постановлениям МК ВКП(б) 86,7% кулаков первой категории и 77,5% – второй.

Кстати, и в записке Ягоды от 24 января шла речь о проведении репрессивных мероприятий и в отношении «городской буржуазии». «Подготовка операции по городу, – писал он, – должна идти своим чередом, приблизительно – конец февраля, если не будет какой-либо неожиданности, хотя и ее (операцию. – *Авт.*) надо бы ускорить»⁶⁵.

Обком считал необходимым «устранить все еще наблюдающиеся со стороны советского аппарата препятствия к закрытию церквей на основе решений собраний»⁶⁶.

2 февраля 1930 г. постановление бюро Московского обкома партии, подписанное К.Я.Бауманом, было послано И.В.Сталину (4 февраля оно было отменено ЦК ВКП(б)). Для нас важно в этом вопросе другое, а именно, что меры, намечавшиеся постановлением обкома от 31 января, на практике начали осуществляться раньше, а постановление лишь закрепляло то, что уже делалось на местах. Как уже отмечалось, в Орехово-Зуевском округе к 23 января было раскулачено 520 хозяйств; в Воловском районе Тульского округа к 25 января раскулачили 278 хозяйств; в Спировском районе Тверского округа все хозяйства, отнесенные к кулацким, были высланы, а в ряде других районов этого округа к концу января у кулаков были отобраны инвентарь, скот, корма и постройки⁶⁷.

В конце января 1930 г. из 66202 числящихся кулацких хозяйств на Урале намечалось арестовать 4685 человек (и 27 января начались массовые аресты) и выселить 15200 семей. Для проведения этой акции, помимо войск ОГПУ, милиции, чекистов, создавались в округах Урала «рабочие дружины», для которых было затребовано 1515 винтовок и 70 револьверов⁶⁸.

26 января с аналогичной просьбой обратился полномочный представитель ОГПУ по Северному краю, правда, не для «рабочих дружин», а для работников ОГПУ – 130 револьверов, 100 винтовок, 200 ручных гранат, 212 тыс. патронов⁶⁹.

31 января 1930 г. начальник административного отдела облисполкома ЦЧО издал приказ, в котором указывалось, что в связи с проведением раскулачивания возможно сопротивление крестьян вплоть до массовых восстаний. Поэтому необходимо органы милиции и уголовного розыска «привести в боевую готовность». При каждом райадмотделе создать резерв не менее чем из 5 человек за счет работников государственной и ведомственной милиции. При окружных и городских административных отделах создать резерв из расчета: Воронеж – 80 человек, Белгород – 30, Борисоглебск – 40, Елец – 45, Козлов – 40, Курск – 50, Льгов – 25, Орел – 65, Острогожск – 30, Россошь – 30, Старый Оскол – 20, Тамбов – 70, Усмань – 20 человек. Общая численность резерва должна составить 540 человек⁷⁰.

На Украине для проведения операции в связи с раскулачиванием было мобилизовано 2296 чекистов, 9296 коммунистов, 8328 комсомольцев, 4019 работников милиции, а всего 23939 человек⁷¹. Всем им было выдано оружие. Кроме того, здесь было размещено 3578 бойцов войск ОГПУ.

На Северном Кавказе к началу операции по аресту кулачества было сосредоточено более 800 человек войск ОГПУ. Кроме того, имелись скрытые резервы Красной Армии. Наряду с этим по округам на проведение раскулачивания и ареста кулаков были мобилизованы 48,5 тыс. коммунистов и комсомольцев⁷².

26 января 1930 г. ОГПУ разослало всем начальникам особых отделений корпусов и дивизий, окружных отделов ГПУ и начальникам пограничных отрядов директиву «О работе в период проведения операции на селе», в которой говорилось: «В период проведения на селе операции по изъятию кулака нам необходимо обеспечить полное и бесперебойное освещение настроения в войсковых частях, так как происходящее на селе неизбежно получит отражение в красноармейской массе»⁷³.

Аресты зажиточной массы крестьянства шли полным ходом уже в январе. При этом раскулачивали и арестовывали не только в зерновых районах, которые были отнесены к районам сплошной коллективизации, но и в потребляющих и национальных. Так, в Грузии в январе 1930 г. в связи с раскулачиванием было арестовано 534 человека⁷⁴.

24 января 1930 г. секретарь Дагестанского обкома ВКП(б) Муравьев сообщал в ЦК, что в Дагестане проводится ликвидация кулацких овцеводческих хозяйств. Бюро обкома решило «произвести изъятие имущества, крупного, мелкого скота по всему Дагестану». Однако в условиях «перехода значительной части чеченских повстанцев на территорию Дагестана проведение этого мероприятия может вызвать увеличение бандитизма, не исключена возможность вспышек вооруженного сопротивления». В связи с этим Муравьев просил ЦК «дать указание по вопросу ликвидации кулачества в Дагестане в данных условиях»⁷⁵.

Масштабы арестов в деревне были настолько велики, что даже Ягода вынужден был дать указание «прекратить дальнейшие массовые аресты». В записке Мессингу и Евдокимову он писал, что количество арестованных «перевалило за 93 тысячи», арестовывают «все кому не лень» (беднота, земельные отделы) и всех арестованных «вели к нашему уполномоченному, если последний не дурак, то он не принимал, дурак же все брал (Калуга, Острогожск и другие районы)». Поэтому, считал Ягода, нужен, приказ ОГПУ и в нем «отметить, что арестовывать может только тот, кто по закону имеет право (прокурор, милиция)». Уже арестованных следует «профильтровать», освободив бедняков, середняков и городское население, «где это имело место, лучше оставить меньше, но то, что надо»⁷⁶.

Сразу же после принятия постановления Политбюро 30 января состоялось заседание коллегии ОГПУ совместно с его полномочными представителями на местах и ответственными работниками аппарата ОГПУ. На коллегии обсуждался один вопрос «О борьбе с кулацкой контрреволюцией в деревне». С докладом на заседании выступили Ягода и Евдокимов. В обсуждении приняли участие полномочные представители на Средней Волге, Украине, Урале, в Сибири, Казахстане, Северном крае, Закавказье, Ленинградской области и других районах. В результате первого дня работы коллегия решила для «детальной разработки проекта ареста и выселения кулаков контрреволюционеров из районов сплошной коллективизации образовать три комиссии»:

- а) для разработки мероприятий по изъятию кулаков (председатель Евдокимов),
- б) по размещению переселенцев (Мессинг),
- в) по выработке мероприятий по переселению кулаков во вторую очередь (Мессинг).

Работу по подготовке мероприятий по кулаку комиссиям предлагалось закончить к следующему дню, 31 января 1930 г.

Второе заседание коллегии ОГПУ состоялось 31 января, на которое был приглашен выступать Молотов. Однако он на заседании не присутствовал.

На заседании коллегии ОГПУ обсуждался проект постановления, подготовленный комиссией во главе с Евдокимовым. Проект был утвержден и принят в качестве постановления коллегии ОГПУ. Хотя при подготовке этого документа, использовались материалы комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), куда входили также Ягода и Евдокимов, постановление ОГПУ имело и некоторые особенности.

Коллегия ОГПУ определяла не только более конкретно состав первых двух категорий кулацких хозяйств, к которым должны применяться различные виды репрессий, но и устанавливала механизм их осуществления. Так, дела на лиц, входящих в первую категорию, должны рассматриваться во внесудебном порядке тройками ОГПУ с представителями крайкома ВКП(б) и прокуратуры. Постановления троек ПП ОГПУ о конфискации имущества и выселении семей осужденных оформляются через окрисполкомы, учитывая наличие в семье трудоспособных и «степень социальной опасности этих семей»⁷⁷.

Для проведения «массовой операции по второй категории» распоряжением ПП ОГПУ на местах создаются оперативные тройки, которые осуществляют руководство операцией «во всей ее совокупности», концентрируют все материалы по операции и держат постоянную связь с центром.

При ПП ОГПУ необходимо иметь «чекистско-военный резерв» на случай «осложнений и вспышек» крестьянских волнений. В окротделах ОГПУ создаются аналогичные оперативные группы во главе с начальником отдела ОГПУ; в распоряжении троек окротделов ОГПУ «также необходимо иметь маневренные группы из частей ОГПУ». В районах должны иметься районные оперативные группы «для непосредственного участия в операции».

Для организации бесперебойной отправки выселяемых создаются сборные пункты, которые должны явиться пунктами погрузки и эшелонирования выселяемых во главе с комендантом. Комендатуры сборных пунктов должны иметь агентурно-следственные группы.

Интересен п. 7 постановления коллегии ОГПУ от 31 января 1930 г., в котором говорилось, что хотя части Красной Армии к операции по кулакам не должны привлекаться, тем не менее использование их допускается «при возникновении восстаний». По согласованию с краевыми организациями и Реввоенсоветом ПП ОГПУ необходимо иметь «в скрытом виде войсковые группы из надежных профильтрованных особорганами частей Красной Армии» там, где недостаточно частей войск ОГПУ⁷⁸.

На время операции по аресту, заключению в концлагеря и выселению кулацких семей предлагалось «усилить перлюстрацию корреспонденции, в частности, обеспечить 100% просмотр писем, идущих в Красную Армию». Таким образом, органы ОГПУ пытались изолировать красноармейцев от деревни с тем, чтобы они не знали, что творится там. На подавление массовых крестьянских выступлений должны использоваться войска ОГПУ и надежные («профильтрованные») части РККА.

Устанавливались ориентировочные сроки начала операции по выселению:

С 10 февраля 1930 г. – для Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги,

С 15 февраля – для Украины и ЦЧО,

С 1 марта – для Белоруссии.

Отправку выселяемых со сборных пунктов эшелонами планировалось начать с 15 и 20 февраля для первых двух групп районов и 5 марта – для Белоруссии.

Определялось и количество выселяемых семей по каждому району и места их выселения. В первую очередь должны быть выселены 28 тыс. семей из Северного Кавказа (23 тыс. на Урал и 5 тыс. в Казахстан), 50 тыс. из Украины и 20 тыс. из ЦЧО – в Северный край; в Сибирь

намечалось 44 тыс. семей (18 тыс. из Нижне-Волжского края, 14 тыс. со Средней Волги и 12 тыс. из Белоруссии). Всего выселялось по первой группе районов – 142 тыс. семей.

Таблица 13

**Во вторую очередь намечалось выселить
в Северный край:**

из Ленинградской области	- 6000 семей
из Татарии	- 4000 семей
из Башкирии	- 5000 семей
из Крыма	- 3000 семей

в Казахстан:

из Ивановской области	- 5000 семей
из Нижегородского края	- 5000 семей
из Средней Азии	- 2000 семей

в Сибирь:

из Московской области	- 15000 семей
из Закавказья	- 10000 семей

на Урал:

из Западной области	- 7000 семей
---------------------	--------------

Источник: ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 35. Л. 5.

Следовательно, из национальных и потребляющих районов, не являвшихся районами сплошной коллективизации, планировалось выселить 62 тыс. семей, хотя сроки и места выселения пока не назывались. Это было сделано в 20-х числах февраля.

Постановление коллегии ОГПУ от 31 января легло в основу приказа ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г., в котором говорилось:

«В целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям Советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства – в первую очередь в районах сплошной коллективизации, – в самое ближайшее время кулаку, особенно его наиболее богатой и активной контрреволюционной части, – должен быть нанесен сокрушительный удар. Сопротивление кулака должно быть и будет решительно сломлено.

Осуществление этой исторической задачи потребует исключительного напряжения по всем основным линиям партийной и советской работы. Особенно серьезны, сложны и ответственны задачи, возлагаемые партией на органы ОГПУ.

От наших органов больше, чем когда-либо, потребуется исключительное напряжение сил, решительность и выдержка, исключительно строгая классовая линия, четкость и быстрота действий»⁷⁹.

Мероприятия органов ОГПУ должны были развернуться по двум основным линиям:

1. Немедленная ликвидация «контрреволюционной агентуры, особенно кадров действующих контрреволюционных повстанческих организаций, группировок и наиболее злостных маховых одиночек» (первая категория).

2. Массовое выселение, в первую очередь из районов сплошной коллективизации и пограничной полосы, наиболее богатых кулаков и их семейств в отдаленные северные районы СССР и конфискация их имущества (вторая категория).

В первую очередь удар должен быть нанесен по кулакам первой категории, к которому ОГПУ относилось:

а) наиболее активных кулаков, противодействующих и срывающих мероприятия по социалистической реконструкции сельского хозяйства, а также кулаков, бегущих из районов постоянного жительства и «уходящие в подполье, особенно блокирующиеся с активными белогвардейцами и бандитами»;

б) активных белогвардейцев, повстанцев, бывших бандитов и белых офицеров, репатриантов, бывших карателей и других, «проявляющих сейчас контрреволюционную активность»;

в) активных членов церковных советов, разного рода религиозных сектантских общин и групп, «активно проявляющих себя»;

г) наиболее богатых кулаков, ростовщиков, спекулянтов, «разрушающих свои хозяйства», бывших помещиков и крупных земельных собственников.

Это значит, что к первой категории были отнесены не только кулаки, но и духовенство, спекулянты и ростовщики, бывшие белогвардейцы, репатрианты и другие независимо от их социального положения.

Что касается второй категории, то здесь возможности для широкого толкования практически были неограниченны. В эту категорию могли включаться (и включались) крестьяне – середняки и даже бедняки, – не желавшие вступать в колхозы.

Кулаки, отнесенные к первой категории, подлежат немедленному аресту. Дела на них «заканчиваются следствием в срочном порядке и рассматриваются тройками по внесудебному рассмотрению дел» при полномочных представительствах ОГПУ. Арестованные по этой категории заключаются в концлагеря, а в отношении «наиболее злостного и махрового актива» должны применяться «решительные меры» вплоть до расстрела.

Семьи арестованных, заключаемых в концлагеря или приговоренные к расстрелу, должны высылаться в северные районы СССР, наряду с кулацкими семьями второй категории, а их имущество конфискуется.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. был определен и количественный состав заключаемых в концлагеря и выселяемых кулацких семей (по районам), а также места вселения и ориентировочные сроки выселения.

Полномочным представительствам Северного Кавказа, Средней и Нижней Волги, ЦЧО и Белоруссии, а также ГПУ Украины предлагалось к 7 февраля представить на утверждение «подробно разработанные планы операции», причем сведения о расположении сборных пунктов и количестве семей, подлежащих выселению через эти пункты, представлялись к 4 февраля. Для Белоруссии срок представления требуемых данных был продлен до 10 февраля.

Необходимо отметить, что «подробно разработанные планы операции» должны были представить в ОГПУ и «остальные ПП», но только к 20 февраля. Следовательно, ликвидация кулацких хозяйств (по первой и второй категориям) приказом ОГПУ предусматривалась не только в зерновых и пограничных районах, но и в потребляющих и национальных.

На местные органы ОГПУ возлагалась обязанность «наблюдения за составлением списков кулаков и их семей (для выселения и конфискации имущества)». Транспортный отдел ОГПУ должен был обеспечить «бесперебойную перевозку выселяемых в эшелонах».

Полномочные представительства ОГПУ Северного края, Урала, Сибири и Казахстана должны были завершить подготовку к приему и расселению выселяемых и представить в центр свои сообщения о порядке управления выселяемыми.

Специальный пункт приказа был посвящен информационно-агентурной работе органов ОГПУ: «Всемерно усилить информационную и агентурную работу на протяжении всего периода мероприятий, обеспечивающую глубокое и всесторонне освещение районов». Особое внимание должно быть обращено на своевременное выявление «всех готовящихся активных контрреволюционных выступлений» с целью предупреждения их, а в случае возникновения – немедленно и решительно их ликвидировать.

Такая же работа должна проводиться транспортными органами ОГПУ на железных дорогах и особыми отделами в армии, прежде всего в тех частях, «которые могут быть привлечены к операции».

Наряду с этим органы ОГПУ должны были «усилить работу в городах для полного выявления настроения городских прослоек, их связей с деревней».

Органы ОГПУ должны были усилить охрану границ, важнейших государственных сооружений и предприятий, особенно тех пунктов, где хранится оружие и боеприпасы, армейское имущество и т.п.

В целях оперативного руководства и координации деятельности органов ОГПУ устанавливалась бесперебойная связь всех ПП ОГПУ с центром и между территориально-граничащими органами ОГПУ для согласования действий.

К приказу прилагался ряд документов и инструкций, регламентирующих порядок осуществления операции по выселению раскулаченных (работа учетно-следственных групп, организационное построение операций, форма личной карточки выселяемого, инструкция органам ОГПУ по перевозкам, комендантам эшелонов и др.).

Понимая, что массовые репрессии в отношении миллионов людей не могут не вызвать сопротивление крестьянства, органы власти предусмотрели использование как войск ОГПУ, так и регулярных частей Красной Армии. В одной из директив начальника Главного управления пограничных войск и войск ОГПУ Воронцова (от 3 февраля 1930 г.), разосланной начальникам округов внутренних войск Белоруссии, Украины, Северного Кавказа, Сибири, Урала, Нижней и Средней Волги предлагалось срочно (телеграфно) сообщить в Москву:

- 1) как предполагается использовать внутренние войска округа для «проведения операции по кулачеству»;
- 2) будут ли перебрасываться войска в районы выселения и их общая численность;
- 3) из каких частей, какое количество людей, на какие сроки и в какие пункты войска будут переброшены;
- 4) когда начнутся переброски войска с тем, чтобы заблаговременно перевести кредиты и довольствие.

В директиве подчеркивалось, что внутренние войска должны использоваться для проведения операции «как боевые кулаки для проведения операций, распыление частей, использование их в целях конвоирования, охраны выселяемых категорически воспрещается»⁸⁰.

Следовательно, войска ОГПУ предлагалось использовать исключительно для подавления крестьянских восстаний, для борьбы с повстанческим движением.

В целях укрепления органов ОГПУ на местах согласно постановлению СНК СССР от 3 февраля 1930 г. на 1929/30 год увеличивались штаты ОГПУ на 800 человек. Кроме того, увеличивался состав войск ОГПУ «на 1000 штыков и сабель»⁸¹.

В дальнейшем, однако, по мере развития событий войска и аппарат ОГПУ еще более укреплялись, а для подавления крестьянских выступлений, наряду с войсками ОГПУ, привлекались части Красной Армии.

Переход к сплошной коллективизации сопровождался усилением репрессий в деревне. Одной из самых массовых форм их являлось раскулачивание крестьянских хозяйств. Началось оно, как уже отмечалось, в ходе хлебозаготовок 1929/30 г., а приобрело огромные масштабы зимой 1930 г. и особенно после принятия постановления ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. В ЦЧО, например, к 25 февраля было раскулачено 53,6 тыс. хозяйств, что составляло 2,7% крестьянских хозяйств. По данным ЦСУ СССР в 1927 г. насчитывались 44,9 тыс. кулацких хозяйств, а к осени 1929 г. число их еще уменьшилось. Значит, раскулачивали не только кулаков.

На Северном Кавказе к марту было раскулачено около 40 тыс. хозяйств или 3,5% хозяйств края при наличии кулацких хозяйств, по официальным данным, в 2,4%. На Нижней Волге к маю 1930 г. раскулачено 39,5 тыс. хозяйств, т.е. столько сколько числилось кулацких хозяйств в крае; в Средне-Волжском крае – около 28 тыс. или 2,1% общей численности хозяйств края.

К апрелю 1930 г., по сообщению секретаря Сибкрайкома партии Л.П.Кузнецова И.В.Сталину, в 15 основных округах Сибири (из 17) было раскулачено 46 тыс. хозяйств (3%); на Урале к лету 1930 г. – 30 тыс. и т.д.⁸².

Что касается Украины, то здесь к 10 марта 1930 г. по данным по 309 районам (из 568 районов), раскулачено 61,9 тыс. хозяйств, т.е. 2,5% хозяйств этих районов, а всего на Украине зимой 1930 г. было раскулачено более 90 тыс. хозяйств.

Некоторое представление о масштабах раскулачивания зимой 1930 г. дает таблица 14.

Таблица 14

Районы	Общее количество раскулаченных (хозяйств)	Выселено 2 категории (хозяйств)	Выселено 3 категории (хозяйств)	Остались на месте раскулаченные (хозяйства)
1	2	3	4	5
Украина	73820*	20793	—	53027
Белоруссия	13236	9701	—	3535
ЦЧО	43930	8237	16984**	18709
Нижняя Волга	29344	7931	—	21413
Средняя Волга	27523	5873	5510	16140
Северный Кавказ	25202**	10595	20 756	—
Сибирь	55426	16025	500	38901
Урал	н/св.	13708	4500	—
Крым	3564	3179	—	385
Татария	8325	1605	—	6720
Башкирия	7557	—	—	7557
Дальне-Восточный край	3937	447	39	3451
Казахстан	н/св.	13709	4500	—
Московская обл.	3655	—	—	3655
Ленинградская обл.	1751	—	600	1151
Нижегородская обл.	11365	—	512	10853
Ивановская обл.	5556	—	2000	3556
Северный край	н/св.	—	—	—
1	2	3	4	5
Средняя Азия	748**	80	349	319
Закавказье	н/св.	—	—	—
Западная обл.	н/св.	—	—	—
Итого		99515	51889	194078

* Сведения не полные – не вошло 20000 хозяйств.

** Сведения не полные.

Источник: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1943. Л. 75.

При анализе данных таблицы следует иметь в виду, что, как отмечается в справке ОГПУ, «количество раскулаченных хозяйств гораздо ниже фактического количества раскулаченных, так как нет полных данных по всем районам и учтены лишь те, кто был раскулачен в ходе коллективизации», но не вошли хозяйства, распроданные по суду⁸³. В Сибири, например, было распродано по судебным решениям 10,6 тыс. хозяйств, а также 14,7 тыс. хозяйств разорено по 5-кратному обложению⁸⁴. И хотя эти данные относятся к концу 1929 г. – весне 1930 г. можно с большой долей уверенности сказать, что основная масса экспроприированных хозяйств приходилась на зиму 1930 г.

Следует учитывать и еще одно обстоятельство: в таблицу не вошли «неправильно» раскулаченные хозяйства. Так, в ЦЧО весной 1930 г. было восстановлено 30 тыс. «неправильно» раскулаченных хозяйств, причем в Курском и Львовском округах «неправильно» раскулаченные составляли более 50%. В 9 районах Хоперского округа Нижне-Волжского края более 3 тыс. хозяйств было восстановлено. Однако конфискованное имущество, как правило, им не возвращалось, а высланные семьи раскулаченных по-прежнему оставались в местах ссылки. Следовательно, число раскулаченных хозяйств к лету 1930 г. составляло не 320 тыс., а

значительно больше 400 тысяч. Необходимо, также иметь в виду, что наряду с непосредственной экспроприацией зажиточных крестьянских хозяйств шел процесс «самораскулачивания», когда крестьяне перед угрозой раскулачивания и других мер репрессий бросали или продавали за бесценок свое хозяйство и бежали из деревни. В Средне-Волжском крае по 56 районам (из 86) 6 тыс. крестьянских хозяйств «самораскулачивались», в Нижне-Волжском – 10 тыс., в Сибири – 8,5 тыс., на Северном Кавказе – 20 тыс. и т.д. Всего же «самораскулачивались» примерно 200-250 тыс. хозяйств.

Таким образом, в 1930 г. было ликвидировано (прямо или косвенно) не менее 600-650 тыс. «кулацких» хозяйств из 700 тыс., числившихся по официальным данным к концу 1929 г.⁸⁵ Это значит, что более 3 миллионов человек были с корнем вырваны из родных мест, лишены средств для существования и обречены на голод и лишения.

В справке ОГПУ В.М.Молотову от 28 августа 1930 г. сообщалось, что по состоянию на 20 мая (после 20 мая выселение не производилось) было выселено из Украины, Белоруссии, Северного Кавказа, Средней и Нижней Волги, ЦЧО, Крыма и Татарии 67994 семьи (348734 человека) в Северный край, Сибирь, Казахстан, на Урал и Дальний Восток и переселено внутри областей (Сибирь, Урал, Казахстан, ДВК и Ленинградской области) 32268 семей (162021 человек). Всего выселено и переселено, таким образом, 100262 семьи (510755 человек).

Кроме того, по неполным данным, расселено внутри округов и районов 26033 семьи (136682 человека). Но основная масса раскулаченных – около 200 тыс. семей примерно один миллион человек продолжала оставаться на местах, не имея средств и орудий производства и не устроенных, поэтому ОГПУ предлагало «скорейшее принудительное водворение всех раскулаченных в специальные поселки»⁸⁶.

О жестокости и безобразиях, допущенных при проведении этой бесчеловечной акции, свидетельствуют многочисленные документы, в том числе и карательных органов. В объяснительной записке к материалам о перегибах в коллективизации и раскулачивании зам. председателя ОГПУ Г.Г.Ягода писал И.В.Сталину (7 марта 1930 г.): «Наиболее серьезным и распространенным видом извращения является подведение середняка, бедняка и рабочего, а также красных партизан и семей красноармейцев под категорию раскулачиваемых и выселяемых. Эти факты отмечаются почти повсеместно...

Наряду с этим отмечается грубое обращение бригад (по раскулачиванию. – *Авт.*) и совработников с населением: угрозы арестом, выселение за невступление в колхоз и незаконные аресты середняков; случаи издевательств даже над беднотой и середняками; избиения, в частности, женщин и стариков»⁸⁷.

В Херсонском округе, в с. Березниговском, сообщалось в материалах ОГПУ, «одну середнячку вместе с ребенком раздели и выбросили на улицу. Просьбу матери отдать рядом, член бригады и член партии отклонили». В с. Сологубовке Оратовского района Уманского округа середняк, попавший в список выселяемых, повесился. В с. Усть-Инза Лунинского района Пензенского округа при раскулачивании ночью на мороз была выселена семья крестьянина, в результате чего замерз грудной ребенок, а его больная мать, два дня тому назад родившая ребенка, была обморожена.

В ЦЧО, в х. Садки Буденновского района, уполномоченный райисполкома арестовал 11 крестьян, 10 из которых оказались бедняками и маломощными середняками. Алексеевский райадмотдел (ЦЧО) арестовал 100 бедняков и середняков за отказ от вступления в колхоз.

Из Аткарского округа Нижне-Волжского края были высланы 190 стариков в возрасте старше 70 лет. Из Петровска высылались одинокие старики, вдовы «с тремя и пятью малолетними детьми». В число высылаемых попадали бедняки и маломощные середняки, обложенные в 1929/30 г. сельхозналогом от 4,5 до 30 руб. (Средняя Волга) и т.д.

В Московской области, сообщалось в справке ОГПУ (март 1930 г.): «В отношении нежелающих вступать в колхоз бедняков и середняков широко применялись угрозы раскулачиванием (Рязанский округ), лишением права голоса, ссылкой в Соловки, тюрьмой и даже расстрелами». «Кто не пойдет в колхоз добровольно, – угрожали коллективизаторы, –

того будем расстреливать или высылать в Соловки» (Тульский окр.). «Революция без жертв не бывает. Выбирай любое: колхоз или тюрьма» (Бежецкий окр.).

Председатель ГПУ Украины В.А.Балицкий 25 февраля 1930 г. сообщал в письме Г.К.Орджоникидзе о своих впечатлениях о раскулачивании в Одесском, Николаевском и Херсонском округах Украины. Он писал, что при раскулачивании нередко не учитывается нынешнее положение крестьянина (социальное и экономическое), поэтому «на пунктах погрузки высланных, нам пришлось наблюдать иногда совершенно раздетых, едущих без всякого продовольствия и предметов первого обихода лиц, раскулаченных в 1919–1920 году и высланных по признаку старого, дореволюционного достатка... Все делается больше по указке сверху, с района, при активном участии городских бригад. Поэтому при погрузке в вагоны приходилось отсеивать «бузотеров» из середняков, семьи из глубоких стариков и старух, беременных женщин, инвалидов на костылях и т.д... В Николаевском округе отдельные партийцы и комсомольцы отказались от проведения раскулачивания, а один комсомолец сошел с ума при проведении этой операции».

На письме Балицкого Орджоникидзе написал: «Интересное письмо», а Сталин: «В архив»⁸⁸.

Зная о фактах массовых перегибов в процессе раскулачивания и депортации крестьян, руководство ОГПУ тем не менее даже в марте 1930 г. после формального осуждения творившихся на местах безобразий, давало указания не принимать заявлений о неправильной высылке, за исключением семей красноармейцев, участников гражданской войны и красных партизан⁸⁹.

Акция по раскулачиванию была настолько жестокой, что некоторые коммунисты и комсомольцы не могли ее проводить. Так, например, один коммунист и пять комсомольцев с. Сухая Балка Майкопского округа (Северный Кавказ) отказались от раскулачивания. Может быть поэтому Ягода в уже упомянутой записке Сталину обращал внимание на «колебания среди отдельных групп работников соваппарата и деревенских коммунистов в вопросах коллективизации и раскулачивания. Примиренческое отношение к кулаку выражается в отказах от конфискации имущества кулака»⁹⁰.

По указанию Сталина сводки ОГПУ с 7 февраля 1930 г. стали рассылаться членами Политбюро и секретарям ЦК ВКП(б), поэтому высшее партийно-государственное руководство было хорошо информировано о положении в деревне и тех безобразиях, которые там творились. Тем не менее меры к их устранению не принимались, а жестокость властей, особенно при раскулачивании даже оправдывалась. Председатель ЦИК СССР М.И.Калинин в одном из своих выступлений весной 1930 г. говорил: «Как ни кажется она (экспроприация кулачества. – *Авт.*) жестокой... но эта мера абсолютна необходима, ибо она обеспечивает здоровое развитие колхозного организма в дальнейшем, она страхует нас от многочисленных издержек и огромной растраты человеческих жизней в будущем»⁹¹.

Раскулачивание и депортация миллионов крестьян являлись основным, но не единственным средством проведения сплошной коллективизации сельского хозяйства. Другие формы репрессий в деревне также получили широкий размах. Речь идет прежде всего об арестах и внесудебном рассмотрении дел арестованных. Известно, что согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. от 49 до 60 тыс. глав кулацких семей, отнесенных к первой категории, подлежало заключению в концлагерь, а их семьи высылке в северные и отдаленные малонаселенные районы СССР.

Установление контрольных цифр по изъятию (аресту) кулаков якобы за контрреволюционную деятельность толкало местных работников к перевыполнению заданий центра. Не случайно поэтому уже в первой половине февраля 1930 г. в ЦЧО было арестовано 7183 человека, постановлением же ЦК ВКП(б) к первой категории было отнесено 3-5 тыс. хозяйств. В Средне-Волжском крае при контрольных цифрах в 3-4 тыс. человек арестовано 5372 человека и аресты продолжались, как, впрочем, и во всех других районах. Это вынудило Ягоду в директиве ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю Баку указать: «Данные вам нормы должны строго соблюдаться, причем совершенно необязательно арестовывать максимум данной нормы... Немедленно дайте объяснение и вышлите подробный доклад, по каким

конкретно делам вами арестовано 5372 человека, особенно: 1) по каким материалам арестовано 315 служителей религиозного культа, 2) тоже – 714 бывших, подчеркиваю, бывших торговцев, 3) что представляют собой 113 зажиточных, 4) по каким конкретно делам арестованы 16 середняков и 6 бедняков»⁹².

Давая такую директиву, Ягода меньше всего беспокоился о судьбе арестованных, он больше был обеспокоен возможностями принятия и содержания огромного притока заключенных.

Даже по Западной области, которая не являлась районом сплошной коллективизации к середине февраля было арестовано 3397 человек. А всего по Союзу на 15 февраля 1930 г. арестовано 64589 человек⁹³, т.е. задание ЦК ВКП(б) и минимальное и максимальное было перевыполнено. Между тем аресты продолжались. С января по 15 апреля 1930 г. органы ОГПУ арестовали 140724 человека, в том числе 5028 служителей религиозного культа, а с 15 апреля по 1 октября 1930 г. еще 142993 человека⁹⁴. Всего, следовательно, за 9 месяцев 1930 г. было арестовано «кулаков по первой категории» 283717 человек, т.е. примерно в 5 раз больше, чем намечалось постановлением ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. Для сравнения укажем, что в 1929 г. было арестовано 95208 человек.

Из числа арестованных в 1930 г. через тройки ОГПУ прошло 179620 человек, из них приговорено к расстрелу 18966 человек, к различным срокам тюремного заключения – 99319 человек, в ссылку – 38179, к высылке – 8869, приговорено условно, передано органам юстиции и освобождено – 14287 человек.

Показательно сравнение с предыдущими годами число осужденных тройками ОГПУ: в 1926 г. – 2379 человек, в 1927 г. – 6654, в 1928 г. – 4157 и в 1929 г. – 5885 человек⁹⁵. Это значит, что в 1930 г. через тройки ОГПУ прошло почти в 10 раз больше, чем за предыдущие четыре года вместе взятых.

Интересны данные по регионам. Тройками ОГПУ были осуждены (табл. 15).

Таблица 15

Районы	Количество (чел.)	%
1	2	3
Украина	22204	12,4
Северный Кавказ	20230	11,3
Западная Сибирь	16553	9,2
ЦЧО	13120	7,3
Московская обл.	11245	6,3
Белоруссия	8856	4,9
Средняя Волга	8654	4,8
Нижняя Волга	8608	4,8
Казахстан	8115	4,5
Башкирия	6303	3,5
Закавказье	6275	3,5
Ленинградская обл.	5827	3,2
Ивановская Промыш- ленная обл.	5721	3,2
Северный край	5502	3,1
Урал	5362	3,0
Средняя Азия	5255	2,9
Татария	4395	2,5
Дальний Восток	3843	2,1
1	2	3
Нижегородский край	3403	1,9
Крым	3055	1,7
Якутия	411	0,2

Источник: ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 539. Л. 224-225.

По Восточной Сибири и частично Казахстану полных сведений нет.

При анализе приведенных данных следует обратить внимание на то, что наибольшее число лиц, прошедших тройки ОГПУ, приходится главным образом на зерновые районы, прежде всего на Украину, Северный Кавказ, Западную Сибирь, ЦЧО и Поволжье, а также на пограничные районы (Белоруссия, Ленинградская область). Это и понятно: здесь проводилась сплошная коллективизация ускоренными темпами, а поскольку раскулачивание и репрессии являлись важнейшим, если не основным, средством ее осуществления, то и удельный вес административно-репрессивных мер был весьма высок.

Особенно много крестьян арестовано в 1930 г. на Северном Кавказе, в ЦЧО, Западной Сибири и на Украине. Так, в Северо-Кавказском крае при наличии примерно 1400 тыс. крестьянских и казачьих хозяйств тройки ОГПУ осудили 20230 человек или один арестованный приходился на 69 хозяйств, в ЦЧО – на 152 хозяйства, а на Украине – на 225 хозяйств.

Не случайно, поэтому особенно рьяно проводившие репрессии в связи с коллективизацией сотрудники ОГПУ были награждены орденом Красного Знамени В.А.Балицкий (Украина), Р.А.Пиляр (Северный Кавказ), С.А.Бак (Средняя Волга), Н.Н.Алексеев (ЦЧО), Л.М.Заковский (Сибирь), М.С.Погребинский (Башкирия) и др. Политбюро ЦК ВКП(б) рекомендовало ЦИК СССР наградить орденом Красного Знамени также руководителей ОГПУ Г.Г.Ягоду, С.А.Мессинга, Е.Г. Евдокимова.

Чтобы наглядно представить за что награждали сотрудников ОГПУ, приведем выдержки их одного ходатайства. «Настоящим возбуждаю перед коллегией ОГПУ ходатайство, – писал Н.Н.Алексеев, – о награждении т. Ильина – нач. СО и пом. нач. СОУ ПП ОГПУ по ЦЧО (почетного чекиста) – орденом Красного Знамени... За последний год (т.е. 1930. – *Авт.*) под руководством Ильина СО ПП ОГПУ по ЦЧО проделана следующая работа: раскрыты 28 контрреволюционных организаций; ликвидированы контрреволюционные и антисоветские группировки – 956 с общим количеством участников 8416 и осуждено Тройкой по докладу СО ПП свыше 11 тысяч человек, из которых расстреляно 1100.

Тов. Ильин лично руководил ликвидацией массовых выступлений и контрреволюционных повстанческих вспышек. Должен отметить исключительную самоотверженность т. Ильина, проявленную им в работе...

Считаю, что он полностью заслуживает высшую боевую награду – орден Красного Знамени...»⁹⁶.

Репрессии в деревне проводились в 1930 г. не только в связи с коллективизацией и раскулачиванием, но также и при проведении других хозяйственно-политических кампаний (налоговой, хлебозаготовительной и др.). В той же ЦЧО, по признанию ПП ОГПУ, «в целях обеспечения нормального хода осенних хозяйственно-политических кампаний и в первую очередь, хлебозаготовок нашими органами была предпринята массовая операция», в результате которой в июле-августе 1930 г. было арестовано 3387 человек, не считая изъятых по линии особых отделов – 667 человек. Помимо этого, народными судами за срыв хлебозаготовок осуждено 334 человека; снято с работы 165 человек, привлечено к партийной ответственности 401 человек.

В связи с кризисом звонкой монеты в деревне произведено 14425 обысков, изъято 71687 руб., привлечено к судебной ответственности 394 человека, почти все они были осуждены тройкой ПП ОГПУ*.

За февраль-ноябрь 1930 г. из ЦЧО в Северный край было выселено 8034 семьи (42720 человек), отнесенных к кулакам 2-ой категории⁹⁷.

В Западно-Сибирском крае, по неполным данным, на 25 ноября твердыми заданиями было обложено 45788 дворов (4,4% всех хозяйств), которые должны вывезти 128808 тонн или 9,5% всех заготовок. Поступило к 25 ноября 1930 г. 104247 тонн (80,9% задания). Хлебозаготовки в

---

* В числе осужденных был и мой отец – Ивницкий А.С. – *Авт.*

деревне проводились методами запугивания и репрессий. Только с 20 по 31 октября было арестовано 1504 человека, в том числе 620 бедняков и середняков. Широко применялось краткое обложение не только к зажиточным, но и к бедняцко-середняцким хозяйствам. Так, в Павловском сельсовете Северо-Куртинского района середняку Федорову было дано твердое задание в 100 пудов, после выполнения ему было дано еще 50 пудов, которое также было выполнено, тогда в третий раз ему предлагают еще вывезти 100 пудов. За невыполнение последнего задания хозяйство середняка распродано с молотка. В Красноярском сельсовете хозяйство бедняка Лагуткина распродано за то, что «он обругал сельскую комиссию по хлебозаготовкам». Аналогичные факты, отмечалось в спецсводке ОГПУ, в Горно-Колыванском, Баевском, Курагинском, Каменском, Бердском, Шипуновском, Барнаульском, Павлоградском и других районах.

Практиковались ночные обыски, вызовы крестьян в сельсовет и т.п. Например, в Курьинском районе, в пос. Плахино, ночью был произведен массовый обыск с целью обнаружения зерна, при этом было описано и намечено к распродаже 20 хозяйств (из 27 дворов) за неспадчу хлеба. «Ничего неправильного тут нет, – заявил уполномоченный по хлебозаготовкам, мобилизованный по заданию ЦК ВКП(б), Израэлит, – ничего «левого» тоже нет. Это значит просто работать по-ударному, не считаясь со временем. Стране нужен хлеб и мы его возьмем. Если мы не будем работать ночью, то определенно к 13-й годовщине (Октября. – *Авт.*) план не выполним. Ничего вредного не будет, если мы мужиков потревожим, этим мы дадим им почувствовать, что нужно торопиться с выполнением плана, они только ощутят наши темпы»⁹⁸.

По выборочным данным Сибирского крайсуда на 20 ноября 1930 г. по ст. 61 УК РСФСР осуждено 1902 человека, из них 299 середняков (15,8%)⁹⁹.

Из Ташкента сообщалось, что в Средней Азии в связи с хлебозаготовками арестовано 1224 человека (на 15 ноября 1930 г.). А в Казахстане, в Иссыкском районе за неспадчу хлеба был приговорен к расстрелу 70-летний середняк И.Т.Востриков¹⁰⁰.

В Средне-Волжском крае 20520 хозяйств было привлечено к индивидуальному обложению. Массовое распространение получили подворные обходы, штрафы, обыски, аресты бедняков и середняков, применение 61 ст. УК РСФСР. «Уполномоченные и сельсоветы в погоне за выполнением плана накладывали контрольные задания на бедняцко-середняцкую часть без учета каких-либо данных о наличии хлеба у них», – сообщалось в одной из сводок ОГПУ. В результате чего изымалось все зерно, в том числе семенное и продовольственное, поэтому крестьяне вынуждены были в ряде районов края голодать. Хлебозаготовки ими расценивались как «грабеж крестьян со стороны Соввласти».

Тем не менее план хлебозаготовок на 1930/31 г. не только не уменьшился, но еще более возрос. В целом по СССР хлебозаготовки увеличивались на 77% по сравнению с 1929/30 г., а по отдельным районам еще больше. Так, для Средне-Волжского края план хлебозаготовок на 1930/31 г. был увеличен в 2,5 раза, для Урала – в 2 раза. Между тем даже при более низком плане в 1929/30 г., по признанию М.М.Хатаевича (в письме И.В.Сталину), «народ во многих местах буквально и форменно голодает, пухнет с голоду... Мы так обчистили в этих районах мужиков во время хлебозаготовок и затем при сборе семян, что у очень многих действительно не осталось никаких продовольственных запасов»¹⁰¹.

Усиливался нажим на крестьянство и по линии налоговых платежей. Согласно постановлению СНК СССР от 7 июля 1930 г. «О тяжести обложения единым сельскохозяйственным налогом в 1930/31 году единоличных хозяйств колхозников и середняцких хозяйств, не входящих в колхозы» налог на единоличников повышался на 15%¹⁰². Ужесточались меры в отношении индивидуального обложения. Если раньше такому обложению подлежали «наиболее богатые кулаки», то теперь Политбюро ЦК ВКП(б) внесло изменения в Положение о сельхозналоге. В 1930/31 г. к обложению в индивидуальном порядке должны привлекаться «все явно кулацкие хозяйства, отменив существующее в действующем законодательстве выделение «богатых кулаков». Общее количество кулацких хозяйств,

подлежащих обложению в индивидуальном порядке, в среднем по Союзу определить в 3%». На хозяйства, индивидуально обложенные, никакие льготы не распространяются¹⁰³.

Поскольку осенью 1929 г. было 2,3% кулацких хозяйств, а в результате раскулачивания зимой 1930 г. их численность уменьшилась примерно в 2,5 раза и составляла к лету не более одного процента, то индивидуальному обложению, согласно постановлению ЦК ВКП(б), подлежала и часть середняцких хозяйств.

В конце 1930 г. был заслушан доклад Наркомфина СССР о ходе обложения кулацких хозяйств сельхозналогом и была признана работа неудовлетворительной. ЦИК и СНК СССР предложили правительствам союзных республик обязать местные Советы «принять меры к выявлению кулацких хозяйств и обложению их единым сельскохозяйственным налогом в индивидуальном порядке, чтобы закончить взыскание к 15 января 1931 г.» Было предоставлено право местным органам власти «видоизменять положение о признаках кулацких хозяйств» (естественно, в сторону расширения. — *Авт.*)¹⁰⁴. Процент изъятия индивидуально обложенных хозяйств составлял 53, а вместе с самообложением и единовременным сбором на культурное и хозяйственное строительство налоговые изъятия превышали 100% облагаемого налога¹⁰⁵. Это вело к фактическому раскулачиванию крестьянских хозяйств, обложенных в индивидуальном порядке. Более того, постановление ЦИК и СНК СССР от 17 декабря 1930 г. предоставляло право правительствам союзных республик вводить для кулаков-недоимщиков по сельхозналогу и самообложению «обязательную трудовую повинность в тех случаях, когда стоимость их имущества недостаточна для погашения недоимки»¹⁰⁶.

В этой связи заслуживает внимания постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 декабря 1930 г. «О конфискации имущества по суду», которым признавалось необходимым «сохранение конфискации имущества по суду за неисполнение кулацкими элементами хлебозаготовок и других общегосударственных заданий и иные формы сопротивления кулачества социалистическому строительству». Президиуму ЦИК СССР было предложено «пересмотреть в указанном направлении свое постановление от 22 ноября 1930 г. об ограничении применения конфискации по суду»¹⁰⁷.

Таким образом, налоговая политика Советской власти была направлена, как и прямое раскулачивание, на ликвидацию крепких, зажиточных крестьянских хозяйств и побуждение остальной части деревни к вступлению в колхозы. Не случайно поэтому, что репрессивные меры, носившие массовый характер, совпали и даже предшествовали организации «нового прилива» в колхозы с осени 1930 г.

И вновь, как и зимой 1930 г., инициатором репрессий в отношении казачье-крестьянских хозяйств явился Северо-Кавказский крайком партии. 6 августа 1930 г. он принял решение о дополнительном принудительном переселении 15-20 тысяч хозяйств («кулацких элементов, особенно из числа связанных в прошлом с борьбой против Соввласти и ныне срывающих всякого рода советские кампании») из районов Кубани в восточные засушливые районы бывшего Ставропольского и Сальского округов с переселением на Кубань из этих районов «бедняцко-середняцких хозяйств, бывших партизан и колхозников».

7 января 1931 г. по докладу Севкавказкрайкома о коллективизации в крае ЦК ВКП(б) одобрил это мероприятие, обязав крайком тщательно подготовить его в течение ближайших 2-3 месяцев с тем, чтобы закончить к весеннему севу¹⁰⁸.

В феврале 1931 г. полномочный представитель ОГПУ по Северному Кавказу Р.А.Пиляр докладывал председателю ОГПУ В.Р.Менжинскому о том, что закончена подготовка к выселению из 13 районов Кубани и Черноморья 9 тыс. хозяйств в бывшие Ставропольский и Сальский округа. Первоначально намечалось выселить 16433 хозяйства, но затем около 7,5 тыс. было отсеяно. «Подготовительные мероприятия» к выселению заключались в проведении «массовой операции» по аресту 6 тыс. человек (5155 единоличников и 845 колхозников). Арестовывали не только кулаков, но и середняков и бедняков. Правда, по ходатайству колхозников и их поручительство из-под ареста было освобождено 516 бедняков и середняков. Одновременно к переселению на Кубань было подготовлено 37 коммун (2606 хозяйств) и 93 артели (5985 хозяйств)¹⁰⁹.

В целях ускорения коллективизации на Украине началась новая волна раскулачивания, поэтому 11 февраля 1931 г. Политбюро ЦК КП(б) Украины просило ЦК ВКП(б) дать санкцию на выселение раскулаченных. Одновременно ЦК КП(б)У предложил Главному управлению милиции при СНК УССР «взять на учет поселки раскулаченных и иметь за ними постоянное наблюдение».

16 февраля в связи с хлебозаготовками Политбюро ЦК КП(б) Украины принимает постановление, в котором выражается недовольство тем, что районы ограничиваются «простой продажей кулацкого имущества» и не применяют других мер репрессий «вплоть до высылки». Предлагается усилить «большевистский нажим на кулака», провести осуждение кулаков на собраниях «как врагов трудящихся и Советской власти с требованием раскулачить и выслать на север Союза». Решение о раскулачивании должно утверждаться сельсоветом и немедленно проводиться в жизнь. Это должно остальных побудить к сдаче хлеба¹¹⁰.

Тогда же секретарь Нижегородского крайкома партии А.А.Жданов просил И.В.Сталина санкционировать решение крайкома о выселении 1000-1500 семейств раскулаченных «из районов и сел сплошной коллективизации и деятельности МТС» с расселением их в пределах края и 500 семейств за его пределы¹¹¹.

20 февраля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление «О кулаках». Было предложено ОГПУ «определить и подготовить в течение 6 месяцев районы для устройства кулацких поселков тысяч на 200-300 под управлением специально назначенных комендантов, имея в виду прежде всего районы Казахстана – южнее Караганды». Руководство («наблюдение») «за происходящим в настоящее время выселением и расселением кулаков» возлагалось на зам. председателя СНК СССР А.А.Андреева, а в случае его отсутствия согласовать все вопросы с В.М.Молотовым.

На этом же заседании Политбюро ЦК ВКП(б) была удовлетворена просьба А.А.Жданова о переселении кулаков.

Постановление ЦК ВКП(б) от 20 февраля 1931 г. положило начало новой волне массовых репрессий в деревне: раскулачиванию, депортации и арестам крестьян в связи с организацией «нового прилива» в колхозы. 11 марта 1931 г. для руководства выселения и расселения раскулаченных крестьян Политбюро ЦК образовало специальную комиссию в составе: А.А.Андреева (председатель), секретаря ЦК ВКП(б) П.П.Постышева, и зам. председателя ОГПУ Г.Г.Ягоды.

21 февраля 1931 г. бюро Средне-Волжского крайкома ВКП(б) обсуждало директиву крайкомом партии о раскулачивании, поручив Хатаевичу окончательно отредактировать ее и в двухдневный срок разослать на места. 27 февраля крайком принял решение о новом выселении из пределов края кулацких семей¹¹². В марте 1931 г. такие решения принимаются повсеместно, не исключая и национальные районы. Практическое осуществление раскулачивания и выселения началось с середины марта 1931 г. Оно охватило Сибирь, Украину, Поволжье, ЦЧО, республики Средней Азии и Закавказья, Дальний Восток, Белоруссию, Казахстан, Московскую, Ленинградскую, Ивановскую, Западные области, Нижегородский и Северный края, Татарию, Башкирию.

Справка ОГПУ, составленная в сентябре 1931 г., дает представление о масштабах выселения и переселения (внутри краев) раскулаченных крестьянских семей (табл. 16).

Таблица 16

**Сведения о выселении и переселении
раскулаченных в 1931 г.**

<i>Районы</i>	<i>Семей</i>	<i>Человек</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Украина	32127	131236
Северный Кавказ	27809	120356
Нижняя Волга	23002	112098
Средняя Волга	17133	88876

ЦЧО	17769	87656
Белоруссия	4645	20501
Крым	1146	5171
Татария	7810	42453
Средняя Азия	6785	33081
Нижегородский край	8657	40314
Западная обл.	7308	36654
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Ивановская пром. обл.	3655	18020
Башкирия	12820	66477
Московская обл.	10813	52868
Северный край*	3000	15000
Ленинградская обл.	8004	34731
Уральская обл.*	12000	60000
Западно-Сибирский край	43057	185584
Восточно-Сибирский край	9077	46287
Дальне-Восточный край	2808	14040
Казахстан*	5500	27500
Закавказье	870	4957
<i>Итого</i>	265795	1243860

* Данные примерные.

Источник: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 4055. Л. 47.

Несмотря на то, что в 1931 г. было раскулачено меньше, чем в 1930 г. (это естественно, так как основная часть крестьянства, подлежащая раскулачиванию, уже была экспроприирована) количество выселенных и переселенных семей в 1931 г. было в два с лишним раза больше, чем в 1930 г. (115231 семья). Объясняется это тем, что в 1931 г. выселялись из прежних мест жительства раскулаченные не только в 1931 г., но и в 1930 г. (таких семей, по данным ОГПУ, оставалось около 200 тыс., т.е. почти один миллион человек).

Казалось бы, что поскольку в 1930 г. основная масса раскулаченных приходилась на зерновые районы, то раскулачивание в 1931 г. коснется главным образом потребляющих и национальных районов. Однако в действительности экспроприации и выселению (или переселению) подверглись кулацкие и зажиточные хозяйства всех районов без исключения.

3 мая 1931 г. секретарь Западно-Сибирского крайкома партии Р.И.Эйхе писал И.В.Сталину, что экономические основы кулацких хозяйств в последние полтора года были резко подорваны. Проведенное в марте выселение кулацких хозяйств из 14 районов сплошной коллективизации показало, что «огромное большинство кулаков имело очень ограниченное хозяйство, лишено почти всех основных средств производства»¹¹⁴. Тем не менее бюро Западно-Сибирского крайкома решило с 10 мая по 10 июня 1931 г. провести экспроприацию и выселение всех кулацких хозяйств края. Всего намечалось экспроприировать 40 тыс. хозяйств.

19 июля 1931 г. крайком в письме райкомам ВКП(б) констатировал завершение сплошной коллективизации и ликвидации кулачества в крае. В мае было экспроприировано и выселено 39788 кулацких хозяйств¹¹⁵. Всего же в 1931 г. в Западной Сибири экспроприировано и выселено в необжитые северные районы (Каргасовский, Чаинский, Колпашевский, Зырянский и др.) 43057 семей (185584 человека).

В ходе подготовки и проведения операции по раскулачиванию и выселению раскулаченных «была проведена огромная оперативная профилактическая работа». С января по 15 мая 1931 г. было арестовано 10465 человек, что «обеспечило ход операции по экспроприации и выселению кулачества в мае 1931 г.», — говорилось в докладной записке ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю¹¹⁶.

В Дальне-Восточном крае до 1931 г. не производилось массового выселения и расселения кулачества, решено было это сделать весной 1931 г. При этом из 11 районов решено кулаков, отнесенных к 3-й категории, внутри районов не расселять, а выселить их наряду с семьями

кулаков 1-й и 2-й категорий. В пяти районах (Цветметзолота и спецпоселков) все раскулаченные расселялись как рабочая сила на месте. До июля 1931 г. выселено 839 семей (4484 чел.) и 208 семей (1200 чел.) расселено. Кроме того, массовое выселение намечалось на август – 1827 семей. Всего же было выселено 2808 семей (14040 чел.). Тройкой ПП ОГПУ было осуждено 356 человек¹¹⁷.

В Средне-Волжском крае в первой половине 1931 г. раскулачено свыше 16 тыс. хозяйств и исключено из колхозов 6 тыс. хозяйств¹¹⁸. Всего выселено из края 17133 семьи (88876 чел.) или в три раза больше чем в 1930 г. Если учесть, что в 1930 г. было выселено 5873 семьи (31037 чел.), то выходит, что контрольные цифры постановления ЦК от 30 января 1930 г. (11-14 тыс. семей) были «перекрыты» вдвое.

2 июля 1931 г. бюро Средне-Волжского крайкома ВКП(б) приняло специальное постановление «О семьях осужденных и сбежавших кулаков»¹¹⁹, в котором отмечалось, что в крае осталось до 25 тысяч семей кулаков, главы которых сбежали или ранее были осуждены органами ОГПУ и что эти семьи «в ближайшее время за пределы края выселены быть не могут, а также, учитывая нехватку рабочей силы в крае, дать указание РК и РИК о необходимости использования подростков, женщин и стариков этих семей на работах как по месту жительства в колхозах, так и в ближайших совхозах, обеспечивая оплату, которая бы дала возможность прокормиться».

Контингент выселяемых был превышен и в ЦЧО. Здесь также вместо 13-20 тыс. было выслано 26 тыс. семей. В докладной записке ПП ОГПУ от 18 марта 1931 г. сообщалось, что обком партии решил с 5 января провести месячник коллективизации и подготовки к весеннему севу. «В целях обеспечения нормального хода месячника, ПП ОГПУ по ЦЧО провело массовую операцию по изъятию кулацкого и антисоветского актива, тормозящего рост коллективизации». Для получения конкретных заданий на 10 января были вызваны в Воронеже все начальники оперсекторов, которые привезли с собой «планы операции на изъятие в общей сложности по ЦЧО – 4700 человек». Согласно плану ПП ОГПУ, «основной удар операции был направлен на северные районы области, как районы со слабой коллективизацией (Елец, Орел, Тамбов, Липецк и др.)»¹²⁰. «Массовая операция» по ЦЧО проходила с 20 января по 10 февраля 1931 г. За 20 дней были арестованы 4260 человек. «Результаты массовой операции... быстро сказались, особенно в северных районах области. Рост коллективизации усилился. Так, на 10 января 1931 г. коллективизировано по области было 22,1% хозяйств, на 10 марта 1931 г. – уже 42,7%, – сообщал ПП ОГПУ по ЦЧО Н.Н.Алексеев в ОГПУ. В процессе операции по аресту проводилась работа и по насаждению спецсети ОГПУ в деревне – было набрано более 70 «сексотов» (секретных сотрудников).

Несмотря на то, что уже было арестовано более 4 тысяч человек, Алексеев и уже упоминавшийся Ильин считали необходимым во второй половине марта «провести новую массовую операцию по изъятию контрреволюционного актива, стремящегося подорвать коллективизацию, сорвать скотозаготовки и проч.»¹²¹.

В конце мая Ягода сообщал Алексееву о том, что из ЦЧО надлежит выселить в Казахстан (в 1930 г. выселяли в Северный край) 10556 семей. Срок отправки с 10 июня по 15 июля 1931 г. по одному эшелону ежедневно¹²².

Наряду с зерновыми районами экспроприация кулачества, а попросту зажиточных слоев деревни, в 1931 г. захватила национальные и потребляющие районы. 4 января 1931 г. бюро обкома ВКП(б) Татарии приняло решение о выселении кулаков с территорий, обслуживаемых МТС, в котором говорилось: «В целях создания наиболее благоприятных условий для организации работы МТС признать необходимым произвести выселение кулаков 3-й категории из сел в радиусе обслуживания МТС»¹²³.

В Петропавловском районе Казахстана из числившихся в 1929 г. 686 кулацких хозяйств в марте 1931 г. раскулачено 547 хозяйств, из них выслано 124 семьи. В районе Воловской МТС Московской области раскулачено 370 хозяйств (70 семей выселено), Островской МТС Ленинградской области из 340 раскулаченных хозяйств 113 было выселено и т.д.¹²⁴.

В Средней Азии решением партийных органов республики определялись районы сплошной коллективизации с предписанием «проводить ликвидацию кулачества как класса». 7 марта 1931 г. секретарь ЦК КП(б) Узбекистана У.Юсупов послал К.Я.Бауману (Средазбюро ЦК) письмо, разосланное ЦК КП(б) Узбекистана райкомам партии, следующего содержания: «Решением Средазбюро ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Узбекистана ваш район утвержден районом сплошной коллективизации, где в период до 25 марта с.г. должна быть проведена ликвидация кулачества как класса». ЦК Компартии Узбекистана определил также количество подлежащих ликвидации кулацких хозяйств (2-3% общего числа хозяйств), которые подразделялись на две категории, первая из которых изымалась органами ОГПУ, а вторая – переселялась внутри района на худшие земли¹²⁵.

К 29 марта 1931 г. в Узбекистане репрессировано по первой категории 360 хозяйств (намечалось 289) и по двум районам (из 10) раскулачено 295 хозяйств. В Туркмении – 198 хозяйств, в том числе 71 по первой категории. Это было только начало. Репрессии продолжались все лето, и особенно активно в августе 1931 г.

В информационной сводке ЦК КП(б) Узбекистана о ходе выселения кулацких хозяйств в районах республики сообщалось, что в Андижанском районе на 23 августа было изъято (экспроприировано) 150 хозяйств, арестовано 200 мужчин; в Бауманском районе – изъято 95 хозяйств; в Старобухарском – 142; в Новобухарском – 65, в Вабкентском – 125, в Верхне-Чирчикском – 75, Каракульском – 71, Янги-Курганском – 112 хозяйств и т.д.¹²⁶

О масштабах репрессий в Средней Азии в 1931 г. можно судить по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 июня 1931 г.: «Принять предложение Баумана, согласованное с Косиором и Шеболдаевым о переселении из Средней Азии 6 тыс. кулацких хозяйств, из коих 3 тыс. на Украину и 3 тыс. на Северный Кавказ»¹²⁷. А через месяц, 20 июля 1931 г., Политбюро приняло постановление «О кулаках», в котором говорилось: «Считать, что задание Политбюро о массовом выселении кулацких хозяйств комиссией (А.А.Андреева. – *Авт.*) в основном выполнено. В дальнейшем выселение производить из районов сплошной коллективизации в индивидуальном порядке... В отношении Казахстана считать возможным выселение кулаков и баев. Предложить ОГПУ установить количество, сроки, места выселения кулацких хозяйств, подлежащих выселению из Казахстана»¹²⁸.

Одновременно Политбюро санкционировало выселение 1100 кулацких хозяйств из Калмыкии на Урал. 27 октября 1931 г. комиссия Политбюро по кулакам (с 5 октября 1931 г. вместо Андреева ее председателем был утвержден Я.Э.Рудзутак) дала согласие ЦК КП(б) Туркменистана о дополнительном выселении 200 байских семей на Северный Кавказ¹²⁹.

Раскулачивание, выселение и переселение в массовых масштабах продолжалось и в последующие годы. Поэтому Политбюро ЦК ВКП(б) продолжало нарушать свое же постановление о выселении кулацких (крестьянских) семей в «индивидуальном порядке».

Продолжали действовать и чрезвычайные меры, введенные во время хлебозаготовок 1928–1929 гг. Более того, они еще более ужесточились и сопровождались арестами и другими репрессиями при проведении налоговых кампаний. Даже проведению выборов в местные Советы предшествовала «предвыборная операция» в деревне. Полномочный представитель ОГПУ по Средне-Волжскому краю С.А.Бак 15 декабря 1930 г. сообщал руководству ОГПУ, что «предвыборная операция по кулаку в основном закончена, следствие развернуто, часть дел уже поступает на «тройку». В результате «деревенской операции» было арестовано 2014 человек, половина из которых не являлись кулаками. Это, по мнению С.А.Бака, сыграло положительную роль как в проведении коллективизации, так и ходе хлебозаготовок. В качестве иллюстрации он приводит в письме ряд фактов:

После ареста в с. Хворостянка Марьевского района 23 человек за два дня сдано 500 ц хлеба;
в с. Кульчум Пономаревского района после ареста 18 чел. за четыре дня годовой план хлебозаготовок был выполнен на 12%, в колхоз вступило 20 хозяйств;

в с. Панышино Сызранского района после ареста 36 чел. колхоз за несколько дней увеличился на 174 хозяйства, годовой план хлебозаготовок выполнен на 97% и т.д.¹³⁰

---

* Подчеркнуто мною. – *Авт.*

«Десятки товарищей, сотрудников ПП, единодушно констатируют, что операция сыграла в основном значительную роль в деле оживления хлебозаготовок, роста колхозов и нового удара по активности кулацкого элемента», – писал Бак.

Поскольку в Средне-Волжском крае «большого притока в колхозы нет», то было решено в двух районах (Больше-Глушицком и Кинель-Черкасском) в качестве опыта провести следующее мероприятие: к концу января 1931 г. произвести «изъятие, исходя из расчета 150-200 (а может быть и больше) человек на район» с тем, чтобы «перенести этот опыт и на другие районы края»¹³¹.

В Западно-Сибирском крае с января по 15 мая 1931 г. было арестовано 10465 человек. Для проведения этой «профилактической операции» в деревню послал крайком ВКП(б) 128 коммунистов. Органами ОГПУ мобилизован 201 человек чекистского запаса и 40 человек кадрового состава ПП ОГПУ¹³².

Репрессии в деревне были тесно связаны и с тяжестью налогового обложения крестьянства, особенно его зажиточной части. С переходом к сплошной коллективизации налоговый пресс усиливался. В 1930–1931 гг. были отменены льготы по сельхозналогу для бедняцких хозяйств, установленные в 1927 г. (освобождение от налога примерно 35% крестьянских хозяйств), осуществлено дальнейшее повышение обложения доходов от неземледельческих заработков. В частности, повышен был процент отчисления доходов от отхожих промыслов по найму с 15 до 20, а не по найму – с 30 до 40 и для доходов от кустарных промыслов максимальный процент отчисления доходов был повышен с 50 до 60.

Все кулацкие (а на практике и часть середняцких) привлекались к индивидуальному обложению¹³³.

В 1930/31 г. для зажиточных хозяйств при годовом доходе в 500 руб. ставка сельхозналога устанавливалась в 20%, а при доходе свыше 6000 руб. – 70%. Наряду с этим кулацкие хозяйства должны в таком же размере уплачивать самообложение и «единовременный сбор на хозяйственное и культурное строительство в сельских районах» (культсбор) – всего, таким образом, от 60 до 162% годового дохода¹³⁴.

Деревенские платежи в 1930 г. составили 1825,9 млн. руб., в том числе сельхозналог, культсбор, самообложение, страхование и заем – 1070,6 млн, а в 1931 г. соответственно: 2969,1 млн. и 2152,2 млн. руб.¹³⁵ Как видим, налоговые платежи возросли вдвое. При этом основные платежи с единоличных хозяйств выросли с 793,7 млн. руб. в 1930 г. до 1267,3 млн. руб. в 1931 г. или на 60%, хотя число единоличников за это время сократилось вдвое. По данным записки наркомфина СССР Г.Ф.Гринько в Политбюро, деревенские платежи на одно единоличное хозяйство за 1930–1931 гг. выросли с 37 руб. 02 коп. до 99 руб. 61 коп., а на кулацкое хозяйство с 331 руб. 64 коп. до 699 руб. 73 коп.¹³⁶ Разумеется, что многие хозяйства не в состоянии были уплачивать такие налоги и натуральные поставки (хлебо-мясозаготовки и проч.). Так, например, в ЦЧО на 1 марта 1931 г. квартальный план по всем видам платежей был выполнен только на 26,8%. «Со стороны РИКов и сельсоветов репрессивных мер по погашению задолженности принимается недостаточно», – констатировалось в спецсводке ПП ОГПУ по ЦЧО. Между тем за неуплату сельхозналога по 155 районам ЦЧО было описано имущество крестьян – недоимщиков на сумму 2201,5 тыс. руб.

В первую очередь имущество описывалось у зажиточных крестьян, хотя, конечно, в 1931 г. и описывать было нечего. Вот один из примеров того, что описывалось у одного из недоимщиков (ЦЧО, Шахов Ю.К.): полушубок, тулуп, сапоги, валенки, свинья, мясо (16 кг), сало (8 кг), пшеница (1,5 ц), хата и сарай.

Арестованный крестьянин Говоров Т.Р. (Боровский район, ЦЧО) в своих показаниях заявлял: «С 1929 г. отношение власти к нам, справным мужикам, изменилось. Началось с того, что значительно увеличили налог, наложили хлебозаготовку и скотозаготовку. Выполнять было тяжело, но все же мы выполнили и налог и заготовки полностью. Потом стало еще тяжелее, стали нажимать сильнее и в 1930 г. раскулачили, а в 1931 г. разорили окончательно, оставив ни с чем»¹³⁷.

Администрирование, насилие и репрессии являлись основными средствами взимания денежных платежей и натуральных налогов (независимо от того как они назывались). Это вынуждены были признать даже органы ОГПУ (июль 1931 г.): «В ряде селений Хлебенского, Валуйского и Вейделевского районов массовая работа вокруг мобилизации денежных средств подменяется голым администрированием и перегибами – угрозами «распродать» за отказ от приобретения акций Трактороцентра, займа и т.п., описью и массовым отбором у середняков, а иногда и бедняков имущества и скота за неуплату не только обязательных, но и добровольных платежей»¹³⁸.

Конфискация имущества по суду или без суда широко практиковалась на местах тем более, что по этому поводу Политбюро ЦК ВКП(б) еще в декабре 1930 г. приняло специальное постановление¹³⁹.

Глава третья

СОПРОТИВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА НАСИЛИЮ И БЕЗЗАКОНИЮ В ДЕРЕВНЕ

§ 1. *Пассивные формы сопротивления*

Наступление Советской власти на крестьянство, особенно на его зажиточную часть, развернувшееся после XV съезда партии, сопровождалось ростом недовольства крестьянства, обострением классовой борьбы в деревне.

Усиление налогового пресса, хлеб- и мясозаготовок, рост так называемых добровольных платежей (самообложение, крестьянские займы, вклады в сберегательные кассы и т.п.), а также ущемление религиозных чувств, ограничение в избирательных правах населения – все это вызывало решительное противодействие основных масс крестьянства, выражавшееся как в пассивных, «мирных» формах сопротивления, так и в острых его формах (массовые волнения, террористические акты и проч.). Так, только по одному Дальне-Восточному краю в 1928 г. зарегистрировано 7162 факта отрицательного отношения к мероприятиям Советской власти, из них: на почве налогов и хлебозаготовок – 57%, распространения крестьянского займа – 12%, самообложения – 10,5%, продовольственных затруднений в деревне – 7%, перевыборов Советов – 3%, посевной кампании и землеустройства – 2,5% и проч. – 5%. Органами ОГПУ было взято на учет 6657 человек «антисоветского актива»¹. В Сибири за укрытие объектов обложения в октябре 1928 г. оштрафовано 24964 хозяйства на сумму 1141951 руб.²

Одной из форм крестьянского сопротивления в хлебозаготовительную кампанию 1928/29 г. явился отказ крестьян продавать хлеб по низким государственным ценам: «Надо быть дураком, чтобы отдавать хлеб по 96 коп. пуд. в то время как на рынке он стоит 4 руб., весной будет стоить 10 руб., поэтому мы хлеб не повезем – пусть власть забирает силой (Львовский округ, ЦЧО)»³.

Отказывались крестьяне создавать семенные фонды, опасаясь того, что они останутся без хлеба: «На что нам создавать этот фонд, ведь крестьянство не сегодня-завтра подохнет с голоду. Если теперь хлеб отдавать, так что же мы сами будем делать без хлеба (Владимирская губ.)»⁴. В Кузнецихинской волости Спасского кантона (Татария) крестьяне заявляли: «Мы вынуждены оставлять некоторый запас хлеба, чтобы гарантировать свое хозяйство от неурожая». В с. Ермоловке Пензенского уезда уполномоченный по хлебозаготовкам угрожал крестьянам судом, в результате чего последние стали прятать хлеб»⁵.

Зажиточная часть деревни и крепкие середняки, чтобы не попал Советской власти хлеб по низким государственным ценам или вовсе бесплатно вынуждены были прятать зерно или отдавать на хранение соседям-беднякам. Иногда количество спрятанного хлеба у отдельных хозяйств достигало нескольких сот пудов. «Сельскохозяйственная газета» в июле 1929 г. сообщала, например, что в селе Ташковцах Шевченковского округа (Украина) у одного крестьянина было обнаружено около 700 пудов хлеба, зарытых в яму. В Нижне-Волжском крае, в селе Большая Кандаля, у зажиточного крестьянина Калягина нашли в яме 725 пудов зерна; в деревне Малиновке – около 450 пудов и т.д.⁶ В Ивановском районе Амурского округа (ДВК) было выявлено 28 случаев сокрытия хлеба. Об аналогичных фактах крестьянского саботажа хлебозаготовок в национальных районах, сообщала местная печать (Самаркандский округ, Янги-Курганский район)⁷.

Наряду с этим крестьяне, отказываясь продавать хлеб по твердым государственным ценам, продавали его сельским и городским перекупщикам по более высоким ценам. Широкое распространение скупка-продажи получила на Северном Кавказе (Майкопский, Терский округа), Украине (Киевский, Прилукский, Херсонский округа). Нередко перекупщики скупали хлеб путем «контрактаций», оставляя крестьянину задаток с тем, чтобы после обмолота забрать зерно. Поскольку перекупщики платили за хлеб в несколько раз дороже чем государство, а

налоги во время хлебозаготовок взыскивались в короткие сроки, крестьяне вынуждены продавать зерно.

Власти принимали жесткие меры к крестьянам, уклоняющимся от сдачи хлеба. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 июня 1929 г. разрешало сельским Советам налагать «штрафы в административном порядке» в пределах до пятикратного размера стоимости подлежащего сдаче хлеба, с применением в случае необходимости продажи с торгов имущества соответствующих лиц»⁸.

Тогда же Северо-Кавказский крайком ВКП(б) в директиве от 19 июля 1929 г., отмечая, что штрафы и описи имущества «почти не действуют», рекомендовал в отношении саботирующих хлебозаготовки и скрывающих излишки хлеба принимать постановления о выселении их из станиц и лишения земельного надела⁹.

Не менее трудно проходили хлебозаготовки и в 1930–1931 гг. Урожайность за эти годы снизилась по сравнению с 1928 г., на 23,3%, а заготовки выросли на 89,4%¹⁰. Непомерно большие планы хлебозаготовок не могли не сказаться на отношении к ним крестьян. В справке ОГПУ «О недостатках в подготовке и проведении хлебозаготовительной кампании и о политнастроении деревни (по материалам ЦЧО, Северного Кавказа, Украины, Средней и Нижней Волги и Крыма)» от 20 июля 1930 г. прямо указывается, что у части середняков-единоличников «имеются ярко выраженные настроения против сдачи хлебных излишков государству... Со стороны части середняков-единоличников и даже бедноты Северного Кавказа и Украины имеются тенденции к активному сопротивлению при проведении хлебозаготовок»¹¹.

В с. Татарка Ставропольского округа крестьяне отказались выбирать комиссию содействия хлебозаготовкам, а партийная ячейка с. Калиновка постановила: «Хлебозаготовки не проводить». В ряде сел Белоцерковского и других округов Украины крестьяне были настроены к активному сопротивлению: «Хлеба не дадим, пусть попробуют забрать – мы возьмемся за косы и топоры».

Аналогичные резкие выступления единоличников, а в ряде случаев и колхозников против хлебозаготовок также были зарегистрированы в ЦЧО, на Средней и Нижней Волге и в других районах: «Пойдем на восстание, а хлеба власти не дадим» (Козловский округ). «Драться будем, головы сложим, а хлеба не дадим».

Крайне напряженное положение с хлебозаготовками наблюдалось в национальных районах Северного Кавказа, испытывавших острые продовольственные затруднения. «В ауле растут активные сопротивленческие настроения: «Хлеба не дадим, пусть только попробуют брать хлеб силой, у нас еще есть косы и вилы. Лучше умереть в бою, чем погибать от голода», – сообщалось в справке ОГПУ.

Значительная часть бедноты и середняков Крыма, затронутая «перегибами» в хлебозаготовительную кампанию 1929/30 г., заявляла: «Контрактовать не будем, поставим молотилки и обмолотим, оставим себе на харчи и посевы, а остальное сдадим государству. Но если будут забирать и заготавливать хлеб, как в прошлом году, – драться будем и не сдадим».

В с. Поповцы Кайгородского района Могилев-Подольского округа одна беднячка сказала: «В прошлом году приезжали работники и агитировали за хлебозаготовки, говорили – отдайте хлеб, а мы беднякам после будем давать хлеб через кооперацию по твердым ценам. В результате этого хлеб забрали поголовно у всех, а нам, беднякам, теперь не дают и купить его негде. Соввласть нас давит. Если в этом году она будет проводить хлебозаготовку, то мы, бедняки, ее не допустим, чтобы не голодать»¹².

Недовольство в деревне вызывало то обстоятельство, что, наряду с кулаками и зажиточными, индивидуальному обложению подвергались середняки и бедняки, а за невыполнение твердых заданий производилась опись и распродажа имущества. «Докуда нас будут обирать: хлеб отдай, налоги плати, а сам голодным оставайся, – говорил середняк Завьялов (Чердакский район, Сибирь). – Вот я вывез хлеб и налог отдал, а тут какая-то встречная хлебозаготовка. Я больше ничего сдавать не буду, пусть описывают и продают».

Другой крестьянин-середняк Киселев (Троицкий район) заявлял: «Заставляют нас вывозить хлеб, травят друг на друга для того, чтобы мы между собой дрались и чтобы им лучше можно было обдирать нас. Раньше кулаков продавали, а теперь взялись за середняков и каких-то зажиточных выставляют»¹³.

Репрессии, проводившиеся в ходе хлебозаготовок и налоговых кампаний, хотя и стимулировали хлебозаготовки, но ввиду их непомерности не давали должного эффекта, а крестьян еще больше озлобляли. «В целом расстрелы на фронте хлебозаготовок не дали должного сдвига в темпе», – сокрушался ПП ОГПУ по Западной Сибири Л.М.Заковский¹⁴.

Из Ростова П.Г.Рудь (ПП ОГПУ по Северному Кавказу) сообщал, что в станице Челбасской «колхозники отказались работать, требуя отмены хлебозаготовок», выдачи продовольственных норм и заработной платы.

В Вольском округе Нижне-Волжского края 2 октября 1930 г. произошло массовое выступление колхозников (с. Горки) против хлебозаготовок. Правления ряда колхозов этого и Аткарского округов отказались вывозить хлеб, требуя распределить его среди колхозников¹⁵.

Как видим, сопротивление хлебозаготовкам оказывали не только крестьяне-единоличники, но и колхозники. Между тем нажим на крестьян усиливался как прямой, так и налоговый, вынуждая их вступать в колхозы. «Весь этот нажим делается для того, чтобы загнать всех крестьян в колхоз, – говорил бедняк Попов (Завьяловский район, Сибирь), – но я туда не пойду, неохота голым сидеть...» Середняк Сотников (Тюменцевский район), не выдержав нажима, заявил: «Жить стало хуже, чем во время крепостного права. Кулаков разорили, теперь приходит очередь до середняков. Очевидно, выхода нет, придется вступать в колхоз, а там вечная барщина»¹⁶.

Вынужденная вступать в колхозы значительная часть крестьян-середняков и зажиточных – распродала или резала свой скот. Еще в 1929 г., когда только началась сплошная коллективизация, сокращение скота приняло массовый характер. Так, в Нижне-Волжском крае с весны до осени 1929 г. численность лошадей сократилась на 21,5 тыс. голов, крупного рогатого скота – на 761,9 тыс., овец и коз – на 2233 тыс., свиней – на 88,9 тыс. голов. На Средней Волге количество скота, как уже отмечалось, уменьшилось почти на 820 тыс. голов¹⁷.

Такая же картина наблюдалась на Украине, Северном Кавказе, в ЦЧО, Сибири, Казахстане и других регионах. В некоторых районах ЦЧО только в течение октября-декабря 1929 г. поголовье скота сократилось почти на 60%, на Северном Кавказе – на 30-60%. В Казахстане только в одном Петропавловском округе численность скота уменьшилась на 831,6 тыс. голов, т.е. почти наполовину¹⁸. На Украине поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на миллион голов, свиней – на 2,8 млн., овец и коз – на 1,1 млн. голов.

Это был своего рода протест крестьян на принуждение к вступлению в колхоз. Секретарь Средне-Волжского крайкома ВКП(б), выступая на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК партии, говорил: «В связи с массовым ростом колхозного движения имеется такое явление: идя в колхоз, тот или иной середняк покрепче, имеющий три головы скота, две продает, а с третьей приходит в колхоз, потому что он не хочет вкладывать в неделимый капитал больше средств, чем его сосед, имеющий одну корову. Если не будут приняты немедленные меры... мы будем иметь большой прорыв на этом участке»¹⁹.

Об этом же говорил и секретарь Нижне-Волжского крайкома партии Б.П.Шеболдаев: «Мы имеем массовую распродажу скота в районах коллективизации и в районах, не коллективизирующихся. Тов. Микоян (Наркомснаб. – *Авт.*) на этом выполняет вдвое-втрое план мясозаготовок, но нужно сказать, если мы этого не остановим, это будет означать, что, прежде чем подойдут трактора, мы будем иметь уменьшение тягловой силы»²⁰.

Однако, несмотря на постановления ЦИК и СНК СССР от 16 января и 1 ноября 1930 г. о мерах против «хищнического убоя скота»²¹, снижение поголовья продолжалось во все более возрастающих масштабах. Так, численность лошадей в 1930 г. уменьшилась на 3,8 млн. голов по сравнению с 1929 г., а в 1931 г. – на 7,8 млн; крупного рогатого скота соответственно: – на 15,6 млн. и 20,2 млн, овец и коз – на 38,4 млн. и 69,5 млн, свиней – на 7,3 млн, и 6,5 млн. голов. В последующие, 1932–1933 годы процесс этот продолжался²². И даже И.В.Сталин не мог

отрицать, что падение поголовья скота явилось результатом «реорганизационного периода», когда не только зажиточная часть крестьянства (кулаки), но и середняки «разбазаривали» свой скот.

В докладной записке ОГПУ о формах, динамике классовой борьбы в деревне в 1930 г. говорилось, что «почти повсеместно приняли массовые размеры убой и разбазаривание скота не только кулацкими и зажиточными прослойками крестьянства, но и значительной частью середнячества»²³. ОГПУ считало это серьезным успехом кулачества «в деле хозяйственного саботажа в деревне». Хотя это, скорее, было сопротивление крестьянства насильственному обобществлению скота в колхозах, его самозащитой.

Снижение поголовья скота в 1929–1932 гг. объясняется не только распродажей и забоем его крестьянами, но и заготовительной политикой Советского государства. Так, например, план мясозаготовок на 1930/31 г. по Средне-Волжскому краю составил: крупного рогатого скота 178456 голов, овец – 1025628 и свиней 80000 голов. Это не могло не сказаться на политическом положении в деревне. «В связи с проведением мясозаготовок, – отмечалось в спецсводке ОГПУ от 5 февраля 1931 г., – в политнастроении деревни имеется изменение в сторону ухудшения настроения крестьянства. За последнее время мясозаготовки проходят в условиях значительной напряженности и сопровождаются ростом активных антисоветских проявлений... Участники выступлений выходят на улицу, вооружившись вилами, кольями, топорами и т.п... В результате массовых выступлений операции по изъятию скота приостанавливаются, причем отобранный скот толпа возвращает тем, у кого он был отобран»²⁴.

Аналогичное положение было в ЦЧО. Здесь обком ВКП(б) дал директиву облагать твердыми заданиями по скотозаготовкам не менее 7% крестьянских хозяйств. В действительности твердыми заданиями облагалось значительно больше. Скот отбирался в принудительном порядке не только у кулаков (которых уже не было) и зажиточных крестьян, но и у середняков и бедняков. Даже уполномоченные по мясозаготовкам вынуждены были признать, что «кулаков в селе нет – твердые задания давать некому, а поэтому отказаться от принятия плана» (Заметчинский район). «План скотозаготовок невыполним, скота у крестьян нет» (Жердевский район).

Члены и работники некоторых сельсоветов под давлением масс прямо заявляли: «Соввласть ограбила крестьян, надо отказаться от проведения плана и сдачи скота» (Орловский район)²⁵. Один середняк с. Мучкан того же района, протестуя против изъятия скота по мясозаготовкам, сказал: «Ободрала нас Советская власть до основания – забирать последний скот стала у середняков, видимо, дольше весны не проживем». Другой крестьянин-середняк с. Андреевки Никифоровского района говорил: «Коров будут брать до тех пор, пока нас не загонят в колхозы»²⁶. Об этом же говорил и крестьянин с. Прудки Дросковского района (ЦЧО): «Власть приступила к раскулачиванию середняков, отбирая у них последних коров. Все это делается, чтобы загнать нас в колхозы, но мы все равно не пойдем»²⁷.

Один из бедняков с. Кулябовка Мучкапского района сетовал на Советскую власть: «Какая это Советская власть, когда у бедняков стала отбирать скот. Видимо, теперь станут отбирать у нас последнюю одежду»²⁸.

Следовательно, уменьшение поголовья скота в годы сплошной коллективизации было связано и с заготовительной политикой Советской власти, поскольку заготовленный (изъятый) скот в основном шел не на пополнение стада животноводческих совхозов и колхозных ферм, а на продовольственное снабжение городов, промышленных центров и Красной Армии. С интересами крестьянства никто не считался.

Усиление налогового пресса, выкачивание денежных средств из деревни на нужды индустриализации сказывались на настроениях крестьянства, вызывали его недовольство и сопротивление. Крестьяне вынуждены были платить разного рода налоги и «добровольные» платежи. В числе их были: сельхозналог, культсбор, самообложение, заем «Пятилетка в четыре года», страховые платежи, приобретение акций Трактороцентра, взносы в сберегательную кассу и т.п.

Крестьяне-единоличники говорили: «Раньше нас (середняков. – *Авт.*) обирали, а теперь дело дошло до бедняков – один исход – это всем отказаться от платежа налога» (Хлевенский район, ЦЧО). «Соввласть выпустила единовременный сбор для того, чтобы заставить единоличников входить в колхозы»²⁹.

Середняки-единоличники Елань-Коленовского района (ЦЧО) возмущались: «Ваши займы нам кишки проели, что-то творится невероятное: без конца займы, давай налоги, страховку, – тянут с мужика последние жилы, а нам даже керосина нет»³⁰.

Недовольство крестьян властью, которая «грабит крестьян налогами», отбирает «последний скот» выливалось в такие формы сопротивления насилию, как уклонение от уплаты налогов, различного рода «обязательств» и т.п. В той же Центрально-Черноземной области высказывания крестьян, которые приводились выше, по сводке ОГПУ от 5 марта 1930 г., квартальный план 1931 г. в январе-феврале был выполнен по сельхозналогу на 46,0%, культсбору – на 39,5%, самообложению – на 27,0%, займу «Пятилетка в четыре года» – на 9,6%, по денежным вкладам в сберкассу – на 17,0%, страховым платежам – на 34,3%. В целом по всем видам платежей было собрано 26,8% квартального плана по ЦЧО³¹.

Объясняло это ОГПУ саботажем крестьян и слабым применением репрессивных мер к крестьянам, хотя в ЦЧО к 1 марта 1931 г. только за неуплату сельхозналога описано имущества на сумму, превышающую 2,2 млн. руб.

Для мобилизации средств деревни центральные и местные власти придумывали различного рода «месячники», «встречные планы» и т.п., что еще больше озлобляло крестьян и настраивало их против Советской власти. Об одном из таких «месячников» на Украине писал Г.К.Орджоникидзе из Николаева И.В.Сталину и С.В.Косиору:

«Одним из скандальных вопросов на селе, сильно озлобляющих всех крестьян и подрывающих колхозное движение, является финансовый месячник. Это что-то абсолютно недопустимое. В самый разгар сева колхознику предъявляется совершенно невыполнимое требование. Колхознику в ознаменование его вступления в колхоз предлагается в течение месяца внести все старые долги по с.х. кредиту, увеличенные паи по разным видам кооперации, вкладывать в сберкассу, займы, задатки, страховки, штрафы и т.д. ...Конечно, колхозник это не в состоянии выполнить, за что к нему применяются драконовские меры... Считаю совершенно необходимым немедленную отмену этого дурацкого месячника и растяжку платежей до конца года»³².

Разумеется, если такие «драконовские меры» применялись к колхозникам, на которых распространялся ряд льгот, то можно представить какие меры применялись к единоличникам, не желавшим вступать в колхозы.

Тяжесть налогового бремени, принудительные заготовки, насилие и принуждение в коллективизации, попрание религиозных чувств крестьян, массовые репрессии – все это вело к перерастанию пассивных, внешне «мирных», форм сопротивления насилию и беззаконию в деревне в острые массовые крестьянские выступления, нередко повстанческого характера против коллективизации и раскулачивания, против Советской власти вообще.

§ 2. Массовые крестьянские выступления

Переход к чрезвычайным мерам в ходе хлебозаготовок 1928–1929 гг. и принудительных взысканий налоговых платежей в деревне сопровождался резким обострением классовой борьбы. Об этом свидетельствуют следующие данные: если в 1926–1927 гг. было зарегистрировано 63 массовых крестьянских выступлений (из них 22 в Сибири), то в 1928 г. – 709, в 1929 г. – 1307.

В 1928–1929 гг. массовые крестьянские выступления происходили в основном в связи с хлебозаготовками, составив почти 50% общего числа всех выступлений, затем шли выступления на религиозной почве, продовольственными затруднениями и т.п. По неполным данным, в январе-июле 1929 г. произошло 565 массовых крестьянских выступлений, из них: в связи с хлебозаготовками – 251, на религиозной почве – 126, на почве продовольственных затруднений – 83, землеустройства – 42 и т.д.³³

Интересны данные о распределении количества крестьянских массовых выступлений по месяцам 1928–1929 гг. (табл. 17).

Таблица 17

	1928 г.	1929 г.
Январь	10	42
Февраль	10	22
Март	11	65
Апрель	36	159
Май	185	179
Июнь	225	242
Июль	93	95
Август	31	69
Сентябрь	25	72
Октябрь	25	139
Ноябрь	33	108
Декабрь	25	125
Итого	709	1307

Источник: ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 679. Л. 40.

Из приведенных в табл. данных видно, во-первых, что число массовых крестьянских волнений в 1929 г. в два раза выросло по сравнению с 1928 г., а во-вторых, в том и другом году наибольшая активность крестьянства приходится на май-июнь (примерно по 400 выступлений), что, вероятно, объясняется тем, что к лету запасы хлеба и других материальных ресурсов у крестьян были исчерпаны, а заготовки тем не менее продолжались.

Сопротивление крестьян, в том числе в форме массовых выступлений, явилось ответной мерой на насилие и репрессии представителей Советской власти. Так, например, в Зиновьевском округе (Украина) в связи с арестом в с. Никольском 23 крестьян, в том числе 21 бедняка, за неуплату налога и наглое заявление при этом пьяных судьи и представителя райкома партии: «Будем пить вашу кровь и на автомобилях кататься» – толпа возмущенных крестьян попыталась устроить над ними самосуд³⁴. Всего в феврале 1928 г. в связи с хлебозаготовками арестовано органами ОГПУ на Украине только «за антисоветскую агитацию» 367 человек, в марте – 278 человек. В Сибири органы ОГПУ арестовали в январе-феврале 1928 г. – 1704 человека, на Северном Кавказе – 720 человек и т.д.³⁵

2 апреля 1929 г. из Западной Сибири сообщали в ОГПУ, что в результате применения «жестких мер в хлебозаготовках и, главным образом, на почве продажи имущества 250 кулацких хозяйств, обложенных самообложением в 5-кратном размере за злостную неспдачу хлеба» в трех районах Барнаульского округа произошло 6 массовых выступлений крестьян.

Толпой в 300-500 человек были избиты и ранены до 10 работников сельсоветов и милиции. Восставшие попытались связаться с соседними селами для получения поддержки. Принятыми властями мерами выступление крестьян было локализовано. Организаторы «волынок» были арестованы. Уполномоченным окружкома партии было предложено собранию крестьян в 5-дневный срок выполнить план хлебозаготовок. В районы массовых крестьянских выступлений выехали ответственные работники окружкома, прокуратуры, оперативные работники ОГПУ, а также коммунисты и рабочие.

Крайком ВКП(б) дал директиву всем окружкомам партии усилить работу по хлебозаготовкам, сочетая ее с массовой работой среди малоимущих слоев деревни. Барнаульскому окружкому предложено срочно ликвидировать выступление крестьян. В деревню было послано 260 активных работников, 560 рабочих, мобилизован советский, партийный и чекистский аппарат³⁶.

По материалам о 565 массовых крестьянских выступлениях, произошедших в первой половине 1929 г., на долю Сибири приходилось 149 выступлений, Украины – 78, ЦЧО – 49, Северного Кавказа – 42, Нижней Волги – 40, Северо-Западного района РСФСР – 37, Белоруссии – 21, Западной области – 14. Конечно, данные эти неполные как в количественном, так и в территориальном отношении. Тем не менее они дают представление о географии и масштабах крестьянских волнений в первой половине 1929 г.

В докладной записке ОГПУ в ЦК ВКП(б) о классовой борьбе в деревне отмечалось, что в 1928–1929 гг. наиболее острые проявления классовой борьбы (массовые крестьянские выступления, повстанческое движение, террористические акты) фиксировались в связи с хлебозаготовками. Так, из 1307 массовых выступлений, 1929 г., в которых приняло участие около 300 тыс. человек на почве хлебозаготовок произошло 403 (30,7%), 307 (23,5%) – на религиозной почве и только 86 (6,5%) в связи с коллективизацией. В числе массовых выступлений – 176 имели повстанческий характер, т.е. такие вооруженные выступления, которые проходили под лозунгом свержения Советской власти, сопровождалась разгромом сельсоветов, захватом заложников, попытками расширить территорию восстания.

Наибольший рост массовых крестьянских выступлений и террористических актов в 1928–1929 гг. приходится на начало и завершающий этапы хлебозаготовок (сентябрь–ноябрь и апрель–июнь). В 1928 г. на эти 6 месяцев приходится 523 крестьянских выступления (из 709), а в 1929 г. – 899 (из 1307), т.е. примерно 70% из общего числа.

Такая же картина представляется и по террористическим актам. В 1928 г. зарегистрировано 1026 терактов, в 1929 г. – 9093³⁷.

В 1930 г. происходит мощный всплеск массовых крестьянских выступлений – произошло 13756 выступлений или в 10,5 раз больше, чем в 1929 г. и в 19,4 раза больше, чем в 1928 г. При этом если в предыдущие годы непосредственной причиной их возникновения явились административно-репрессивные меры воздействия на крестьян, применяемые в ходе хлебозаготовок и налоговых кампаний, то в 1930 г. крестьянские волнения происходили главным образом и в основном на почве насильственной коллективизации и раскулачивания. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести такие данные: из общего числа массовых крестьянских выступлений – 13756 на долю выступлений, связанных с коллективизацией, приходится 7382 и 2339 в связи с раскулачиванием и изъятием «антисоветских элементов», т.е. более 70%. Что касается других причин крестьянских выступлений, то вслед за коллективизацией и раскулачиванием идут такие причины, как закрытие церквей (1487), продовольственные затруднения в деревне (1220), посевная и уборочная кампании (456) и т.д.

Интересны данные о том, как распределяются массовые выступления по месяцам: в январе зарегистрировано 400 выступлений, в феврале – 1048, марте – 6528, апреле – 1992, мае – 1378, июне – 886, июле – 618, августе – 256, сентябре – 159, октябре – 271, ноябре – 129 и декабре – 91. Как видим, пик крестьянских выступлений приходится на февраль и весенние месяцы 1930 г., когда в результате так называемых перегибов в коллективизации, а фактически в результате насилия и беззакония в деревне у крестьян лопнуло терпение и их протест против антикрестьянской политики Советской власти вылился в открытые не только антиколхозные,

но нередко и антисоветские восстания. Хотя в марте-апреле «перегибы» в коллективизации формально были осуждены, на деле они продолжались до лета 1930 г. Летом и особенно осенью число крестьянских выступлений заметно снижается, что объясняется частичным исправлением допущенных «перегибов», но и применением вооруженной силы для подавления восстаний. По данным ОГПУ, в 993 случаях массовые крестьянские выступления были подавлены силами ОГПУ, войск Красной Армии, милиции, вооруженных коммунистов и комсомольцев. Речь здесь идет только о случаях, когда между восставшими крестьянами и вооруженными силами власти разгорались настоящие сражения, в результате которых имелись сотни убитых и раненых с обеих сторон, а также пленные и заложники.

Статистические данные ОГПУ показывают, что наиболее «пораженными» районами в отношении массовых крестьянских выступлений были Украина, ЦЧО, Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга. На долю этих регионов приходится более 60% всех выступлений. Представление о масштабах массовых крестьянских выступлений по районам дает таблица 18.

Таблица 18

Районы	Всего выступлений	В т.ч. с установленным количеством участников	Количество участников в них (чел.)	На одно выступление (чел.)
Украина	4098	3208	956 587	298
ЦЧО	1373	998	315 035	316
Северный Кавказ	1061	926	227 000	245
Нижняя Волга	1003	732	119 175	163
Средняя Волга	777	661	140 383	212
Сибирь	565	340	49 995	147
Урал	367	288	34 777	121
Московская обл.	676	516	117 502	228
Ленинградская обл.				
	125	87	10 655	123
Западная обл.	438	381	64 047	168
Ивановская обл.	190	137	21 797	159
Белоруссия	508	230	35 985	157
Нижегородский край				
	326	181	44 373	245
ДВК	51	39	3474	89
Северный край	22	16	3230	202
Башкирия	196	72	17 225	239
Татария	548	224	55 290	247
Казахстан	266	162	19 455	120
Крым	111	101	12 420	123
Средняя Азия	336	290	115 950	400
Закавказье	313	163	48 620	298
Нац. районы Северного Кавказа	406	319	55650	175
Итого	13756	10071	2468625	245

Источник: ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 679. Л. 69.

Это значит, что если в 10071 массовом выступлении принимало участие 2468625 человек, то в 13756 выступлениях участвовало 3369730 человек³⁸. Такая массовость крестьянских выступлений наблюдалась только в годы гражданской войны.

Характерной чертой крестьянского движения в 1930 г., как и в 1929 г., было активное участие в нем женщин. В 1929 г. из 1307 массовых выступлений 486 были женскими, в 67 случаях преобладали женщины. В 1930 г., по далеко неполным данным, учтено более 3700 массовых выступлений почти исключительно женских по своему составу. В первой половине 1930 г. зарегистрировано 32% выступлений с преобладанием женщин, во втором полугодии – 40%, а в сентябре и октябре – 55%. Из 2897 учтенных женских выступлений первой половины 1930 г. 1154 носили антиколхозный характер, 422 – в защиту раскулаченных, 778 – на религиозной почве и 336 – на почве продовольственных затруднений.

Для второй половины 1930 г. характерно снижение удельного веса выступлений, связанных с коллективизацией и раскулачиванием (30% против 54,4% в первой половине года), и рост массовых выступлений на почве хлебозаготовок (36%).

Объясняется это тем, что летом и осенью 1930 г. форсирование коллективизации прекратилось, «искривления партийной линии», хотя бы формально, были ликвидированы, а масштабы раскулачивания и выселение раскулаченных существенно уменьшились. Правда, в мае-июне усилилось движение за возврат конфискованного имущества раскулаченным и восстановление в избирательных правах «лишенцев».

Активность женщин в массовых крестьянских выступлениях можно объяснить двумя причинами.

Во-первых, тем, что обобществление мелкого продуктивного скота и коров в колхозах касалось прежде всего женщин. Это признавал позднее и Сталин, говоря в феврале 1933 г.: «...у Советской власти было в недавнем прошлом маленькое недоразумение с колхозницами. Дело шло о корове. Но теперь дело с коровой устроено, и недоразумение отпало»³⁹.

Во-вторых, тем, что к женским выступлениям власти относились более либерально и в большинстве случаев ограничивались уговорами и разъяснениями. Например, из 317 женских выступлений, о которых известны способы их ликвидации, в 213 случаях (67,2%) применялись уговоры и разъяснения, в 57 случаях (18%) – удовлетворение требований, в 40 (12,6%) – аресты активных участников и в 7 случаях (2,2%) – применение вооруженной силы (Украина, ЦЧО, Северный Кавказ)⁴⁰.

Менее активное участие в крестьянском движении принимала молодежь, в том числе и комсомольцы (Татария, Ивановская обл.). Однако в подавляющем большинстве своем коммунисты и комсомольцы выступали на стороне Советской власти и активно участвовали в проведении коллективизации и раскулачивания, в подавлении крестьянских выступлений.

О напряженном положении в деревне, особенно в первой половине 1930 г., можно судить по размаху крестьянского движения. В январе-июне произошло более 12,2 тыс. массовых волнений или 88,9% всех выступлений крестьян в 1930 г. Наиболее напряженными были февраль-май (около 11 тыс. массовых выступлений), а март-апрель характеризовались, как отмечалось в справке ОГПУ, «переходом кулацких и контрреволюционных элементов в ряде районов к открытой вооруженной борьбе против Советов*». В ЦЧО, на Украине, Северном Кавказе, в Закавказье, Нижне-Волжском крае, Белоруссии, Московской области, Сибири, Дальне-Восточном крае, Бурят-Монголии и Казахстане делались «небезуспешные попытки увязать отдельные локальные выступления в повстанческое движение целых районов»⁴¹.

Особенно напряженным, по мнению ОГПУ, было положение в пограничных районах Украины, Белоруссии, Закавказья, Дальнего Востока, Бурят-Монголии и Казахстана. Только в четырех округах Украины (Шепетовском, Волынском, Бердичевском и Коростеньском) было разогнано 282 сельсовета. В Мозырском округе Белоруссии восставшие крестьяне оказывали упорное сопротивление оперативным отрядам ОГПУ. В с. Березовке Шепетовского района отряд вооруженных коммунистов в 50 человек бежал под натиском восставших. Сплошь и рядом крестьяне разоружали милиционеров, сельских активистов, брали в заложники местных работников, разгоняли или переизбирали сельсоветы, выбирали старост.

Несмотря на то, что в марте-апреле был опубликован ряд документов, осуждавших перегибы и извращения в коллективизации и раскулачивании, волна крестьянского возмущения не только не ослабла, а еще больше возросла. Достаточно указать, что за эти два месяца произошло 8,5 тыс. массовых крестьянских выступлений. На первый взгляд это кажется противоестественным: тогда, когда были осуждены перегибы, произошел мощный взрыв крестьянского возмущения. Но все дело в том, что в марте положение на местах существенно не изменилось, продолжалась прежняя политика коллективизации, принятые в центре документы замалчивались, хотя крестьяне о них знали, выходящим из колхозов не выдавались ни семена, ни скот, ни инвентарь. 22 марта 1930 г. Г.К.Орджоникидзе по прямому проводу

---

* Подчеркнуто мною. – Авт.

докладывал И.В.Сталину из Криворожского округа Украины, что выходящим их колхозов не отдают ни лошадей, ни семян. «Перекручено здесь зверски. Охоты исправлять мало: у одних – упрямство и злоба за провал, у других – растерянность. Все хотят объяснить кулаком, не сознают, что перекрутили, переколлективизировали... Большое желание еще большим административным нажимом выправить положение, выражают пожелание расстрелять в округе человек 25-30 и этим сохранить свои проценты»⁴².

В тот же день Я.А.Яковлев сообщал Сталину, что ЦК ВКП(б) и Наркомзем завалены телеграммами и жалобами крестьян в связи с тем, что вышедшим из колхоза не выдают семян, скота, не выделяют землю и т.п. Он предлагал дать от имени ЦК или Наркомзема соответствующую директиву на места. Сталин на письме Яковлева написал: «Не нужно никакой директивы»⁴³.

Крестьяне же, особенно единоличники не очень верили статьям Сталина и постановлениям ЦК ВКП(б). Из Средне-Волжского края, например, сообщалось, что «в настроении единоличников отмечается в основном недоверие к статье Сталина («Головокружение от успехов». – *Авт.*) и постановлениям ЦК, считая это скрытым методом административного нажима в колхозы, верить им нельзя. Постановления ЦК и статья Сталина – обман, сейчас дают, а придет осень опять будут нас брать, это решение вынесено для того, чтобы загнать нас в колхоз – после его отменяют»⁴⁴.

Попытка ограничиться осуждением перегибов на словах оказалась безуспешной. Крестьянские протесты нарастали. Обстановка накалилась до предела, дело шло к всеобщему крестьянскому восстанию. В марте произошло 6528 массовых выступлений, при этом 807 (из 993 за весь 1930 г.) пришлось ликвидировать с применением вооруженной силы. Не случайно поэтому в закрытом письме от 2 апреля 1930 г. ЦК ВКП(б) признавал, что массовые выступления крестьян в ЦЧО, на Украине, в Казахстане, Сибири, Московской области «вскрыли положение, которое нельзя назвать иначе как угрожающим». Факты повстанческого движения в ряде округов Украины, в горских районах Северного Кавказа и в Казахстане с особой силой подчеркивали «опасное обострение политической обстановки в деревне». И далее признавалось, что большое количество антиколхозных массовых выступлений в ЦЧО, Московской области, Сибири, Закавказье и в Средней Азии перерастали в «антисоветское движение»⁴⁵.

Многочисленные, ранее недоступные, документы партийных и карательных органов характеризуют обстановку в деревне зимой-весной 1930 г.

Из Нижне-Волжского края сообщали, что 24 января 1930 г. в с. Адаевщина Карабулакского района Вольского округа на почве снятия колоколов произошло массовое выступление женщин в 600 человек. 28 января в с. Змеевка Ртищевского района Балашовского округа в связи с арестом крестьянина-кулака выступило 200 человек в защиту арестованного, направились в Малиновку, арестовали председателя сельсовета и пять коммунистов и освободили арестованного. 1 февраля на почве раскулачивания в с. Рыбное Вольского района выступило 300 человек, а 4 февраля в с. Сергиевке Аркадакского района – 500 человек, 14 февраля в с. Березовка Хоперского округа произошло массовое выступление крестьян в 200 человек в связи с закрытием церкви и т.д.⁴⁶.

В соседней Центрально-Черноземной области, в Козловском округе, повстанцы в количестве 500 человек пытались захватить станцию Снежеток. Возле Богоявленска толпа повстанцев в несколько тысяч человек прошла с белыми знаменами с лозунгами: «Долой колхозы!». Повстанцы избивали коммунистов, деревенский актив, растаскивали семенной фонд, жгли колхозы. «Много убитых и раненых коммунистов в селах», – сообщали местные органы ОГПУ⁴⁷.

29 января 1930 г. в с. Подсередное Алексеевского района Острогожского округа (ЦЧО) толпа крестьян в 1500 человек потребовала вернуть обобществленных лошадей и не проводить коллективизацию. Милиция вынуждена была покинуть село.

По требованию секретаря Алексеевского РК ВКП(б) в с. Подсередное на подавление восстания был выслан батальон с пулеметами. 31 января батальон выступил в с. Казацкое, где в

школе, осажденной толпой в 2000 человек, находились начальник Острогожского окротдела ОГПУ, командир взвода и два младших командира. В Казацком в результате подавления крестьянского выступления было арестовано 40 человек. Кроме того, из числа прибывших из с. Стрелецкого на подмогу восставшим 200 крестьян было «изъято 7 зачинщиков».

1 февраля батальон получил сообщение о том, что слобода Буденный окружена восставшими и несколько коммунистов убиты. Батальон выступил в Буденный, но как выяснилось, сведения были преувеличены: убиты были не коммунисты, а смертельно ранен комсомольцем один крестьянин. Возмущенная толпа в несколько сот человек выступила против беззакония.

В этом же, Острогожском, округе 30 января отряд коммунистов совместно с милицией (50 человек) производил аресты кулаков в с. Платове Репьевского района, но был вытеснен из села восставшими крестьянами. 31 января восставшие разогнали сельсовет, избрали старосту и писаря, установили на колокольне наблюдательный пункт, в ближайшие селения были посланы представители с призывом присоединиться к восстанию. Секретарь окружкома партии потребовал от военных Острогожского гарнизона выслать в Репьевку вооруженный отряд для подавления восстания. 1 февраля отряд в 50 человек, вооруженный огнестрельным оружием при трех пулеметах прибыл в Репьевку, а оттуда в с. Краснолипецкое. 2 февраля отряд в 98 человек прибыл в с. Платово, занял площадь, но вскоре он был окружен толпой в 2500-3000 человек. Отряд открыл огонь из пулеметов, а уполномоченный ОГПУ, пользуясь замешательством толпы, выслал в помощь окруженным четыре отряда местных коммунистов, один из которых подвергся нападению толпы в 400 человек и вынужден был отступить.

В конце марта в Россошанском округе ЦЧО на почве расселения кулацких хозяйств третьей категории произошло крупное крестьянское выступление с числом участников в 2000 человек. «Повстанцы вооружались чем попало, оружием тоже», – сообщал Варейкис Сталину. Против них был направлен отряд ОГПУ, который был встречен тысячной толпой. В результате столкновения 18 человек убито, 8 ранено.

Тогда же произошло восстание крестьян в селе Коршево Бобровского района. 15 коммунаров были убиты восставшими. Посланный на подавление восстания отряд ОГПУ арестовал 62 активных участников восстания.

Массовые крестьянские выступления, прокатившиеся зимой 1930 г. по селениям Таловского, Козловского округов, Старо-Оскольского, Ново-Оскольского, Раненбургского, Сосновского районов, продолжались и весной 1930 г.

26 марта Каганович телеграфировал Сталину: «Последние дни дают рост новых выступлений в области в защиту выселяемых кулаков. За два дня зарегистрировано 11 случаев активного сопротивления при выселении кулаков». Недалеко от Воронежа, в селе Бобяково толпа в 1000 человек не давала выселить кулаков, била «камнями, кольями красноармейцев и уполномоченных». В Острогожском округе, в селе Сухая Перцовка крестьяне не давали расселять кулаков третьей категории, требуя возвратить им имущество, «освободить арестованных, выселить из села коммуны»⁴⁸.

Центрально-Черноземная область считалась одной из самых «неблагополучных». По неполным данным, здесь за два с половиной месяца 1930 г. (январь – 15 марта) произошло 265 массовых крестьянских выступлений, в которых приняли участие 96520 человек, т.е. примерно 365 человек на одно выступление. Из 265 выступлений на почве коллективизации и арестов кулаков приходилось 220 или 83% всех волнений. Особенно «неблагополучными» были округа – Елецкий, Курский, Козловский, в которых в течение названного периода произошло соответственно: 35, 48 и 48 массовых выступлений, за ними следовали Острогожский и Усманский округа (по 25 выступлений). При ликвидации крестьянских выступлений в ЦЧО применялась вооруженная сила. Имелись убитые и раненые, не говоря уже об избитых. В 62 случаях арестовано 1467 человек⁴⁹.

В ряде районов СССР крестьянские антиколхозные и антисоветские выступления перерастали в массовые восстания, в которых участвовали тысячи человек. Так, в феврале в Казахстане вспыхнуло восстание, охватившее Сарысуйский и Сузакский районы. Только в

Сузакском районе в рядах восставших насчитывалось до 2 тыс. человек. Готово было к ним присоединиться население Таласского, Чаяновского и других районов. Против восставших были брошены кавалерийский отряд в 224 сабли, Кызылординский – 80 штыков, Чимкентский – 65 бойцов, а также Чулак-Курганский – 115 всадников и т.д. Однако советские войска терпели поражение.

17 февраля 1930 г. Ягода и Ольский телеграфировали в Алма-Ату ПП ОГПУ Волленбергу: «Реальных результатов операции Сузак не дают. Ваши малочисленные распыленные отряды терпят поражение. Местонахождение трех отрядов неизвестно. Результаты занятия Чулак-Кургана, сведений наступления Бабий Курган не имеем. Восстание разрастается, охватывая новые районы, число восставших увеличивается. Немедленно дайте точную оценку серьезности, размеров событий. Если выделенных сил недостаточно, ставьте вопрос усиления путем привлечения сил РККА. Повторяем основную задачу: немедленно полностью разгромить ядро повстанцев, бандитов, также прочистить район, взяв активный антисоветский элемент»⁵⁰.

Об ожесточенности боев можно судить по тому, что с 8 по 16 февраля восставшие потеряли убитыми 426 человек, пленными 225 человек, из которых расстреляно 200 человек. Большие потери несли советские войска, хотя в сводках они преуменьшались.

Кроме Сузакского восстания, в Казахстане были и другие очаги сопротивления коллективизации и раскулачиванию. В Кустанайском и Актюбинском округах разрасталось Иргизское восстание, насчитывавшее до 2500 человек, а также Кызылординское с 4500 участников⁵¹.

Отряд Саметова, по данным ОГПУ, к середине марта имел не менее 2-3 тыс. человек, Сатилбилдина – 500 человек, еще один отряд (фамилия командира не установлена) также насчитывал 500 человек.

Не удивительно поэтому, что 31 марта 1930 г. из Алма-Аты телеграфировали Сталину, чтобы он разрешил для борьбы с восставшими использовать регулярные части Красной Армии, так как войск ОГПУ было недостаточно⁵².

Поскольку такое же напряженное, чтобы не сказать угрожающее, положение было и в других районах, в частности на Северном Кавказе, Сибири, Закавказье и т.д., то 18 февраля Ягода и Евдокимов направили всем ПП ОГПУ директиву, обязывающую «для проведения операций в угрожающих районах выделять достаточные чекистско-войсковые силы. При возникновении осложнений действовать сразу же решительно, достаточными силами, не допуская действий мелких, раздробленных групп»⁵³.

И хотя партийно-государственное руководство предвидело противодействие крестьян насильственной коллективизации и раскулачиванию и постановлением Политбюро ЦК от 30 января 1930 г. предусматривало увеличение аппарата ОГПУ на 800 человек, а войск ОГПУ на 1000 человек, этого оказалось далеко недостаточно. По далеко неполным сведениям, к концу февраля 1930 г. в наиболее напряженных районах было дислоцировано не менее 25 тыс. войск ОГПУ, в том числе на Украине около 3600 бойцов (данные округлены), в Московской области – более 5200, Ленинградской – около 2000, на Северном Кавказе – 1800, в Закавказье – свыше 2000, на Средней Волге – почти 1600, в Нижне-Волжском крае – около 800, в Сибири – 1250, в Средней Азии – более 1000, Казахстане – 800, Нижегородском крае – 1400, на Урале – 900 и т.д.⁵⁴

Кроме того, из РККА было передано на формирование 16 новых частей ОГПУ в Казахстане 432 человека, на Нижней Волге – 491 человек, Средней Волге – 207, в Сибири – 405, ЦЧО – 581, Северном крае – 117, Нижегородском крае – 80 и на Урале – 102 человека. Всего, следовательно, 2415 чел.

На усиление существующих частей ОГПУ было направлено на Дальний Восток – 301 человек, Северный Кавказ – 304, в Московскую область – 221, Северный край – 194, Сибирь – 119, Среднюю Азию и Урал – по 100 человек, в Нижегородский край – 107, Закавказье и Белоруссию – по 50 человек, Ивановскую Промышленную обл. – 80, Западную – 89, Казахстан – 70. Итого – 1785 человек. Таким образом, всего было передано для усиления войск ОГПУ «в связи с операцией по кулачеству» 4200 человек⁵⁵.

Усиливались войска ОГПУ как в зерновых районах, где проводилась сплошная коллективизация, так и в национальных и потребляющих районах, где разрасталось крестьянское движение. Особое внимание обращалось на районы вселения раскулаченных семей (Северный край, Сибирь, Урал, Казахстан) – сюда перебрасывались войска ОГПУ из других районов – из Москвы и Харькова.

Производилась также переброска войск ОГПУ внутри округов в наиболее «неблагополучные» районы: Сибирь (795 человек), Северный Кавказ (962), Закавказье (1620), Украина (565), Средняя Волга (280), Белоруссия (259), Средняя Азия (270 человек) и другие. Общая численность перебрасываемых войск ОГПУ составила 7257 человек. В июне она возросла до 9499 человек, а вместе с переброшенными войсками пограничной охраны – 15337 бойцов⁵⁶.

Весной 1930 г. для войск ОГПУ из РККА было передано 379 пулеметов, 61 пулеметная тачанка, 8821 винтовка, 4494 шашек драгунских, 15140 ручных гранат, 69 мортирок и 1839 гранат к ним, 445 револьверов «наган», более 3 млн. патронов, 55 грузовых автомашин АМО, 3 бронемашин.

Это значит, что войска ОГПУ серьезно оснащались оружием и боеприпасами для борьбы с крестьянскими выступлениями. Но этим дело не ограничивалось: в ряде военных округов – Московском, Приволжском, Северо-Кавказском и других в состоянии боевой готовности приводились и войска Красной Армии. Из Ростова 10 февраля Пиляр докладывал Ягоде о том, что войска ОГПУ численностью 805 человек сосредоточены на боевых позициях. В боевой готовности стоят в Таганроге, Батайске, ст. Кавказской, Минеральных водах, Махачкале пулеметные, а в Краснодаре и Грозном орудийные бронелетучки, сосредоточены также скрытые резервы РККА. Наряду с этим по округам края привлечено 21561 вооруженных коммунистов и 26860 комсомольцев⁵⁷.

Пламя крестьянской войны на Северном Кавказе разгоралось. Только в марте 1930 г. произошло 335 массовых выступлений с более чем 82 тысячами участников в них. Особенно ожесточенные бои с повстанцами развернулись в горных районах Северо-Кавказского края. 25 марта из Карачая телеграфировали Прокурору РСФСР: «Микоян-Шахар объявлен на осадном положении. Весь Карачай охвачен восстанием. Повстанцы имеют свои комитеты. Военные действия продолжаются. Требуется организация ревкома. Повстанцы упорно сопротивляются, предъявляют политические требования. Облисполком, обком бездействуют. Санкционируйте создание трибунала или политической тройки. Прокуратура и суд закрыты. Ждем срочных указаний».

А еще через несколько дней, 29 марта, вторая телеграмма:

«Наркомюст Янсону.

Карачае, Черкессии организовалась банда 800 человек. Заняла ряд аулов, доходила до Кисловодска, Микоян-Шахара. Под Кисловодском разбита. Чрезвычайные органы не разрешены»⁵⁸.

На Северном Кавказе действовали и другие отряды восставших, в одном из них насчитывалось «1200 штыков, 400 сабель, артиллерия», в другом – 600 штыков, 200 сабель и тоже артиллерия. В Дагестане 11 марта вспыхнуло Дидаевское восстание. Командовал отрядом Вали Догиев – бывший командир красных партизан. Его отряд за неделю вырос в 5 раз (с 70 человек до 360). Восстание было упорным и длительным – до лета 1930 г. На подавление восстания были направлены воинские части из Москвы и Харькова, так как сил на месте не хватало. Однако и присланных частей оказалось недостаточно для того, чтобы сломить сопротивление горцев. Тогда по приказу наркомвоенмора К.Е.Ворошилова в Дагестан была отправлена еще одна часть в 400 штыков с пулеметами. Одновременно Г.Г.Ягода приказывает дополнительно перебросить туда из Тифлиса дивизион ОГПУ в 160 штыков.

Курахское восстание в Дагестане насчитывало 2,5 тыс. человек, с ним не могли справиться направленные на его подавление войска ОГПУ и РККА⁵⁹.

Два восстания в Карачае и Черкессии (Баталпащинский и Учкуланский районы), о которых упоминалось ранее, насчитывали до 2 тыс. участников. Кумско-Лоовский шариятский полк (400 сабель) 20 марта начал наступление на г. Кисловодск, но оно было отбито. Учкуланская

группа восставших вела наступление на г. Микоян-Шахар (18-21 марта). В районе Эльбурган, в 40 км от Микоян-Шахара, действовал отряд Айсанова в составе 200-250 человек. Несколько отрядов образовалось в других районах Северного Кавказа (Армавирский округ, Карачай) общей численностью в 300-500 человек. Против отрядов восставших действовали, наряду с войсками ОГПУ, части Красной Армии. За 10 дней боев в марте восставшие потеряли около 200 убитыми, 100 были ранены, 278 человек захвачены.

В Чечне только в одном из отрядов восставших, насчитывавших до 250 человек, за неделю боев в марте 1930 г. потери составляли 35 человек убитыми, 58 человек были захвачены. Потери войск РККА достигли 26 убитых и раненых и 27 захваченных восставшими⁶⁰.

Волнения крестьян охватили и республики Закавказья. В Азербайджане в отряде восставших под командованием Фатуры, участника гражданской войны, награжденного орденом Красного Знамени, было 250-300 человек. В Нахичеванской автономной республике число организованных восставших доходило до 400 человек. В Нахичевани и Карабахе Азербайджана развернулось повстанческое движение, в котором участвовало до 3700 человек. В боях с регулярными войсками повстанцы потеряли 126 убитыми, было арестовано 218 человек, захвачено 250 винтовок, 12 револьверов, 2 тыс. патронов.

21 марта 1930 г. Ягода телеграфирует в Тифлис ПП ОГПУ по Закавказью Реденсу: «Вашим данным повстанческое движение Армении, Нахичевани разрастается, охватывая новые районы...

Необходимо:

1. Бросить достаточные войсковые силы, максимально используя предоставленные командованием части.

2. Сообщите подробно, как используете агентуру в целях разложенческой работы в бандкадрах.

3. Сообщите принятых мерах недопущения ухода повстанцев за кордон, перехода нашу территорию диверсионных банд»⁶¹.

А еще через несколько дней, получив от Реденса донесение о положении дел в Закавказье, Ягода телеграфировал в Тифлис:

«Ваши последние донесения указывают на все возрастающую активность бандитизма. Территории Нахичевани, Азербайджана, Армении продолжают оперировать целый ряд организованных бандитско-повстанческих групп, значительно обрастающих за счет контрреволюционных кулаков и спровоцированного населения. До сих пор серьезных разгромов банд нет. Ряд наших отрядов вынужден был даже отступать под давлением бандитов. Слабая эффективность действующих войсковых частей объясняется, очевидно, недостаточным оперативно-чекистским руководством отрядов»⁶².

Положение было настолько серьезным, что руководство Закавказья 13 апреля 1930 г. обратилось за помощью в ЦК ВКП(б), к Сталину:

«По только что полученным сведениям ЦК АКП, также председателя Аз. ГПУ Багирова в Закатало-Нухинском округе положение крайне серьезно. Организованная вооруженная банда численностью до 600 заняла ряд сел Гейнюк, Кипчах, Охут и окрестности Нухи. Городу предъявлен ультиматум – сдаться без боя, в противном случае угрожают разгромом города. Лозунг: «Освобождение народа от Советской власти», указывает на явный контрреволюционный характер выступлений. По ранее имевшимся сведениям, что движение подготовлялось антисоветскими элементами, главным образом, партией муссаватистов. Муссируют слухи: «идут турки». ЦК АКП настаивает на вводе войсковых частей в округ. Закрайком и ЗакГПУ поддерживают это предложение. Немедленно выезжают Мусабеков, Рахманов и группа партийных работников туда.

Назаретян, Кахиани»⁶³.

В Нарошенском восстании принимало участие 1200 человек⁶⁴. Более мелкие очаги повстанческого движения были и в других районах Закавказья. Повстанческое движение здесь было длительным и упорным. В августе 1930 г., председатель ОГПУ В.Р.Менжинский телеграфировал С.Ф.Реденсу в Тифлис: «Несмотря на достигнутый перелом и ряд успехов

положение с бандитизмом Закавказья продолжает оставаться серьезным. До сих пор работа наших отрядов, также войск не ликвидировала ряда основных очагов бандитизма, еще сохранились значительные контрреволюционные бандитские кадры»⁶⁵.

В Средней Азии антиколхозные, а нередко и антисоветские восстания получили значительный размах. В письме секретаря Средазбюро ЦК ВКП(б) И.А.Зеленского Л.М.Кагановичу (5 апреля) сообщалось, что весной в Средней Азии произошло 190 массовых крестьянских выступлений с числом участников в них 74592 человека. Во время волнений пострадало 70 партийных и советских работников. При подавлении крестьянских выступлений арестовано 2500 человек⁶⁶.

Наиболее острая борьба происходила в Андижанском и Ферганском округах, объявленных округами сплошной коллективизации. С 1 февраля до середины марта здесь было зарегистрировано 58 массовых дехканских выступлений. Нередко они имели довольно затяжной характер и сопровождались убийствами и избиением сельского актива, разгоном колхозов и органов Советской власти на местах, разоружением милиции. В Андижанском округе, в Курган-Тюбинском районе, в результате восстания был убит секретарь партийной ячейки, ранены уполномоченный посевного комитета и некоторые колхозники, разоружены 5 милиционеров. В Ферганском округе (Кувинский район) толпа дехкан избила членов комиссии по раскулачиванию.

В Киргизии, в Базар-Курганском районе, толпа в 400 человек потребовала отмены коллективизации и разобобществления орудий и средств производства. В ходе этого выступления были убиты два активиста, ранен милиционер и избит председатель хлопкового товарищества.

Настоящие сражения между восставшими крестьянами и войсками Красной Армии и ОГПУ развернулись в Сибири, на Украине, в ЦЧО и других регионов СССР.

Из Сибири Л.М.Заковский доносил в Москву, что в крае наблюдается рост числа массовых крестьянских выступлений, «принимающих местами широкие повстанческие размеры (Барабинск, Ойротия)». 4 марта восстало все село Куналей (население 2600 человек, из них 65 были вооружены). «В данное время мы располагаем следующими цифрами, свидетельствующими о размерах выступления: по всему району бандвыступления уже арестовано 383 повстанца и еще находится в трех группах банды 380 человек, кроме того, не учтено количество разбежавшихся, не ушедших с бандой и не изъятых до сих пор».

Из Москвы последовал приказ использовать «все наличные ваши войсковые части, в частности, полк в Новосибирске для выброски на борьбу с бандитизмом»⁶⁷.

Положение в Ойротии было настолько серьезным, что Заковский просил Ягоду прислать самолет с авиабомбами «для операции в Алтайских горах», а также для борьбы с отрядом Макарова в районе реки Аргут, так как доступ туда отрядов ОГПУ невозможен, да и войск нет.

6 марта 1930 г. начальник Генерального штаба РККА Б.М.Шапошников сообщал командующему войсками Сибирского военного округа (копия: ОГПУ): «Нарком разрешил использовать два самолета в районе Улала, имея в виду производство сначала разведки и выяснения ее морального влияния на банду. Результаты прошу срочно донести для доклада наркому. Использование авиации /для/ материального воздействия – указания последуют дополнительно»⁶⁸.

В Мухоршибирском районе Бурят-Монгольской АССР число повстанцев достигало 800 человек, в боях они потеряли 58 человек убитыми и 620 человек было захвачено. Усть-Пристанский отряд восставших возник 9-10 марта, насчитывал до 300 человек. В рядах восставших середняки составляли 38%, бедняки – 24%. Восставшие намеревались двинуться на Бийск, захватить его и распространить восстание на всю Сибирь. Его лозунги: «Долой колхозы! Разбейте обобществленный скот!» «Советская власть без коммунистов!». Вскоре отряд был разбит под с. Уржумом Михайловского района войсками ОГПУ⁶⁹.

2 марта в селах Кондратьевском, Тормахла, Лисино, Кокшенево Муромцевского района Барабинского округа на почве выселения раскулаченных выступило 1000 человек, вооруженных охотничьими ружьями, винтовками, но в основном вилами. Повстанцы

разоружили конвой, разогнали колхоз, избили и арестовали активистов. Восставшими был занят районный центр Муромцево. По дорогам выставили засады. Группы вооруженных крестьян направились в села Ключевая, Корбуза, Михайловка Малокрасноярского района для вербовки сторонников и сбора оружия. Было убито два активиста одного из сел. 150 вооруженных повстанцев направились из села Кондратьево в деревню Тамошнюю. В результате применения вооруженной силы повстанцы отступили. Прибывшими войсковыми частями восстание 6 марта было подавлено. Арестован 441 человек, 290 из которых являлись середняками, 62 – бедняками и батраками и лишь 86 (19,5%) – кулаками. К расстрелу было приговорено 70 участников восстания⁷⁰.

Приведенные выше цифры свидетельствуют как о масштабах Муромцевского восстания, так и о составе его участников. Это был не кулацкий мятеж, а народное, крестьянское восстание, подавляющее большинство участников которого являлись середняками и бедняками.

30 марта 1930 г. председатель ГПУ Украины В.А.Балицкий докладывал И.В.Сталину, что с конца февраля во всех округах пограничной зоны (Шепетовка, Бердичев, Вольтин, Коростень, Тульчинский округ, Могилев, Каменец, Проскуров, Винница, Одесса, Молдавия) «имели место массовые волнения, а кое-где и вооруженные выступления».

В Тульчинском, Могилевском и Винницком округах было «поражено» 343 сельсовета, из них разгромлено с изгнанием актива и ликвидацией Советской власти – 73, вооруженных сопротивлений – 81. В Соболевском районе Тульчинского округа крестьяне численностью до 1000 человек разгромили райисполком, потребовав освобождения арестованных. В с. Троповая Лучинецкого района Могилевского округа толпа крестьян разгромила сельсовет, избрала старосту, постановила повесить 10 комсомольцев и 10 выселить⁷¹.

К середине марта 1930 г. по 18 округам Украины, по сводке ОГПУ, «на почве массовых выступлений» «потери» составили 810 человек, в том числе: со стороны повстанцев – 230 человек (52 убито, 75 ранено, 103 избито), со стороны властей – 580 человек (46 убито, 51 ранен, 483 избито)⁷².

Волнения на Украине продолжались всю весну и даже летом 1930 г. К середине июня, например, волнения крестьян в защиту высланных кулаков охватили 32 округа. В мае произошло 65 массовых выступлений против выселения кулаков третьей категории. Крестьяне требовали возвращения из ссылки раскулаченных и возврата им конфискованного у них имущества. В первой половине июня было зарегистрировано 26 массовых выступлений.

Отмечались случаи «активного выступления бедняков в защиту высланных кулаков», факты вынесения постановлений бедноты и середняков в возбуждении ходатайств о возвращении кулаков из ссылки, сборе денежных средств для сосланных, посылке в места ссылки делегаций бедняков и середняков за семьями ссыльных. «В отдельных случаях в защиту ссыльных кулаков выступали даже колхозники». В с. Тимашевке Михайловского района Мелитопольского округа крестьяне отправили в Москву делегацию с ходатайством о возвращении 20 семей раскулаченных, высланных на Север.

Подобные факты отмечались и в других районах. 20 мая 1930 г. произошло массовое выступление крестьян и казаков в станице Уманской Кубанского округа (Северный Кавказ), которое было подавлено силой, арестованы организаторы выступления. Население станицы выделило ходоков в центр с жалобой на насилие местных властей. Когда ходоки были арестованы, 4 июня у здания стансовета собралась толпа до 300 человек, которая потребовала освобождения ходоков, немедленного возвращения обобщественного скота, выделения посевов, вышедшим из колхоза.

В станице Ивановской Славянского района 9 марта толпа женщин в 200 человек начала разбирать обобщественный скот. Увеличившись до 1000 человек, толпа направилась в центр станицы. Здесь была встречена вооруженными колхозниками. Произошло столкновение, в результате которого было убито два человека и ранено 50-60 человек с обеих сторон⁷³.

В Нижне-Волжском крае, в селах Грачи, Пироговка и Владимировка в связи с выселением раскулаченных вспыхнуло массовое восстание. В с. Владимировка толпа в 3000 человек приняла постановление:

- 1) возвратить отобранное у кулаков имущество,
- 2) вернуть выселенных кулаков,
- 3) раскулачить и выслать бригадиров по раскулачиванию,
- 4) разделить семенной фонд по едокам.

После этого восставшие произвели обыск в штабе бригады по раскулачиванию, коммунисты и бригадиры были изгнаны из села.

20 марта в соседней Енотаевке в связи с арестом ночью 8 кулаков по набату собралась толпа с требованием освободить арестованных. На требование властей разойтись толпа ответила отказом. Тогда были произведены выстрелы, восставшие разбились на группы, но сопротивление не прекратили. Среди повстанцев были вооруженные винтовками и револьверами.

В с. Владимировка завязалась перестрелка с отрядом, производившим аресты. Отряд коммунистов, отстреливаясь, отступил в Енотаевск. Посланные нарочные для связи с селами Федоровкой, Ивановкой и хутором Николаевским не были пропущены толпой восставших, которая окружила Енотаевск. Только после прибытия дополнительных войск восставшие были разбиты.

24 марта 1930 г. в с. Н.Выселки Ачадовского района Средне-Волжского края произошло массовое выступление крестьян в 1500 человек. Их требования: немедленно возвратить конфискованные у кулаков скот, дома, инвентарь и семена. Восставшие вселили в 13 домов (из 14) раскулаченных⁷⁴.

В Белоруссии, в деревне Лясковичи Петриковского района Мозырского округа, крестьяне избили бригаду по раскулачиванию, разогнали сельсовет и не допустили выселения кулаков. Толпа восставших разогнала прибывший из Мозыря отряд милиции в 15 человек и только после прибытия отряда пограничников с двумя пулеметами и применения оружия выступление крестьян было подавлено.

Как видим, большинство крестьян было против раскулачивания и выселения односельчан.

Как отмечалось в докладе начальника оперативной группы ОГПУ Пузицкого, под влиянием перегибов в коллективизации и раскулачивании, экономической зависимости и родственных связей крестьяне во многих случаях выступали против раскулачивания и выселения. Следствием этого были отклонения списков выселяемых на собраниях, массовые выступления в защиту кулаков, недопущение выселения. «Категорические протесты против выселения кулачества имели нежелательные последствия, особенно при посадках и отправке кулачества, групповые и массовые выступления толпы, собирающейся вначале в качестве зрителей, а затем выливающиеся в организованное выступление – не допустить выселения»⁷⁵.

Большой интерес в этом отношении представляет письмо И.М.Варейкиса И.В.Сталину (29 марта 1930 г.). «Начиная с конца февраля и в течение марта, – писал Варейкис, – мы имели в различных округах полосу антиколхозных выступлений, носивших в ряде случаев массовый характер и приводивших иногда к острой борьбе вокруг колхоза. Эти массовые выступления в ряде случаев, как известно, приводили даже к вооруженной борьбе, возглавлялись они обычно кулацкими антисоветскими элементами и происходили под лозунгами, направленными не только против колхозов, но и против Советской власти, – одним словом, эти выступления принимали явно контрреволюционный характер...

Разумеется, в этом нет ничего нового и едва ли подобные факты и явления нуждались бы в особой оценке и политическом анализе. Однако особенностью антиколхозных выступлений, а равно и выступлений, связанных в последние дни с выселением и переселением кулаков, раскулаченных в районах сплошной коллективизации, то, что в ряде сел в таких выступлениях принимают участие не только кулаки, но и середняки, и не только середняки, но и даже часть бедноты...

Особенностью переживаемой полосы и политического положения в деревне, как раз и заключается в том, что в некоторых случаях мы имеем при выступлении сплошь целое село.

Характерной чертой последних выступлений является также и то, что теперь в ряде сел при выселении кулаков (третьей и даже второй категории), село, т.е. основная масса крестьянства данного села встает на защиту кулака»⁷⁶.

И далее, развивая эту мысль, Варейкис пишет, что положение в деревне осложняется тем, что «в антиколхозных, антисоветских и явно контрреволюционных выступлениях... участвует крестьянство данного села почти сплошь «единым фронтом» – бьют коммунистов, колхозников, сельских активистов. «Мне кажется, – продолжает Варейкис, – это представляет самую опасную сторону антиколхозного движения».

Причину такого положения он видит в перегибах и ошибках во время раскулачивания и особенно в процессе колхозного строительства. (Заметим, что ЦЧО относилась в первую очередь к тем районам, где были допущены перегибы и извращения в коллективизации в массовых масштабах).

Чтобы смягчить напряженность в деревне, Варейкис предлагал дать дополнительные указания о расселении раскулаченных. «Кажется, что можно было бы пойти в данный момент на некоторые «уступки» в том смысле, чтобы не принимая кулака в колхоз, однако разрешить ему временно жить в данном селе, отвести землю в черте земельных обществ данного села... Затем надо потребовать, чтобы было выполнено постановление относительно пересмотра лишенцев. По уставу сельхозартели все лишенцы не принимаются в колхоз. Это неправильно. Часть можно принять, ибо не всегда лишенец совпадает с кулаком»⁷⁷.

Сталин направил письмо Молотову. На этом судьба письма и закончилась.

В результате жестоких репрессий со второй половины 1930 г. количество крестьянских выступлений резко сократилось. Если в январе-июне произошло 12232 массовых выступлений, то в июле-декабре 1930 г. – 1524, т.е. в 8 раз меньше. В ЦЧО во второй половине года было зарегистрировано 115 массовых крестьянских выступлений против 1258 – в первой половине 1930 г. или в 11 раз меньше. Такое же положение было на Украине и Нижней Волге, в Сибири и на Урале, в других районах страны. На Украине, например, число массовых крестьянских выступлений во второй половине 1930 г. уменьшилось в 11 раз по сравнению с первой половиной (с 3759 до 349), на Нижней Волге – в 7,8 раза (с 886 до 117), в Сибири – в 10 раз (с 513 до 52) и т.д.⁷⁸

Конечно, не только репрессии (хотя они и сыграли главную роль) сказались на резком сокращении числа крестьянских выступлений, но и то обстоятельство, что с лета 1930 г. было временно приостановлены раскулачивание и расселение кулаков, фактически прекратилась и коллективизация. Правда, с осени 1930 г. началась организация «нового прилива» в колхозы, усилился налоговый пресс, заготовки зерна и скота, что, несомненно, вызывало недовольство крестьян. Однако массовых волнений подобно весенним уже не было.

В 1931 г. волнения происходили главным образом в связи с хлебо- и мясозаготовками, а также на почве выселения кулаков, раскулаченных как в 1930 г., так и весной 1931 г. Особенно крупные крестьянские выступления вспыхнули в январе 1931 г. в селах Павлово-Куракино Чаадаевского района, Телегино и Крутенец Кучко-Еланского района Средне-Волжского края. Причиной восстания в Павлово-Куракино послужило снятие колоколов и сильный нажим на зажиточную часть крестьянства. Из 961 хозяйства в колхозе было 243 хозяйства, т.е. 25% хозяйств села. Ввиду напряженной обстановки Чаадаевский РК ВКП(б) принял решение о применении к восставшим вооруженной силы. Был вызван вооруженный отряд в 80-100 человек. В результате было арестовано 247 человек (108 женщин и 139 мужчин). Все арестованные были направлены в тюрьму с. Городище.

На религиозной почве (закрытие церквей, снятие колоколов) массовое выступление произошло в другом селе, Рождествено, 10 января 1931 г., в нем приняло участие свыше 300 человек (Самарский район), а 14 января в с. Нижний Катмис (Чаадаевский район) – до 500 человек.

В селах Телегино и Крутенец Кучко-Еланского района в связи с изъятием скота по мясозаготовкам и за неуплату сельхозналога выступили крестьяне, при ликвидации выступления было арестовано 25 человек. В Самарском районе, в селе Яблонский Враг в массовом выступлении против мясозаготовок участвовало свыше 350 человек. В том же районе в с. Дубовый Умет 27-30 января 1931 г. до 300 человек протестовали против мясозаготовок, из колхоза вышли 70 хозяйств. В Каменском районе 29 января произошло также массовое выступление, участвовало 300 человек и т.д.

Всего, по неполным данным, в январе 1931 г. в Средне-Волжском крае зарегистрировано 20 массовых выступлений с числом участников 4190 человек (сведения по 19 выступлениям)⁷⁹.

ОГПУ в спецсводке от 5 февраля 1931 г. констатировало: «В связи с проведением мясозаготовок в политнастроении деревни имеется изменение в сторону ухудшения настроения крестьянства. За последнее время мясозаготовки проходят в условиях значительной напряженности и сопровождаются ростом активных антисоветских проявлений...

Участники выступлений выходят на улицу, вооружившись вилами, кольями, топорами и т.п. Выкрики и требования толпы в большинстве случаев носят явно антисоветский характер вплоть до избияния отдельных представителей местной власти. В результате массовых выступлений операции по изъятию скота приостанавливаются, причем отобранный скот толпа возвращает тем, у кого он был отобран».

Выступавшие зачастую выкрикивали антисоветские лозунги: «Долой Советскую власть!» – «Да здравствует царь!» и т.п. и пели:

*«Смело мы в бой пойдем
За власть Советов,
Коров мы не дадим,
Умрем за это».*

В результате крестьянского сопротивления план мясозаготовок на 1930/31 г. в крае к 1 февраля был выполнен: по крупному рогатому скоту на 55,3% (98657 голов), по овцам – на 39,4% (404570 гол.) и по свиньям – на 8,4% (6704 гол.)⁸⁰.

Серьезные волнения в конце февраля – начале марта 1931 г. произошли среди крестьян Щигровского района ЦЧО, недовольных мясозаготовками.

25 февраля в помещении Змеинского сельсовета должен был состояться суд над крестьянами, отказавшимися сдать своих коров на мясозаготовку. Толпа крестьян в 200 человек из деревень Чижевка, Коноплянка и Заречье явилась в суд и разогнала его. На следующий день в с. Большой Змеинец, помимо крестьян названных деревень, прибыли сюда крестьяне из Кочетовского, Никольского, Каторжанского, Нетрубужского сельсовета Колпнянского района и потребовали прекратить мясозаготовки, сбор сельфонда и дачу твердых заданий. Органами ОГПУ было арестовано три крестьянина. Тогда 27 февраля в с. Большой Змеинец толпа 500 человек попыталась окружить агитбригаду РК ВКП(б), прибывшую для организации мясозаготовок, и потребовала освободить арестованных.

Курский окротдел ОГПУ выслал в село группу оперработников для ареста кулаков. Но уже на следующий день, 28 февраля, по набатному звону собралась толпа крестьян в 1600 человек из деревень Чижевка, Коноплянка, Щигровского района и с. Нетрубеж Колпнянского района. Под напором толпы агитгруппа РК ВКП(б) и опергруппа ОГПУ вынуждены были отступить в совхоз Никольский. Крестьянами были избиты заместитель председателя райисполкома, председатель районной контрольной комиссии ВКП(б), директор совхоза.

1 марта полномочный представитель ОГПУ по ЦЧО просил прислать из Курска 50 бойцов 1-го кавдивизиона 11-го полка ВОХР. В ночь на 2 марта прибыл кавалерийский отряд из Курска и комиссия облисполкома. С утра началась операция по ликвидации восстания и аресту его участников в с. Змеинец, Большой Змеинец, Чижевка, Коноплянка. К 7 марта «операция в Щигровском, Колпнянском районах закончена». Арестовано 186 человек, из них в Щигровском районе – 88 человек, в Колпнянском – 98. «В результате операции и развернутой массовой работы начался значительный прилив в колхозы», – сообщал ПП ОГПУ по ЦЧО Алексеев⁸¹.

В мае-июле 1931 г. в ЦЧО продолжались «беспорядки». 26 мая во время изъятия скота в селе Архарово Мало-Архангельского района и в соседнем селе Верхняя Сосна Дросковского района возникло массовое выступление в 250 человек. Выступавшие воспрепятствовали аресту кулаков, растащили имущество и скот колхоза. На ликвидацию выступления крестьян была направлена опергруппа ОГПУ.

23 июня 1931 г. в деревне Кленцово Краснинского района при описи имущества за невыполнение твердого задания по скотозаготовкам собралась толпа до 200 человек и не дала произвести опись имущества: «Зачем приезжаете, вам делать нечего, кулаков нет. Ничего вам не дадим». Бригада вынуждена была прекратить опись и отправилась в соседнее село Яблонево. Здесь ее ожидал тот же прием.

В тот же день (23 июня) в с. Отсочное на этой же почве по набатному звону собралась толпа в 200 человек и тоже не дала описывать имущество.

При ликвидации выступлений крестьян было арестовано 27 человек (по 10 человек в д. Клевцево и с. Отсочное и 7 – в Яблонево)⁸².

Летом 1931 г. (10-13 июля) в ЦЧО произошел ряд крестьянских выступлений в связи с обобществлением озимых посевов. Так, в с. Талинский Чемлык Добринского района массовое выступление крестьян охватило 1000 человек. В результате «разъяснения» и ареста 70 человек волнение крестьян ликвидировано⁸³.

Основным методом предупреждения массовых крестьянских выступлений областное партийно-советское руководство и органы ОГПУ считали аресты («изъятия») «антисоветского элемента». Зам. ПП ОГПУ по ЦЧО С.Дукельский еще 28 февраля 1931 г. докладывал в ОГПУ, что «в целях пресечения развивающейся антиколхозной активности кулачества в конце января с.г. была проведена массовая операция по изъятию свыше 4000 человек кулацко-контрреволюционного элемента». Кроме того, подготавливалась новая операция с 15 марта по выселению 4000 кулацких семей за пределы края. В связи с этим С.Дукельский просил санкцию ОГПУ⁸⁴.

Что касается мясозаготовок, то ПП ОГПУ по ЦЧО считало, что слабое выполнение плана связано со слабостью нажима на зажиточную часть села, ибо не выполняется директива обкома ВКП(б) о доведении твердых заданий до 7% крестьянских хозяйств. На самом деле твердое задание в 1931 г. получило значительно больший процент крестьян области.

В докладной записке ПП ОГПУ по Дальне Восточному краю от 25 марта 1931 г. говорилось, что факты «повстанческо-пораженческих настроений» в деревне края «с января 1931 г. начали заметно увеличиваться», достигнув в феврале – первой половине марта в ряде мест «довольно широких размеров». В январе – первой половине марта 1931 г. такие факты отмечены в 127 населенных пунктах (26 районов из 40). Наиболее сильные волнения охватили 18 населенных пунктов в 8 районах, а «в 11 из них были созданы повстанческие группировки и организации». Основными причинами недовольства крестьян были:

- а) усиление нажима при хлебозаготовках,
- б) подготовка к севу и «новому приливу в колхозы»,
- в) «оперативный и политический удар по кулаку»,
- г) наплыв кулаков из других районов ДВК и СССР.

По данным о 148 «повстанцах» и «пораженцах», на долю кулаков приходилось 62 человека, середняков и бедняков – 68 чел., прочих – 18. Это значит, что середняки и бедняки составляли половину общего числа привлеченных к суду за «повстанческо-пораженческие настроения»⁸⁵.

В Западно-Сибирском крае, наряду с фактами крестьянских выступлений, в 1931 г. произошло несколько крупных выступлений спецпереселенцев. В июне 1931 г. вспыхнуло восстание а Парбикской комендатуре. При подавлении его было убито 105 спецпереселенцев и 140 человек арестовано. В июле также продолжались восстания ссыльных. 29 июля часть спецпереселенцев (около 200 человек) окружила концлагерь Парбикской комендатуры. 30 июля группа в 30 верховых повела наступление на поселок Бокчар, но была разбита. На следующий день из числа повстанцев 50 человек было арестовано⁸⁶.

Происходили волнения и в других комендатурах Сибири. К сожалению, мы не располагаем сводными данными о всех выступлениях ссыльных крестьян. Нет также у нас данных о динамике и формах классовой борьбы в деревне в 1931 г., подобно 1930 г. Однако можно с большой долей уверенности утверждать, что массовые крестьянские выступления происходили в 1931 г. и на Украине, Северном Кавказе, Казахстане, Средней Азии, Закавказье и в других районах, хотя масштабы их были несравненно более скромными, чем в 1930 г.

§ 3. Диверсионно-террористические акты в деревне против колхозов и сельских активистов (1928–1931 гг.)

Другой острой формой крестьянского сопротивления антикрестьянской политике Советской власти в деревне явились террористические и диверсионные акты крестьянства против коммунистов, комсомольцев, местных советских работников, сельского актива и колхозов.

Усиление нажима на крестьянство в 1928–1929 гг. вызвало рост числа террористических актов прежде всего против партийно-советских работников, проводивших политику Советской власти в деревне. Связано это было в первую очередь с ужесточением репрессий во время хлебозаготовок 1928–1929 гг. и взыскания налоговых платежей. В 1928 г., по данным ОГПУ, в деревне было зарегистрировано 1027 террористических актов. По другим данным, число террористических актов в 1928 г. составляло 1153 и 901 в 1927 г. (против 711 в 1926).

Не случайно поэтому, что 27 декабря 1928 г. и 3 января 1929 г. на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) специально рассматривались «вопросы по политделам» на которые, помимо членов и кандидатов Политбюро, были приглашены Н.М.Янсон (НКЮ), Н.В.Крыленко (Генеральный прокурор), В.Р.Менжинский (ОГПУ).

Политбюро ЦК предложило Наркомату юстиции «обеспечить максимальную быстроту осуществления репрессий в отношении кулацких террористов».

Признавалась целесообразной публикация в периодической печати материалов о фактах «нападения на советских, партийных и других работников в деревне в тех случаях, когда одновременно или в ближайшее время публикуются такие сведения о репрессиях за эти нападения».

Одновременно Политбюро поручило Секретариату ЦК на основе принятых на заседании решений «разослать местным организациям соответствующее письмо»⁸⁸.

8 января 1929 г. такое письмо за подписью секретаря ЦК ВКП(б) Л.М.Кагановича было разослано всем национальным ЦК, обкомам и окружкам партии, в котором подчеркивалось, что «в связи с ростом социалистического строительства в деревне наблюдается подъем активности кулацких элементов – дело доходит до террористических актов». Ряд местных парторганизаций, говорилось в письме, «обратился в ЦК с просьбой принятия репрессивных мер защиты партийно-советских работников». ЦК предложил всем организациям:

«1. Обеспечить максимальную быстроту расследования дел по кулацким террористическим актам с быстрым осуществлением репрессий в отношении преступников, с применением к ним самых суровых мер наказания в судебном порядке (отделяя личные мотивы убийств от политических убийств).

2. Избегать раздувания в печати и слишком частого помещения сообщений о террористических актах кулачества. Следует публиковать эти сообщения с одновременным (или вскоре) опубликованием репрессий за эти факты.

3. Использовать судебные процессы для мобилизации общественного мнения батрачества, бедноты и середняков против кулачества»⁸⁹.

В документах ОГПУ отмечается, что несмотря на то, что данные о кулацком терроре в 1926–1928 гг. неполные «тем не менее наметившийся рост террора в деревне был очевиден уже тогда. Наиболее острых форм террор достиг в 1929 году»⁹⁰. Об этом же говорил на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б) С.В.Косиор. На Украине, по его словам, количество террористических актов в деревне за неполный 1929 г. возросло в 4 раза по сравнению с 1927 г.⁹¹

В целом по СССР динамику роста террористических актов за 1928–1930 гг. можно проследить по таблице 19.

Таблица 19

Месяцы	Год		
	1928	1929	1930

Январь	21	642	808
Февраль	48	329	1368
Март	23	351	1895
Апрель	31	247	2013
Май	51	546	1219
Июнь	43	851	796
Июль	77	474	762
Август	76	757	928
Сентябрь	103	1167	946
Октябрь	135	1864	1440
Ноябрь	216	1295	954
Декабрь	203	570	665
<i>Итого</i>	1027	9093	13794

Источник: ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 679. Л. 40; Lynne Viola. P. 103.

При анализе данных таблицы следует иметь в виду, что в 1928–1929 гг. террористические акты были связаны в основном с хлебозаготовками, а в 1930 г. – в связи с коллективизацией и раскулачиванием. В справке ОГПУ «Об активных формах кулацкой борьбы на селе» от 17 марта 1930 г. говорится, что из 9137 террористических актов (данные эти несколько разнятся с приведенными в таблице – 9093) на долю хлебозаготовок приходится 7035 или 80% общего числа. В 1930 г. из 13794 терактов в связи с коллективизацией и раскулачиванием было совершено 7886, не считая 3943 террористических актов, совершенных против активистов, проводивших коллективизацию и раскулачивание, а также другие хозяйственно-политические кампании (хлебозаготовки, сбор налогов и т.п.). На долю хлебозаготовок в 1930 г. приходилось 1402 теракта или 10% их общего числа.

Интересны данные о распределении терактов в 1928–1930 гг. по месяцам. В 1928–1929 гг., когда основной упор в деревне делался на хлебозаготовки, поэтому наибольшее число террористических актов приходилось на период интенсивного проведения хлебозаготовок (сентябрь–декабрь). В 1928 г. из 1027 террористических актов на сентябрь–декабрь приходилось 657, т.е. 64%, а в 1929 г. – из 9053 терактов большая половина – 4896 (53,4%) – была совершена в последние четыре месяца года.

В 1930 г. наблюдается обратная тенденция: в сентябре–декабре зарегистрировано 4005 терактов (из 13794) или 29%, а в январе–апреле – 6084 (43,5%). Это значит, что в 1930 г. (особенно зимой–весной) центр тяжести переносится на коллективизацию и раскулачивание, а не на хлебозаготовки, как это было в 1928–1929 гг.⁹²

По видам террористические акты в 1929–1930 гг. распределяются следующим образом (табл. 20).

Таблица 20

	1928 г.	1929 г.	1930 г.
а) убийств	173	978	1198
б) ранений	174	552	895
в) покушений на убийство	311	1581	1855
г) избиений	–	2745	2970
д) поджогов	369	3021	6324
е) прочих	–	260	732

Источник: ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 682. Л. 317; Д. 679. Л. 71.

По отдельным районам террористические акты распределялись неравномерно. Так, по данным о 8844 терактах 1929 г. на Украине было совершено 1458 террористических актов, в ЦЧО – 1132, в Сибири – 989, на Урале – 662, в Средне-Волжском крае – 473, в Нижне-Волжском – 195, на Северном Кавказе (без национальных районов) – 299, в Ленинградской области

– 662, Белоруссии – 344, Западной области – 316, Московской – 272, Ивановской Промышленной области – 164, Нижегородском крае – 227, Северном крае – 178, на Дальнем Востоке – 177. В национальных районах: в Узбекистане было зарегистрировано 354 теракта, в Туркмении – 94, Киргизии – 86, Таджикистане – 28, Татарии – 224, Башкирии – 127, Крыму – 30, национальных районах Северного Кавказа – 102, Азербайджане – 165, Грузии – 48, Армении – 40⁹³.

Как видим, из 8844 террористических актов в зерновых районах произошло 5208, т.е. 58,9%, что вполне объяснимо – основная тяжесть хлебозаготовок легла на эти районы, потому сопротивление крестьян наиболее остро проявилось здесь.

Такая же картина наблюдается и в 1930 г. с тем, однако, отличием, что террор в деревне был связан главным образом с коллективизацией и раскулачиванием.⁹⁴ Статистически террор по отдельным регионам может быть представлен следующими данными (табл. 21).

Таблица 21

Районы	Теракты	Районы	Теракты
Украина	2779	Белоруссия	533
ЦЧО	1088	ЗСФСР	508
Урал	977	Татария	421
Сибирь	904	ДВК	343
Северный Кавказ	842	Казахстан	332
Нижняя Волга	711	Средняя Азия	302
Средняя Волга	636	Башкирия	291
Московская обл.	707	Ивановская Промышленная обл.	285
Западная обл.	679	Северный край	119
Нижегородский край	643	Крым	85
Ленинградская обл.	609	<i>Итого</i>	13794

Источник: ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 679. Л. 67.

Здесь на долю зерновых районов приходилось 60% общего числа терактов, что также не нуждается в особом пояснении, поскольку в этих районах проводилась сплошная коллективизация, раскулачивание и депортация раскулаченных в отдаленные северные регионы.

В документах органов Советской власти исполнителями террористических актов обычно считаются кулаки, бывшие чины царской власти (полицейские, жандармы и т.п.), белогвардейцы и другие «контрреволюционные элементы». Но даже из официальных документов видно, что как в массовых выступлениях, так и в террористических актах принимали участие середняки и бедняки. Например, в 1928 г., по данным ОГПУ, участниками террористических актов были: кулаки и зажиточные – 80%, середняки – 15% и бедняки – 5%⁹⁵. А если учесть, что число «кулаков и зажиточных» включалась и значительная часть середняков, то следует критически отнестись к этим данным. Еще более разительны сведения по 1930 г. По данным о 6470 случаях террористических актов, по которым были установлены исполнители, кулаков было 7370, середняков – 2734 и бедняков – 817 человек⁹⁶. Значит, одна треть исполнителей терактов являлись середняками и бедняками. Разумеется, что поскольку репрессивная политика и экономический нажим Советской власти касались в первую очередь зажиточной части деревни, то и активно сопротивлялась, в том числе и в острых формах, эта часть крестьянства.

Против кого был направлен террор?

В 1928 г., по данным ОГПУ, против низового советского аппарата 48,7% терактов, сельского актива – 24,8%, коммунистов и комсомольцев – 19,0%, общественных организаций в деревне – 5,7% и селькоров – 1,8%⁹⁷. В 1930 г. террористические акты против работников низового советского аппарата составляли 15,4%, против колхозов и колхозников – 45,5%, сельского актива – 33,6%, общественных организаций – 5,5% их общего числа⁹⁸.

В начале февраля 1930 г. вблизи Владикавказа были убиты секретарь Ингушского обкома ВКП(б) И.М.Черноглаз, инструктор Северо-Кавказского крайкома партии И.Д.Жуковский. В

разгар коллективизации и раскулачивания крестьяне одного из сел Ставропольского округа прямо заявляли: «Нам нужно убивать коммунистов и руководителей села и тогда сплошной коллективизации не будет». В феврале у деревни Бобылевка Романовского района Балашовского округа (Нижняя Волга) был убит председатель колхоза Гарбузов; в деревне Мишуково (Кимрский округ Московской области) – председатель сельсовета комсомолец Ветохин⁹⁹.

В марте 1930 г. в Бобровском и Хреновском районах ЦЧО убиты 14 коммунистов¹⁰⁰. В Рождественско-Хавском районе (ЦЧО) при раскулачивании был убит тульский рабочий Артамонов. В Белгородском округе два 25-тысячника были ранены и один убит¹⁰¹.

В июне 1930 г. в Кабардино-Балкарии были убиты член бюро обкома партии А.Т.Мусукаев, секретарь Балкарского окружкома Н.А.Виноградов, член президиума Балкарского окрисполкома И.К.Этэзов и шофер Э.М.Караев¹⁰².

Средне-Волжский крайком ВКП(б) в постановлении от 16 августа 1930 г. констатировал «выявляющееся за последнее время усиление кулацкого террора в отношении деревенских активистов и колхозников, ряд поджогов колхозного хлеба и имущества», что свидетельствовало «об усиливавшемся сопротивлении кулачества и его попытках противодействовать проведению в жизнь важнейших хозяйственно-политических кампаний (хлебозаготовки, коллективизация, выселение на заповольные участки и т.п.)»¹⁰³.

Крестьяне, особенно зажиточные, совершали диверсии против колхозов, жгли колхозное имущество, ломали машины. Из Еланского района (Урал) председатель райколхозсоюза сообщал, что почти каждый день имеют место поджоги колхозного хлеба, «день и ночь горят колхозные скирды».

В докладной записке ОГПУ о формах и динамике классовой борьбы в деревне отмечается, что особенно массовое распространение поджоги имущества в 1930 г. получили на Украине (1884 поджога), в ЦЧО (700), в Нижне-Волжском крае (383), в Белоруссии (358), на Урале (343 поджога) и в других местах. «Поджигая колхозное имущество, особенно скотные дворы, склады машин и хлеб в колхозах, кулак преследует двоякую цель – подорвать хозяйственную основу колхозов и развалить их и, с другой стороны, держать в постоянном страхе поджога весь активный советский элемент деревни»¹⁰⁴.

В ЦЧО, Ленинградской области, на Украине в ряде случаев поджогам предшествовало распространение анонимок сельским активистам с угрозами поджогов их имущества.

Большой интерес в этой связи представляют статистические данные о диверсионных выступлениях против колхозов в первой половине 1931 г. (табл. 22).

Таблица 22

№ пп	Республики, края и области	% колхозов подвергшихся диверсиям	На 100 случаев диверсий				
			поджоги	отравлен. скота	напад. на актив.	порча машин	проч.
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	СССР	15,8	21,9	7,4	35,1	14,9	20,7
1.	РСФСР	15,4	19,0	5,0	36,4	15,6	24,0
а)	Северный край	19,4	6,9	4,4	30,6	9,3	48,8
2.	Авт. обл. Коми	24,3	8,3	5,2	34,4	12,5	39,6
2.	Карельская						
3.	АССР	21,0	3,9	1,9	16,3	3,9	74,0
3.	Ленинград-ская обл.	10,0	10,3	4,0	39,4	14,1	32,2
4.	Западная обл.	9,2	19,7	2,6	42,3	11,7	23,7
5.	Московская обл.	10,3	20,1	5,5	34,8	13,9	25,7
6.	Ивановская						
	Промышлен-ная обл.	7,1	21,5	4,8	37,1	13,5	23,1
1	2	3	4	5	6	7	8
7.	Нижегород-ский край	15,2	13,9	3,7	45,2	15,7	21,5
а)	Вотская авт.						

б)	обл. Чувашская АССР	15,9	8,6	5,3	50,4	17,5	18,2
8.	Уральская обл.	17,0	13,5	4,8	52,3	12,6	16,8
9.	Башкирская АССР	22,5	19,4	4,6	34,7	15,8	25,5
10.	Татарская АССР	16,7	12,3	4,9	42,6	18,5	21,7
11.	Средне-Волжский край	15,8	15,0	7,6	42,9	20,6	13,9
а)	Мордовская авт. обл.	19,6	23,7	5,9	30,4	21,0	13,0
12.	ЦЧО	18,0	29,5	2,7	44,5	13,7	9,6
13.	Нижне-Волжский край	13,9	28,6	2,3	37,6	15,1	16,5
а)	АССР Немцев Поволжья	13,5	27,7	3,2	30,9	19,2	19,0
14.	Северо-Кавказский край	17,7	10,9	–	35,9	18,9	34,3
а)	Адыгейская авт. обл.	20,0	18,8	5,3	37,7	11,8	26,4
б)	Ингушская авт. обл.	10,1	10,0	5,0	70,0	15,0	–
в)	Черкесская авт. обл.	9,5	25,0	–	50,0	–	25,0
г)	Чеченская авт. обл.	13,7	16,7	16,7	51,0	–	15,6
д)	Кабардино-Балкарская авт. обл.	9,8	18,6	3,7	40,7	11,1	25,9
е)	Карачаевская авт. обл.	8,0	15,4	–	30,8	7,6	46,2
ж)	Северо-Осетинская авт. обл.	21,4	9,5	–	14,3	–	76,2
15.	Дагестанская АССР	37,5	10,2	3,4	23,7	5,1	57,6
16.	Крымская АССР	9,8	26,5	11,8	17,6	17,6	26,5
17.	Казахская АССР	5,2	8,6	2,5	38,3	17,3	33,3
18.	Западно-Сибирский край	14,1	25,5	15,5	25,7	13,0	20,3
а)	Ойротская авт. обл.	13,4	16,8	6,4	31,9	18,0	26,9
б)	Хакасская авт. обл.	16,5	10,3	10,3	16,2	29,4	33,8
		25,5	34,8	8,7	26,1	21,7	8,7
1	2	3	4	5	6	7	8
19.	Восточно-Сибирский край	13,8	18,3	7,4	29,8	16,9	27,6
а)	Бурят-Монгольская АССР	23,8	10,2	18,5	24,1	9,3	37,9
20.	Дальне-Восточный край	21,1	23,9	3,3	23,6	20,3	28,9
II.	Украинская ССР	16,5	28,4	4,8	35,4	16,3	14,1
а)	Молдавская АССР	13,4	20,0	1,0	38,1	17,1	23,8
III.	Белорусская ССР	16,8	26,0	2,3	35,2	12,9	23,6
IV.	Армения	20,9	16,9	18,2	38,1	19,0	7,8

Источник: Документы свидетельствуют. С. 491-493.

Материалы весенней переписи колхозов 1931 г., статистические данные, составленные на основании отчетов колхозов, говорят о том, что в первой половине 1931 г. примерно шестая часть колхозов СССР (15,8%) «подвергалась нападению» со стороны кулацко-зажиточной части крестьянства. «Нападения» эти выражались в террористических актах против колхозного актива, в поджогах и порче колхозного имущества и т.п. Наибольшее количество диверсионно-террористических актов приходится на колхозы и колхозный актив национальных районов: в Северной Осетии 37,5% колхозов подвергались «нападениям», в Чувашской АССР – 27%,

Коми автономной области – 24,3%, Хакасии – 25,5%, Бурят-Монголии – 23,8%, Карелии – 21%, Карачае – 21,4%, Армении – 20,9%.

Одна из причин «кулацкой активности» в национальных районах заключалась в том, что весной 1931 г. начался второй этап раскулачивания и депортации раскулаченных и это, естественно, вызвало сопротивление крестьянства.

По характеру выступлений на первом месте стоят террористические акты против колхозного актива: 35,1% по СССР и до 40-50% в национальных районах. В Адыгейской автономной области, например, из общего числа диверсионно-террористических актов 70% приходится на террористические акты против активистов, в Чувашии – 52,3%, Черкессии – 51%, Ингушетии – 50%, Мордовии – 44,5%, Татарии – 42,9%, Башкирии – 42,6% и т.д.

На втором месте стоят поджоги и порча сельхозинвентаря и машин – 36,8%, а по отдельным регионам (Украина, ЦЧО, Нижняя и Средняя Волга, ДВК, Хакассия) удельный вес их достигал 42-50%.

Некоторое представление о масштабах диверсионно-террористических актов дают материалы по Сибири. В 1931 г. здесь, по данным о 2588 колхозов, совершено 742 террористических акта, 347 поджогов, 399 случаев порчи сельскохозяйственных машин и 154 случая отравления обобщественного скота¹⁰⁵.

В результате поджогов в Сибири сгорело в 1930 г. 68 тыс. пудов хлеба (в том числе 38 тыс. колхозного), на Украине – 100 тыс. пудов и т.д. Как отмечалось в докладной записке ОГПУ от 15 марта 1931 г., поджигая имущество колхозов, преследовались две цели: подорвать хозяйственную основу колхозов и держать в страхе актив деревни. Но это был и протест крестьян против насильственной коллективизации.

Еще в конце 1929 г., когда усилился террор против сельских активистов в связи с проведением хлебозаготовок и коллективизации, в секретном циркуляре Наркомюста РСФСР прокурорам и председателям судов указывалось, что правительство поручило НКЮ и ОГПУ «усилить меры репрессии вплоть до расстрелов в отношении кулаков и других контрреволюционных элементов, ведущих борьбу против мероприятий Советской власти»¹⁰⁶.

И репрессии усилились. К концу января 1930 г. более 100 тыс. было арестовано и несколько тысяч расстреляно за срыв хлебозаготовок, выступления против коллективизации и террористические акты.

В 1928–1930 гг. листовки призывали бороться против насилия в деревне любыми способами. Многие из них носили повстанческий характер, призывали к насилию против коммунистов и комсомольцев, сельского актива, проводивших коллективизацию и раскулачивание.

В 1928 г. было учтено 775 листовок, в 1929 г. – 2391, а в 1930 г. – 5156. Из 3512 листовок, учтенных в 1930 г., 1250 носили антиколхозный характер, а 1078 содержали призыв к восстанию¹⁰⁷.

Рассмотрим распределение обнаруженных в 1928–1930 гг. листовок и анонимок по месяцам (табл. 23).

Таблица 23

Месяцы	Годы		
	1928	1929	1930
Январь	70	246	460
Февраль	90	129	828
Март	72	222	1181
Апрель	66	237	838
Май	64	242	392
Июнь	74	228	253
Июль	61	127	245
Август	46	86	153
Сентябрь	31	130	108
Октябрь	58	230	205
Ноябрь	105	286	280

Декабрь	108	228	213
<i>Итого</i>	775	2391	5156

Источник: ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 679. Л. 40.

Здесь явно прослеживается, как и для массовых крестьянских выступлений и террористических актов, рост удельного веса распространения листовок в последние месяцы 1928–1929 гг. и в первые месяцы 1930 г. Объясняется это тем, что на октябрь–декабрь 1928–1929 гг. падает пик хлебозаготовок, а на январь–март 1930 г. разгар коллективизации и раскулачивания, когда классовая борьба в деревне достигала наибольшей остроты. Неудивительно, что основными лозунгами в листовках 1928–1929 гг. были: «Долой хлебозаготовки!», «Долой грабеж крестьянства!», «Да здравствует Крестьянский союз!», «Долой коммунистов – разорителей страны!», «Долой Сталина! Даешь вождя Красной Армии Троцкого и тов. Рыкова!», «Крестьяне, берите оружие, палки, ножи и вилы – у кого что есть – жгите, громите коммунистов, берите правление в свои руки, пока не поздно».

В 1930 г. в листовках преобладают лозунги, направленные против коллективизации и раскулачивания: «Долой коммуны, даешь единоличное хозяйство!» (Урал), «Долой коллективизацию!», «Да здравствует столыпинщина!» (Украина), «Долой насилие! Да здравствует свободный труд» (Сибирь, Белоруссия, Московская обл.), «Да здравствуют вожди крестьянства – Бухарин, Рыков и Томский!» (Урал).

Нередко в листовках содержался призыв к свержению Советской власти, к борьбе против коммунистов. Вот одна из таких листовок (Хоперский округ Нижне-Волжского края):

*«Гады презренные, красные черти,
Нас не смутите вы призраком смерти,
Местью и гневом пылают сердца,
Будем вести мы борьбу до конца.
Нас не пугают ни штык и ни пули,
Ни перед кем головы мы не гнули.
Созданы мы для борьбы и для боя,
Мы не выносим трусливого воя.
В наших рядах не заводится ссора,
Дружно идем мы под флагом террора.
В схватке кровавой полечь все мы рады
И у врагов мы не спросим пощады.
Нет такой силы на свете прекрасном,
Что показаться могла б нам ужасной.
Бодро шагай, веселее иди!
Оком в грядущее смело гляди!»¹⁰⁸*

География распространения в 1930 г. листовок и анонимок в деревне и их политическая направленность характеризуется следующими данными (табл. 24).

Таблица 24

Таблица 24

Районы	За 1930 г.			Характер листовок				
	Листовки	Аноним-ки	Всего	Повстан-ческие	Против коллективи-зации и раскулачиван.	Против хлебозаго-товок и налогов	Рели-гиозные	Антисо-ветские
Украина	844	367	1211	282	380	55	31	52
Северный Кавказ	490	185	675	185	191	20	30	54
ЦЧО	191	82	273	39	85	9	17	38
Средняя Волга	91	67	158	16	42	9	1	13
Нижняя Волга	177	118	295	41	89	4	9	26
Сибирь	203	143	346	72	69	5	8	41
Урал	171	150	321	48	51	10	15	41
Московская обл.	191	66	257	27	74	2	12	62
Западная обл.	98	15	113	27	34	4	11	18
Ленинградская обл.	62	24	86	4	27	4	15	7
Ивановская Промышленная обл.	56	19	75	13	27	1	4	7
Белоруссия	54	5	59	18	23	2	4	6
Нижегородский край	80	44	124	20	35	7	7	9
Дальне-Восточный край	91	29	120	32	28	1	5	10
Северный край	17	3	20	4	7	2	—	3
Башкирия	24	20	44	8	6	4	2	3
Татария	46	64	110	9	13	2	10	12
Казахстан	173	73	246	75	14	33	11	33
Крым	32	21	53	10	5	2	2	—
Средняя Азия	30	10	40	8	3	2	4	13
Закавказье	261	65	326	83	75	20	6	17
Национальные районы Северного Кавказа	87	44	131	42	24	5	15	—
Итого по СССР	3512	1644	5156	1078	1308	208	220	478

Источник: ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 679. Л. 75.

Как видим, и здесь прослеживается та же закономерность: в зерновых районах, т.е. там, где проводилась сплошная коллективизация и раскулачивание, число случаев распространения листовок и анонимных предупреждений значительно превышало их количество в потребляющих районах. Особенно выделялись Украина и Северный Кавказ (с национальными районами), на долю которых приходилось 41,7% общего числа случаев распространения листовок и анонимок в 1930 г. и около 50% листовок повстанческого и почти столько же антиколхозного характера.

Следовательно, по всем видам крестьянского сопротивления насилию в деревне зерновые районы, и в особенности Украина, Северный Кавказ, ЦЧО, Поволжье шли впереди других районов СССР. Разумеется, что и репрессии карательных органов были направлены в первую очередь и в больших масштабах против этих районов. Органы ОГПУ были наделены особыми полномочиями внесудебного преследования участников крестьянского сопротивления.

О том как проводилась «оперативная работа» органами ОГПУ можно судить по материалам ЦЧО. В феврале-ноябре 1930 г. было арестовано органами ОГПУ 14834 человека, в том числе по линии секретного отдела – 11824 человека, особого отдела – 1795 и экономического отдела – 1215 человек.

Тройкой ПП ОГПУ по ЦЧО было рассмотрено дел на 12395 человек, приговорено к высшей мере наказания 1266 человек, заключению в концлагерь на 10 лет – 2021 человек, на 5 лет – 2957, на 3 года – 2887, условно – 1179, к ссылке – 818, освобождено 1143 человека, передано в суд – на 124 человека¹⁰⁹.

В отчете «об итогах оперработы» ПП ОГПУ по ЦЧО за февраль-ноябрь 1930 г. сообщалось: «В целях максимальной успешности в борьбе против кулачества нашими органами практиковался по массовым выступлениям и террористическим актам арест не только прямых виновников, но и косвенных подстрекателей из числа кулаков. Такой метод ареста «заложников» дал положительные результаты»¹¹⁰.

И хотя в официальных документах делается акцент на сопротивлении, противодействии кулачества мероприятиям Советской власти органы ОГПУ не могут скрыть, что проведение сплошной коллективизации и ликвидации кулачества «вызывало ожесточенное сопротивление в деревне». Выступления в ряде случаев доходили до 6000 человек и «имели тенденцию перерастать в повстанческое движение», в котором участвовали «значительные бедняцко-средняцкие массы» (с. Коршево Бобровского района, ЦЧО)¹¹¹.

Сопротивление крестьянских масс проведению насильственной коллективизации и раскулачивания (это называлось наступлением социализма) преодолевалось в основном репрессивными мерами, хотя не исключались и другие меры тактического порядка, как это было весной 1930 г. И поэтому вряд ли можно согласиться со Сталиным, который на XVI съезде партии (июнь 1930 г.) говорил: «Некоторые товарищи думают, что главное в наступлении социализма составляют репрессии, а если репрессии не нарастают, то нет и социализма... Репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным... Вы можете арестовать и выслать десятки и сотни тысяч кулаков, но если вы одновременно с этим не сделаете всего необходимого для того, чтобы ускорить строительство новых форм хозяйства... кулачество все равно возродится и будет расти»¹¹².

Но ведь на практике так и произошло: сотни тысяч семей были сосланы на Север, в Сибирь, на Урал и в Казахстан, сотни тысяч людей арестованы и заключены в концлагеря, а миллионы крестьянских семей были принудительно вовлечены в колхозы. Тот факт, что в 1930 г. произошло около 14 тыс. террористически-диверсионных актов в деревне и столько же массовых крестьянских выступлений, в которых в общей сложности принимало участие около 3,5 миллиона человек, лучше всего говорит об отношении крестьянства к «наступлению социализма в деревне».

Глава четвертая

«НАСТУПЛЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА»
В ДЕРЕВНЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. РЕПРЕССИИ УСИЛИВАЮТСЯ (1932–1933 гг.)

**§ 1. Антикрестьянская налоговая
и заготовительная политика**

К началу 1932 г. в колхозах состояло более половины крестьянских хозяйств. Однако задача форсирования коллективизации не была снята. Более того, в связи с массовым выходом крестьян из колхозов в первой половине 1932 г. ввиду неустроенности колхозов, слабого их экономического положения проблема темпов коллективизации обострилась. В целом по СССР количество коллективизированных крестьянских хозяйств сократилась на 500 тыс., причем в РСФСР уровень коллективизации понизился почти на 3%, а в отдельных районах еще больше. На Северном Кавказе, например, на 11%, Средней и Нижней Волге – на 5-5,5%, в ЦЧО – на 5%, Московской области – на 5-6% и т.д.¹

И.М.Варейкис в письме И.В.Сталину и Л.М.Кагановичу писал: «Подача заявлений о выходе из колхозов происходит коллективно и сопровождается... самочинным разбором лошадей, колхозного инвентаря и продуктивного скота». Объясняется это, по его мнению, слабостью колхозов, грубыми перегибами в колхозном строительстве местных работников (обобществление усадеб колхозников в Кромском и Дмитриевском районах ЦЧО, неправильные расчеты с колхозниками), а также «кулацкой агитацией». «Поэтому, – писал Варейкис, – мне кажется, что следовало бы вернуться к предыдущему решению ЦК с выселением в период между весенним севом и уборкой, некоторой части кулацких элементов из колхозов»².

Таким образом, вновь ставился вопрос о проведении репрессивных мер для сохранения достигнутого уровня коллективизации.

В Белоруссии весной 1932 г. распалось более тысячи колхозов и ЦК КП(б) Белоруссии вынужден был принять специальное постановление «О выходах из колхозов и о порядке проведения уборки и распределения урожая в колхозах»³. Такое же положение было во многих районах страны. Не кулацкая агитация против колхозов, хотя и она имела место, сыграла решающую роль в массовых выходах из колхозов в первой половине 1932 г., а реальное положение дел в колхозах.

Насильственная коллективизация привела к падению сельскохозяйственного производства. Валовой сбор зерна в 1931 г., несмотря на некоторый рост посевных площадей, снизился как по сравнению с 1913 годом, так и с доколхозным 1928 г. Урожайность, даже завышенная в официальных документах, была на 25% ниже дореволюционной. Еще болезненней сказалась принудительная коллективизация на животноводстве. поголовье скота в 1929–1931 гг. сократилось более чем в 1,6 раза, причем овец и коз в 2 раза, крупного рогатого скота и свиней – в полтора раза, лошадей – в 1,3 раза⁴. Падение поголовья скота продолжалось в 1932 г. и даже в 1933 г.

Материальное положение колхозников – бывших середняков – ухудшилось, а бывших бедняков не улучшилось. Это не могло не дискредитировать колхозы. Между тем Сталин, как уже отмечалось, падение сельскохозяйственного производства в годы сплошной коллективизации выдавал за некоторую закономерность «реорганизационного периода», а резкое снижение поголовья скота объяснял кулацкой агитацией за убой скота и ликвидацией «крупно-кулацких элементов», являвшихся наиболее крупными владельцами скота. На самом же деле вынужденный убой скота крестьянами был спровоцирован административными мерами по обобществлению в колхозах всего скота, не исключая и мелкого продуктивного.

Практика принудительного обобществления скота продолжалась и в 1931–1932 гг. В немалой степени этому способствовало принятое 30 июля 1931 г. постановление ЦК ВКП(б) и

СНК СССР «О развертывании социалистического животноводства», которое предусматривало создание животноводческих ферм в колхозах⁵. В нем давались контрольные цифры по организации ферм и определялись источники пополнения общественного стада. В частности, предлагалось Наркомснабу передавать (продавать) для колхозных ферм скот из числа поступившего по мясозаготовкам. Колхозцентр должен был организовать покупку у колхозников молодняка для общественного животноводства колхозов.

К чему это привело говорят следующие факты. В начале августа 1931 г. крайком партии Казахстана дал установку форсировать коллективизацию в кочевых и полукочевых районах, а основной формой колхоза определил сельхозартель. На основе этой и других директив в 60 районах Казахстана почти 90% ТОЗов было переведено на устав артели. Скот стал обобществляться в принудительном порядке, что привело к массовому убою и распродаже его. Часть скота было угнано за границу. Обобществленный же скот из-за отсутствия приспособленных помещений и корма погибал.

Насилие при обобществлении скота применялось во многих районах СССР (Киргизия, Таджикистан, Калмыкия, Северный край, Нижняя и Средняя Волга, Северный Кавказ, Сибирь и другие). О том, что это было массовым явлением свидетельствуют не только многочисленные сообщения с мест, но и постановление ЦК ВКП(б) от 26 марта 1932 г. «О принудительном обобществлении скота»⁶.

Несколько слов об истории этого документа. В связи с массовым недовольством крестьян принудительным обобществлением скота и многочисленными жалобами с мест Политбюро создало комиссию во главе с М.М.Калининым для подготовки проекта постановления ЦК. 26 марта комиссия представила Сталину проект постановления, подписанный Калинин, Кагановичем и Яковлевым. Проект был отредактирован Сталиным и утвержден Политбюро. Однако при редактировании Сталин исключил из проекта ряд пунктов, имевших принципиальное значение. Так, в проекте, наряду с осуждением принудительного обобществления скота, предусматривались конкретные меры по оказанию помощи колхозникам, не имеющим скота и птицы, в приобретении его за счет колхозных ферм и инкубаторских станций. Для этого рекомендовалось уже в 1932 г. выделить до 25% их приплода (телят, поросят, цыплят). «При проведении посева кормовых культур, силосной и сенокосной кампаний, – говорилось в проекте, – колхоз должен предусматривать обеспечение кормами не только стада колхозных ферм, но и скота, находящегося в собственности колхозников». Вычеркнул Сталин также и пункт о том, что «указанные мероприятия имеют своей задачей не только улучшение материального положения колхозника, но и всемерное расширение поголовья путем выращивания всего молодняка колхозников». В этих целях колхоз заключает с каждым колхозником договор, по которому колхоз берет на себя обязательство снабжать колхозника необходимыми кормами в счет трудодней, а колхозник берет на себя обязательство выращивать свой молодняк до определенного колхозом возраста⁷.

Неудивительно, что практическое значение мартовского постановления ЦК оказалось ограниченным: осуждалось принудительное обобществление скота колхозами, но не прекращались принудительные изъятия скота в порядке государственных заготовок; никаких мер, обеспечивающих реальную возможность содержать скот на личном подворье колхозников, принято не было. Наглядное представление о том, какое положение было в деревне в связи с политикой мясозаготовок дают, в частности, письма члена ЦК ВКП(б) В.Г.Фейгина Г.К.Орджоникидзе от 9 апреля и М.А.Шолохова И.В.Сталину от 20 апреля 1932 г.

В письме В.Г.Фейгина сообщалось, что в обследованных им селах Барабинского района Западной Сибири только 20-30% колхозников имеют коров, остальные – бескоровные. Местные работники считают, что совхозы и товарные фермы колхозов сумеют уже в текущем году обеспечить страну животноводческой продукцией «и выражают мысль, что с частным хозяйством колхозника вообще надо покончить». Поэтому, считал Фейгин, нужно принять меры к тому, чтобы «росло частное хозяйство колхозника в его животноводческой части, иначе нет выхода из того периодического дефицита в продуктах, который мы имеем сейчас».

«Настроение чрезвычайно скверное в связи с голодом и с тем, что изымают последних коров по контрактации – в итоге чего колхозник не имеет ни хлеба, ни молока. Все это я видел собственными глазами и не преувеличиваю. Люди голодают, питаются суррогатами, обессиливают и, естественно, настроены при этих условиях далеко недоброжелательно. Такого настроения, какое сейчас в деревне в связи с голодом и изыманием последней коровы и последних овец по контрактации, я давно уже не видел. О фактах, подтверждающих это, сообщу при встрече. По приезде в Москву попытаюсь попасть к Сталину и об этом сообщить ему или же, если он не сумеет урвать время, напишу ему письмо... Мне кажется, что совершенно необходимо, чтобы этим делом занялся Сталин»⁸.

Однако Сталин не принял Фейгина, и на письмо с приложением медицинских заключений о голодных смертях не ответил.

Еще более резким было письмо Шолохова Сталину. План мясозаготовок по Вешенскому району Северного Кавказа, писал Шолохов, был таким, что для его выполнения нужно было сдать больше половины имевшихся у крестьян коров и почти 90% овец и коз, включая и обобществленных в колхозах. После этого останется одна корова на 5-6 дворов и одна овца (или коза) на 10 дворов.

«В конце первого квартала по району началась интенсивная покупка (заготовка) скота, – сообщал писатель Сталину. – И с первых же дней по всем колхозам колхозники стали оказывать решительное сопротивление: коров начали запирают в сараи, постоянно держать под замком, а покупающих встречать с кольями. Продавать последнюю корову (во всем районе на 13629 хозяйств на 1 февраля было только 18 двухкоровных хозяйств) никто не изъявлял желания, тогда на собраниях селькомиссии стали просто обязывать того или иного колхозника сдать корову. Колхозники отказались от добровольной сдачи, тогда соответственно перестроились и сельсоветские работники: покупка коровы обычно производилась таким порядком: к колхознику приходило человек 7-8-12 «покупателей», хозяина и хозяйку связывали или держали за руки, тем временем остальные из «покупателей» сбивали замок и на рысях уводили корову.

По хуторам происходила форменная война – сельисполнителей и других, приходивших за коровами, били чем попало, били преимущественно бабы и детишки (подростки), сами колхозники ввязывались редко, а там, где ввязывались, там дело кончалось убийством»⁹.

Планы мясозаготовок, которые исходили сверху, были настолько высокими, что колхозники не только не могли приобрести в колхозе или совхозе молодняк скота, но и лишались последней коровы или овцы, если они были. Постановление ЦК от 26 марта 1932 г. существовало только на бумаге, никто с ним не считался, поэтому Шолохов писал Сталину: «Противоречие между постановлением ЦК и мясозаготовительным планом столь очевидно, что районная парторганизация чувствует себя вовсе неуверенно. И если Вешенский райком ВКП(б) и молчит, то, по-моему, только потому, что в прошлом году, когда крайком предложил сдать на мясо 3 тыс. рабочих быков, а райком вздумал ходатайствовать о снижении, то получил от крайкома выговор.

Считаю, что вопрос этот имеет для районного колхозного хозяйства первостепенное значение, поэтому решил обратиться к Вам».

Сталин 6 мая 1932 г. разослал это письмо «для сведения» членам и кандидатам Политбюро, секретарю ЦК Постышеву и председателю ЦКК ВКП(б) Рудзутак¹⁰. Но положение не изменилось. Непосильные мясозаготовки продолжались и не только на Северном Кавказе.

В спецсводке ОГПУ о ходе мясозаготовок по Западно-Сибирскому краю от 25 августа 1932 г. сообщалось, что план на апрель-июнь составлял 165,5 тыс. ц, в том числе по крестьянским хозяйствам – 156,5 тыс. (95%), с большим трудом выполнен. На 3-й квартал (июль-сентябрь) был увеличен до 205,2 тыс. ц. На 15 августа, т.е. за полтора месяца он был выполнен на одну треть.

По неполным данным, за четыре с половиной месяца (апрель – середина августа) в связи с мясозаготовками произошло 12 массовых выступлений, в которых принял участие 748 человек. В Боготольском районе, в с. Барнаринке, во время «снятия скота» крестьяне оказали

сопротивление. Прибывшая в село судебная бригада арестовала 8 человек, в том числе бедняков и середняков, и приступила к изъятию скота. Один из крестьян при изъятии у него скота нанес вилами ранение милиционеру «под одобрение и крики толпы свыше 150 человек»¹¹.

Крестьянин-бедняк Г.Осинца (с. Чистоозерное Чановского района Западно-Сибирского края) прямо заявил: «Соввласть совсем ограбила: коров забрали, лошадь тоже взяли на посевную кампанию в колхоз. Это разве власть? При старом правительстве так не делали и не относились к крестьянину с недоверием»¹².

Даже у красных партизан Сибири отбирался скот в счет мясозаготовок или по контрактации. Так, в с. Успенка Нижне-Ангарского района у четырех партизан были произведены обыски, в результате чего изъят весь скот и зерно. В Закаменском районе в колхозе «Труженик» у бывшего партизана Попова за несдачу молока по контрактации отобрана последняя корова. Один из партизан (Западная Сибирь), выражая недовольство антикрестьянской политикой Советской власти, говорил: «Завоевали мы себе свободу, – век бы такой свободы не было и не захотели бы ее. Я хотя партизан, но ненавижу эту Соввласть. Она нам, крестьянам, не нужна, мы, красные партизаны, не за это воевали, а добивались себе свободы, чтобы жить можно было легче и никто ничего у нас не брал. А это что? Отбирают последнюю корову у мужика и партизан. Настоящая грабилька»¹³.

Нажим на крестьян усиливался, а поскольку планы мясозаготовок были не просто напряженные, но нереальные, то к этому делу, как и по другим кампаниям, привлекались органы ОГПУ. Показательна в этом отношении телеграмма ПП ОГПУ по Западной Сибири Алексева (того самого, что был в 1930 г. в ЦЧО), разосланная 20 декабря 1932 г. начальникам райотделений и райуполномоченным ОГПУ. Приводим ее полностью:

«Вашем районе исключительно слабо выполняется план скотозаготовок. Бесспорно, что отставание является следствием контрреволюционного кулацкого саботажа, также контрреволюционной деятельности кулацкого и прочего контрреволюционного элемента. Несмотря на это, вы плохо сигнализируете о конкретных причинах отставания скотозаготовок, не принимаете решительных оперативных мер в отношении контрреволюционных агитаторов против скотозаготовок. Сигнализация носит общий, не конкретный характер. Очевидно, вы не мобилизовали внимание аппарата, также агентуры на эту работу. В документах по скотозаготовкам совершенно не отражаются ваши мероприятия, направленные к усилению скотозаготовок.

Предлагаю немедленно мобилизовать внимание аппарата, также агентуры на выявление конкретных причин отставания скотозаготовок и вскрытие контрреволюционного саботажа, выявление контрреволюционных агитаторов против скотозаготовок. Немедленно произвести (с санкции оперсекторов) изъятие контрреволюционных элементов, агитирующих против скотозаготовок.

На основе проверенных материалов вопрос отставания скотозаготовок ставьте на бюро РК, добивайтесь принятия практических мер для усиления скотозаготовок. Предупреждаю, что вы отвечаете за выполнение скотозаготовок наравне с партруководством. Не позднее 26.12 донесите конкретные причины отставания скотозаготовок и ваших мероприятиях, также мероприятиях райорганизации спецдокладной запиской»¹⁴.

Такая политика мясозаготовок привела к еще большему сокращению поголовья животноводства в 1932 г. По сравнению с 1931 г. количество крупного рогатого скота уменьшилось на 7,2 млн. голов, овец и коз – на 15,6 млн, свиней – на 2,8 млн. и лошадей – на 6,6 млн. голов¹⁵.

В отчете Наркомзема Казахстана о мероприятиях по оседанию кочевого и полукочевого населения от 31 декабря 1932 г. прямо отмечалось, что постановление ЦК ВКП(б) от 26 марта 1932 г. «в большинстве районов не было выполнено. Местные организации под видом оставления колхозных товарных ферм принудительно обобщественных коров, овец, коз не вернули колхозникам. Безусловно, это также усугубило сокращение поголовья и увеличило откочевки казахских хозяйств...»¹⁶.

Еще более напряженно, чем мясозаготовки, проходили хлебозаготовки 1931/32 и 1932/33 гг. И еще в больших масштабах применялись репрессии к крестьянам (колхозам, колхозникам и единоличникам) в ходе хлебозаготовок.

Валовые сборы зерна в 1931–1932 гг., даже по официальным данным, были значительно ниже не только по сравнению с более благоприятным 1930 г., но и с 1928 г. Между тем доля хлебозаготовок возросла. Так, если в 1928 г. она составляла 14,7% валового сбора, в 1929 г. – 22,4, в 1930 г. – 26,5, то в 1931 г. – 32,9, а в 1932 г. – 36,9%.

Зарубежные исследователи, анализируя официальные данные о валовых сборах зерна в 1931–1932 гг., пришли к выводу, что они завышены, поскольку уже в те годы стал определяться не реальный (амбарный) сбор зерна, а видовая (биологическая) урожайность. Исходя из нее, устанавливались и планы хлебозаготовок. Фактический же валовый сбор был намного ниже биологической урожайности. М.Таугер (США), например, на основании анализа объективных причин снижения валового сбора зерновых в 1932 г. (засуха в ряде районов, распространение болезней растений и пр.) пришел к выводу, что система биологических урожаев завышала истинный урожай не менее, чем на 20%¹⁷. Это значит, что валовый сбор 1932 г. составлял примерно 550 млн. ц. К такому же выводу пришли С.Уиткрофт (Австралия), Р.Дэвис и Дж.Купер (Англия)¹⁸. Это подтверждается и некоторыми данными официальной статистики. В сборнике «Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г.» приводятся сведения о том, что в 1932 г. было заготовлено 187750,6 тыс. ц зерна, или 36,9% валового сбора. Значит, общий объем валового сбора в 1932 г. составил 508,8 млн. ц, а не 689,7 млн, как утверждал Сталин на XVII партийном съезде, эта цифра и утвердилась в литературе.

Но даже собранного в 1932 г. хлеба хватило бы, чтобы избежать такого страшного массового голода, каким он был в 1932/33 г., если бы хлебозаготовительная политика проводилась иначе.

Еще в апреле 1930 г. были установлены нормы сдачи зерна колхозами в размере от 1/4 до 1/3 валового сбора в основных зерновых районах и примерно 1/8 – в остальных районах. Фактически изымалось значительно больше. Так, на Украине в 1930 г. было изъято 30,2% валового сбора зерна, а в 1931 г. – 41,3, на Северном Кавказе соответственно – 34,2 и 38,3, на Нижней Волге – 41,0 и 40,3, в Крыму – 32,7 и 41,7, на Средней Волге – 38,6 и 32,3, в Западной Сибири – 26,5 и 29,3, в Казахстане – 33,1 и 39,5%. В среднем по этим же районам в 1930 г. процент изъятия составлял 31,5, а в 1931 г. – 37,0. В целом же по всем зерновым районам СССР в 1930 г. было изъято 28,2%, в 1931 г. – 32,4%. Даже в потребляющих районах изымался хлеб: в Московской области в 1930 г. – 14,4%, в 1931 г. – 20,0, Нижегородском крае – 10,5 и 14,8. Ленинградской области – 8,8 и 9,9, Иваново-Вознесенской – 7,4 и 10,0%¹⁹.

Из материалов, хранящихся в бывшем кремлевском Архиве Политбюро ЦК КПСС, видно, что средняя урожайность зерновых за пять предшествующих лет (до 1932 г.) сократилась почти на 30% – с 53,4 пуд. с гектара в 1927 г. до 38,4 пуд. в 1931 г. По отдельным районам СССР это выглядит так (в пуд. с га) (табл. 25).

Таблица 25

Районы	Годы				
	1927	1928	1929	1930	1931
Украина	70,0	46,3	60,8	57,3	51,9
Средняя Волга	34,8	50,2	35,6	38,9	22,0
Нижняя Волга	32,9	47,9	38,0	37,2	22,6
Северный Кавказ	41,1	51,7	50,1	42,7	45,1
ЦЧО	62,0	52,6	61,9	61,9	47,6
Урал	51,2	66,5	43,2	52,1	18,3
Казахстан	32,3	60,3	34,2	37,6	27,5
Белоруссия	45,6	49,8	54,2	51,9	40,9
ЗСФСР	51,2	59,8	56,6	64,7	51,9
Средняя Азия	56,2	46,8	52,5	38,4	н/св.
В целом по СССР	53,4	53,4	48,7	48,2	38,4

Как видно из таблицы, за 1927–1931 гг. по всем районам произошло заметное снижение урожайности, за исключением только Закавказья и Северного Кавказа. Особенно резкое падение урожайности, а значит и валового сбора зерна наблюдалось на Урале. Не случайно поэтому, что здесь, как и в Западной Сибири, зимой-весной 1932 г. начался голод.

Между тем заготовки хлеба росли из года в год. Рассмотрим данные за три года (1929/30 – 1931/32 гг.) (табл. 26).

Фактические заготовки зерна (без совхозов и возврата семенной ссуды) – млн. пуд.

Таблица 26

Районы	Годы			Прирост в % к 1929/30
	1929/30	1930/31	1931/32	
Северный Кавказ	103,3	128,8	161,5	56,3
Нижняя Волга	65,5	84,9	73,0	6,6
Крым	9,3	7,0	12,7	36,6
Украина	303,9	436,7	415,4	36,7
Средняя Азия	20,8	22,7	25,5	22,6
Закавказье	5,7	7,7	5,6	-1,8
Южные районы	511,5	687,8	693,7	35,6
ЦЧО	106,0	114,1	136,4	28,7
Средняя Волга	46,6	72,3	68,1	46,1
Татария	15,7	16,4	32,7	108,3
Центральные районы	168,3	202,8	237,2	40,9
Казахстан	37,8	40,7	40,4	6,9
Урал	42,4	74,0	44,4	4,7
Башкирия	15,3	35,6	27,5	79,7
Сибирь	76,7	101,2	91,5	19,3
Восточные районы	172,2	251,5	203,8	18,4
Северный край	2,6	3,1	3,6	38,5
Ленинградская обл.	4,7	5,5	6,3	34,0
Западная обл.	10,0	13,6	11,5	15,0
Московская обл.	25,6	27,3	37,2	45,3
Иваново-Вознесенская обл.	5,3	5,3	6,6	24,5
Нижегородский край	15,9	26,4	35,4	122,6
Дальневосточный край	17,3	6,0	8,9	-48,5
Белоруссия	10,4	10,9	9,2	-11,5
Потребляющие районы	91,8	98,7	118,7	29,3
Всего по СССР	943,8	1240,8	1253,4	32,8

Источник: Бывш. Архив Политбюро ЦК КПСС.

Тем не менее А.И.Микоян в записке И.В.Сталину предложил повысить в 1932 г. процент изъятия хлеба для зерновых районов до 30-40, в том числе для колхозов, обслуживающих МТС – до 35-45. Несмотря на снижение валовых сборов зерна в 1931–1932 гг. планы заготовок росли: на Украине в 1932 г. заготовлено зерна (без совхозов) на 36,7% больше, чем в 1930 г., на Севером Кавказе – на 56,3, на Средней Волге – на 46,0, в ЦЧО – на 28,75%. В целом по СССР было заготовлено на 32,8% больше, чем в 1930 г.²⁰

Разумеется, потребность в зерне и другой сельхозпродукции с каждым годом росла. Нужда в них была огромная, особенно если учесть, что численность городского населения за четыре года, к 1932 г., выросла на 12,4 млн. человек, не говоря уже о возросших потребностях промышленности в сельскохозяйственном сырье. Но для того чтобы увеличить производство зерна, необходимо было материально заинтересовать крестьян. Это мало волновало Сталина и его ближайшее окружение. На практике почти весь хлеб, произведенный крестьянами (колхозами и единоличниками), изымался в счет хлебозаготовок.

В январе 1932 г. Сталин и Молотов в телеграмме С.В.Косиору, членам Политбюро ЦК ВК(б) Украины и членам Политбюро ЦК ВКП(б) решительно потребовали безусловного выполнения планов хлебозаготовок: «Положение с хлебозаготовками на Украине считаем

тревожным. На основании имеющихся в ЦК ВКП(б) данных, работники Украины стихийно ориентируются на невыполнение плана на 70-80 млн. пудов. Такую перспективу считаем неприемлемой и нетерпимой.

Считаем позором, что Украина в этом году при более высоком уровне коллективизации и большем количестве совхозов заготовила на 1 января сего года на 20 млн. пудов меньше, чем в прошлом году. Кто тут виноват: высший уровень коллективизации или низший уровень руководства делом заготовок?

Считаем необходимым Ваш немедленный приезд в Харьков (в то время столица Украины. – *Авт.*) и взятие Вами в собственные руки всего дела хлебозаготовок. План должен быть выполнен полностью и безусловно. Решение Пленума ЦК ВКП(б) должно быть выполнено»²¹.

Из телеграммы видно, что Сталин и Молотов хлебозаготовки ставили в непосредственную связь с коллективизацией.

Ссылаясь на высказывания В.И.Ленина о необходимости учитывать материальную заинтересованность крестьян, Сталин на практике игнорировал это указание, что проявилось, в частности, и при планировании хлебозаготовок.

В январе 1932 г. председатель Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) и нарком рабоче-крестьянской инспекции (ЦКК-РКИ) Я.Э.Рудзутак в записке Сталину предлагал в числе других вопросов колхозного строительства (улучшение организации труда, внедрение сдельщины, создание постоянных бригад в колхозах) пересмотреть систему планирования хлебозаготовок. «Планы, – писал Рудзутак, – надо давать в начале хозяйственного года, чтобы колхоз имел возможность планировать продажу на рынке части продукции после выполнения государственного задания. По некоторым продуктам (фрукты, овощи и др.) – централизованные планы свести до минимума».

Об этом уже говорилось в шифровке Косиора Сталину (15 марта 1932 г.). Он предлагал: «Объявить от имени союзных организаций о порядке хлебозаготовок из будущего урожая, исходя из того, что, чем большего урожая добьется колхоз и колхозник, тем больший фонд должен быть выделен и распределен на личное потребление». Однако Политбюро ЦК 16 марта отклонило это предложение²².

Между тем в то время полным ходом шла конфискация хлеба у крестьян. Так, бригада «Правды» еще 10 февраля направила Сталину, Кагановичу, Постышеву письмо о хлебозаготовках в Молдавии. В письме сообщалось, что в ходе хлебозаготовительной кампании производятся повальные обыски у колхозников и единоличников и в случае обнаружения зерна крестьянина объявляют «твердозаданцем» и забирают у него все имущество. Имеются случаи избияния крестьян (иногда с увечьем), производятся незаконные аресты и т.д. В результате этого крестьяне бегут за границу, особенно из пограничных районов с Румынией. Сталин разослал письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б) Украины «для сведения». Правда, Политбюро ЦК КП(б) Украины 29 февраля 1932 г. приняло специальное постановление о перегибах в Молдавии, в котором подчеркивалось, что эти перегибы «являются обратной стороной правооппортунистических настроений в партийном руководстве хлебозаготовительной кампанией». ЦК ВК(б)У объявил выговор бюро Молдавского обкома партии, строгий выговор бывшему секретарю обкома Ильину, председателю СНК Молдавии Дмитриу и председателю ЦИК АМССР Вороновичу; предложил немедленно устроить несколько показательных процессов»²³.

18 июня 1932 г. Сталин писал из Сочи Кагановичу и Молотову (для членов Политбюро ЦК) о том, что хотя ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление о некотором сокращении плана хлебозаготовок, но до села сниженный план доводить не надо: необходимо использовать разницу между первоначальным планом, который должны выполнить места, и сокращенным планом «исключительно для стимулирования посевной работы». Сталин вынужден был признать, что главная ошибка хлебозаготовительной кампании 1931 г., особенно на Украине и Урале, – в том, что план хлебозаготовок был разверстан по районам и колхозам «механически без учета положения в каждом отдельном колхозе». «В результате этого... получилась вопиющая несообразность, в силу которой на Украине, несмотря на неплохой урожай, ряд

урожайных районов оказался в состоянии разорения и голода,* а на Урале обком лишил себя возможности оказать помощь неурожайным районам за счет урожайных районов области».

Что же предлагал Сталин, чтобы не «повторять ошибок истекшего года»? Он предложил... «допустить надбавку к плану в 4-5%, чтобы создать тем самым возможность перекрытия неизбежных ошибок в учете и выполнить самый план во что бы то ни стало».

В связи с тяжелым продовольственным положением в ряде районов Украины 17 июня 1932 г. Политбюро ЦК КП(б)У послало телеграмму в ЦК ВКП(б) Кагановичу и Молотову: «Чубарь по поручению ЦК КП(б)У возбудил ходатайство об отпуске Украине продовольственной помощи находящимся в тяжелом положении районам. Настоятельно просил сверх отпущенных для обработки свеклы, а также дополнительной продовольственной помощи 220 тысяч еще 600 тысяч пудов».

29 июня Сталин и Молотов от имени ЦК ВКП(б) и СНК СССР направили на Украину (как и в другие районы) телеграмму, в которой говорилось: «Никакие уклонения от выполнения установленного... плана по зернопоставке колхозами и единоличными хозяйствами и по сдаче зерна совхозами не должны быть допущены ни под каким видом как в отношении количества, так и сроков сдачи зерна»²⁴.

Для обсуждения вопросов хлебозаготовительной кампании 1932 г. Сталин предложил созвать не позднее 26-27 июня совещание секретарей партийных организаций и председателей исполкомов Советов (Совнаркомов) Украины, Северного Кавказа, ЦЧО, Нижней и Средней Волги, Урала, Казахстана, Западной Сибири, а также Белоруссии, Московской, Западной областей, Нижегородского края, Татарии, Башкирии «по вопросам организации хлебозаготовок и безусловному выполнению плана хлебозаготовок»²⁵. На основе письма Сталина и совещания 7 июля 1932 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации хлебозаготовительной кампании 1932 г.»

Находясь на отдыхе в Сочи, Сталин вновь возвращается к хлебозаготовкам и 24 июля в письме Кагановичу и Молотову подтверждает свою установку «на безусловное выполнение плана хлебозаготовок по СССР». Однако, учитывая особое положение Украины, он считает, что «придется сделать исключение для особо пострадавших районов Украины. Это необходимо не только с точки зрения справедливости, но и ввиду особого положения Украины, общей границы с Польшей и т.п.»²⁶ Но план был настолько нереальный, что даже после некоторого снижения его не смогли выполнить.

Не довольствуясь прямым поступлением зерна по хлебозаготовкам, Сталин 15 августа в телеграмме Кагановичу из Сочи выражает недовольство тем, что государство «тратит сотни миллионов рублей на организацию МТС для обслуживания колхозов, а оно все еще не знает, сколько же платит ему крестьянство за услуги МТС». Поэтому он предлагает выяснить, убыточны ли МТС или прибыльны, «сколько хлеба и других продуктов получает государство от колхозов за работу МТС». «Без этого МТС из государственных предприятий, отсчитывающихся перед государством, превратятся в богадельни или в средство для систематического обмана государства. Нельзя допустить, чтобы МТС работали бесконтрольно»²⁷.

Одним словом, Сталин стремился любыми путями выкачать хлеб (как, впрочем, и деньги) из деревни.

Нажим на крестьян начал проводиться сразу же в ходе уборки урожая. Однако колхозники и в особенности единоличники заняли выжидательную позицию, не спешили сдавать хлеб. Б.П.Шеболдаев и И.Н.Пивоваров (Северный Кавказ) 14 августа 1932 г. сообщали Кагановичу, что, «несмотря на массовую работу по хлебозаготовкам, в единоличном секторе встречаются большое сопротивление и прямой отказ от выполнения плана». Поэтому он просил ЦК санкционировать следующие меры:

- а) проводить совместный обмолот с единоличниками под контролем Совета;
- б) лишать невыполняющих план права покупки промышленных товаров;

---

* Подчеркнуто мною. – Авт.

в) привлекать к судебной ответственности по ст. 61 Уголовного кодекса за невыполнение плана хлебозаготовок.

Не прошло и недели, как 20 августа Шеболдаев вновь обращается к Сталину, но уже в связи с отношением колхозников к хлебозаготовкам. Он пишет, что колхозники «работают это лето лучше прошлого года, но имеется обостренная настороженность в отношении к хлебозаготовкам». Основное недовольство колхозников шло по линии «критики нашего плохого руководства сельским хозяйством», напряженности работ, «против администрирования». Почти повсеместно крестьяне открыто говорят о том, что Северный Кавказ ожидает то, что произошло на Украине (голод). В этих условиях руководство отказывается доводить до колхоза план хлебозаготовок ввиду его напряженности – не остается зерна ни на фураж, ни на продовольствие. Поэтому Шеболдаев просит снизить план и заменить сдаваемую пшеницу (5 млн. пудов) на рожь и кукурузу. Сталин 22 августа ответил Шеболдаеву: «Вашу записку получил и отослал в ЦК. Поддержать Вас не могу в связи с плохой работой края по хлебозаготовкам. Если пережившая засуху Средняя Волга сдала в третьей пятидневке 4 млн. пудов, а Ваш край не сдал и 2-х, то это значит, что крайком сдрейфил перед трудностями и сдал позиции апостолам самотека либо крайком дипломатничает и старается ЦК вести за нос. Согласитесь, что я не могу поддержать в такого рода работе»²⁸.

Правда, Политбюро ЦК ВКП(б) по письмам от 14 и 20 августа приняло специальное постановление, которым разрешалось заменить пшеницу (5 млн. пудов) рожью и кукурузой, и санкционировалось применение ст. 61 УК РСФСР и лишение единоличников, не выполнивших план хлебозаготовок, права на приобретение промтоваров. Что касается просьбы крайкома снизить план хлебозаготовок зерна, то Политбюро ее отклонило как явно неправильную, свидетельствующую о «пессимистическом отношении к выполнению плана», «демобилизующую» парторганизацию, и потребовало «принять меры по обеспечению плана хлебозаготовок»²⁹.

Трудности с выполнением плана хлебозаготовок, в частности на Северном Кавказе, объясняются рядом причин, в том числе и тем, что хлебозаготовительный план был составлен, исходя из предварительных данных о более высоком урожае, чем он был в действительности. Предполагалось, что в 1932 г. с каждого гектара удастся собрать по 7,3 ц зерна. Фактически он был намного ниже, чем предполагалось. По сообщениям секретарей райкомов партии, на Кубани, Дону и в Ставрополье урожай колебался от одного до шести центнеров с гектара, а в целом по краю урожай составил лишь 3,9 ц с га, т.е. почти в два раза ниже предполагавшегося.

Интересные данные приводятся в одной из спецсводок ОГПУ по Северному Кавказу об определении урожайности районными организациями и пробными обмолами. Так, в станице Н.-Стеблиевской урожай был определен районом в 9 ц с га, а пробный обмолот дал 4 ц, Н.-Николаевской – 7,0 и 2,3, Ивановской – 9,5 и 3,7 и т.д.

Для выяснения положения с планированием хлебозаготовок на Северном Кавказе (и не только здесь) любопытен такой документ – заявление 20 единоличников Крототкинского района прокурору, в котором они писали: «Настоящим просим прокурора наше заявление рассмотреть о том, что мы, группа единоличников, обмолили свой хлеб и у нас не хватает выполнить план: Мирошников намолотил с гектара 3,5 ц, а требуют 6 ц, Дуланина намолотила с га 1,72 ц, требуют 6 ц. Мирошников Н. намолотил с 2 га 7,31 ц, требуют 14 ц, Каширин намолотил с 1,5 га 7,22 ц, требуют 9 ц и т.д. ...

А поэтому просим хлебозаготовки с нас снять»³⁰.

Однако при планировании хлебозаготовок эти обстоятельства не учитывались. По данным Е.Н.Осколкова, в 1932 г. валовое производство зерна составило 35,5 млн. ц против 69,7 млн. ц в 1931 г., т.е. в два раза меньше, а первоначальный план хлебозаготовок не намного был ниже. В дальнейшем он несколько раз снижался, но все равно не был выполнен³¹.

Подчиняясь решению Политбюро, крайком 21 августа 1932 г. в телеграмме сельским райкомам ВКП(б) категорически потребовал выполнения хлебозаготовительного плана и применения репрессий к тем работникам, которые не обеспечивают выполнения заданий по

хлебозаготовкам. В другой телеграмме давалось указание применять репрессии и к единоличникам, не выполнявшим план хлебозаготовок. Тем не менее план хлебозаготовок на август был выполнен лишь на 32%, сентябрьский – на 65, а к 20 октября в крае было заготовлено 18% месячного задания.

В спецсводке ОГПУ, посланной в сентябре 1932 г. Сталину, Молотову, Кагановичу, Постышеву, Рудзутаку говорилось о тяжелом положении с хлебозаготовками на Севером Кавказе. Объяснялось это неудовлетворительным планированием хлебозаготовок, организационно-хозяйственными недочетами (организация труда, недостаток и истощение рабочего скота, поломки инвентаря и т.п.), наличием «сопротивленческих и антихлебозаготовительных тенденций среди части низовых организаций, колхозов и совпартколхозного актива», рваческими настроениями колхозников (расхищение урожая, бойкот колхозных работ), «бойкотом хлебозаготовок со стороны единоличников» и, конечно, активизацией «кулацких и антисоветских элементов».

Для форсирования хлебозаготовок ПП ОГПУ по Северному Кавказу дало указания местным органам ОГПУ об организации заслонов, созданием бригад по охране урожая и его транспортировке, были посланы в 45 районов оперработники ОГПУ для удара «по активному контрреволюционному элементу», дана санкция на арест саботажников, в результате чего только за 20 дней августа 1932 г. было арестовано оперсекторами ОГПУ в Донском, Кубанском, Ставропольском, Терском и Шахтинско-Донецком бывшим округам 2793 человека, главным образом колхозников и единоличников и было изъято 120170 ц хлеба, т.е. весь хлеб который у них был³².

Сведения о невыполнении планов хлебозаготовок поступали с Украины, Нижней Волги, Сибири, других районов страны. Это встревожило сталинское партийно-государственное руководство. 22 октября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение: «В целях усиления хлебозаготовок командировать на две декады полномочные комиссии под руководством т. Молотова на Украину и под руководством т. Кагановича – в Северо-Кавказский край»³³.

Комиссии Политбюро не случайно посылались на Украину и Северный Кавказ, так как на эти регионы приходилась почти половина заготавливаемого в зерновых районах хлеба.

В состав комиссии ЦК во главе с Л.М.Кагановичем вошли А.И.Микоян (Наркомат снабжения), М.А.Чернов (Комитет заготовок), Т.А.Юркин (Наркомат совхозов), Я.Б.Гамарник (Политуправление Красной Армии), М.Ф.Шкирятов (ЦКК ВКП(б)), Г.Г.Ягода (ОГПУ), А.В.Косиор (ЦК ВЛКСМ).

2 ноября комиссия Кагановича прибыла в Ростов-на-Дону. В тот же день было созвано совещание секретарей сельских райкомов партии, а 4 ноября – совещание директоров совхозов края. Тогда же состоялось заседание бюро крайкома ВКП(б) с участием членов комиссии ЦК. В постановлении «О ходе хлебозаготовок и сева на Кубани», принятом 4 ноября Северо-Кавказским крайкомом партии, говорилось: «Ввиду особого позорного провала плана хлебозаготовок и озимого сева на Кубани поставить перед парторганизацией в районах Кубани боевую задачу – сломить саботаж хлебозаготовок и сева, организованный кулацким контрреволюционным элементом, уничтожить сопротивление части сельских коммунистов, ставших фактическими проводниками саботажа, и ликвидировать несовместимую со званием члена партии пассивность и примиренчество к саботажникам.

Обеспечить быстрое нарастание темпов, полное и безусловное выполнение плана хлебозаготовок, тем самым добиваясь сплочения партийных рядов и укрепления колхозов». Далее следовали суровые меры воздействия на «саботажников»: были занесены на «черную доску» станицы – Ново-Рождественская (Тихорецкий район), Медведовская (Тимашевский район), Темиргоевская (Курганенский район). К ним применялись следующие меры:

а) немедленно прекращался завоз товаров, прекращалась государственная и кооперативная торговля и вывозились все товары;

б) запрещалась колхозная торговля как для колхозов, так и для колхозников и единоличников;

в) прекращалось всякое кредитование и досрочно взыскивались кредиты;

г) предлагалось произвести проверку и чистку «всякого рода чуждых элементов»;

д) ОГПУ поручалось «изъятие контрреволюционных элементов».

Не ограничиваясь мерами против трех кубанских станиц, крайком по предложению комиссии Кагановича «в качестве последнего предупреждения» в десять «отстающих районов» (Невинномысский, Славянский, Усть-Лабинский, Брюховецкий и др.) запретил завозить товары, а в отношении десяти других (Ейского, Краснодарского, Курганинского и др.) предложил не только прекратить завоз, но вывезти оттуда все товары.

Что касается единоличников, которые отказывались от земли, так как не могли ни обрабатывать ее, ни платить непомерные налоги, то к ним применялась такая мера, как лишение приусадебных участков. Более того, был поставлен вопрос перед правительством о выселении крестьян в северные области, передав их орудия и средства производства колхозам. Рекомендовалось также применять к ним ст. 61 УК РСФСР (спекуляция).

В постановлении отмечалось также, что постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической собственности)» от 7 августа 1932 г. слабо применяется, и предлагалось крайсуду и прокуратуре рассмотреть 20 дел и приговоры опубликовать в печати; к суду привлечь кладовщиков, счетоводов, скрывающих хлеб. Органы ОГПУ должны усилить карательные меры³⁴.

В день принятия постановления оно было передано по телеграфу Сталину, которые его отредактировал и написал резолюцию: «Опубликовать в местной печати»³⁵. На следующий день, 5 ноября, оно было опубликовано в газете «Молот».

4 ноября 1932 г. Политбюро ВКП(б) приняло решение о проведении чистки сельских парторганизаций Северного Кавказа, и в первую очередь Кубани: «Чистка должна освободить партию от людей, чуждых делу коммунизма, проводящих кулацкую политику, разложившихся, неспособных проводить политику партии в деревне. Вычищенных выслать как политически опасных»³⁶.

Л.М.Каганович и А.В.Косарев просили Политбюро ЦК санкционировать чистку комсомольских организаций Северного Кавказа. Только на Кубани в ноябре 1932 г. в результате чистки было исключено из партии 43% коммунистов и более 5 тыс. человек арестовано. Всего на Северном Кавказе в то время арестовано 15 тыс. человек³⁷.

21 ноября 1932 г. Каганович и Шеболдаев посылают Сталину постановление бюро Северо-Кавказского крайкома о выселении «саботажников» и просят его утвердить. В постановлении предлагалось «в двухдневный срок выселить 2000 кулацко-зачиточных и единоличных хозяйств Кубани, отказывающихся от обработки земли и срывающих сев». Выселение проводилось из 45 станиц 14 районов Кубани; 1000 хозяйств подлежали выселению в Северный край, 1000 – на Урал.

Отбор для выселения производился по каждой станице специальными тройками (председатель райисполкома, секретарь райкома и уполномоченный ОГПУ). Окончательное утверждение списков для выселения возлагалось на краевую тройку. «Кулацко-зачиточные» элементы были отнесены ко второй категории кулацких хозяйств, у них конфисковывались орудия и средства производства в пользу колхозов, а их самих высылали на Север. Единоличники также выселялись, но они не лишались гражданских прав. В отличие от первой группы выселяемых единоличники могли иметь запас продовольствия на три месяца, две головы мелкого скота, две штуки простейшего инвентаря, инструмент и вещи, но не свыше 70 пудов.

Вместо выселяемых, на Кубань вселялись хозяйства из засушливых районов Ставрополя (красноармейцы, переменной состав, сельские коммунисты и комсомольцы).

Политбюро ЦК ВКП(б) в тот же день, 21 ноября, утвердило постановление крайкома³⁸.

В декабре 1932 г. Б.П.Шеболдаев в справке в ЦК ВКП(б) о ходе хлебозаготовок и сева на Северном Кавказе сообщал, что к 5 декабря по всем секторам заготовлено 80% годового плана. Достигнуто это в результате применения жестких (скорее жестоких!) мер воздействия. Так, по Кубани 70-75% низовых руководящих работников получили взыскания; всего же около

половины (47%) коммунистов, прошедших чистку, подверглись взысканиям. Исключено из партии в крае 1193 человека, в том числе в ноябре – 536 человек. Краевым судом и его выездными сессиями в течение ноября по декрету от 7 августа 1932 г. осуждено 949 человек, из них 175 приговорено к высшей мере (приговоры приведены в исполнение). Показательно, что в числе осужденных кулацко-зажиточные элементы или отнесенные к ним составляли 125 человек, т.е. 15%, остальные – колхозники и должностные лица.

Народным судом осуждено по 68 районам края (из 83) 6206 человек (половина из них по закону от 7 августа, другая – по ст. 61 УК РСФСР). По социальному положению кулаки составляли менее трети, остальные – колхозники и единоличники.

Шеболдаев просил Политбюро ЦК разрешить дополнительную высылку и переселение 5 тыс. семей; чистку колхозов от кулацких элементов (2-3%) с высылкой «наиболее злостных»; чистку колхозного, совхозного и кооперативного аппарата; командировать в дополнение к уже посланным в деревню в ноябре 1500 человек еще 150 работников в МТС, райзо, совхозы и 50 работников районного масштаба в счет спецмобилизации ЦК ВКП(б).

14 декабря 1932 г., согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР, все жители станицы Полтавской, за исключением «действительно преданных Советской власти» выселялись в северные области. 23 декабря Политбюро приняло предложение Шеболдаева «о выселении 5000 семейств, в том числе 2000 из ст. Полтавской»³⁹.

К 19 декабря 1932 г. из 13 районов Кубани в Северный Казахстан были выселены 1992 семьи (9442 человека), а к 27 декабря, как сообщал Ягода Сталину, «операция по выселению станицы Полтавской» была закончена: 2158 семей (9187 человек, т.е. все население станицы) погрузили в пять эшелонов и отправили на Урал. Часть была осуждена и заключена в концлагеря.

Интересный факт приводит Авдеенко в автобиографической повести «Отлучение» – разговор с одним из заключенных, бывшим казаком, председателем колхоза. На вопрос писателя, за что он попал на строительство канала Москва-Волга, казак сказал, что его обвинили в саботаже хлебозаготовок: «Преступно придерживал, сказали, валютное зерно, не хотел продавать государству по твердой цене, чтобы сбыть втихомолку на базаре. Сказали, что создавал дутые, обманные фонды, вдвое больше, чем надо для прокорма людей и скотины. Сказали, что открыто восхваляю колхозы, а тайно, тихой сапой, создал в правлении контрреволюционное гнездо «Колхозы без коммунистов». Читали статью товарища Сталина... извиняюсь, гражданина Сталина «О работе в деревне»? Все плохое из этой статьи судья мне припечатал. Персонально! Старого кулака-зверюгу, с лошадиными зубами, с толстой шеей, всем видимого, плакатного кулака, как сказал гражданин Сталин, мы извели начисто. Теперь есть новый куркуль, «тихий», сладенький, почти святой. Вот и меня, когда я попал под горячую руку, зачислили в тихие и сладенькие...

Верно, я сдал не весь хлеб, не дотянул немного до сверхплановой нормы... Почему, спросите не дотянул? Дорого дюже. Накладно. Колхозников без хлеба, а скот без кормов надо было оставить. Совесть не позволила морить людей голодом. Не саботажник я, а голова колхоза, доверенное лицо хлебороба... Вот так и загремел «непрозорливый» деревенский работник, незакаленный и переоцененный, как сказал гражданин Сталин. И теперь вот на лагерной наковальне перековываюсь, прозорливости набираюсь»⁴⁰.

Такие же мероприятия по выполнению хлебозаготовок проводились и на Украине по указанию Молотова. 30 октября 1932 г. он сообщил Сталину, что на расширенном заседании Политбюро ЦК КП(б)У с участием секретарей обкомов партии был обсужден план хлебозаготовок 1932/33 года: «Пришлось жестко покритиковать Украинскую организацию и особенно ЦК КП(б)У за демобилизованность в заготовках».

5 ноября Молотов и секретарь ЦК КП(б) Украины Хатаевич дали директиву обкомам, требуя от них немедленных и решительных мер по выполнению декрета от 7 августа 1932 г. «с обязательным и быстрым проведением репрессий и беспощадной расправы с преступными элементами в правлениях колхозов»⁴¹.

18 ноября 1932 г. ЦК КП(б) Украины при участии Молотова принимает постановление «О мерах по усилению хлебозаготовок», которое предусматривало такие же драконовские меры воздействия на крестьян Украины, как и на Кубани (занесение на «черную доску» со всеми вытекающими из этого последствиями). Занесение на «черную доску» объявляется постановлением облисполкома. В постановлении особо подчеркивается, что в период хлебозаготовок «вскрылось смыкание целых групп коммунистов и отдельных руководителей партячеек с кулачеством, петлюровщиной и т.п., что на деле превращает такого рода коммунистов и парторганизации в агентуру классового врага». Ввиду этого ЦК и ЦКК КП(б) Украины решили «немедленно произвести чистку ряда сельских парторганизаций, явно саботирующих выполнение плана хлебозаготовок и подрывающих доверие партии в рядах трудящихся». Чистка прежде всего должна быть проведена в Снегуровском и Фрунзенском районах Одесской области, Солонянском, Васильковском и Верхне-Лепетихском районах Днепропетровской области⁴².

В отношении единоличников, не выполняющих план хлебозаготовок, предписывалось применять натуральные штрафы в виде установления дополнительных заданий по мясозаготовкам в размере 15-месячной нормы и годичной сдачи картофеля. Но это не освобождало от хлебосдачи. Что касается кулаков, то к ним применялись репрессии, предусмотренные ст. 58 Уголовного кодекса (контрреволюционные преступления).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что решения, принятые на Северном Кавказе и Украине, а затем в Поволжье и Казахстане, по оценке положения и мер воздействия на крестьян были очень схожи, а поскольку северокавказское постановление редактировал Сталин, то не исключено, что и украинское постановление принималось по его указанию. Хотя, конечно, взгляды и Кагановича и Молотова не противоречили установкам Сталина.

20 ноября 1932 г. Молотов из Геничевска телеграфировал Косиору: «До сих пор в районах действует распоряжение о продаже всюду спичек, соли и керосина. Есть об этом телеграмма Бляхера от 9 ноября. Надо немедленно это отменить и проследить исполнение»⁴³. Одновременно он пишет письмо в Чубаревку секретарю партии Константинову и председателю райисполкома Булаве (копию посылает в обком Строганову и облисполком Алексееву) по поводу усиления хлебозаготовок. Молотов считает, что для этого нужно следующее.

Во-первых, понять тактику классового врага в деревне, где «агенты кулачества забрались во многие колхозные щели и дырки и умело прикидываются «друзьями» колхозников, пролезая в правления, а иногда облюбовывая для себя посты счетоводов и завхозов, причем преступная «работа» этих примазавшихся к колхозам лжедрузей во многом облегчается оппортунистической слепотой и бесхарактерностью части коммунистов».

Во-вторых, направить острие политической работы «на раскрытие в колхозах всех и всяких хитростей и ухищрений агентуры и плетущихся за ней подпевал, изошряющихся в разного рода надувательствах честных колхозников и нашего рабоче-крестьянского государства путем растаскивания и расхищения колхозного общественного хлеба и открыть на все это глаза колхозников». Без этого, считает Молотов, нельзя обеспечить выполнение основных обязанностей перед государством, которые «должны быть поставлены сознательными колхозниками выше других дел».

В третьих, не полагаться на агитационно-массовую работу* хотя бы и с принятием в дополнение к ней большого числа постановлений о партийных взысканиях.

В четвертых, сосредоточить внимание на практической работе по хлебозаготовкам, установив контроль за молотьюбой, перевозкой и хранением зерна. Своевременно проводить меры экономического воздействия на колхозы, а также твердо проводить репрессивные меры в отношении «контрреволюционных саботажников хлебозаготовок»⁴⁴.

Как видим, намечена целая система мер нажима на колхозы и крестьянство для выполнения плана хлебозаготовок.

---

* Подчеркнуто мною – Авт.

В этой связи интересно привести полемику между Молотовым и секретарем ЦК КП(б) Украины и Днепропетровского обкома партии Хатаевичем.

М.М.Хатаевич в своей брошюре в разделе о хлебозаготовках писал, что заготавливать нужно товарный хлеб, а не хлеб вообще. Это вызвало резкую критику со стороны Молотова, который считал, что хлеб нужно взять из деревни любой ценой и в первую очередь. В связи с этим Хатаевич в письме Молотову в середине ноября 1932 г. писал: «Я согласен, что в нынешних условиях, условиях борьбы за хлеб на Украине в текущем году, было с моей стороны неправильно оставлять в брошюре подобное место, ибо, чтобы накормить теперь, немедленно рабочий класс и Красную Армию, *нам придется брать любой хлеб в колхозах и где угодно, не считаясь с тем, товарный он или нетоварный.*

Но если ставить вопрос о хлебозаготовках вообще, то я продолжаю считать формулировку, данную мною на странице 7 брошюры, правильной. Я считаю, что мы должны заготавливать в колхозах товарный хлеб, а не хлеб вообще. Борьба за хлеб должна иметь в виду не только получение того хлеба, который уже произведен, но и увеличение производства хлеба. А для того, чтобы производство хлеба увеличивалось соответственно нуждам и потребностям пролетарского государства, мы должны заботиться о том, чтобы основные производственные и потребительские нужды колхозов и колхозников были удовлетворены, иначе они сеять и расширять производство не будут».

Примерно так же считали и Рудзутак и Косиор, телеграфируя Сталину (январь-март 1932 г.) о планировании хлебозаготовок⁴⁵.

«Мне кажется, – продолжал Хатаевич, – что из этого исходило постановление ЦК ВКП(б)М и СНК СССР от 6 мая с.г., в котором объявлялось о некотором уменьшении планов хлебозаготовок и о колхозной торговле хлебом.

До сих пор во всех местах и случаях, где мне приходилось организовывать, проводить хлебозаготовки, я исходил именно из этого положения и глубоко убежден, что иначе, при общей постановке вопроса о хлебозаготовках, к борьбе за хлеб подходить невозможно.

Формула «колхозы для пролетарского государства, а не пролетарское государство для колхозов» для меня является более чем бесспорной. Но в колхозах есть еще колхозники, крестьяне – вчерашние единоличники, – которые могут отвернуться от колхозов, махнуть на них рукой, если мы не обеспечим им должной заинтересованности в колхозном производстве. Рабочий класс и его партия должны подчинить себе и вести за собой крестьянство, особенно колхозное, но мы должны достигать этого, в первую очередь, мерами правильной ленинской политики в отношении к крестьянству, рассчитанной и построенной на том, чтобы обеспечить со стороны колхозного крестьянства, его передовой части в особенности, должную поддержку пролетарскому государству...

Если в том, что я здесь написал, по-вашему, есть оппортунизм, то Вам следует тогда отнести меня к разряду неисправимых оппортунистов.

С ком. приветом.

М.Хатаевич»⁴⁶.

На это последовал ответ Молотова (из Харькова):

«Тов. Хатаевич!

Начал было писать ответ на Ваше письмо, но времени нет и потому ограничиваюсь несколькими строчками.

Ваша позиция в корне неправильна, небольшевистская. Нельзя большевику отодвигать удовлетворение нужд – минимальных нужд, по строго и неоднократно проверенному партией решению – нужд государства на десятое и даже на второе место, на удовлетворение этих нужд из колхозных и других «озадков».

Большевик, продумав и проверив их размер и обстановку в целом, должен поставить удовлетворение нужд пролетарского государства во внеочередном порядке.

С другой стороны, нельзя впадать и в обратную оппортунистическую крайность: “брать любой хлеб и где угодно, не считаясь и пр.”. Эта позиция также не большевистская и вытекает из отчаяния, к чему мы не имеем никаких оснований.

Итак, Вам надо поправить свою ошибку, не настаивать на ней и вести работу по большевистски, чему у Вас много данных.

С тов. приветом.

В.Молотов»⁴⁷.

Нажим на Хатаевича был и в Политбюро ЦК КП(б) Украины, и он вынужден был сам внести предложение: «Ввиду неудовлетворительных некоторых формулировок в брошюре Хатаевича о хлебозаготовках изъять из обращения до внесения в нее Хатаевичем необходимых исправлений». После внесения исправлений предложить членам Политбюро просмотреть и только после этого издать⁴⁸.

Разумеется, ни Хатаевич, ни Косиор, ни другие руководители партийных организаций не являлись противниками или оппозицией сталинскому руководству (они сами в него входили), но, поскольку они непосредственно на местах проводили сталинскую политику и видели отношение и крестьянства и низовых работников к мероприятиям центра, они вынуждены были пытаться как-то скорректировать эту политику, чтобы не довести дело до крестьянского восстания (как это было весной 1930 г.). Они обращались в Политбюро, к Сталину с просьбой снизить планы хлебозаготовок, так как хлеб почти весь был изъят, начинался голод.

Репрессии приобретали невиданный размах. Только за ноябрь и пять дней декабря 1932 г., сообщает Косиор Сталину, на Украине в связи с хлебозаготовками органами ГПУ арестовано 1230 человек, в том числе 340 председателей колхозов, 750 членов правлений, 140 счетоводов. Кроме того, арестовано 140 бригадиров, 265 завхозов и весовщиков, 195 других работников колхозов. Всего, таким образом, было арестовано 1830 человек. На «черную доску» решением ЦК КП(б) и СНК Украины занесено шесть крупных сел, а постановлениями облисполкомов – до 400 колхозов. Данные, приведенные Косиором, касались репрессий в отношении руководящих работников, а также других должностных лиц колхозов. Но арестовывали не только их, но и рядовых колхозников и единоличников, «повинных в срыве хлебозаготовок». По сведениям ГПУ Украины, «в результате массовой операции» к 27 ноября 1932 г. по семи областям было арестовано 7729 человек, в том числе в Днепропетровской области 2159 чел., Харьковской – 1657, Киевской – 1300, Винницкой – 1275, Донецкой – 852 человека и т.д.

К началу декабря 1932 г. количество арестованных в связи с хлебозаготовками возросло до 8881 человека, из них: председателей колхозов – 311 чел., членов правлений – 702, счетоводов и бухгалтеров – 1217, бригадиров – 125, кладовщиков – 206, других специалистов колхозов – 152, рядовых колхозников 314, председателей сельсоветов – 31, уполномоченных райпотребкооперации – 13 человек.

Репрессии применялись и к коммунистам, недостаточно рьяно выполняющим директивы Центра, – отдано под суд 327 человек. И тем не менее, план хлебозаготовок Украина не сумела выполнить – на 8 декабря 1932 г. оставалось еще заготовить 94 млн. пудов⁴⁹.

Хатаевич в письме Сталину 27 декабря объяснял причину неудовлетворительного хода хлебозаготовок на Украине. В числе их он называет плохое планирование хлебозаготовок: «Несмотря на многократное исправление планов, многочисленные ошибки, имевшие место в планировании заготовок, в виде дачи одним районам нереальных невыполнимых заданий, а другим – легких(?), до сих пор ошибки не исправлены.

Считаю необходимым сказать, что план хлебозаготовок в 425 млн. пудов (после снижения – 315 млн), который вначале получила Украина, не содействовал созданию должной мобилизованности в борьбе за хлеб. Многие были уверены в его невыполнимости и нечего не делали. Если бы вначале Украина получила 350 млн. – скорее бы выполнила».

Сталин на письме приписывает: «Интересно», а Молотов: «Ложную установку свою т. Хатаевич углубляет»⁵⁰.

Однако ничего не меняется. Наоборот, нажим усиливается, репрессии наращиваются. Сталин неумолим. 10 декабря 1932 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) заслушивают доклад Косиора. Ход хлебозаготовок признается неудовлетворительным. Кагановичу и Постышеву предлагается «немедленно выехать на Украину на помощь ЦК КП(б)У и СНК УССР, засесть в решающих областях в качестве особоуполномоченных... и принять все необходимые меры организационного и административного порядка для выполнения хлебозаготовок». Отменяется постановление ЦК КП(б) Украины о колхозных фондах, и теперь в счет хлебозаготовок начинают вывозиться и семена.

14 декабря принимается постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о хлебозаготовках на Украине и Северном Кавказе, которое обязывает партийные органы этих районов «решительно искоренять эти контрреволюционные элементы («саботажники хлебозаготовок». – *Авт.*) путем арестов, заключения в концлагерь на длительный срок, не останавливаясь перед применением высшей меры наказания к наиболее злостным из них». К числу «злейших врагов партии, рабочего класса и колхозного крестьянства» отнесены теперь и «саботажники хлебозаготовок с партбилетом в кармане, обманывающие государство и проваливающие задания партии и правительства... По отношению к этим перерожденцам, врагам Советской власти и колхозов, все еще имеющим партбилет, ЦК и СНК обязывают *применять суровые репрессии, осуждение на 5–10 лет заключения в концлагерь, а при известных условиях – расстрел*» (курсив мой. – *Авт.*).

Все исключенные за хлебозаготовки коммунисты подлежали выселению в северные области наряду с кулаками⁵¹.

Каганович, командированный на Украину, 22 декабря сообщает Сталину, что семь уполномоченных ЦК КП(б)У и три уполномоченных обкомов партии по хлебозаготовкам сняты, а дела об их пребывании в партии переданы ЦКК КП(б)У. «Сегодня, – рапортует Каганович, – постановили арестовать и отдать под суд с опубликованием в печати четырех наиболее злостно срывающих хлебозаготовки директоров совхозов».

Сталин на телеграмме Кагановича пишет: «Хорошо!»⁵².

Через два дня, 24 декабря 1932 г., председатель ГПУ Украины В.А.Балицкий телеграфирует из Одессы Ягоде, что он и Каганович считают необходимым выслать из Одесской области на Север 500 семей. Косиор, в свою очередь, просит Сталина разрешить выселение еще 300 семей из Черниговской области. Политбюро ЦК ВКП(б) 26 и 31 декабря дает согласие на репрессивные меры.

4 января 1933 г. П.П.Постышев в записке И.В.Сталину о ходе хлебозаготовок в Днепропетровской области писал, что в ноябре-декабре 1932 г. репрессии были применены к 4898 крестьянам и деревенским работникам, но результатов не дали. «Репрессии не всегда содействовали хлебозаготовкам, – писал он, – а нередко били хорошие колхозы»⁵³. Однако репрессии продолжались.

«Опыт» Северного Кавказа и Украины мгновенно перенимается.

Из Нижне-Волжского края сообщалось, что ход хлебозаготовок «крайне неудовлетворителен». Годовой план к 1 ноября 1932 г. выполнен на 52%. Основную причину этого органы ОГПУ видели в значительном росте «оппортунистических и потребительских настроений среди низовых работников», в «засоренности» правлений и среднего руководящего состава колхозов и колхозников, а также в остром сопротивлении заготовкам единоличников. Несмотря на то, что органами ОГПУ в связи с хлебозаготовками в крае было арестовано более 3,5 тыс. человек отмечалось «нарастание нездоровых настроений среди значительных групп колхозников», которые идут по линии:

- а) боязни остаться без хлеба после выполнения хлебозаготовок,
- б) тенденций к выходам из колхозов,
- в) снижения трудовой дисциплины («все равно весь хлеб вывезут и останемся, как и в прошлом году, голодными»).

Для усиления хлебозаготовок в 26 особо отстающих районов «выброшены опергруппы ПП ОГПУ». Посланный в Нижне-Волжский край секретарь ЦК ВКП(б) П.П.Постышев в докладной

записке в декабре 1932 г. сообщал, что в Нижне-Чирском районе за невыполнение плана хлебозаготовок занесены на «черную доску» 25% колхозов. «Кулаки в Нижне-Волжском крае, – писал Постышев, – совершенно распоясались, обнаглели, в некоторых случаях захватили в свои руки руководство колхозами и сельсоветах и в целом ряде случаев по существу взяли в свои руки хлебозаготовки». В Сталинградский район Нижне-Волжского края Сталин и Молотов посылают телеграмму, в которой требуют повинных в прекращении сдачи хлеба (ввиду голода) «преступников немедленно судить и дать 5, лучше 10 лет тюремного заключения». 23 декабря Политбюро ЦК ВКП(б) разрешает крайкому выселить 300-400 единоличных хозяйств «из числа наиболее злостных саботажников по сдаче хлеба»⁵⁴.

Секретарь обкома ВКП(б) ЦЧО И.М.Варейкис в письме Сталину от 28 ноября 1932 г. сообщал, что единоличникам давали значительно большие планы хлебозаготовок, чем было установлено для области. «В силу этого планы заготовок по единоличному сектору оказались значительно преувеличенными и основная масса незаготовленного хлеба находилась у единоличника, который оказывает бешеное сопротивление – прячет хлеб в ямы, по соседям, разбазаривает и т.п.». Для выполнения плана хлебозаготовок направлено 12 тыс. колхозных бригад, не считая уполномоченных обкома и райкомов. Тем не менее, «по единоличному сектору, а в некоторых районах и по колхозному план хлебозаготовок мы не выполним», – писал Варейкис.

В связи с решением ЦК ВКП(б) об особых мерах, принятых по хлебозаготовкам на Кубани, обком ЦЧО также принял «ряд мер по очистке колхозов и усилению борьбы с рваческими кулацкими элементами». Однако, считал Варейкис, было бы ошибкой переносить проведение таких мер в ЦЧО, так как здесь иное положение – подавляющая часть колхозов план хлебозаготовок уже выполнила. Поэтому «главная задача сейчас – правильно и умело подойти к колхозу, знать его хозяйство, быть в курсе того, что делается в колхозе, а не проводить механически те или иные меры или решения по всем колхозам, не выполнившим план хлебозаготовок».

На письмо Варейкиса резолюция: «Молотову, Кагановичу (лично). Просьба прочесть. И.Сталин»⁵⁵.

О том, насколько напряженным было положение, можно судить по сообщениям ОГПУ о массовых выступлениях колхозников в Кромском районе ЦЧО в связи с хлебозаготовками. В колхозе «Красный Октябрь», например, во время отправки зерна на заготовительный пункт толпа женщин в 80 человек, подойдя к амбарам, потребовала раздать хлеб колхозникам. То же самое произошло в колхозе «Идея Ильича», где толпа женщин в 100 человек воспрепятствовала сдаче хлеба государству. И только после ареста «руководителей выступлений» – председателей колхозов зерно было вывезено⁵⁶.

Аналогичные случаи были зарегистрированы и в других районах области. А весной 1933 г. в южных районах ЦЧО начался голод.

Не лучше обстояло дело и в Сибири. Планы хлебозаготовок были высокие, поэтому многие руководители колхозов боялись проводить собрания колхозников по хлебозаготовкам. «Надо проводить собрание с колхозниками, – говорил председатель одного из колхозов Саванов, – и боюсь, как узнают сколько нам дали, так бросят убирать хлеб»⁵⁷. И действительно, крестьяне были настроены к хлебозаготовкам резко отрицательно. Зафиксированы многочисленные факты «суждений колхозников и единоличников» о хлебозаготовках. «Сейчас каждый колхозник прячет хлеб в яму, а тот кто верит этим брехунам (Советской власти. – *Авт.*) – насидится голодом. Нынче хлебозаготовки еще больше, чем в прошлом году, значит, голод будет и не напрягать нельзя. Я вот получил твердое задание, а у меня хлеба уже нет, пусть хоть с обыском идут. Я прошлый год похоронил двоих, а теперь умнее стал», – говорил единоличник Титов (Змеиногорский район).

Другой крестьянин-бедняк, единоличник Журавлев (Каратузский район), заявлял: «Нынче всех опять разорили хлебозаготовки подчистую. Колхозникам еще хуже, чем нам достается, им и вовсе придется голодом сидеть после таких планов».

Колхозник Буринов (Ачинский район) говорил: «Я нынче весной поверил было, что правительство снизило хлебозаготовки, оказывается нет. Весной говорили, а теперь еще не убран хлеб, начинают нажимать, – вот и облегчение; поневоле скажешь, что нас кругом обманули, на каждом шагу надувают мужика... Нет и не было от Советской власти правды и не будет»⁵⁸.

Как сообщалось в донесениях секретно-политического отдела ОГПУ, по данным на 1 октября 1932 г. по 17 районам Восточно-Сибирского края зарегистрировано 56 случаев отказа от принятия плана хлебозаготовок со стороны 11 сельсоветов, 13 селений, 13 колхозов и 19 случаев отказа отдельных групп единоличников. Кроме того, по пяти районам отмечены случаи самовольного снижения хлебозаготовительных планов⁵⁹.

И это неудивительно, так как планы хлебозаготовок нередко превышали валовый сбор зерна. В селах Утянка, Баклуши, Индра и других твердые задания давались в размере 150% к валовому сбору. По 94 районам Западно-Сибирского края число хозяйств, обложенных твердым заданием, достигало 15 тыс., т.е. значительно больше, чем имелось к этому времени кулацких хозяйств. Так, в Кундранском сельсовете Убинского района твердое задание было дано 74 хозяйствам, фактически же их насчитывалось 17. Вообще следует заметить, что твердые задания в 1932 г. давались не кулацким хозяйствам, которых практически уже не было, а единоличникам-середнякам, и может быть даже и беднякам. В самом деле, 15 тыс. «твердозаданцев» имели около 24 тыс. га посева, т.е. примерно 1,5 га на хозяйство. Задание же им было дано 128850 ц, или 5,4 ц с гектара⁶⁰. Фактический урожай был еще меньше. Естественно, что план не был выполнен.

С большим напряжением к началу декабря 1932 г. Сибирь выполняет план хлебозаготовок на 81,5% или 11410 тыс. ц, что составляло 132% по отношению к 1931 г. Оставшуюся часть секретарь крайкома Р.И.Эйхе просит И.В.Сталина отсрочить до 1 марта 1933 г. Просьба отклоняется: в качестве «крайней меры» Сталин и Молотов соглашаются на отсрочку до 1 февраля. «Ответственность возлагаем, – говорится в телеграмме, – на Эйхе, Грядинского (председатель крайисполкома. – *Авт.*) и уполномочиваем их применять все меры репрессий, какие найдут нужным применять»⁶¹. Между тем, к началу декабря, по сообщению ПП ОГПУ по Западной Сибири, уже было арестовано 7435 человек. В отстающие по хлебозаготовкам районы в декабре было направлено 23 оперативных работника ОГПУ.

5 декабря 1932 г. начальник треста совхозов Урала Мирзоян сообщал Сталину, что совхозы Урала не могут выполнить план хлебозаготовок ввиду низкого урожая (3,65 ц/га против ожидавшихся 4,66 ц). Для выполнения плана там мобилизовано все: вывозятся семена, перемолачивается солома и т.п. Сталин и Молотов тут же телеграфируют в Свердловск: «Шифровку Мирзояна о невыполнении плана совхозами считаем неубедительной: формально бюрократической. Областное руководство не может уйти от ответственности и за невыполнение плана совхозами. СНК и ЦК обязывают вас сообщить в Москву фамилии директоров отстающих совхозов, и директорам объявить от имени СНК и ЦК, что в случае невыполнения плана они будут арестованы как обманщики, саботажники и враги Советского государства, так же, как арестован ряд директоров Западной Сибири, Украины, Северного Кавказа. Директорам объявите, что партбилет не спасет их от ареста, что враг с партбилетом заслуживает большего наказания, чем враг без партбилета»⁶².

25 декабря 1932 г. начальник секретно-политического отдела ОГПУ Молчанов в директиве № 31687 в Новосибирск и Свердловск предлагает «в связи со слабым ходом хлебозаготовок в зерносовхозах Западно-Сибирского края и Урала» немедленно телеграфировать в Москву о принятых «агентурно-оперативным мероприятиях по ускорению выполнения годового хлебозаготовительного плана отстающими зерносовхозами» с указанием «сколько человек было оперировано, их социальное положение, занимаемые должности и конкретная контрреволюционная деятельность»⁶³.

А еще раньше, 28 ноября 1932 г., подобный меморандум был направлен полномочным представителям ОГПУ по Дальне-Восточному, Восточно-Сибирскому и Западно-Сибирскому краям, предписывавший «развернуть оперативную работу в деревне по нанесению удара по

контрреволюционным элементам, тормозящим и срывающим заготовки, в целях создания перелома в ходе кампании».

В число «саботажников» хлебозаготовок сплошь и рядом попадали председатели колхозов, работники сельсоветов, отказавшиеся отбирать у крестьян последнее зерно. Член Баевского сельсовета того же района Западно-Сибирского края заявил: «Пусть что угодно со мной делают, а я план выполнять не буду. Меня хоть и заставляют нажимать на мужиков, но я не дурак, чтобы крестьян оставлять без хлеба». Руководители колхозов «Красный Октябрь» и имени Мамонтова были исключены из партии и отданы под суд за невыполнение плана хлебозаготовок⁶⁴.

В широких масштабах проводились репрессии и в Казахстане. Крайком партии 10 ноября вынес решение аналогичное постановлению Северо-Кавказского крайкома о бойкотировании отстающих по хлебозаготовкам 31 района с занесением их на «черную доску», лишением кредитов, промтоваров, запрещением колхозной торговли и т.п. Во исполнение постановления Казкрайкома ВКП(б) от 10 ноября только за период с 12 по 20 ноября 1932 г. было арестовано 374 «саботажника» хлебозаготовок, исключено из партии 111 низовых деревенских работников. В результате проведенным мероприятиям «по очистке колхозов, изъятием организаторов сопротивления, – сообщалось в спецсводке ОГПУ от 7 декабря 1932 г., – в ряде решающих хлебных районов (Усть-Каменогорский, Кокпектинский, Джувалинский, Аулие-Атинский) многие колхозы хлебозаготовительный план (ноября. – *Авт.*) выполнили полностью в две недели»⁶⁵. При этом даже органы ОГПУ не могли скрыть, что напряженность в проведении хлебозаготовок усилили тенденции к выходу из колхозов, выезду из районов и даже эмиграцию за границу. Хлебозаготовки сопровождались повальными обысками, арестами и избиениями крестьян. Планы хлебозаготовок в большинстве случаев были невыполнимыми. Так, в Казалинском районе план хлебозаготовок составлял 121 тыс. ц при валовом сборе в 101 тыс. ц. В Калининском районе в колхозе имени Маркса при валовом сборе в 11424 ц план хлебозаготовок был 13182 ц. В колхозе «Кескен-Тоган» (Кизалинский район) валовый сбор – 1967 ц план хлебозаготовок – 2464 ц и т.д. Неудивительно поэтому, что многие колхозники выходили из колхозов и покидали родные края. В Янги-Курганском районе из колхоза «Жени Джел» из 87 хозяйств вышло 58 хозяйств и перебрались в Кызыл-Ординский район; из 380 хозяйств колхоза «Шепонты» 300 хозяйств ушло в Узбекистан⁶⁶.

Нажим на колхозы и колхозников, декхан-единоличников усиливался, репрессии ужесточались. Причем тезис Сталина о том, что наступление социализма не может обойтись без репрессий получил дальнейшее развитие не только в теории, но и на практике. Секретарь крайкома ВКП(б) Казахстана Ф.И.Голощекин на V пленуме крайкома партии 16 декабря 1932 г. говорил: «Мы не только не можем отказаться от методов принуждения, методов насилия, жестоких репрессий в отношении классового врага, мы эту борьбу должны еще усилить. Но фронт расширяется. На сцену выступают отдельные элементы из близких нам слоев, скажем, колхозников, которые идут на поводу классового врага, которые в силу глубины мелкобуржуазной психологии и навыка сознательно начинают вредить пролетарскому государству в виде хищений, вредительства, скрытия кулака-вредителя, сознательного саботажа государственных заготовок»⁶⁷.

Но не только колхозники, «зараженные» мелкобуржуазной идеологией были отнесены к числу врагов пролетарского государства, но «отдельные члены партии, секретари ячеек, а иногда и ячейки, районный актив и некоторые уполномоченные в районе», которые отказываются проводить хлебозаготовки репрессивными методами. «Я не поеду на костях колхозников заготавливать хлеб для государства», – заявил один из секретарей райкома партии⁶⁸.

Все это позволяет сделать вывод, что заготовки сельскохозяйственной продукции (мяса, зерна), хотя формально считались государственными или кооперативными закупками, фактически являлись обязательными поставками, невыполнение которых преследовалось репрессиями как в судебном, а чаще во внесудебном порядке.

В 1933 г. произошла перестройка системы заготовок сельскохозяйственной продукции. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательной поставке зерна государству

колхозами и единоличными хозяйствами» от 19 января 1933 г. вместо договорной (контракционной) системы заготовок устанавливали твердые имеющие силу налога обязательства колхозов и единоличных хозяйств по сдаче зерна по установленным государственным ценам.

Для сдачи зерновых культур были установлены твердые погектарные нормы с планового посева, дифференцированные по районам (в зависимости от урожайности) и по отдельным культурам. Для колхозов зерновых районов норма сдачи зерна колебалась от 2 до 3,3 центнеров с гектара. С единоличных хозяйств нормы сдачи были на 5-10% выше нормы сдачи колхозами данного района, а с хозяйств, отнесенным к кулацким (которых уже не было), норма сдачи зерна устанавливалась в полуторном размере по сравнению с единоличниками (постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1933 г.)⁶⁹. Такой же порядок заготовок еще раньше был введен постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 сентября 1932 г. по мясным и от 19 декабря 1932 г. по молочным продуктам⁷⁰.

И хотя это несколько упорядочило систему заготовок положение колхозов и колхозников, крестьян-единоличников мало изменилось. Цены на сдаваемую сельскохозяйственную продукцию были символическими – в 8-10 раз ниже рыночных, – кроме обязательных поставок, устанавливалась 2%-ная надбавка для снабжения сельских учителей, агрономов, медработников. Практиковались также встречные планы хлебозаготовок для районов и колхозов, выполнивших обязательные поставки, хотя постановлением это запрещалось⁷¹.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 июня 1933 г. вновь подтверждался запрет на встречные планы зернопоставок, но одновременно запрещалась колхозная и индивидуально-крестьянская торговля хлебом, начиная с 25 июня. Более того, постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) распространяло закон об обязательной зернопоставке (от 19 января 1933 г.) на колхозников, посеявших зерновые культуры на приусадебных землях (чтобы не умереть с голоду!), «из расчета фактического посева на 5% ниже нормы единоличников и на 5% выше нормы колхозов»⁷².

Наступление на крестьян продолжалось и по линии налогового обложения как обязательного, так и «добровольного». Тяжесть его из года в год возрастала. По данным сектора финансовой политики Наркомфина СССР, обязательные платежи деревни в 1930 г. составляли 880,1 млн. руб., в 1931 г. – 1731,1 млн, в 1932 г. – 2020,0 млн. руб. По социальным секторам и видам платежей они распределялись следующим образом: (табл. 27).

Данные таблицы показывают, что общая сумма обязательных налоговых платежей за три года коллективизации выросла почти в два с половиной раза. Несмотря на то, что количество крестьянских хозяйств (включая и колхозных) уменьшилось на один миллион (4% к общему числу). Примерно так же возросли и «добровольные» платежи (займы, взносы в сберкассах, покупка акций и т.п.) – с 1261,7 млн. руб. в 1930 г. до 3132,0 млн. в 1932 г. Общая сумма денежных платежей в деревне составила: в 1930 г. – 2141,8 млн. руб., в 1931 г. – 3987,6 млн, в 1932 г. – 5152,0 млн. руб.

Обязательные платежи деревни (в млн. руб.)

		Сельхозналог	Самообложение	Страх. платеж	Культ. сбор	Итого
Колхозы	1930 г.	24,2	7,7	18,9	—	50,8
	1931 г.	90,3	2,2	159,4	—	251,9
	1932 г.	190,0	—	295,7	—	485,7
Колхозники	1930 г.	11,2	—	8,3	—	19,5
	1931 г.	37,8	122,4	90,7	26,0	276,9
	1932 г.	87,0	200,0	156,9	103,0	546,9
Единоличники	1930 г.	332,5	218,0	259,3	—	809,8
	1931 г.	390,4	280,4	303,4	228,1	1202,8
	1932 г.	273	250	207,4	257,0	987,4
Всего	1930 г.	367,9	225,7	286,5	—	880,1
	1931 г.	518,5	405,0	553,5	254,1	1731,1
	1932 г.	550,0	450,0	660,0	360,0	2020,0

Источник: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 85. Л. 43.

Структура платежей деревни может быть представлена в следующем виде: в 1930 г. обязательные платежи составляли 41,1%, а добровольные – 58,9%, в 1931 г. соответственно: 43,4% и 56,6%, в 1932 г. – 39,2% и 60,2%. Это значит, что удельный вес обязательных платежей (налогов) равнялся примерно 40% к общей сумме денежных платежей, а «добровольных» – 60%⁷³. Между тем взыскание тех и других платежей производилось в одинаково обязательном порядке.

Отметим, что еще весной 1932 г. нарком финансов СССР Г.Ф.Гринько в записке о сельхозналоге на 1932 г. предлагал увеличить сумму налога до 550 млн. рублей против 500 млн. собранных в 1931 г. В соответствии с этим предлагалось увеличить и его размер с каждого хозяйства. Колхозы должны были уплачивать 10 руб. 12 коп. с каждого обобщественного хозяйства против 5 руб. 70 коп. в 1931 г., колхозники соответственно: 5 руб. 60 коп. и 3 руб. 20 коп., единоличники – 36 руб. 30 коп. и 30 руб. 80 коп., кулаки – 350 руб. против 318 руб. в 1931 г. Общая сумма сельхозналога с единоличных хозяйств (включая кулаков) должна была составить 300 млн. руб., а колхозов и колхозников – 250 млн. руб. Это значит, что единоличники, имевшие в 4 раза меньше земли, чем колхозы и колхозники, должны уплачивать 54,5% общей суммы налога.

На 1933 г. по докладу в Политбюро ЦК ВКП(б) зам. председателя СНК СССР В.В.Куйбышева сельхозналог предлагалось увеличить до 800 млн. руб., хотя количество крестьянских хозяйств уменьшилось на 1,5 млн, в том числе единоличных на 1,2 млн. Тем не менее, единоличники, насчитывавшие 8 млн. хозяйств, должны были уплачивать 52% общей суммы налога, а колхозное крестьянство (15,2 млн. хозяйств) – 48%.

В 1933 г. была перестроена система обложения колхозов, колхозников и единоличников в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 25 мая 1933 г. о сельхозналоге на 1933 г., согласно которому для обложения доходов колхозов от полеводства установлен был особый порядок. Объектом обложения доходов стала определенная планом посевная площадь независимо от фактического выполнения плана посева. При обложении доходов от полеводства погектарными ставками налогов не учитывались потери как объективного, так и субъективного характера.

Внесены были изменения и в обложение колхозников по необобщественной части доходов (приусадебных участков и пр.), что также вело к увеличению налогов.

Усилен был налоговый пресс и на единоличников, чтобы вынудить их к быстрейшему вступлению в колхозы. Были повышены нормы доходности от отдельных объектов обложения (полеводства, огородничества, садоводства и др.).

Еще в ноябре 1932 г. В.М.Молотов предложил ввести единовременный, дополнительный, налог на единоличников, так как считал, что они живут лучше колхозников. В записке в Политбюро ЦК ВКП(б) он писал: «Единоличник нас здорово надувает (по всем заготовкам, по подписке на заем, на рынке и т.д.). На колхозы мы нажимаем, единоличник здорово выкручивается».

Предлагаю, помимо других мер, немедленно (еще в 1932 г.) провести закон о спецналоге для единоличников в размере 300 млн. рублей. Разработать и провести это дело можно быстро. Тов. Гринько с этим согласен»⁷⁴.

16 ноября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло предложение Молотова о введении в 1932 г. спецналога на единоличников.

Ставки единовременного налога дифференцировались по отдельным группам хозяйств. Для хозяйств, облагавшихся сельхозналогом в твердых ставках, они были установлены в 15-20 руб. на хозяйство; облагавшихся сельхозналогом по прогрессивным ставкам, – от 100 до 175% оклада сельхозналога; для кулацких хозяйств – 200% сельхозналога. Для отдельных районов ставки налога могли быть повышены областными и краевыми органами власти еще на 50%. Райисполкомам предоставлено было также право повышать вдвое ставки налога с тех единоличников, которые не выполняли государственных заданий по заготовкам.

Поскольку к этому времени собственно кулацких хозяйств в деревне уже не было, поэтому перечень признаков кулацких хозяйств, установленный в 1929 г., отсутствовал, то Политбюро

ЦК ВКП(б) на основании записки Гринько Молотову от 7 февраля 1933 г. установило для взимания сельхозналога, культсбора и других налогов следующие признаки кулацких хозяйств:

«а) хозяйства, занимающиеся систематической спекуляцией (скупка, продажа) и наживающиеся на этом за счет рабочих и крестьян,

б) хозяйства, злостно не выполняющие заданных им планов посева и других установленных законом государственных обязательств, если они не относятся к определению бедняцким хозяйствам»⁷⁵.

Следовательно, единовременный налог на единоличников, как и другие налоги, преследовал цель – заставить единоличников вступать в колхозы. В одной из сводок ОГПУ об отношении крестьян-единоличников (бедняков и середняков) к введению единовременного налога отмечается, что «в ряде районов при проработке постановления о единовременном налоге на единоличников многие подают заявления о вступлении в колхоз». Массовая подача заявлений о вступлении в колхоз наблюдалась в Петелинском, Волоколамском, Реутовском, Клинском, Тумском и других районах Московской области. Крестьянин-середняк Кирпичев на собрании дер. Бородухино Малоярославецкого района заявил: «Почему введен этот налог, нам, крестьянам, неизвестно. Нас облагают и не спрашивают – плати и только. Если брать налог с крестьянина ему надо разъяснить для чего налог, сколько, а то с единоличников берут, а с колхозников нет. Это для нас понятно: этим нас хотят загнать в колхоз – вот не хочешь, а иди»⁷⁶.

Взыскание единовременного налога производилось в конце 1932 – начале 1933 г. Меры репрессий к неплательщикам или недоимщикам применялись такие же, как и при невыполнении других налоговых платежей (штрафы, продажа имущества, аресты).

Таким образом, крестьянам вообще, а единоличникам в особенности приходилось платить массу налогов, независимо были ли они обязательными или «добровольными». В Западно-Сибирском крае, например, в IV квартале 1932 г. деревня должна была уплатить 78347 тыс. руб. налогов, в том числе 53477 тыс. обязательных (сельхозналог, окладное страхование, самообложение, сельхозкредит) и 24870 тыс. «добровольных» (заем 4-го года пятилетки, вклады в сберкассах, тракторные обязательства, паи потребкооперации). Кроме того, нужно было выполнить планы заготовок сельхозпродукции (зерна, мяса, молока и пр.).

После выполнения всего этого в деревне не оставалось ни продовольствия, ни денег. При этом в массе своей допускалось переобложение. «Вследствие имевших место грубых перегибов при проведении налоговой кампании, – говорилось в одном из документов ОГПУ, – в Ивановской Промышленной области по целому ряду районов у крестьян незаконно описывалось и продавалось с торгов имущество». В одном только Селиванском районе было неправильно обложено в 1932 г. 100 крестьянских хозяйств, отобранное у них имущество было продано по приблизительным подсчетам за 65 тыс. руб. Несмотря на отмену незаконной конфискации имущества, ни имущество, ни деньги крестьянам не были возвращены⁷⁷.

Вопреки утверждениям официальной власти о социальной направленности налогового обложения на практике в 1932–1933 гг. налогами облагалось все крестьянство, более того, повышенными налогами стали облагаться все крестьянские хозяйства, не вступившие в колхозы. А репрессии применялись ко всем недоимщикам, независимо от социальной принадлежности. В Хабаровском районе Дальне-Восточного края за неуплату женой партизана налога в сумме 5 руб. (недоимка) был наложен штраф в 190 руб. Для покрытия штрафа сельсовет конфисковал домашнее имущество. Красный партизан Яценко Т.Д. (Казахстан, Танкерейский район), выступивший против перегибов в налогообложении, был исключен из колхоза (им же организованного), объявлен кулаком и раскулачен.

В Западно-Сибирском крае индивидуальному обложению, как кулацкие, подверглись хозяйства, не имевшие признаков кулацких хозяйств: в Полтавском районе – 57, Завьяловском – 96, Алтайском – 99, Тайгинском – 82, Крапивинском – 60 и т.д.⁷⁸.

Бывших красных партизан, выступавших против перегибов в налогообложении, считали «перерожденцами» и лишали звания красных партизан. Так, в Западно-Сибирском крае при перерегистрации партизан из 25 тыс. оставлено было 9,8 тыс. (39,2%); в ряде районов Крыма

число «вычищенных» партизан доходило до 32%. На Дальнем Востоке 712 человек были лишены звания партизан⁷⁹.

О настроениях красных партизан в связи с репрессиями при проведении хлебозаготовок и других мероприятий Советской власти говорит такой пример. На Северном Кавказе в связи с решением крайкома партии о снятии с работы и отдаче под суд бывших красных партизан секретаря Пролетарского РК ВКП(б), председателя райисполкома и других работников за невыполнение хлебозаготовок председатель Островянского селькоопа – бывший красный партизан, – заявил: «Только контрреволюционер может так строго судить наших людей, особенно бывших красных партизан. И если только наших партизан осудят на 10 лет или к расстрелу, мы посадим коней и поедем освобождать, разнесем всю тюрьму»⁸⁰.

Нажим сверху продолжался, репрессии усиливались. Арестованы были сотни тысяч человек, тысячи расстреляны. Только на Северном Кавказе за ноябрь и 10 дней декабря было арестовано 16864 человека, в том числе 7228 середняков и бедняков, 3130 колхозников, 1896 должностных лиц и т.д.

Состояние страха и неуверенности охватило крестьян. Боясь преследования и репрессий тысячи крестьян бежали в города, на промышленные стройки и в совхозы других районов. Так, по 45 районам Северо-Кавказского края менее чем за месяц (с 15 ноября по 10 декабря 1932 г.) учтено до 5 тыс. единоличных хозяйств, члены которых бежали из родных мест. Только Черноморским оперсектором ОГПУ было задержано 2279 человек, в том числе 196 колхозников.

Таковы были результаты реализации сталинской линии «борьбы не просто за выполнение плана хлебозаготовок», но линии «борьбы с классовым врагом, организовавшим саботаж сева и хлебозаготовок». «Без такого умения обобщить, осмыслить происходящее вокруг мы не смогли бы развернуть свои силы в борьбе с саботажем сева и хлебозаготовок, организованным кулаком», – говорил Каганович в своем докладе на январском (1933 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)⁸¹.

Массированное изъятие продовольственных и денежных ресурсов из деревни, усугубленное неблагоприятными климатическими условиями в ряде районов привели к страшному голоду 1932/33 года.

§ 2. Голод 1932–1933 гг. Новая волна репрессий

В конце 1932 – первой половине 1933 гг. на огромной территории с населением не менее 50 миллионов человек разразился страшный голод. Он охватил почти всю Украину, Северный Кавказ, Поволжье, южные районы ЦЧО и Урала, Западную Сибирь и Казахстан. В отличие от голода 1921–1922 гг., который был результатом сильнейшей засухи в Поволжье и некоторых районах центрально-черноземной полосы, голод 1932/33 гг. явился следствием сталинской антикрестьянской политики в деревне в начале 1930-х годов. Если о голоде 1921–1922 гг. было широко известно как у нас, так и за рубежом, публиковались материалы в периодической печати, создавались различные общественные и государственные организации помощи голодающим, в том числе и зарубежные, то о голоде 1932–1933 гг. мы не найдем ни одного упоминания (за исключением зарубежных) не только в то время, но и в последующие годы.

Это был поистине «совершенно секретный» голод!

О голоде 1932–1933 гг. впервые в советской литературе было сказано в 1940 г. В сборнике статей, вышедшем в связи с 60-летием И.В.Сталина, М.А.Шолохов писал, что под видом борьбы с саботажем в колхозах – весь хлеб, в том числе и выданный колхозникам на трудодни, был изъят, в результате чего «в колхозах начался голод»⁸². Однако вина за это возлагалась не на центральное, а на краевое руководство Северного Кавказа.

В том же 1940 г., 9 сентября, Сталин на совещании в связи с обсуждением кинофильма «Закон жизни» А.Авдеенко признал, что «у нас, например, миллионов 25-30 голодало, хлеба не хватало, а вот теперь стали жить хорошо»⁸³. Но ни причин голода, ни его виновников он не назвал, а его речь, как и упоминание о голоде, в печати не публиковалась.

Вообще то говоря, голод в тех или иных размерах являлся постоянным спутником коллективизации, хотя причины его носили не только объективный характер (частичный неурожай, засуха, болезни растений), но и субъективный (планирование заготовок, изъятие денежных средств из деревни, бесхозяйственность в колхозах). Весной 1930 г., по сообщению Хатаевича Сталину от 6 апреля 1930 г., в ряде районов Среднего Поволжья наблюдался голод. В 1931 г., по признанию самого Сталина, «ряд урожайных районов (Украины. – *Авт.*) оказался в состоянии разорения и голода». Такое же положение было в некоторых районах Урала, Западной Сибири и даже Северного Кавказа.

В июне 1932 г. в Харькове состоялась III конференция КП(б) Украины, на которой с докладом об итогах весенне-посевной, хлебозаготовительной и уборочной кампаний и задачах организационно-хозяйственного укрепления колхозов выступил С.В.Косиор.

Говоря о трудностях уборочной и хлебозаготовительной кампаний, докладчик в основном свел их к неудовлетворительному руководству партийной организации Украины.

У нас в хлебозаготовительной кампании, говорил Косиор, было допущено много ошибок, перегибов и недостатков. «Но что и кто тут виноват? Или план хлебозаготовок, или неправильное руководство, плохая работа нашей партийной организации?» Попытки объяснить все серьезные провалы нашей работы планом хлебозаготовок нужно решительно отбросить, осудить, ибо «это не что иное, как капитуляция перед трудностями и сползание на позиции враждебных элементов, на антипартийный путь»⁸⁴.

И далее, развивая тезис об обострении классовой борьбы в деревне, о контрреволюционном кулацком влиянии в колхозах, он говорил: «Всяческие контрреволюционные элементы, кулачество, подкулачники, пролезшие в колхозы, используя ошибки прошлого года, проводят теперь борьбу против скирдования хлеба, распространяют всяческие слухи, агитируют за расхищение хлеба»⁸⁵.

О том, что в ряде районов Украины уже начался голод Косиор ничего не сказал. Это и понятно. Накануне конференции, 26 апреля 1932 г., он писал Сталину: «У нас есть отдельные случаи и даже села, которые голодают, однако это лишь следствие местного головоупияства, перегибов, особенно в отношении колхозов. Всяческие разговоры о «голоде» на Украине следует категорически отбросить»⁸⁶. И это несмотря на то, что председатель ВЦИК

Г.И.Петровский писал С.В.Косиору, что в связи с тяжелым продовольственным положением в Днепропетровской, Одесской, Харьковской, Киевской и Винницкой областях, он считает необходимым сообщить об этом в Москву и просить ЦК ВКП(б) принять постановление о прекращении хлебозаготовок на Украине⁸⁷.

Принимавшие участие в конференции В.М.Молотов и Л.М.Каганович решительно потребовали выполнения плана хлебозаготовок во что бы то ни стало. «Вы должны, – говорил Каганович, – подготовить и развернуть работу, чтобы полностью выполнить план хлебозаготовок, решительно переборов все и всяческие демобилизационные, а нередко и капитулянтские, правооппортунистические настроения в хлебозаготовках»⁸⁸.

Так же решительно был настроен и Молотов. Выступая на III партийной конференции в Харькове, он сказал, что надо «дать решительный отпор антибольшевистским попыткам» провалы в работе объяснить напряженным планом хлебозаготовок⁸⁹. И «отпор» был дан. Только в одной Донецкой области с сентября 1932 г. по апрель 1933 г. было осуждено 9286 человек, в том числе: 3461 единоличник, 1636 колхозников, 1560 так называемых «нетрудовых элементов», 552 служащих, включая партийно-советских работников. К высшей мере наказания было приговорено около 300 человек, остальные – к различным срокам лишения свободы. А в это время десятки районов Донецкой области, многие тысячи крестьян голодали и умирали. По данным ГПУ, в 21 районе из 43 зарегистрировано более 10 тыс. голодающих семей (50-60 тыс. человек). Умерло всего в селах области в 1932 г. – свыше 40 тыс. человек, а за первую половину 1933 г. – около 54 тыс. Для сравнения укажем, что за этот же период 1934 г. умерло 10,5 тыс. человек⁹⁰. Значит, в первой половине 1933 г. от голода умерло не менее 43-44 тыс. человек (в 1934 г. от голода в Данбассе не умирали).

Нажим из Москвы и Харькова усиливался, а голод охватывал все новые и новые районы. (Киевская, Харьковская, Полтавская и др. области). Данные о голоде фиксировались органами ГПУ Украины, передавались в Москву в ОГПУ, в ЦК КП(б)У и ЦК ВКП(б). По данным о 42 районах Киевской области, весной 1933 г. голодало 205,8 тыс. человек, умерло 12,8 тыс. человек, зарегистрировано 137 случаев людоедства и трупоедства. Особенно пострадали от голода Золотоношский, Уманский, Чигиринский, Черкасский районы. По сообщению секретаря Уманского райкома партии Геращенко, в 29 селах района голодало 6411 человек. Кроме того, в г. Умань было также зафиксировано 775 голодающих⁹¹. В зоне деятельности 15 МТС Киевской области умерло 6 тыс. человек. Начальник политотдела МТС имени Петровского (Каменский район Черкасской области) сообщал, что в связи с голодом и высокой смертностью хлеб некому будет убирать. Начальник политотдела Виноградской МТС Лысянского района Киевской области жаловался, что в селе Босивци в мае 1933 г. умерло 126 человек, в том числе 70 человек в возрасте 20–45 лет. «Такая высокая смертность, – писал он, – создает большую угрозу уборке урожая и обработке сахарной свеклы. Уже сейчас зафиксированы случаи нехватки ездовых, так как некоторые опухли и болят. Имеются случаи, когда колхозники приходят сами в поле, а домой их отвозят, поскольку они во время работы падали от истощения»⁹².

Из Павлоградского района сообщали секретарю Днепропетровского обкома партии М.М.Хатаевичу, что к уборке урожая колхозники окажутся не работоспособными, а в худшем случае – умрут. Аналогичное сообщение на имя Кагановича и Постышева поступило от Золотоношского РК партии. В записке райкома говорилось, что для проведения сельхозработ (уборки) требуется 11220 человек, но только за последние 25 дней, по неполным данным, умерло 2238 человек.

А начальник политсектора МТС Киевской области обращался к Сталину и Кагановичу, Косиору и Постышеву с просьбой оказать продовольственную помощь, иначе только за две недели «потеряем 100-120 тыс. человек рабочей силы»⁹³.

Обращался к Сталину с подобной просьбой и Косиор. 15 марта 1933 г. он пишет Сталину: «Всего по регистрации ГПУ по Украине охвачено голодом 103 района. Вряд ли все эти цифры о количестве районов правильно отражают состояние». И действительно, по другим данным

ГПУ Украины, по состоянию на 12 марта 1933 г. было зарегистрировано 738 населенных пунктов 139 районов (из 400 по Украине), в которых голодало население.

И эти данные были неполные и неточные. Начальник Киевского областного отдела ГПУ, сообщая о тысячах голодающих, опухших, умерших, отмечал: «Приведенные цифры значительно уменьшены, поскольку райаппараты ГПУ учета количества голодающих и опухших не ведут, а настоящее количество умерших нередко неизвестно и сельсоветам»⁹⁴.

Дело в том, что 16 февраля 1933 г., когда многие тысячи крестьян начали умирать от голода, на места поступила директива: «Категорически запретить какой бы то ни было организации вести регистрацию случаев опухания и смерти на почве голода, кроме органов ГПУ»⁹⁵.

Сельсоветам было дано распоряжение при регистрации смерти не указывать ее причину. Более того, в 1934 г. поступило новое распоряжение: все книги ЗАГС о регистрации смертей за 1932–1933 гг. выслать в спецчасти, где, вероятно, и были уничтожены. В Винницкой области случайно сохранились книги ЗАГС с записями о смерти в четырех сельсоветах. По подсчетам проф. И.Шульги, в этих сельсоветах в 1933 г. умерло 1193 человека⁹⁶.

Всего в Винницкой области весной 1933 г. голодало примерно 121 тыс. человек, из них почти 107 тыс. опухли. В письме секретаря Брацлавского райкома партии в обком читаем: «Сейчас надо открыто сказать, что голодание имеет место в большинстве сел нашего района, а в отдельных селах смертность от голодания набрала массовый характер, особенно в таких селах: Скрицкое, Семенки, Зеньковцы, Самчинцы, Грабовцы, Волчок, Сильницы, Марксово, Вишковцы, Остапковцы и др. Есть случаи, когда колхозник выходит в поле на работу, там ложится и умирает»⁹⁷.

К концу апреля в районе насчитывалось 7258 человек, нуждавшихся в немедленной продовольственной помощи (1115 человек пухлых, многие из которых уже не поднимались). В то время как из района было изъято в счет хлебопоставок 65250 ц зерна.

О тяжелом продовольственном положении колхозников, голоде в селах района сообщал в обком секретарь Теофипольского РК КП(б)У Березенко и просил оказать помощь. Рассматривавший по поручению первого секретаря Винницкого обкома партии В.И.Чернявского секретарь обкома И.М.Ливензон докладывал: «...Чрезвычайно странно для меня то, что такой вопрос вообще выплыл. Я готов выслушать о Теофипольском районе что угодно, но только не заявление о голодании колхозников и просьбу о продовольственной помощи.

Ничем иным, как политической близорукостью т. Березенко, приведшей его в состоянии паники, нельзя объяснить его просьбы.

Заявление о голодании колхозников нужно отвергнуть, потому что:

1. ...Голодают лодыри, тунеядцы, немало энергии положившие для разложения колхозов, вырабатывавшие по 30-40 трудодней в год. Причем среди них есть даже и такие, у которых маленькие семьи.

2. Со всей решительностью заявляю, что голодающих таких «колхозников» очень мало и мало таких потому лишь только, что сотни центнеров (пожалуй, больше чем сотни) разбазарено колхозами для выдачи таким лодырям, рвачам, ворам.

... 4. Только желание замазать перед обкомом истинное положение вещей можно объяснить заявление т. Березенко о том, что голодание колхозников насчитывается в 20 колхозах»⁹⁸.

Как видим, в замалчивании голода повинны и некоторые партийные работники среднего звена. Но положение было настолько катастрофическим, что первый секретарь обкома В.И.Чернявский вынужден был обратиться к С.В.Косиору: «В последнее время увеличилось число смертей и не прекращаются факты людоедства и трупоедства. В некоторых наиболее пораженных голодом селах ежедневно до 10 случаев смерти. В этих селах большое количество хат заколоченных, а в большинстве хат крестьяне лежат пластом и ни к какому труду по своему физическому состоянию не пригодны...

Прошу вопрос о продовольственном положении нашей области срочно решить в тех минимальных размерах, о которых я пишу»⁹⁹.

Чтобы представить положение голодных людей и в особенности детей весной 1933 г., приведем еще один документ, разысканный в архиве проф. И.Шульгой, – письмо ученика Сальницкой школы крестьянской молодежи (Калиновский район Винницкой обл.) председателю сельсовета.

«Кузьма Петрович, – писал ученик 7-го класса. – Неделя как умер от голода отец. Мать лежит больная на печке и вся опухла. На мою долю выпало быть хозяином двора. Кроме меня осталось еще трое детей. Они опухли. Помогите, чем можете. У нас сегодня на ужин не осталось и свеклы. Спасайте маму, детей. Мы вступили в колхоз. И я буду так с мамой работать, чтобы обеспечить малых детей хлебом.

Не откажите, Кузьма Петрович. Неужели я семь лет учился, чтоб умереть голодной смертью?»¹⁰⁰.

К сожалению, семья эта помощи не дождалась, и все они умерли от голода.

Такая судьба постигла и тысячи других семей Винницкой области. Правда, позднее удалось убедить Сталина прекратить выкачку хлеба и оставить для Винницкой области 9 тыс. пудов хлеба на 121 тыс. голодающих (по килограмму на человека!), но это уже не спасло положение. Люди продолжали умирать.

Сталинское партийно-государственное руководство, несмотря на голод, продолжала политику выкачивания хлеба из деревни. Хотя Молотов, возвратившись с партийной конференции с Украины, на заседании Политбюро и заявлял: «Мы стоим действительно перед призраком голода и к тому же в богатых хлебных районах», тем не менее Политбюро постановило «во что бы то ни стало выполнить утвержденный план хлебозаготовок»¹⁰¹.

А 20 ноября 1932 г. под нажимом Молотова Совнарком Украины принял постановление «О мерах по усилению хлебозаготовок», обязывавшее облисполкомы и райкомы полностью закончить план хлебозаготовок до 1 января, а создание семенных фондов – до 15 января 1933 г.¹⁰² В связи с этим предлагалось прекратить выдачу любых натуральных авансов в колхозах, неудовлетворительно выполняющих план хлебозаготовок. В случае, если колхоз уже выдал хлеб авансом на трудодни, то предлагалось организовать возврат «незаконно розданного хлеба» для выполнения плана хлебозаготовок, а председателей колхозов привлекать к суровой ответственности за раздачу колхозного хлеба. Привлекать к судебной ответственности по закону от 7 августа 1932 г. как расхитителей государственного и общественного имущества бухгалтеров, счетоводов, кладовщиков, завхозов, весовщиков, которые утаивают хлеб от обложения, чтобы «сорвать выполнение плана хлебозаготовок и других государственных обязательств».

Для колхозов, которые допустили расхищение колхозного хлеба и «злостно срывают план хлебозаготовок», устанавливались натуральные штрафы в порядке дополнительного задания по мясозаготовкам в объеме 15-месячной нормы сдачи данным колхозом и колхозником мяса. «Задача натуральных штрафов и других репрессивных мер, – говорилось в постановлении, – обеспечить безусловное выполнение хлебозаготовительных планов»¹⁰³.

Очевидец голода на Украине писатель Иван Стаднюк так пишет о том времени: «Голод – холодящее душу мрачное слово. Те, кто никогда не переживал его, не может представить какие страдания приносит голод. Нет ничего страшнее для мужчины – главы семьи, – чем чувство собственной беспомощности. Нет ничего ужаснее для матери, чем вид ее истощенных, изможденных детей, за время голода разучившихся улыбаться.

Если бы это длилось неделю или месяц, а то длилось месяцами, когда семье нечего было ставить на стол. Все сараи были чисто выметены, в деревне не осталось ни единой курицы; даже семена для кормовой свеклы были съедены...

Первыми от голода умирали мужчины. Потом дети. И позднее всех – женщины. Но прежде чем умереть, люди часто теряли рассудок, переставали быть человеческими существами».

Несмотря на применение драконовских методов хлебозаготовок 1932/33 г. не были выполнены, а смертность населения только в 1933 г., по официальным данным, составила 2,9 млн. человек. По более полным сведениям, по подсчетам проф. С.В.Кульчицкого, людские потери населения Украины в 1932–1933 гг. составили от 4,5 до 4,8 млн. человек¹⁰⁴.

Страшный голод охватил также другие районы страны – Казахстан, Поволжье, Северный Кавказ, ЦЧО, Урал, Западную Сибирь.

В Казахстане голод был вызван как изъятием хлеба в зерновых районах, так и мясозаготовками в кочевых и полукочевых районах республики. Но поскольку основным продуктом питания казахов являлось мясо, то насильственное обобществление скота в колхозах вплоть до мелкого, продуктивного и изъятие индивидуального скота по мясозаготовкам привели к голоду уже весной 1932 г. Обобществленный скот погибал от бескормицы и болезней. Поголовье скота только за 1931–1933 гг. сократилось во много раз.

Из Казахстана поступали в Москву телеграммы о начавшемся весной 1932 г. голоде. «Голодовкой охвачены все аулы района, – читаем в телеграмме из Уштобе в начале 1932 г. – Распались три аула возле Балхаша. В остальных шести административных аулах было 4417 хозяйств, осталось 2260, из которых голодают 63 процента. Остальное население остронуждающееся... Всего умерло, по неточным данным, не менее 600 человек. Голодающие питаются падалью коней, отбросами бойни».

В сводке ПП ОГПУ по Казахстану от 4 августа 1932 г. сообщалось, что в Атбасарском районе на почве голода «наблюдаются массовые случаи опухания и смерти». С 1 апреля по 25 июля зарегистрировано 111 случаев смерти.

Голодом охвачено «около 100 тыс. хозяйств казахов кочевых районов, находящихся еще на местах. Среди казахского населения наблюдаются массовые заболевания и смертность», – отмечалось в записке Совнаркома Казахстана. В августе 1932 г. председатель СНК Казахской АССР У.Д.Исаев писал Сталину, что в 10-12 районах Центрального Казахстана значительная часть населения голодает; весной 1932 г. умерло не менее 10-15 тыс. человек. Общее количество хозяйств края по сравнению с 1931 г. сократилось на 25%¹⁰⁵.

В одном из донесений политсектора МТС Наркомзема Казахстана сообщалось, что массовые откочевки, высокая смертность казахского населения, отсутствие хлеба для питания и фуража для скота характерны для зимы 1932/33 гг.: «Колхозники уходили в горы, пески, шли собирать корни и семена дикорастущих трав. Оставшиеся колхозники не могли работать из-за сильного истощения и болезней»¹⁰⁶.

9 марта 1933 г. зам. председателя СНК РСФСР Т.Р.Рыскулов писал в ЦК ВКП(б): «По данным местных органов, в Тургайском и Батбакаринском районах вымерло 20-30 проц. населения и большая часть остального населения откочевала. В Челкарском районе в ряде аулов вымерло 30-35 проц. населения»¹⁰⁷.

В результате этой страшной трагедии в Казахстане, по данным ученых, людские потери составили от одного до двух с половиной миллионов человек (вместе с откочевавшими за рубеж).

Голод в Поволжье в 1932–1933 гг., в отличие от голода 1921–1922 гг., был вызван также не стихийным бедствием, а антикрестьянской заготовительной и налоговой политикой. Так, если в 1928 г. из урожая зерновых на Нижней Волге было изъято 26%, а на Средней Волге – 22%, то в 1932 г. по подсчетам В.В.Кондрашина, – соответственно: 44,3% и 34,4%. Если же учесть, что в некоторых районах Поволжья был частичный неурожай, а план хлебо- и скотозаготовок увеличился, то станет совершенно очевидно, что голод был вызван субъективными факторами. По данным В.В.Кондрашина, в сельской местности, пораженной голодом (бывший Нижне-Волжский и Средне-Волжский края и Автономная Республика Немцев Поволжья) проживало 11 млн. человек¹⁰⁸.

4 июня 1933 г. начальник политотдела Тамалинской МТС (Нижняя Волга) в политдонесении сообщал: «По неполным данным, в Тамалинском районе на почве недостаточного питания с января по 25 мая текущего года опухло 1028 человек, в том числе колхозников 624. За это же время умерло 725 человек». В колхозах зоны деятельности МТС Бурасского района за январь-май 1933 г. умерло 495 человек, а всего умерло от голода 800 человек. В колхозах Благовещенской МТС Самойловского района лишь за полтора месяца (апрель – 15 мая) умер 301 человек.

Начальник политотдела МТС Камешкирского района (Средняя Волга) сообщал, что весной и летом 1933 г. в колхозе «Заветы Ильича» от голода «ежедневно умирало от 4 до 6 человек, а всего за четыре месяца умерло 400 человек».

В Республике Немцев Поволжья в 1932 г. численность населения сократилась на 20152 человека и т.д.¹⁰⁹

Писатель Михаил Алексеев, сам переживший голод в Поволжье, писал: «В 1933 г. был страшный голод. Вымирали целые семьи, дома разваливались, улицы деревни пустели».

Всего, как считает В.В.Кондрашин, общие демографические потери сельского населения Поволжья в 1932–1933 гг. составили до одного миллиона человек¹¹⁰.

Еще хуже обстояло дело на Северном Кавказе.

Уже осенью 1932 г. в ряде районов Северо-Кавказского края начался голод и особенно он усилился зимой 1932/33 г. и весной 1933 г. Проф. Е.Н.Осколков в одной из своих работ привел данные из «Особой папки» крайкома ВКП(б) о числе голодавших районов Северного Кавказа зимой 1933 г.¹¹¹ По данным ОГПУ, голод охватил 48 (из 75) зерновых районов края или 64%. В числе их были 20 районов на Кубани, 14 – на Дону, 13 – в Ставрополье и один в Адыгейской автономной области. 23 февраля 1933 г. крайком вынужден был признать факты «прямого голодания» в отдельных станицах, в то время как в январе 1933 г. умерло 17693 человека против 8673 – в январе 1932 г., а в феврале 1933 г. – 25049 человек против 8140 – в феврале 1932 г., т.е. в три раза больше.

Да и сам крайком про степени тяжести голода разделил районы на три категории: «особо неблагополучные», «неблагополучные» и «прочие». К первым были отнесены 13 районов (10 районов Кубани, 2 – Ставрополья и один – Адыгеи). К неблагополучным – 20 районов, в том числе 6 кубанских, 7 донских, 7 ставропольских. Остальные («прочие») 15 районов распределялись так: кубанских – 4, донских – 7, ставропольских – 4¹¹².

В то время как крайком признавал «прямое голодание» в отдельных станицах, М.А.Шолохов писал Сталину: Вешенский район «идет к катастрофе. Скот в ужасном состоянии. Что будет весной – не могу представить даже при наличии своей писательской фантазии... Большое количество людей пухлых. Это в феврале, а что будет в апреле, мае»¹¹³.

А Сталин в это время, выступая на Первом съезде колхозников-ударников, говорил, что «главные трудности уже пройдены, а те трудности, которые стоят перед вами, не стоят даже того, чтобы серьезно разговаривать о них... ваши нынешние трудности, товарищи колхозники, кажутся детской игрушкой».

И это говорилось тогда, когда многие тысячи крестьян умирали от голода!

Начальник политотдела Ейской МТС в одном из донесений сообщал: «Состояние людей в январе 1933 г. было жутким. За январь-апрель по ряду колхозов умерло от 365 до 290 человек. Итого по 4 колхозам – свыше 1000 человек. В Ейукреплении был ряд случаев трупоедства и людоедства своих близких, родных. Трупы разворовывались с кладбища».

Другой начальник политотдела (Черноерковская МТС Славянского района) так характеризовал обстановку в станицах: «поголовное, полное опухание, ежедневные смерти до 150 человек в одной станице и больше»¹¹⁴.

В зоне деятельности Пластуновской МТС весной 1933 г. умерло от голода 1300 человек; в станице Старонижнестеблиевской за три месяца умерло 873 человека; в зоне Должанской МТС в январе-мае 1933 г. – 435 человек; в селении Ново-Золотовское – 140 человек и т.д.¹¹⁵

Интересные данные о смертности населения в Северо-Кавказском крае в 1932–1933 гг. привел проф. Е.Н.Осколков на международной научной конференции, посвященной 60-летию голода на Украине¹¹⁶ (табл. 28).

Таблица 28

Месяцы	1932 г.	1933 г.
Январь	8673	17693
Февраль	8140	25049

Март	8520	38766
Апрель	8533	59242
Май	8299	60038
Июнь	7457	56062
Июль	9629	41350
Август	11675	24452
Сентябрь	15552	31808
Октябрь	11675	24452
Ноябрь	12992	16699
Декабрь	11963	17494
Всего за год	123108	424437

Источник: Голодомор 1932–1933 гг. ... С. 119.

Анализ таблицы показывает, что смертность населения Северо-Кавказского края в первой половине 1933 г. была в пять раз выше, чем за этот же период 1932 г. И даже во второй половине 1933 г., когда голод в крае уже прекратился, а во второй половине 1932 г. голод набирал силу, даже тогда смертность в 1933 г. была в 2,3 раза выше, чем в тот же период 1932 г. Это говорит о том, что последствия голода осени 1932 – весны 1933 г. продолжали сказываться и позднее ввиду ослабления организма переживших голод людей¹¹⁶.

Разумеется, приведенные Е.Н.Осколковым данные неполные, о чем и сам автор говорит. К сожалению, мы не располагаем прямыми данными о количестве умерших от голода людей на Северном Кавказе. Но косвенные сведения позволяют сделать вывод о значительно большей гибели людей от голода. Так, в докладной записке заместителя начальника сектора населения и здравоохранения ЦУНХУ Госплана СССР от 7 июня 1934 г. говорится, что численность населения Северного Кавказа по состоянию на 1 января 1933 г. уменьшилась на 1,2 млн. человек. То же самое (уменьшение на 1,2 млн. человек) относится и к Украине¹¹⁷. Но пик голода достиг весной – в начале лета 1933 г. и потери населения были огромными.

В то время, как многие сотни тысяч людей умирали от голода, хлебозаготовки и репрессии в крае продолжались. М.А.Шолохов 4 апреля 1933 г. пишет письмо Сталину¹¹⁸, в котором сообщает, что в Вешенском районе, как и в других районах Северного Кавказа, «сейчас умирают от голода колхозники и единоличники; взрослые и дети пухнут и питаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали и кончая дубовой корой и всяческими болотными кореньями». В таком положении, по словам Шолохова, находится 99% населения района. Произошло это потому, пишет Шолохов, что урожайность в 1932 г. была определена в полтора раза выше фактической и, исходя из того, установлен план хлебозаготовок в 53 тыс. тонн, при валовом сборе зерна в 56-57 тыс. тонн. Уполномоченный Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Г.Ф.Овчинников дал установку: «Хлеб взять любой ценой! Дров наломать, но хлеб взять!».

И «дрова ломали»... Так, в Плешаковском колхозе Вешенского района уполномоченные по хлебозаготовкам широко практиковали «допрос с пристрастием»: колхозников ночью допрашивали с применением пыток, затем надевали на шею веревку и вели к проруби в Дону топить. В другом колхозе (Грачевском) подвешивали колхозниц за шею к потолку, допрашивая, потом полузадушенных их вели к реке, избивая по дороге ногами. Колхозников раздевали до белья и босого сажали в амбар или сарай при 20-градусном морозе; практиковались массовые избиения колхозников и единоличников. В Ващаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подола юбок керосином, зажигали, а потом тушили, спрашивая: «Скажешь, где яма? Опять подожгу!» и т.д. и т.п.

В поисках хлеба разваливали печи в домах, раскрывали крыши, выбрасывали семьи колхозников с детьми на улицу. «Я видал такое, чего нельзя забыть до смерти, – писал Шолохов Сталину, – в хуторе Волоховском Лебяженского колхоза, ночью, на лютom ветру, на морозе, когда даже собаки прячутся от холода, семьи выкинутых из домов жгли на проулках костры и сидели у костра. Детей заворачивали в лохмотья и клали на оттаявшую от огня

землю. сплошной детский крик стоял над проулками. Да разве же можно так издеваться над людьми?»

Уполномоченный крайкома по хлебозаготовкам в Вешенском и Верхне-Донском районах директор Ростовского завода «Красный Аксай» В.И.Шарапов, «распекая» секретаря партячейки Малаховского колхоза, заявил: «Детишек ему жалко стало выкидывать на мороз! Расслюнявился! Кулацкая жалость его одолела! Пусть как щенки пищат и дохнут, но саботаж мы сломим!»

«Это не отдельные случаи загиба, – писал Шолохов, – это узаконенный в районном масштабе “метод” проведения хлебозаготовок».

О размахе репрессий в Вешенском районе можно судить по приведенным в письме Шолохова следующим данным: из 13813 хозяйств района (52069 человек) во время хлебозаготовок было арестовано 3128 человек, осуждено нарсудами и тройками ОГПУ 2300 человек, в том числе 52 человека к расстрелу. Исключено из колхоза 1947 хозяйств, оштрафовано (конфисковано продовольствие и скот) 3350 хозяйств, выселено из домов 1090 семей. В результате осуществленных репрессий из Вешенского района в 1932/33 гг. было изъято 2 млн. 300 тыс. пудов зерна, т.е. практически весь валовый сбор 1932 г., а население района было обречено на голодную смерть (из 50 тыс. 49 тыс. человек голодало).

«Если все описанное мною заслуживает внимания ЦК, – заканчивал письмо Шолохов, – пошлите в Вешенский район доподлинных коммунистов, у которых хватило бы смелости, невзирая на лица, разоблачить всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство района, которые по-настоящему бы расследовали и открыли не только всех тех, кто применял к колхозникам омерзительные «методы» пыток, избиений и надругательств, но и тех, кто вдохновлял на это...

Простите за многословность письма. Решил, что лучше написать Вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу «Поднятой целины».

Получив письмо Шолохова, Сталин 16 апреля 1933 г. ответил ему телеграммой: «Сообщите о размерах необходимой помощи». В тот же день Шолохов сообщает о размерах необходимой продовольственной помощи, а Сталин пишет Молотову:

«Вячеслав!

Думаю, что надо удовлетворить просьбу Шолохова целиком, т.е. дать дополнительно вешенцам 80 тыс. пудов и верхнедонцам 40 тысяч. Дело это приняло, как видно, «общенародную» огласку, и мы после всех допущенных там безобразий – можем только выиграть политически. Лишних 40-50 тысяч пудов для нас значения не имеют, а для населения этих двух районов – имеют теперь решающее значение.

Итак, давай сейчас же голосовать (скажи Чернову).

Кроме того, нужно послать туда кого-либо (скажем, т. Шкирятова), выяснить дело и привлечь к ответу Овчинникова и всех других, натворивших безобразия. Это можно сделать завтра».

22 апреля в Вешенскую Сталин пишет еще одну телеграмму: «Кроме отпущенных недавно сорока тысяч пудов ржи (фактически было отпущено 22 тыс. – *Авт.*) отпускаем дополнительно для вешенцев восемьдесят тысяч пудов всего сто двадцать тысяч пудов»...

А еще через две недели, 6 мая 1933 г., Сталин отвечает Шолохову:

«Дорогой тов. Шолохов!

Оба Ваши письма получены, как Вам известно. Помощь (продовольственную. – *Авт.*), какую требовали, оказана уже. Для разбора дела прибудет к Вам, в Вешенский район, т. Шкирятов, которому, очень прошу Вас, оказать помощь.

Это так, Но это не все, т. Шолохов. Дело в том, что Ваши письма производят несколько однобокое впечатление. Об этом я хочу написать Вам несколько слов. Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячки нашей партийно-советской работы, вскрывают то, что иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма.

Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите неплохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма – не беллетристика, а типичная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы Вашего района (и не только Вашего района) проводили «итальянку», саботаж и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), – этот факт не меняет и того, что уважаемые хлеборобы по сути вели «тихую войну» с Советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов.

Конечно, это обстоятельство ни в коей мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безобразиях должны понести должные наказания. Но все же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это может показаться издали.

Ну, всего хорошего и жму Вашу руку.

Ваш Сталин»¹¹⁹.

И это писалось в ответ на сообщение Шолохова о том, что в районе «пухлые и умирающие есть», люди «пожирали не только свежую падаль, но и пристреленных сапных лошадей, и собак, и кошек, и даже вываренную в салотопке, лишенную всякой питательности падаль». Правда, по письму Шолохова и итогам проверки Шкирятова (того самого, который был членом комиссии Кагановича и принимал участие в выработке жестокого постановления по хлебозаготовкам на Северном Кавказе от 4 ноября 1932 г.) было принято 4 июля 1933 г. постановление Политбюро ЦК ВКП(б), в котором признавались «перегибы» в хлебозаготовках в Вешенском районе. Но признавались в такой форме, что фактически их оправдывали. «ЦК считает, – говорилось в постановлении, – что совершенно правильная и абсолютно необходимая политика нажима на саботирующих хлебозаготовки колхозников была искривлена и скомпрометирована в Вешенском районе благодаря отсутствию достаточного контроля со стороны крайкома». Виновники издевательств над крестьянами понесли мягкое наказание: крайкому указано на «недостаточный контроль над действиями своих представителей и уполномоченных»; второй секретарь крайкома Зимин освобожден от работы; инициатору перегибов, секретарю Ростовского горкома партии Овчинникову, объявлен строгий выговор, он снят с работы с запретом на один год работать в деревне; районными работниками Плоткину и Пашинскому также объявили строгие выговоры, «воспротив им работу в Вешенском районе».

Для характеристики личности и методов работы Овчинникова интересен следующий факт. В 1928–1930 гг. он был секретарем Вольского окружкома ВКП(б) Нижне-Волжского края. После окончания курсов марксизма-ленинизма в феврале 1932 г. откомандирован в распоряжение Северо-Кавказского крайкома партии, где работал секретарем парткома завода «Сельмаш», а затем секретарем Ростовского горкома ВКП(б). Будучи «особоуполномоченным» крайкома по хлебозаготовкам в Вешенском районе, он заявил секретарю райкома партии Кузнецову: «Ты думаешь, что крайком не знает о перегибах? Знает, но молчит. Хлеб-то нужен? План-то надо выполнять? И рассказал случай из своей практики: «В 1928 г. я был секретарем Вольского ОК ВКП(б) Нижне-Волжского края. Во время хлебозаготовок, когда применяли чрезвычайные мероприятия, мы не стеснялись в применении жесточайших репрессий и о перегибах не разговаривали! Слух о том, что мы перегнули докатился до Москвы... Но зато целиком выполнили план, в крае не на плохом счету! На XVI Всесоюзной партконференции во время перерыва стоим мы с т. Шеболдаевым, к нам подходит Крыленко и спрашивает у Шеболдаева: – “Кто у тебя секретарем Вольского ОК? Наделал во время хлебозаготовок таких художеств, что придется его, как видно, судить?” – “А вот он, секретарь Вольского ОК”, – отвечает Шеболдаев, указывая на меня. “Ах, вот как! – говорит Крыленко. – В таком случае, товарищ, зайдите после конференции ко мне”. Я подумал, что быть неприятности, дал телеграмму в Вольск, чтобы подготовили реабилитирующие материалы, но после конференции на совещании с секретарями крайкомов Молотов заявил: “Мы не дадим в обиду тех, которых обвиняют сейчас в перегибах. Вопрос стоял так: или взять даже поссорившись с крестьянином,

или оставить голодным рабочего. Ясно, что мы предпочли первое». После этого Крыленко видел меня, но даже и словом не обмолвился о том, чтобы я к нему зашел».

Этот факт характеризует не только инициатора и вдохновителя перегибов Овчинникова, но и позицию сталинского партийно-правительственного руководства в лице Молотова, взявшего под защиту перегибщиков.

Что касается других виновников перегибов, то Политбюро ЦК ВКП(б) фактически реабилитировало их. Так, Пашинский, работавший руководителем совхоза «Красный колос» и проводивший вместе с «агитколонной» хлебозаготовки в Вешенском районе местными органами был исключен из партии, арестован и выездной сессией крайсуда был приговорен к расстрелу. Однако Политбюро ограничилось вынесением ему строгого выговора. Решение суда в отношении Пашинского и членов его «агитколонны» (тюремное заключение) было аннулировано.

Не поднималась рука у Сталина на исполнителей его воли.

Ответ Сталина Шолохову и постановление ЦК от 4 июля 1933 г. наглядно иллюстрируют отношение сталинского руководства к крестьянству – колхозникам и единоличникам. Показательно в этом смысле выступление Сталина на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) 27 ноября 1932 г. в связи с хлебозаготовками. Он говорил: «Наши сельские и районные коммунисты слишком идеализируют колхозы. Они думают нередко, что, коль скоро колхоз является социалистической формой хозяйства, то этим все дано и в колхозах ничего не может быть антисоветского или саботажного, а если имеются факты саботажа и антисоветских явлений, то надо пройти мимо этих фактов, ибо в отношении колхозов можно действовать лишь путем убеждения, а методы принуждения к отдельным колхозам и колхозникам неприемлемы... Было бы глупо, если бы коммунисты, исходя из того, что колхозы являются социалистической формой хозяйства, не ответили на удар этих отдельных колхозников и колхозов сокрушительным ударом».

Но через полтора месяца, на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в речи «О работе в деревне» Сталин лицемерно заявлял: «Говоря о трудностях хлебозаготовок, коммунисты обычно взваливают ответственность на крестьян, утверждая, что во всем виноваты крестьяне. Но это совершенно неверно и безусловно несправедливо. Крестьяне тут не причем»¹²⁰.

В письме же Шолохову, как мы видели, он говорил совсем другое – «уважаемые хлеборобы... проводили “итальянку”, саботаж... вели “тихую войну” с Советской властью».

Да и на практике репрессивная политика твердо проводилась в жизнь сталинским руководством. Репрессии к колхозам, колхозникам и единоличникам, жестокий закон 7 августа 1932 г., написанный Сталиным, – все это звенья одной цепи. Закон 7 августа вводил «в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты – расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией всего имущества»¹²¹.

Действительный смысл этого ужасного закона (утвердившего беззаконие!) был современникам вполне ясен: «за каждый срезанный колос человека расстреливать». Так его оценивала «группа Смирнова – Толмачева – Эйсмонта», члены которой – старые большевики – были исключены из партии и впоследствии репрессированы. Они считали, что «неуспехи хлебозаготовок в Северо-Кавказском крае и на Украине объясняются старыми ошибками по сельскому хозяйству в проведении коллективизации», а А.П.Смирнов прямо заявлял: «Сволочи, подлецы, мерзавцы, до чего страну довели, черт знает, до чего докатились, до чего и царское правительство не докатывалось»¹²².

Резко отрицательно отнеслись к закону от 7 августа крестьяне. Этого не могли скрыть даже органы ОГПУ. В сводке от 3 сентября 1932 г., посланной Сталину, Молотову, Кагановичу, Постышеву и Рудзутак, признавалось, что большинство крестьян-единоличников прямо заявляли, что этот декрет «в первую очередь направлен на создание голода и загон единоличников в колхозы». Не лучше относились к нему и колхозники: «Этот декрет направлен против всех колхозников», «колхознику теперь два выхода – или погибнуть с голоду

или быть расстрелянным», «От пули легче умереть, чем от голода» и т.п. (Северо-Кавказский край).

В Ивановской Промышленной области (Ростовский район) крестьяне так оценивали этот закон: «Постановлению правительства о расстреле за воровство люди будут рады, так как жизнь становится невозможной, взять хлеба негде, да и заработать не сможешь, поэтому идут воровать хлеб и за это пусть правительство расстреливает. Довели до того, что расстреливать только и осталось...»¹²³.

Применение постановления от 7 августа сразу же приняло массовый характер. На Северном Кавказе за полтора месяца (в августе-сентябре) в связи с хищениями колхозного хлеба было возбуждено 1884 следственных дел, по которым привлечено 3359 человек, среди них: 450 колхозников, 821 бедняк, 1272 середняка, 521 зажиточный.

К 25 сентября 1932 г. было осуждено 1525 человек по декрету от 7 августа, приговорены: к расстрелу – 63 человека, к 10 годам лишения свободы – 1008, до 10 лет – 353, к принудительным работам – 61, условной мере наказания – 40 человек¹²⁴.

В Западно-Сибирском крае за август-октябрь привлечено к судебной ответственности 5072 человека, в том числе 816 колхозников, 1186 бедняков, 2267 середняков, 383 кулака¹²⁵. В Восточно-Сибирском крае за август-сентябрь по 41 району отдано под суд за хищения зерна 1207 человек; на Урале – 662 человека; в Белоруссии (с 15 сентября по 10 октября) – 712 человек и т.д.¹²⁶

Н.В.Крыленко, бывший в то время наркомом юстиции РСФСР, в январе 1933 г. на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) приводил следующие данные о первых результатах применения закона за пять неполных месяцев 1932 г.: «Если мы возьмем общее количество дел и лиц, осужденных по закону 7 августа, то, на первый взгляд, мы имеем как будто достаточно внушительную цифру – 54645 человек... Но как только вы поставите вопрос о том, какого рода репрессии здесь применялись, вы увидите следующую картину... Применение высшей меры, которая была одним из основных мероприятий для того, чтобы ударить по прихлебателям этого классового врага, по тем, кто идет за ним, – она была применена судом первой инстанции всего на сегодняшний день в 2110 случаях. Реализована же в гораздо меньшем количестве – едва ли в 1000 случаях». Всего же к 1 июля 1933 г. было осуждено по закону от 7 августа 1932 г. 185515 человек.

Недовольный судами за «мягкость» наказания Крыленко говорил, что «на практике у очень многих в сознании никак не уmeshалась такая постановка вопроса (расстрел и 10-летняя изоляция. – *Авт.*)... как это можно в отдельных конкретных делах ставить вопрос так, чтобы за всякое хищение осуждать на 10 лет лишения свободы. И вот борьба с этими предрассудками, с непониманием значения этого политического акта продолжалась первые месяцы особенно остро и до настоящего момента еще не завершена».

Недоволен он был не только судьями, у которых «рука не поднимается, чтобы на 10 лет закатать человека» за мелкую кражу, но и Верховным судом, который вначале утверждал лишь 25% смертных приговоров, и только в декабре – уже 63%¹²⁷.

П.П.Постышев же возмущался тем, что судьи судят не тех, кого надо. Судили, например, одного председателя колхоза, его организатора, «прекрасного парня» и дали ему два года за то, что он продал 2 пуда муки для того, чтобы купить для колхоза мешки. «Понятно, он неправильно поступил. Ну дали бы ему месяц, ну, два». В то же время на Украине пробравшемуся в колхоз «атаману шайки», разворовывавшему хлеб, дали год и то условно. И только после вмешательства ГПУ «дело пересмотрели и двоих-троих расстреляли».

Анализ 20 тыс. дел показывает, что в числе осужденных 83% были колхозники и крестьяне-единоличники и только 15% – «кулацко-зажиточные элементы»¹²⁸. Значит, острие этого бесчеловечного закона было направлено против крестьян, которые, спасая детей от голодной смерти, вынуждены приносить домой с тока или поля килограмм – другой зерна, ими же выращенного.

В то время, когда десятки миллионов голодали, за границу вывозится 18 млн. ц зерна – плата за индустриализацию. Этим хлебом можно было спасти от голодной смерти миллионы крестьян.

Зимой 1933 г. сотни тысяч крестьян – голодных и нищих – покидают родные края в поисках куска хлеба. Но даже это решительно пресекалось сталинским руководством. 22 января за подписью Сталина и Молотова рассылается директива партийным и советским организациям, органам ОГПУ, в которой отмечается: до ЦК ВКП(б) и СНК СССР дошли сведения, что на Украине и Кубани начался массовый выезд крестьян «за хлебом» в ЦЧО, на Волгу, в Московскую и Западную области, в Белоруссию. «ЦК ВКП(б) и СНК СССР не сомневаются, что этот выезд крестьян, как и выезд из Украины в прошлом году, организован врагами Советской власти, эсерами и агентами Польши с целью агитации «через крестьян» в северных районах СССР против колхозов и вообще против Советской власти». В связи с этим органам власти и ОГПУ Московской, Западной, Центрально-Черноземной областей, Белоруссии, Средней и Нижней Волги «немедля арестовывать пробравшихся на север «крестьян» Украины и Северного Кавказа и после того, как будут отобраны контрреволюционные элементы, водворять остальных на места их жительства. Соответствующие указания давались и транспортным отделам ОГПУ¹²⁹.

По сведениям ОГПУ, к 13 марта 1933 г. было задержано 219460 человек, в том числе на Украине – 37924, в ЦЧО – 43965, на Северном Кавказе – 37217, Нижней и Средней Волге – 11222, в Белоруссии – 1477, Закавказье – 7302, в Западной области – 5115 и на железных дорогах – 65234 человека. Из числа задержанных 186588 человек водворено в места их постоянного жительства, 9385 привлечено к судебной ответственности, 2823 – осуждено, 10657 человек находилось в фильтрационных пунктах¹³⁰.

Даже органы ОГПУ вынуждены признать, что среди задержанных лишь незначительную часть составляли бежавшие из спецпоселков раскулаченные или другие «контрреволюционные элементы». Основная же масса задержанных действительно выезжала из голодных районов в поисках хлеба.

Наряду с этим в 1932-1933 гг. продолжалось массовое выселение крестьян в северные и отдаленные районы СССР, но уже не в ходе коллективизации, а в связи с хлебозаготовками, проведением сева и других хозяйственно-политических кампаний. В конце декабря 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило Нижне-Волжскому крайкому «выселить за пределы края на Север 300-400 единоличных хозяйств из числа наиболее злостных саботажников по сдаче хлеба». Тогда же Политбюро утвердило решение ЦК КП(б)У о выселении 800 семей «саботажников» хлебозаготовок из Одесской и Черниговской областей Украины¹³¹.

22 февраля 1933 г. Башкирский обком ВКП(б) обратился в Политбюро ЦК с просьбой разрешить «выслать 1000 человек за пределы Башкирии особо злостных единоличников, саботирующих засыпку семян и отказывающихся сеять».

Одновременно с этим обком предложил всем райкомам партии привлекать «особо злостных единоличников, не засыпающих семена к судебной ответственности в уголовном порядке с лишением приусадебной земли» (подчеркнуто мною. – *Авт.*).

9 апреля секретарь крайкома партии В.П.Шубриков и председатель крайисполкома Г.Т.Полбицын (Средняя Волга) сообщали Сталину, что после его речи на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) борьба с кулачеством в крае резко усилилась: дополнительно выявлено и вычищено из колхозов 3000 кулаков. К ним применяются такие меры воздействия: индивидуальное обложение, новые задания по мясу, хлебу (это во время голода!), штрафы по ст. 61 и т.д. Однако этого, считали они, недостаточно и просили Сталина разрешить «произвести изъятие и выселение в мае-июне не менее 6000 кулацких хозяйств и 1000 единоличных».

Разрешение на выселение 1000 единоличных хозяйств 15 апреля 1933 г. Политбюро разрешило. В связи с этим Шубриков 22 апреля телеграфировал Сталину: «В целях поднятия темпов сева по единоличному сектору просим выселение разрешенных ЦК 1000 единоличников провести в порядке широкой массовой кампании»¹³¹. Что касается других 6000

хозяйств («вычищенных из колхозов, МТС и совхозов»), то, считал Шубриков, их принимать в совхозы и на заводы нельзя, наделять землей также нельзя, поэтому «нужно в районах создать по одному-два поселка, куда и расселить означенное кулачество», для чего выделить худшие земли и часть лишнего инвентаря, таким путем предоставив им возможность трудового существования»¹³².

Несмотря на то, что еще 20 июля 1931 г. Политбюро ЦК приняло постановление о том, что задание ЦК о массовом выселении кулацких хозяйств из районов сплошной коллективизации выполнено и потому рекомендовалось дальнейшее выселение проводить в индивидуальном порядке, заявки с мест на выселение продолжали поступать. К весне 1933 г. таких заявок поступило в ЦК ВКП(б) на 100 тыс. семей.

8 мая 1933 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили написанную Сталиным секретную инструкцию всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда, прокуратуры, в которой признавалось, что с конца 1929 г. в связи с коллективизацией и обострением классовой борьбы в деревне Советская власть проводила массовые аресты и острые формы репрессий, «в виде массового выселения кулаков и подкулачников в северные и дальние края». В 1932 г. в связи с сопротивлением кулацких элементов, вредительством и массовым хищением колхозного и совхозного имущества потребовалось дальнейшее усиление репрессивных мер «против кулацких элементов, воров и всякого рода саботажников». Но, в результате наших успехов в деревне, – говорилось в инструкции, – наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников». Между тем «массовые беспорядочные аресты в деревне все еще продолжают существовать в практике наших работников... Арестовывают все, кому только не лень и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. Не удивительно, что при таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: «сначала арестовать, а потом разбираться»¹³³.

И вновь, как и весной 1930 г. за перегибы, сталинское руководство всю вину за массовые аресты и выселение крестьян ввалили на непосредственных исполнителей директив центра. На словах осуждая массовые выселения, ЦК ВКП(б) и СНК СССР в этом же документе устанавливают следующие контингенты выселяемых крестьянских семей по районам:

Украина – 2000 хозяйств
Северный Кавказ – 1000 хозяйств
Нижняя Волга – 1000 хозяйств
Средняя Волга – 1000 хозяйств
ЦЧО – 1000 хозяйств
Урал – 1000 хозяйств
Горьковский край – 500 хозяйств
Западная Сибирь – 1000 хозяйств
Восточная Сибирь – 1000 хозяйств
Белоруссия – 500 хозяйств
Западная обл. – 500 хозяйств
Башкирия – 500 хозяйств
Закавказье – 500 хозяйств
Средняя Азия – 500 хозяйств

Всего – 12000 хозяйств

Если принять численность семьи в 4-5 человек, то это значит выселению подлежало еще 50-60 тыс. человек. Фактически в 1933 г. было выселено в пять раз больше – 268091 человек, из них: 33920 – на Урал, 16659 – в Северный край, 140697 – в Западную Сибирь, 55107 – в Казахстан, 3927 – в Горьковский край, 15517 – на Беломорско-Балтийский комбинат НКВД¹³⁴. И это называлось выселением «в индивидуальном и частичном порядке»!

Массовый размах получила и «чистка» колхозов, МТС и совхозов от «чуждых», вредительских элементов. Следуя указанию Сталина о том, что кулаков «не нужно искать далеко от колхоза, они сидят в самом колхозе и занимают там должности кладовщиков,

завхозов, счетоводов, секретарей и т.д.»¹³⁵, на местах развернулась настоящая охота на «вредителей», «саботажников», пролезших в колхозы и действующих там «тихой сапой».

В политотделах МТС и совхозов, созданных по решению январского (1933 г.) пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), была учреждена специальная должность заместителя начальника политотдела по работе ОГПУ, которые и занимались в основном чисткой колхозов, МТС и совхозов.

Первоочередной задачей политотделов, как отмечалось в постановлении пленума, являлось «обеспечение безусловного и своевременного выполнения колхозами и колхозниками своих обязательств перед государством и в особенности решительная борьба с расхищением колхозного добра, борьба с явлениями саботажа мероприятий партии и правительства в области хлебозаготовок и мясозаготовок в колхозах»¹³⁶.

Неполадки в колхозном производстве, поломки сельхозмашин и инвентаря, ошибки неопытных колхозных кадров и т.п. квалифицировались как вредительство и к ним применялись различные виды репрессий.

28 марта 1933 г. Сталину была направлена записка о работе зам. начальников политотделов по ОГПУ в связи с подготовкой к севу. В ней сообщалось, что за вторую декаду марта по 57 МТС было арестовано 793 человека, в том числе 323 за срыв сева, 286 – за хищение посевного материала, 180 – за «вредительство» (поломки трактора, падеж скота). Кроме того, по данным о 46 МТС вычищено из колхозов, МТС, МТМ (машинно-тракторные мастерские) – 2197 человек «классово-чуждых элементов» (бывшие кулаки, белогвардейцы и др.). По материалам зам. нач. политотделов по ОГПУ, снято с руководящей работы 35 человек (25 председателей колхозов, 11 директоров МТС)¹³⁷.

В другой докладной записке (от 28 мая) Сталину сообщались некоторые сведения о работе политотделов МТС Украины, Северного Кавказа, Нижней Волги, ЦЧО.

Только по 60 политотделам МТС Днепропетровской области за время сева снято 184 председателя колхозов, 66 полеводов, 10 членов правления колхозов, 8 завхозов, 308 бригадиров полеводческих бригад, 7 заведующих участками, 10 участковых агрономов, 2 участковых полевода, 2 старших механика, 46 участковых механиков, 136 бригадиров тракторных бригад, 396 трактористов – всего 1138 человек¹³⁸. В среднем по каждой МТС было «вычищено» по 20 специалистов и руководителей.

По данным политотделов 1028 МТС, в 1933 г. было снято 37% работников бухгалтерии МТС, 34% механиков, 31% агрономов, 27% бригадиров тракторных бригад, 20% ремонтных рабочих, 13% трактористов. По некоторым областям и краям показатели были еще выше. Так, по данным 600-800 политотделов МТС, председателей колхозов снято 50%, колхозных бригадиров – 31,2%, завхозов – 47%, конюхов – 24%, зав. товарными фермами – 32%, бухгалтеров и счетоводов – 25%, учетчиков – 24%, кладовщиков – до 40%¹³⁹.

Массовая кампания по репрессированию и изгнанию из колхозов, МТС и совхозов руководителей и специалистов сельского хозяйства объяснялась «обострением классовой борьбы в деревне», «влиянием кулацких элементов на крестьянство». П.П.Постышев, выступая на январском (1933 г.) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), говорил, что среди колхозных счетоводов «есть много сволочи», но есть и «хорошие ребята, но мы их не учим. И это боком государству выходит, в десятки миллионов пудов влетает». «Так спрашивается: “Что же тут на кулака ссылаться? Что же валить на классового врага? Что он, кулак, колхозному делу сторож, что ли?”»¹⁴⁰.

Маховик репрессий, несмотря на то, что десятки миллионов крестьян голодали, продолжал раскручиваться. С одной стороны, сотни тысяч крестьян задерживались и «водворялись» в места их постоянного жительства, а с другой стороны, разрабатывались новые планы депортации миллионов крестьян и отчасти «городского элемента» в Сибирь и Казахстан.

13 февраля 1933 г. Г.Г.Ягода направил И.В.Сталину и В.М.Молотову записку с предложением переселить в течение 1933–1934 гг. в Западную Сибирь и Казахстан два миллиона человек из деревень и отчасти из городов. Предлагалось выселить следующие категории:

- а) крестьян-единоличников из районов сплошной коллективизации,

- б) саботажников за срыв хлебозаготовок и других хозяйственно-политических кампаний,
- в) «городской элемент», не желающий в связи с паспортизацией выезжать из городов,
- г) бежавших из деревень крестьян в связи с коллективизацией и раскулачиванием и устроившихся на промышленные предприятия,
- д) население из приграничной полосы Украины и Белоруссии,
- е) осужденных ОГПУ от 3 до 5 лет включительно.

Предлагалось из них организовать трудовые поселения по одному миллиону человек в Западной Сибири и Казахстане.

Далее приводились расчеты материально-финансовых затрат на переселение и устройство спецпереселенцев.

Сталин и Молотов, ознакомившись с запиской, согласились с предложениями ОГПУ, сделав, однако, замечания.

Сталин: «Кроме всего прочего, надо связать это дело с разгрузкой тюрем» (В тюрьмах в это время сидело 800 тыс. человек).

Молотов: «Читал. Расходы (1394 млн. руб.) грубо преувеличены. Надо привлечь к расходам и самим переселенцев»¹⁴¹.

17 апреля 1933 г. Политбюро приняло постановление «Об организации трудовых поселений ОГПУ», оставив без изменений перечень категорий выселяемых, но резко сократив размер ассигнований на переселение и устройство спецпереселенцев. Контингент выселяемых приравнивался во всех отношениях к спецпереселенцам 1930–1931 гг.

Расселение производилось ОГПУ поселками в 300-500 семей. Выселяемые должны были заниматься в новых местах поселений сельским хозяйством, рыболовством, кустарными промыслами и др. в зависимости от местных условий. Наркомзему и Наркомсовхозов было предложено выделить земельные фонды в 1376 тыс. га (по 668 тыс. га в Казахстане и Западной Сибири). Устанавливался также план посева осенью 1933 г. и весной 1934 г. «разных полевых и огородных культур» в 420 тыс. га (Зап. Сибирь – 180 тыс., Казахстан – 240 тыс. га)¹⁴².

22 мая 1933 г. ОГПУ сообщало Сталину, что в 1933 г. в трудпоселки Западной Сибири, кроме прибывших на места и находящихся в пути 138 тыс. человек, дополнительно выселяется 608 тыс. человек, в том числе 12 тыс. кулаков (48 тыс. человек) и из тюрем 173 тыс. человек. Учитывая, что к 75% заключенных будут высланы семьи – общее количество их составит 560 тыс. человек. Общий же контингент трудпоселков ОГПУ достигнет 746 тыс. человек. Поэтому ОГПУ просило Сталина передать все материальные средства органам ОГПУ¹⁴³.

В июле 1933 г. по предложению Кагановича Политбюро, а затем СНК СССР утвердили представленную ОГПУ организационную структуру трудовых поселений в Западной Сибири и Казахстане. Согласно утвержденной структуре в трудпоселениях создаются поселковые и районные (по 10-20 поселковых) комендатуры во главе с комендантом и его помощниками. Все трудпоселенцы объединяются в неуставные артели. Для обслуживания сельхозпроизводства неуставных артелей в районе организуются МТС и МТМ, начальник которой является заместителем начальника районной комендатуры. МТС является хозрасчетной организацией и с артелями заключает договора.

Все руководящие должности в трудпоселениях комплектуются чекистами. «Они являются полными единоначальниками»¹⁴⁴.

Встретившись с большими трудностями организационного и материально-финансового порядка, Политбюро ЦК ВКП(б) в августе 1933 г. внесло существенные изменения в принятое ранее (17 апреля) постановление.

Во-первых, численность выселяемых была сокращена до 550 тыс. человек (вместо первоначальных 2 млн, а после сокращения в мае – 746 тыс.).

Во-вторых, в число выселяемых включались 48 тыс. человек «кулаков», 133,4 тыс. заключенных и 388 тыс. членов их семей.

В-третьих, сумма ассигнований по предложению Молотова была сокращена почти в 10 раз, а удельный вес возвратных сумм возрос с 50% до 70%.

В-четвертых, «саботажники» хлебозаготовок и других хозяйственно-политических кампаний не попали в перечень выселяемых в трудпоселения, так как они уже были выселены в спецпоселки Северного края, Урала, Казахстана, Сибири¹⁴⁵.

Как уже отмечалось, в 1932 г. было выслано 71236 человек, в том числе: на Урал – 10107 человек, в Казахстан – 11590, Сибирь – 5260, Северный край – 3260 человек. В 1933 г. – 268091 человек¹⁴⁶. Несмотря на это, численность спецпереселенцев уменьшилась, что объясняется как большой смертностью (в 1932–1933 гг. умерло 241355 человек), так и побегами спецпереселенцев (за эти же годы бежало 422866 человек). Что касается рождаемости, то она была в семь раз ниже смертности. Были и другие причины убытия спецпереселенцев. В результате этого, несмотря на постоянное пополнение, численность спецпереселенцев сократилась с 1317022 человека на 1 января 1932 г. до 1072546 человек, т.е. на 244476 человек или почти на 20%.

1933 год был одним из самых голодных для спецпереселенцев. С 1 января 1933 г. были в два раза сокращены и без того голодные нормы снабжения, но даже они сплошь и рядом не выдавались. Голод был обычным спутником спецпереселенцев, однако в 1933 г. он приобрел особенно трагический характер. В одной из записок Главного управления лагерей (ГУЛАГа) ОГПУ (июль 1933 г.) констатировалось, что положение спецпереселенцев, в особенности в Уральской области и Северном крае «резко ухудшилось», в пищу употребляются разные несъедобные суррогаты, а также «поедание кошек, собак и трупов павших животных». «На почве голода резко увеличилась заболеваемость и смертность среди спецпереселенцев». Если в 1932 г. умерло больше, чем родилось, в 5 раз, то в 1933 г. – почти в 9 раз. Особенно высока смертность была в спецпоселках голодающих районов. На Севером Кавказе, например, умерло в 20,8 раза больше спецпереселенцев, чем родилось, в Северном Казахстане – в 19,1 раза, на Украине – в 15,7 раза, Средней Волге – в 15,6 раза, на Урале – в 13,1 раза и т.д.¹⁴⁷

Мы не останавливаемся на других вопросах положения выселенных крестьян – спецпереселенцев, – ибо это тема специального исследования.

Таким образом, и во время голода 1932–1933 гг. репрессии продолжались. Но в отличие от 1929–1931 гг., когда, хотя бы на словах, они были направлены против кулачества или отнесенных к ним крестьянских хозяйств, теперь они распространялись на все крестьянство, в том числе и колхозное, целых регионов, не справляющихся с непомерными заготовками или налогами (Украина, Северный Кавказ, Казахстан, Поволжье). Прежние формы репрессий дополнялись новыми; бойкот, занесение на «черные доски» селений, колхозов, сельсоветов и даже районов со всеми вытекающими из этого последствиями (вывоз товаров, прекращение торговли, досрочное взыскание кредитов и налоговых платежей, выселение целых селений). Поскольку к этому времени кулаков в деревне уже не было (по данным Наркомфина, к концу 1930 г. осталось 148 тыс. кулацких семей, а в 1931 г. было раскулачено около 200 тыс. хозяйств), то раскулачивали и выселяли теперь и единоличников, не выполнивших плана сева и хлебозаготовок, и колхозников «саботировавших» хлебозаготовки, и низовых партийно-советских работников, «потакавших саботажникам».

Поскольку ранее установленные признаки кулацких хозяйств на практике уже не работали (так как таких хозяйств уже не было), то, чтобы придать хотя бы видимость законности Политбюро ЦК ВКП(б) 23 марта 1933 г. приняло решение об отнесении к кулацким хозяйствам, «злостно не выполняющие заданных им планов посева и других установленных законом государственных обязательств»¹⁴⁸.

Это значит, что любое хозяйство, не выполнившее государственное задание, могло быть отнесено к кулацким.

И, наконец, 7 августа 1932 г. был принят сталинский закон («закон о пяти колосках»), по которому расстреливали или заключали в концлагерь «расхитителей социалистической собственности» – многие тысячи голодных крестьян уже без различия социального положения.

Как справедливо заметил поэт:

*«В стране под маскою закона
Шло беззаконие в поход».*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период 1928–1933 гг. – один из самых тяжелых и трагических в жизни советской деревни. Он характеризуется широким применением насилия и принуждения, администрирования и репрессий при проведении хозяйственно-политических кампаний (хлебозаготовки, налоги и проч.) и социально-экономических преобразований в деревне.

Этот период можно условно подразделить на три этапа: первый – 1928–1929 гг., второй – 1930–середина 1932 г. и третий – вторая половина 1932–1933 гг.

Для первого этапа характерны свертывание нэпа, переход в широких масштабах к административно-командным методам воздействия на деревню, применение репрессивных мер при проведении хозяйственно-политических кампаний и прежде всего хлебозаготовок 1928–1929 гг. Именно в эти годы по инициативе Сталина при поддержке его ближайшего окружения (Молотова, Кагановича, Микояна, Орджоникидзе и других) вводятся так называемые чрезвычайные меры при проведении хлебозаготовок, взыскании налоговых платежей и т.п.

Политика ограничения эксплуататорских тенденций кулачества, провозглашенная в первые годы Советской власти, перерастает накануне сплошной коллективизации в политику ограничения экономического развития и разорения кулацких и зажиточных слоев деревни (индивидуальное обложение, досрочное взыскание кредитов и налогов) все большее распространение и значение приобретают репрессивные меры (привлечение к судебной ответственности по ст. 61 и 107 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов союзных республик, массовые аресты крестьян, распродажа их хозяйств). Именно в это время секретным циркуляром Наркомюста РСФСР от 5 октября 1929 г. всем прокурорам краев и областей и председателям судов предлагается «усилить меры репрессий вплоть до расстрелов в отношении кулаков и других контрреволюционных элементов, ведущих борьбу против мероприятий Советской власти»¹. В 1929 г. сотни тысяч крестьянских хозяйств были полностью или частично проданы, около 100 тысяч человек были арестованы, тысячи человек расстреляны.

В результате этой политики удельный вес и абсолютная численность кулацких (или отнесенных к кулацким) хозяйств сократилась в полтора раза по сравнению с 1927 годом. Не произошло сколько-нибудь заметных изменений и в удельном весе бедняцко-батрацкой части деревни (сокращение составило 2%) и середняков (рост составил 3,8%).

Второй этап хронологически совпадает с проведением сплошной коллективизации, составной частью и основным методом осуществления которой явилась насильственная экспроприация зажиточной части крестьянства (раскулачивание). Насилие и репрессии в это время достигают своего апогея. Сотни тысяч крестьянских хозяйств были насильственно экспропрированы, около двух миллионов человек сосланы в северные и отдаленные края, обреченные на голодное существование или вымирание.

Кроме того, в одном только 1930 г. почти 300 тысяч крестьян было арестовано и заключено в тюрьмы и концлагеря, около 20 тысяч расстреляно. Такого размаха репрессий не знал даже комбедовский период.

В течение двух с половиной лет (1930–середина 1932 г.) более 12 млн. крестьянских хозяйств были коллективизированы, значительная часть которых оказалась в колхозах в результате государственного принуждения – экономического или административно-репрессивного. То обстоятельство, что весной 1930 г. после опубликования известных документов о перегибах, две трети крестьян вышло из колхозов лишний раз подтверждает это положение. Остались в колхозах в основном те, кому нечего было терять – бедняцко-батрацкая часть деревни. К вышедшим из колхозов продолжали применяться принудительные меры воздействия: не возвращались скот, инвентарь, семена, земля.

Менялись формы принуждения, суть оставалась прежней.

Для третьего этапа (1932–1933 гг.) характерно дальнейшее наращивание репрессивных методов воздействия Советского государства на крестьян.

Начало нового усиления репрессий связано с принятием сталинского драконовского закона от 7 августа 1932 г. При этом применение его толковалось расширительно – привлекались к судебной ответственности не только за хищения социалистической (общественной) собственности – пусть даже мелкой, – но и за другие поступки (выдача зерна в счет общественного питания, продажа или обмен зерна на приобретение для колхоза необходимого инструмента или сбруи, даже за сбор колосков в поле после уборки урожая). Только за первый год его применения было осуждено и приговорено к различным срокам заключения, в том числе и к расстрелу, около 200 тысяч человек.

Учреждение в январе 1933 г. чрезвычайных органов в деревне – политотделов МТС и совхозов продолжало ту же репрессивную политику в деревне. Именно поэтому ЦК и ЦКК ВКП(б) считали важнейшей задачей политотделов изгнание «из колхозов и совхозов, пробравшихся туда антисоветских элементов, в первую очередь, из рядов завхозов, счетоводов, бухгалтеров и кладовщиков», борьбу «за настойчивое, последовательное применение законов Советской власти об административных и карательных (подчеркнуто мною. – Авт.) мерах против организаторов расхищения колхозного и совхозного имущества и саботажа мероприятий партии и правительства по линии сбора семян и сева, уборки и обмолота, выполнения плана хлебозаготовок и мясозаготовок и т.п.»².

Репрессии в отношении руководящего состава и специалистов, а также рядовых колхозников и рабочих совхозов и МТС обезглавили и еще больше ослабили коллективные и государственные хозяйства: посевные площади и поголовье скота сократились и даже численность коллективизированных хозяйств почти не увеличилась. Взаимоотношения политотделов с местными партийными и советскими организациями осложнились.

Все это, – а не «успехи, достигнутые в деле социалистического преобразования сельского хозяйства»³ – явилось основной причиной ликвидации политотделов МТС в 1934 г.

История советской деревни в 1928–1933 гг. показывает, что все сколько-нибудь серьезные преобразования в сельском хозяйстве (и не только в сельском хозяйстве!) или проведение хозяйственно-политических кампаний осуществлялись с помощью принуждения и репрессий. И хотя Сталин на XVI съезде партии (1930 г.) заявлял, что «репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным»⁴, в действительности, было все наоборот.

Тезис об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма был выдвинут Сталиным еще на рубеже 20-х – 30-х годов для обоснования и оправдания массовых репрессий уже в то время и получил свое логическое завершение в 1937 г., когда была провозглашена победа социализма в нашей стране.

В этой связи показателен следующий факт. Летом 1930 г. М.И.Калинин, выступая на Нижне-Волжской краевой партийной конференции, говорил, что в переходный период «классовая борьба неминуемо должна обостряться, по крайней мере, до тех пор пока наступающий социализм в своем движении не достигнет перевала...

Только достигнув решающего этапа в развитии социалистической революции, только преобразовав основную массу индивидуального мелкого крестьянского хозяйства на социалистических началах, – только тогда начнется ускоряющее смягчение, свертывание и замирание классовой борьбы...»⁵. Однако это положение, как противоречившее позиции Сталина, при публикации из стенограммы было вычеркнуто.

Таким образом, в конце 20-х – начале 30-х годов для решения политических, социально-экономических и хозяйственных задач Советская власть широко использовала административно-командные, принудительные и репрессивные методы воздействия на деревню. И даже тогда, когда «победа колхозного строя» была обеспечена, репрессии не прекратились. Как известно, в 1933 г. Политбюро по предложению ОГПУ приняло решение о массовом выселении 2 млн. человек в Сибирь и Казахстан в основном крестьян. И в том, что было выселено «только» около 300 тыс. человек – не было «заслуги» властей, и просто не позволили объективные обстоятельства – не было ни средств, ни возможностей принять такое количество людей.

Одним словом, репрессии и насилие были и оставались важнейшим методом строительства социализма в деревне.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие редактора

- ¹ *Ивницкий Н.А.* Фонд Колхозцентра СССР и РСФСР и его значение для изучения истории колхозного движения в СССР (1927–32 гг.) // Проблемы источниковедения. Вып. 4. М., 1955; История подготовки постановления ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации сельского хозяйства от 5 января 1930 г. // Источниковедение истории советского общества. Вып. 1. М., 1964; О критическом анализе источников по истории начального этапа сплошной коллективизации (осень 1929–весна 1930 г.) // Исторический архив. 1962. № 2; О начальном этапе сплошной коллективизации (осень 1929–весна 1930 г.) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 4; Некоторые вопросы истории коллективизации в СССР // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. Также см. важные подборки документов под редакцией Н.А.Ивницкого: Двадцатипятидесятники-москвичи на колхозной работе (1930 г.) // Исторический архив. 1956. № 1; Двадцатипятидесятники и их роль в коллективизации сельского хозяйства в 1930 г. // Материалы по истории СССР: Документы по истории советского общества. Вып. 1. М., 1955 (совм. с Д.М.Езерской).
- ² Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М., 1972.
- ³ 2 августа 1957 г. Н.А.Ивницкому (как и главному редактору В.И.Шункову и члену редакционной коллегии «Исторического архива» Т.В.Шепелевой) было вынесено партийное взыскание «за безответственное отношение к публикации в журнале “Исторический архив” материалов о партизанском движении». (См.: Постановление ЦК КПСС // Исторический архив. 1992. № 1).
- ⁴ В первую очередь с В.П.Даниловым, М.А.Выцланом и И.Е.Зелениным, «историками-ревизионистами» хрущевской эры, которые, несмотря ни на что, до настоящего времени остаются на переднем фронте историко-аграрных исследований в России.
- ⁵ *Ивницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения коллективизации сельского хозяйства // Проблемы аграрной истории. Ч. 2. Минск, 1978; Ленинский кооперативный план и ликвидация кулачества как класса // Проблемы аграрной истории Советского общества; Материалы научной конференции 9–12 июня 1969 г. М., 1971; От Бюро коммун до Колхозцентра. (Организация руководства колхозами) // Октябрь и советское крестьянство. М., 1977.
- ⁶ *Данилов В.П., Ивницкий Н.А.* (ред.) Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. М., 1989; *Ивницкий Н.А., Макуров В.Г.* (ред.) Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–1931 гг.: Документы и материалы. Петрозаводск, 1991. Николай Алексеевич также является активным участником многотомных международных научных проектов «Трагедия советской деревни в период Великой Отечественной войны. Коллективизация и раскулачивание (1927–1939 гг.)», «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД (1918–1939 гг.)».
- ⁷ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР: опыт, уроки, выводы. М., 1988; Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994; М., 1996.

Глава первая

- ¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее: КПСС в резолюциях...). Т. 4. С. 261.
- ² Там же. С. 299.
- ³ Там же. С. 294.
- ⁴ Там же. Т. 2. С. 88.
- ⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 44.
- ⁶ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 305.
- ⁷ Там же. С. 308.
- ⁸ Там же.
- ⁹ СЗ. 1928. № 69. Ст. 642.
- ¹⁰ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 308.
- ¹¹ Известия ЦК ВКП(б). 1929. № 23–24. С. 20.
- ¹² КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 119.
- ¹³ *Залесский М.Я.* Налоговая политика Советского государства в деревне. М., 1940. С. 74–75.
- ¹⁴ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 317.
- ¹⁵ Центральный Архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее: ЦА ФСБ). Ф. 2. Оп. 6. Д. 577. Л. 542.
- ¹⁶ Там же. Д. 578. Л. 18.
- ¹⁷ Там же. Д. 597. Л. 41–42.
- ¹⁸ СЗ. 1928. № 24. Ст. 212.
- ¹⁹ См.: *Залесский М.Я.* Указ. соч. С. 82.
- ²⁰ *Марьяхин Г.* Налоги в СССР. М., 1959. С. 30, 40; *Залесский М.Я.* Указ. соч. С. 87.

- ²¹ Речь идет о ст. 27, пункт «а» и ст. 28 «Положения о едином сельскохозяйственном налоге». Ст. 27, п. «а» устанавливала в РСФСР 400-рублевый размер доходного крестьянского хозяйства, превышение которого давало право налоговым органам произвольно увеличивать доходность этого хозяйства в пределах от 5 до 25% и тем самым поднимать сумму налога.
- ²² Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 188-189.
- ²³ Там же. С. 189.
- ²⁴ Калинин М.И. Статьи и речи. 1919–1935. М., 1936. С. 342.
- ²⁵ Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 597. Л. 40-41.
- ²⁹ Там же. Оп. 7. Д. 590. Л. 246.
- ³⁰ Там же. Л. 276.
- ³¹ Там же. Д. 741. Л. 140-141.
- ³² Там же. Оп. 6. Д. 577. Л. 543.
- ³³ Там же. Оп. 7. Д. 720. Л. 317.
- ³⁴ Там же. Д. 590. Л. 291.
- ³⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 724. Л. 2-3.
- ³⁶ Там же. Д. 729. Л. 4.
- ³⁷ Там же. Д. 757. Л. 3-4.
- ³⁸ Российский государственный архив экономики (далее: РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 37. Д. 77. Л. 61.
- ³⁹ Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- ⁴⁰ СЗ. 1929. № 10. Ст. 95.
- ⁴¹ Молотов В.М. Выборы в Советы и задачи рабочего класса. Л. 1927. С. 14-15.
- ⁴² Сталин И.В. Соч. Т. 11. М., 1949. С. 10.
- ⁴³ Там же. С. 12.
- ⁴⁴ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 194.
- ⁴⁵ Там же. С. 193, 195.
- ⁴⁶ Там же. С. 197-198.
- ⁴⁷ Там же. С. 199-201.
- ⁴⁸ Там же. № 6. С. 208.
- ⁴⁹ Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 3.
- ⁵⁰ Там же. С. 4.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 214.
- ⁵³ Там же. С. 215.
- ⁵⁴ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 581. Л. 125.
- ⁵⁵ Там же. Д. 579. Л. 306, 308-309.
- ⁵⁶ Там же. Д. 567. Л. 150.
- ⁵⁷ См.: Осколков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1973. С. 134.
- ⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 675. Л. 5, 6.
- ⁵⁹ Осколков Е.Н. Указ. соч. С. 134; Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.). Краснодар, 1972. С. 74.
- ⁶⁰ Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 179.
- ⁶² Там же. С. 180.
- ⁶³ Там же. С. 181.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. С. 182, 184, 186.
- ⁶⁶ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. М., 1989. С. 22-23.
- ⁶⁷ Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 191-192.
- ⁶⁸ Осколков Е.Н. Указ. соч. С. 144.
- ⁶⁹ Кукушкин Ю.С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921–1932 гг.). М., 1968. С. 179; История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 1. М., 1970. С. 544.
- ⁷⁰ Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 46.
- ⁷¹ Там же. С. 46-47.
- ⁷² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999. С. 291.
- ⁷³ Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 119.
- ⁷⁴ Там же. С. 124.
- ⁷⁵ Там же. С. 125-126.

- 76 См.: Ленинский сборник IV. С. 391.
77 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 579. Л. 232.
78 Трагедия советской деревни Т. 1. С. 362-363.
79 Там же. С. 363.
80 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 741. Л. 84-85.
81 Там же. Д. 527. Л. 76-77.
82 Там же. Л. 77.
83 Трагедия советской деревни Т. 1. С. 557.
84 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
85 Там же.
86 Там же.
87 Там же.
88 Там же.
89 Там же.
90 Там же.
91 *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. С. 170.
92 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
93 Там же.
94 Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 617.
95 Партийный архив Ростовского обкома КПСС. Ф. 7. Оп. 1. Д. 860. Л. 130.
96 СУ. 1929. Отд. 1. № 60. Ст. 589; Известия ВУЦИК. 1929. 14 июля.
97 *Мошков Ю.А.* Зерновая проблемма в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства (1929–1932). М., 1966. С. 64.
98 Известия ЦК ВКП(б). 1929. № 23-24. С. 12-14.
99 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
100 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 72-73.
101 Там же. Л. 84.
102 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
103 Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 691-692.
104 Там же. С. 697-698.
105 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
106 Там же.
107 Там же.
108 Там же.
109 Там же.
110 Там же.
111 Там же.
112 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 821. Л. 107-108.
113 Там же. Л. 115.
114 Там же. Л. 215-216.
115 Там же. Л. 215-217.
116 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
117 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 523. Л. 247-249.
118 Там же. Д. 720. Л. 422.
119 Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983. С. 212-213.
120 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
121 Бывший Партийный архив Амурского обкома КПСС. Ф. 5. Оп. 1. Д. 257. Л. 163-164.
122 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 3180. Л. 1-5.
123 Казахстанская правда. 1989. 14 января.
124 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
125 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 682. Л. 317-319.
126 Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 714.
127 Там же. С. 732.
128 ЦА ФСБ. Оп. 6. Д. 567. Л. 563 (1), 563 (2).
129 Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 742.
130 Там же. С. 728.
131 Там же. С. 729.
132 Там же. С. 728-729.
133 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 441. Вып. 1. Л. 72.
134 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
135 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 682. Л. 322.
136 Там же. Д. 329. Л. 189.
137 Московские новости. 1987. 12 июля.

- 138 Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 126-127.
- 139 Там же. С. 127.
- 140 КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 435.
- 141 Документы свидетельствуют. С. 276-277.
- 142 Там же. С. 282.
- 143 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 441. Вып. 1. С. 85.
- 144 Там же. С. 93.
- 145 Там же.
- 146 Там же. С. 52.
- 147 Там же. С. 135.
- 148 КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 49.
- 149 Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 70.
- 150 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 741. Л. 140, 142.
- 151 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 441. Вып. 1. С. 72.
- 152 Там же.
- 153 ГАРФ. Ф. 374. Оп. 9. Д. 398. Л. 195-196.
- 154 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 28. Л. 21.
- 155 Там же. Д. 121. Л. 180.
- 156 ГАРФ. Ф. 1. Д. 2580. Л. 3-11.
- 157 *Гуцин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973. С. 289.
- 158 СЗ. 1930. № 6. Ст. 66.
- 159 *Ивницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.) М., 1972. С. 64.
- 160 Там же. С. 65.
- 161 Там же. С. 69-70.
- 162 Там же. С. 70.

Глава вторая

- 1 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 767. Л. 7.
- 2 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 40. Л. 58-57.
- 3 Там же. Л. 57.
- 4 Там же. Л. 57-56.
- 5 Там же. Л. 54-53.
- 6 Там же.
- 7 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 111-112.
- 8 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС; *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996. С. 43-44.
- 9 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 40. Л. 216.
- 10 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС; *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 45.
- 11 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 40. Л. 231-230.
- 12 КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 72.
- 13 *Сталин И.В.* Соч. Т. 12. С. 170.
- 14 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 78. Л. 40.
- 15 Там же. Л. 40-39.
- 16 Там же. Л. 39.
- 17 Там же. Л. 40-39.
- 18 Там же. Л. 38.
- 19 Там же.
- 20 Там же. Л. 37.
- 21 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 35. Л. 108.
- 22 Там же. Л. 108-109.
- 23 Там же. Л. 110.
- 24 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 78. Л. 53.
- 25 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 35. Л. 117.
- 26 Там же. Л. 116.
- 27 Там же. Л. 117.
- 28 См.: *Ивницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М., 1972. С. 177-184; *Он же.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 62-68; М., 1996. С. 66-73; Исторический архив. 1994. № 4. С. 147-152.
- 29 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 64-65; Исторический архив. 1994. № 4. С. 152-153.
- 30 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 35. Л. 121.

- 31 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 69; Исторический архив. 1994. № 4. С. 152.
- 32 Там же.
- 33 Там же.
- 34 СЗ. 1930. № 9. Ст. 105; Известия. 1930. 2 февраля.
- 35 Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг. Петрозаводск, 1991. С. 22-25.
- 36 *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996. С. 72-73.
- 37 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 38 Там же.
- 39 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 70. Л. 10.
- 40 Там же. Л. 9.
- 41 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 21. Л. 393.
- 42 Там же. Д. 232. Л. 4.
- 43 Там же. Д. 221. Л. 87-89.
- 44 Там же. Д. 219. Л. 20.
- 45 ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 13-14.
- 46 Там же. Л. 15.
- 47 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 840. Л. 9.
- 48 Там же. Л. 10.
- 49 Там же. Л. 11.
- 50 Там же. Л. 15.
- 51 Там же. Д. 337. Л. 12.
- 52 Там же. Л. 12-13.
- 53 Там же. Л. 2.
- 54 Там же. Л. 13.
- 55 Там же. Л. 14.
- 56 Там же. Д. 221. Л. 87.
- 57 Там же. Л. 88.
- 58 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2512. Л. 27.
- 59 Там же. Л. 27-28.
- 60 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 61 Там же.
- 62 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 21. Л. 396.
- 63 Там же. Л. 397.
- 64 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 65 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 21. Л. 396-397.
- 66 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 67 *Ивницкий Н.А.* Указ. соч. С. 121.
- 68 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 840. Л. 18, 27, 60.
- 69 Там же. Д. 504. Л. 17.
- 70 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1798. Л. 57-58; *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 116.
- 71 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 232. Л. 482-483.
- 72 Там же. Д. 213. Л. 12.
- 73 Там же. Д. 232. Л. 466.
- 74 Там же. Д. 168. Л. 64.
- 75 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 76 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 21. Л. 395.
- 77 Там же. Оп. 8. Д. 35. Л. 4.
- 78 Там же. Л. 5.
- 79 ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 17.
- 80 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 219. Л. 7.
- 81 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 57. Д. 13. Л. 34.
- 82 *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 130.
- 83 ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1943. Л. 77.
- 84 *Гуцин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск. 1973. С. 423.
- 85 *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 130.
- 86 ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1943. Л. 17, 79, 82.
- 87 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 88 Там же.
- 89 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 204. Л. 49.
- 90 Там же.
- 91 *Калинин М.И.* На путях сплошной коллективизации. Воронеж, 1930. С. 13.
- 92 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 221. Л. 29.

- 93 Там же. Д. 41. Л. 38-41.
- 94 Там же. Д. 329. Л. 202.
- 95 Там же. Оп. 9. Д. 539. Л. 224-225.
- 96 Там же. Д. 380. Л. 98.
- 97 Там же. Оп. 8. Д. 37. Л. 286, 294, 297.
- 98 Там же. Д. 794. Л. 772.
- 99 Там же. Л. 909.
- 100 Там же. Д. 37. Л. 400; Д. 145. Л. 5.
- 101 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 102 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 55. Л. 151-152.
- 103 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 104 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 56. Л. 305-306.
- 105 *Залесский М.Я.* Налоговая политика Советского государства в деревне. М., 1940. С. 92.
- 106 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 56. Л. 306.
- 107 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 808. Л. 10.
- 108 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС; *Ивеницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 180.
- 109 Там же. С. 180-181.
- 110 Там же. С. 181.
- 111 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 112 Там же.
- 113 ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 4055. Л. 47.
- 114 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 115 Бывший Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (далее: ПАНО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 7. Л. 50-54.
- 116 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 553. Л. 186.
- 117 Там же. Д. 554. Л. 258-259.
- 118 Бывший Партийный архив Куйбышевского обкома КПСС (далее: ПАКО). Ф. 1141. Оп. 3. Д. 40. Л. 57; Д. 39. Л. 11.
- 119 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2513. Ч. 1. Л. 192.
- 120 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 380. Л. 148.
- 121 Там же. Л. 152.
- 122 Там же. Л. 180.
- 123 Бывший Партийный архив Татарского обкома КПСС. Ф. 15. Оп. 12. Д. 15. Л. 7.
- 124 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 75. Д. 27. Л. 1-29.
- 125 РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 1. Д. 3262. Л. 210-209.
- 126 Бывший Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Узбекистана. Ф. 58. Оп. 7. Д. 247. Л. 6-11.
- 127 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 128 Там же.
- 129 Там же.
- 130 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 730. Л. 65, 69.
- 131 Там же. Л. 76-77.
- 132 Там же. Д. 553. Л. 186.
- 133 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 134 *Залесский М.Я.* Указ. соч. С. 96-97.
- 135 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 136 Там же.
- 137 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 380. Л. 195.
- 138 Там же. Л. 33.
- 139 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 808. Л. 10.

Глава третья

- 1 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 590. Л. 434, 469.
- 2 Там же. Оп. 6. Д. 557. Л. 543.
- 3 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 4 Там же.
- 5 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 597. Л. 39, 43.
- 6 Сельскохозяйственная газета. 1929. 4, 13 июля.
- 7 *Ивеницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М., 1972. С. 107-108.
- 8 СУ. 1929. Отд. 1. № 60. Ст. 589.
- 9 *Ивеницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). С. 111.

- 10 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 11 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 681. Л. 178.
- 12 Там же. Л. 179-180.
- 13 Там же. Д. 794. Л. 910-911.
- 14 Там же. Д. 144. Л. 32.
- 15 Там же. Л. 37, 81.
- 16 Там же. Д. 794. Л. 910-911.
- 17 ГАРФ. Ф. 374. Оп. 9. Д. 398. Л. 195-196.
- 18 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 121. Л. 180.
- 19 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 441. Вып. I. С. 72.
- 20 Там же. Вып. II. С. 41.
- 21 СЗ. 1930. № 6. Ст. 66; № 57. Ст. 598.
- 22 См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 321.
- 23 ЦА ФСБ. Оп. 8. Д. 670. Л. 59-60; Справка ОГПУ подробно использована в книге: *Lynne V. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance.* N.Y., 1996. P. 102-115, 135-145, 155-170.
- 24 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 730. Л. 131-132.
- 25 Там же. Л. 36.
- 26 Там же. Л. 42.
- 27 Там же. Д. 701. Л. 676.
- 28 Там же. Д. 730. Л. 42.
- 29 Там же. Д. 701. Л. 449-450.
- 30 Там же. Д. 380. Л. 37.
- 31 Там же. Д. 701. Л. 443.
- 32 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 33 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 679. Л. 40; *Lynne V. Ibid.* P. 136.
- 34 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 578. Л. 18.
- 35 Там же. Д. 581. Л. 74, 76, 125.
- 36 Там же. Оп. 7. Д. 131. Л. 7, 10.
- 37 Там же. Оп. 8. Д. 679. Л. 40.
- 38 Там же. Л. 69.
- 39 *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 252.
- 40 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 679. Л. 50-51.
- 41 Там же. Л. 60.
- 42 *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996. С. 97-98.
- 43 Там же. С. 98.
- 44 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 221. Л. 326.
- 45 Документы свидетельствуют. С. 390-391.
- 46 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 201. Л. 81-82, 88-89, 95.
- 47 Там же. Л. 212.
- 48 *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 152.
- 49 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 675. Л. 10-11.
- 50 Там же. Д. 184. Л. 141, 156.
- 51 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 52 Там же.
- 53 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 204. Л. 39.
- 54 Там же. Д. 38. Л. 2-8.
- 55 Там же. Д. 329. Л. 60-61.
- 56 Там же. Л. 59-60; Д. 38. Л. 125-126.
- 57 Там же. Д. 213. Л. 12.
- 58 *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 157.
- 59 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 60 *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 157.
- 61 Там же. С. 159.
- 62 Там же.
- 63 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 64 Там же.
- 65 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 168. Л. 53.
- 66 *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 158.
- 67 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 219. Л. 40, 41.
- 68 Там же. Л. 153, 290.
- 69 *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 157-158.
- 70 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 679. Л. 82-83; Д. 219. Л. 179.

- 71 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 72 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 232. Л. 262-263.
- 73 Там же. Д. 679. Л. 84-85.
- 74 Там же. Л. 83, 86.
- 75 ГАРФ. Ф. 9114. Оп. 1. Д. 1943. Л. 23; *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 140.
- 76 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 77 Там же.
- 78 *Lynne V.* Ibid. P. 138-139.
- 79 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 730. Л. 109-111, 122, 227, 229, 236, 241.
- 80 Там же. Л. 130-133.
- 81 Там же. Д. 378. Л. 2-8.
- 82 Там же. Д. 380. Л. 183, 185.
- 83 Там же. Л. 9, 12.
- 84 Там же. Д. 701. Л. 680.
- 85 Там же. Д. 544. Л. 2-3.
- 86 Там же. Д. 553. Л. 218-219.
- 87 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 679. Л. 40; Д. 692. Л. 318.
- 88 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 22-23.
- 89 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 90 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 682. Л. 317.
- 91 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 441. Вып. II. С. 72.
- 92 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 682. Л. 317; Д. 679. Л. 71; Оп. 6. Д. 577. Л. 617.
- 93 Там же. Ф. 2. Оп. 8. Д. 682. Л. 318.
- 94 Там же. Д. 679. Л. 67.
- 95 Там же. Оп. 6. Д. 577. Л. 618.
- 96 Там же. Оп. 8. Д. 679. Л. 72.
- 97 Там же. Оп. 6. Д. 577. Л. 618.
- 98 Там же. Оп. 8. Д. 679. Л. 72.
- 99 *Ивницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. С. 246-249.
- 100 *Шарова П.Н.* Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области. М., 1963. С. 156.
- 101 Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 1. С. 517.
- 102 ЦГА Кабардино-Балкарской АССР. Ф. 8. Оп. 1. Д. 302. Л. 4.
- 103 *Ивницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. С. 259.
- 104 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 679. Л. 42-43.
- 105 Бывший ПАНО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 414. Л. 24.
- 106 ГАРФ. Ф. 353. Оп. 16. Д. 8. Л. 43.
- 107 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 679. Л. 40, 44.
- 108 Там же. Оп. 6. Д. 577. Л. 582-583.
- 109 Там же. Оп. 8. Д. 37. Л. 297.
- 110 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 37. Л. 297.
- 111 Там же. Л. 281.
- 112 *Сталин И.В.* Соч. Т. 12. С. 309-310.

Глава четвертая

- 1 *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996. С. 173.
- 2 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 3 *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 177.
- 4 См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 321.
- 5 Партийное строительство. 1931. № 14. С. 52-56.
- 6 Там же. 1932. № 6. С. 71.
- 7 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3016. Л. 1-2.
- 8 Там же. Ф. 85. Оп. 27. Д. 206. Л. 10-12. Частично письмо опубликовано в «Документы свидетельствуют». (С. 470-471).
- 9 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС. Опубликовано в «Документы свидетельствуют». (С. 471-473).
- 10 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 11 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 520. Л. 669.
- 12 Там же. Л. 619.
- 13 Там же. Д. 514. Л. 109.
- 14 Там же. Д. 522. Л. 966.
- 15 *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 321.

- ¹⁶ Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926 – июнь 1941 г.). Ч. 1. Алма-Ата. 1967. С. 573.
- ¹⁷ Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 299.
- ¹⁸ Уиткрофт С., Дэвис Р., Купер Дж. Новые размышления об индустриализации Советского Союза: некоторые предварительные соображения о развитии экономики между 1926 и 1941 гг. // Экон. ист. обозрение. Серия 2. 1986. № 32. С. 283.
- ¹⁹⁻²⁸ Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- ²⁹ Осколков Н.Е. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932–1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д., 1991. С. 24.
- ³⁰ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 51.
- ³¹ Осколков Н.Е. Указ. соч. С. 65.
- ³² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 31.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 904. Л. 11.
- ³⁴⁻³⁹ Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- ⁴⁰ Знамя. 1989. № 3. С. 66-67.
- ⁴¹⁻⁴⁸ Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- ⁴⁹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 300.
- ⁵⁰⁻⁵⁵ Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- ⁵⁶ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 248.
- ⁵⁷ Там же. Д. 520. Л. 703.
- ⁵⁸ Там же. Л. 706-708.
- ⁵⁹ Там же. Д. 514. Л. 183-184.
- ⁶⁰ Там же. Д. 520. Л. 735-736.
- ⁶¹ Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 522. Л. 954.
- ⁶⁴ Там же. Л. 908, 861-862.
- ⁶⁵ Там же. Д. 514. Л. 295, 298.
- ⁶⁶ Там же. Л. 137, 139.
- ⁶⁷ Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926 – июнь 1941 г.). Ч. 1. С. 549.
- ⁶⁸ Там же. С. 547.
- ⁶⁹ СЗ. 1933. № 4. Ст. 25; № 62. Ст. 375.
- ⁷⁰ Залесский М.Я. Указ. соч. С. 101.
- ⁷¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3099. Л. 1-2.
- ⁷² СЗ. 1933. № 38. Ст. 228.
- ⁷³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 8. Д. 85. Л. 42.
- ⁷⁴ Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 212.
- ⁷⁵ Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- ⁷⁶ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 355.
- ⁷⁷ Там же. Л. 293. 10/А-3743 от 3.09.98 г.
- ⁷⁸ Там же. Д. 520. Л. 618; Д. 514. Л. 118-119.
- ⁷⁹ Там же. Д. 514. Л. 112.
- ⁸⁰ Там же. Л. 287.
- ⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 536. С. 7.
- ⁸² Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения. М., 1940. С. 239.
- ⁸³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5324; Голод 1932–1933 годов. М., 1995. С. 43.
- ⁸⁴ Третя конференція КП(б)У. 6-9 липня 1932 р. Стеногр. звіт. Харків, 1932. С. 9-10.
- ⁸⁵ Там же. С. 17.
- ⁸⁶ Сельская жизнь. 1990. 4 августа.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Третя конференція КП(б)У. С. 156.
- ⁸⁹ Там же. С. 117.
- ⁹⁰ Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Київ, 1995. С. 135. 139-140.
- ⁹¹ Там же. С. 98.
- ⁹² Там же. С. 100.
- ⁹³ Там же. С. 101.
- ⁹⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 131.
- ⁹⁵ Голодомор 1932–1933 рр. ... С. 141.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Юность. 1990. № 12. С. 52.
- ⁹⁸ 33-й: голод. Народна книга – меморіал. Київ, 1991. С. 40-41.
- ⁹⁹ Юность. 1990. № 12. С. 52.
- ¹⁰⁰ Голодомор 1932–1933 рр. ... С. 144.

- 101 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 102 33-й: голод. С. 54.
- 103 Там же. С. 54.
- 104 Голодомор 1932–1933 рр. ... С. 34.
- 105 Казахстанская правда. 1989. 17 января.
- 106 История СССР. 1989. № 2. С. 6.
- 107 Казахстанская правда. 1989. 17 января.
- 108 Голодомор 1932–1933 рр. ... С. 127, 123.
- 109 Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 356.
- 110 Голодомор 1932–1933 рр. ... С. 131.
- 111 Там же. С. 115.
- 112 Там же.
- 113 Цит. по: *Осколков Е.Н.* Указ. соч. С. 71.
- 114 Там же. С. 73-74.
- 115 Там же. С. 74.
- 116 Голодомор 1932–1933 рр. ... С. 119.
- 117 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1025. Л. 29.
- 118 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС; Родина. 1992. № 11-12. С. 51-57.
- 119 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3459. Л. 1-7.
- 120 Там же. Ф. 17. Оп. 2. Д. 356. Вып. II. С. 7; *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 231.
- 121 СЗ. 1932. № 62. Ст. 360.
- 122 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 356. Вып. II. С. 41.
- 123 ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 35-37, 104.
- 124 Там же. Д. 522. Л. 767.
- 125 Там же. Л. 838.
- 126 Там же. Д. 514. Л. 185.
- 127 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 536. Вып. II. С. 19-20.
- 128 Там же. С. 19-21, 35.
- 129 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 130-133 Там же.
- 134 *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 202.
- 135 *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 229.
- 136 КПСС в резолюциях... Т. 6. С.
- 137 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 138 Там же.
- 139 XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенограф. отчет. М., 1934. С. 130.
- 140 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 536. Вып. II. С. 36.
- 141 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС; *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 200.
- 142 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 143 Там же.
- 144 Там же; Спецпереселенцы в Западной Сибири 1933–1938. Новосибирск, 1994. С. 25.
- 145 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
- 146 *Земсков В.Н.* «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 4.
- 147 Там же. С. 10-11.
- 148 Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.

Заключение

- ¹ ГАРФ. Ф. 353. Оп. 16. Д. 8. Л. 43.
- ² КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 25.
- ³ Там же. С. 189.
- ⁴ *Сталин И.В.* Соч. Т. 12. С. 309.
- ⁵ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 360. Л. 52.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдурахманов – 122
Авдеенко А. – 263, 289
Айсанов – 206
Алексеев – 266
Алексеев М. – 300
Алексеев Н.Н. – 161, 162, 173, 219, 246
Алексополос – 9
Андреев А.А. – 33, 51, 52, 55, 61, 62, 100, 109, 137, 168, 169, 175
Анцелович Н.М. – 60, 109, 113
Артамонов – 228

Багиров М.Д. – 208
Бадаев А.Е. – 60
Бак С.А. – 71, 131, 137, 159, 161, 175, 176
Балицкий В.А. – 130, 131, 157, 161, 211, 272
Бауман К.Я. – 100-102, 104, 109, 139, 141, 174
Бейк Д.С. – 128
Беленький М.Н. – 100, 101
Бергавинов С.А. – 109, 115
Березенко – 294, 295
Бляхер – 266
Бокий Г.И. – 130
Брюханов Н.П. – 33
Бубнов А.С. – 78
Булава – 266
Буринов – 275
Бурмакин Л. – 26
Бухарин Н.И. – 46, 47, 75-82, 234

Варейкис И.М. – 51, 78, 100, 109, 200, 214, 215, 239, 273, 274
Вейцер И.Я. – 40
Веселый А. – 74
Ветохин – 228
Виноградов Н.А. – 228
Виола Л. – 6, 9, 338-340
Владимирский М.Ф. – 72, 78
Волленберг – 202
Вольф М.М. – 100
Воронович – 253
Воронцов – 138, 151
Ворошилов К.Е. – 58, 206
Востриков – 164
Воякина Н. – 13
Вылцан М.А. – 8, 329

Гамарник Я.Б. – 78, 80, 259
Гарбузов – 228
Герашенко – 292
Говоров Т.Р. – 178
Голованов – 43
Голодед Н.М. – 109
Голощекин Ф.И. – 100, 109, 279
Гольшшина Т. – 13
Грациози А. – 9
Гринько Г.Ф. – 122, 127, 177, 283-285
Грядинский Ф.П. – 51, 276
Гущин Н.Я. – 89, 334, 336

Данилов В.П. – 8, 329, 330
Демченко Н.Н. – 109
Джонсон Р. – 9
Дмитриу – 253
Догиев В. – 206

Дукельский С. – 220
Дуланина – 257
Дэвис Р. – 9, 248, 341

Евдокимов Е.Г. – 109, 116, 128-131, 133, 134, 138, 144, 145, 162, 203
Езерская Д.М. – 329

Жданов А.А. – 127, 168
Жуковский И.Д. – 228
Журавлев – 275

Завьялов – 183
Загуменный С.И. – 37-39
Заковский Л.М. – 161, 183, 209, 210
Залесский М.Я. – 21, 330, 337, 338, 342
Зеленин И.Е. – 122, 208
Земсков В.Н. – 8, 344
Зимин Н.П. – 307
Злобин А.Н. – 37

Иванов В.И. – 51, 61
Ивницкая Е.П. – 7
Ивницкий А.С. – 7, 163
Ивницкий Н.А. – 3-5, 8, 9, 329, 330, 334-344
Израэлит – 163
Икрамов – 122
Ильин – 162, 173, 253
Исаев У.Д. – 298

Кабаков И.Д. – 51, 109, 110, 113, 115
Каганович Л.М. – 29, 53, 127, 201, 208, 223, 239, 242, 252-255, 258-261, 265, 271, 272, 274, 288, 291-293, 310, 321, 324
Калинин М.И. – 11, 25, 26, 74, 78, 127, 158, 242, 327, 331, 337
Калягин – 180
Каминский Г.Н. – 100, 101, 109, 122, 127
Караев Э.М. – 228
Карлсон – 113
Кахиани М.И. – 208
Каценельбоген М.Е. – 100
Каширин – 257
Киров С.М. – 78
Кирпичев – 285
Киселев – 183
Киселев А.С. – 44, 60
Клименко И.Е. – 100, 101
Колотилов Н.Н. – 128
Кондрашин В.В. – 8, 299, 300
Константинов – 266
Косарев А.В. – 259, 261
Косиор С.В. – 40, 78, 100, 109, 115, 174, 188, 223, 251, 252, 265-267, 269-272, 290, 291, 293, 295
Крыленко Н.В. – 55, 109, 115, 116, 222, 308, 311
Кубяк Н.А. – 36
Кудюкина М.М. – 3
Кузнецов – 307
Кузнецов Л.П. – 153
Куйбышев В.В. – 283
Кукушкин Ю.С. – 332
Кульчицкий С.В. – 8, 9, 297
Купер Дж. – 248, 341

Лагуткин – 163
Лебедь Д.З. – 27
Левицкая Е.Г. – 74

Ленин В.И. – 15, 47, 66, 76, 79, 252, 330

Леонов Ф.Г. – 60, 109, 128

Ливензон И.М. – 294

Лисицын – 113

Лобов С.С. – 28

Макаров – 210

Максудов С. – 9

Макуров В.Г. – 330

Мальшев Н. – 26

Мальцев Н.В. – 100

Мамонтов – 278

Маннинг Р. – 9

Марков Н.М. – 28

Маркс К. – 279

Мартин Т. – 9

Марьяхин Г. – 330

Матсон Г.П. – 134

Менжинский В.Р. – 71, 167, 208, 222

Мерль Ш. – 9

Мессинг С.А. – 129, 131, 133, 134, 138, 143, 144, 162

Микоян А.И. – 36, 40, 41, 52-54, 58-63, 78, 185, 250, 259, 324

Мирзоян Л.И. – 277

Мирошников – 257

Мирошников Н. – 257

Молотов В.М. – 14, 29, 32, 35, 36, 54, 57, 59-63, 69, 78, 105, 106, 109, 115, 118, 119, 121, 122, 127, 144, 155, 168, 216, 251-255, 258, 259, 264-269, 271, 273, 274, 276, 277, 284, 285, 291, 296, 305, 308, 310, 313, 319, 320, 324, 331

Молчанов Г.А. – 277

Мошков Ю.А. – 56, 333

Мусабеков Г. – 208

Мусукаев А.Т. – 228

Муравьев А.И. – 122, 143

Муралов М.И. – 109

Назаретян А.М. – 122, 208

Накорякова Е. – 66

Незлобин Н.С. – 13

Николаев А.Я. – 13

Овчинников Г.Ф. – 303, 305, 307, 308

Одинцов С.С. – 109, 113

Ольский Я.К. – 202

Осинцев Г. – 245

Осипов В. – 8

Осколков Е.Н. – 8, 9, 188, 197, 257, 300-302, 331, 332, 341, 343

Орджоникидзе Г.К. – 11, 36, 37, 79, 127, 157, 188, 197, 243, 324

Ошвинцев М.К. – 51

Пашинский А.А. – 307, 308

Певзнер А.М. – 43

Пеннер Д. – 9

Перепечко И.Н. – 66

Петровский Г.И. – 291, 292

Пивоваров И.Н. – 255

Пиляр Р.А. – 161, 167, 205

Пинегин – 43

Плоткин А.А. – 307

Погребинский М.С. – 161

Полбицин Г.Т. – 314

Полуян Я.В. – 128

Попов – 183, 246

Попов В.П. – 8

Постышев П.П. – 62, 78, 79, 169, 245, 252, 258, 271-273, 292, 293, 310, 312, 318
Преображенский Е.А. – 15, 47
Прокофьев Г.Е. – 129, 138
Пузицкий – 214
Пятаков Г.Л. – 83

Разумов М.И. – 128
Рахманов – 208
Реденс С.Ф. – 207, 208
Рудзутак Я.Э. – 75, 77, 175, 245, 252, 258, 267, 310
Рудь П.Г. – 183
Румянцев И.П. – 128
Рыков А.И. – 47, 53, 75-79, 82, 234
Рыскулов Т.Р. – 100, 101, 122, 299

Саванов – 275
Саметов – 203
Сатилбилдин – 203
Смирнов А.П. – 310
Соломон П. – 9
Сотников – 184
Стаднюк И.Ф. – 297
Сталин И.В. – 11, 14, 26, 30, 33, 35-40, 44-47, 50-55, 57-60, 62, 66, 72, 74, 78, 80-82, 100, 105-108, 122, 129, 131, 134, 137, 141, 153, 156-158, 164, 168, 170, 185, 188, 195, 197, 198, 200, 201, 203, 208, 211, 214, 216, 234, 237, 239, 240, 242-245, 248, 250-256, 258, 261, 263-265, 267, 269-274, 276, 277, 279, 289, 290, 293, 296, 298, 301, 303-306, 309, 310, 313-315, 317-320, 324, 327, 328, 331, 332, 335, 338, 339, 341-344
Стороганов – 266
Сырцов С.И. – 32, 33, 37, 50-55, 100, 109, 122, 123, 127, 128

Таниучи Ю. – 9
Тараканов Д. – 26
Тарасенко – 49
Таугер М. – 9, 248
Титов – 275
Толмачев В.П. – 310
Томский М.П. – 47, 75-78, 82, 234
Трепыхалина С. – 13
Трилиссер М.А. – 69
Троцкий Л.Д. – 234
Тулепбаев – 8

Угаров А.И. – 82
Угланов Н.А. – 47, 127
Уиткрофт С. – 9, 248, 341
Ульянова М.И. – 75, 77, 80
Уханов К.В. – 139

Фатура – 207
Федоров – 163
Фейгин В.Г. – 243
Фицпатрик Ш. – 9
Фрумкин М.И. – 27, 46, 47

Хазов – 43
Харрис Дж. – 9
Хатаевич М.М. – 63, 72, 87-89, 100, 109, 113, 138, 164, 169, 264, 267-271, 289, 292
Хлевнюк О.В. – 8, 9

Чернов М.А. – 259, 305
Черноглаз И.М. – 228
Чернявский В.И. – 294, 295
Чубарь В.Я. – 254